ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Выпуск 1

Сборник статей

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
41-71-07

Министерство образования и науки Российской Федерации

«Курганский государственный университет»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сборник статей участников
I Всероссийской научной конференции

Курган, 1-2 февраля 2012 г.

Курган 2012

УДК 811.161.1’1 (082)

ББК 81

Ф 94

Рецензенты: доктор филол. наук, доцент Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева **М.С. Выхрыстюк** канд.филол. наук, доц. Челябинского государственного педагогического университета **О.В. Куныгина**

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Ф 94 Филологические знания на современном этапе: сборник статей участников I Всероссийской научной конференции (Курган, 1-2 февраля 2012 г.). / Отв. ред. И. А. Шушарина. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2012. – 294 с.

В сборник вошли статьи российских ученых, принявших очное или заочное участие в I Всероссийской научной конференции, посвященной проблемам современного состояния филологических знаний. В статьях рассматриваются актуальные вопросы, связанные с изучением языка в синхронии и в диахронии, в когнитивном, лингвокультурологическом, аксиологическом и системном аспектах, обращается внимание на прагматику языкового знания.

Издание адресовано филологам-преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется современным состоянием филологии.

ISBN 978-5-4217-012-0

© Курганский
государственный
университет, 2012
© Авторы статей, 2012

ПОЛЬЗЫ ОТ НАС НИКАКОЙ? РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ ФИЛОЛОГИИ

Е.В. Харченко*

Рынок, во многом определяющий социально-экономическую ситуацию в России, заставляет задумываться представителей разных профессий о своей востребованности. Долгое время отношение к «гуманитариям» формулировалось следующим образом: пользы от них никакой, главное, чтобы вреда не было. До поры до времени такая ситуация устраивала как гуманитариев, занимающихся «чистой» наукой в «башне из слоновой кости», так и народ, бросившийся удовлетворять материально-физиологические потребности.

Сегодня можно отметить бурное развитие таких направлений, как экономика, политология, социология, психология, маркетинг, менеджмент: создаются новые научные направления, школы, активно ведется обучение. В то же время можно отметить резкий спад интереса к филологии (об этом в первую очередь говорит количество абитуриентов, готовых посвятить себя этой специальности), за исключением, правда, обучения иностранным языкам в чисто прагматических целях. В Челябинске по улицам курсирует машина, на заднем стекле которой можно прочитать: «Английский для любых целей», – и номер телефона. Можно долго рассуждать о роли языка в обществе, сетовать на плохую речевую подготовку современных школьников и студентов. Отношение к языку – важный маркер отношения граждан к своей стране. Следовательно, решить эту проблему только в рамках филологии (даже путем реформы орфографии и пунктуации) не представляется возможным.

Неужели филологи не нужны современному обществу? Мы считаем, что роль лингвистики незаслуженно принижается. Если внимательно присмотреться, то очевидной станет филологическая основа экономики, менеджмента, психологии, маркетинга и других модных гуманитарных направлений.

На наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация: сфера бизнеса, насквозь пронизанная языком, речью, общением, оказалась практически вне фокуса внимания лингвистов. Трудно не согласиться с Г. Маутнером, который в статье «Лингвистика и менеджмент: Неосуществленные связи» исследует причины и следствия взаимного отчуждения между миром бизнеса и гуманитарными науками, прежде всего лингвистикой. Автор статьи устанавливает три основные причины этого разрыва: во-первых, представители менеджмента и лингвисты подходят к вопросам языка очень по-разному, что проявляется в со-

[*]**Харченко Елена Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

ответствующих разделах учебников по менеджменту и маркетингу, во-вторых, отношение к языку как к маргинальной для бизнеса сфере знания прямо сказывается на финансировании, что создает препятствие организационного характера для развернутого и полноценного преподавания наук лингвистического цикла в бизнес-школах, в-третьих, отчуждение поддерживается тем, что гуманитарии, и в первую очередь лингвисты, имеют мало личных и профессиональных контактов с миром коммерции. Г. Маутнер пишет о том, что это взаимное отчуждение необходимо преодолевать, так как контакты были бы полезны обеим сторонам. Бизнес может получить от лингвистики профессиональные практические советы, повышающие уровень коммуникации как внутри отдельных корпораций, так и в сфере их внешних связей. С другой стороны, лингвистам не следует игнорировать сферу делового общения хотя бы потому, что она стала на сегодняшний день одной из наиболее распространенных в мире [Маутнер 2007].

В данной статье нам хотелось бы показать, какие сферы современной жизни срочно нуждаются в филологическом вмешательстве.

Первое направление –**город как текст**. На наш взгляд, сегодня нужно изучать не только разговорную речь горожан, но и вывески, объявления, рекламные материалы. Сегодня можно увидеть как орфографические ошибки (остановка «Родничёк», банк предлагает «уча**в**ствовать»), разнообразные речевые недочеты, так и нарочитое нарушение правил на рекламных щитах («Пеши исчо», «ЖЫ-ШЫ как хочешь пиши»). Сомнение вызывают и названия некоторых магазинов, кафе, ресторанов, владельцы которых в погоне за привлекательностью порой забывают о целесообразности. Повсюду в России можно увидеть надписи на английском языке без перевода, причем часто эти сообщения содержат важную информацию о времени работы, акциях и др.

Область особого внимания филологов – **язык и культура**. Язык не только отражает особенности конкретной культуры (национальной, гендерной, возрастной, профессиональной), но и является ее хранителем. Одним из новых направлений является исследование корпоративных культур. Сегодня можно утверждать, что бездумное вмешательство в формирующиеся системы ценностных смыслов как объединения специалистов, так и конкретной организации может разрушительно влиять на личности сотрудников, большинство которых действуют исходя из «социальных архетипов» (К.Касьянова), свойственных носителям русской культуры. Насаждение самых эффективных инокультурных ценностей и моделей речевого поведения разрушает национально-культурные стереотипы и расшатывает мировосприятие отдельной личности, поэтому любая корректировка корпоративной культуры должна базироваться на общечеловеческих и этнокультурных ценностях и начинаться с диагностики, в том числе проводимой средствами и методами психолингвистики.

Опыт исследований в данной области показывает, что вся работа по корректировке корпоративной культуры организации, начиная от диагностики и заканчивая моделированием и внедрением новых образцов, базируется именно на языковом сознании. Изменение только верхних уровней, как правило, приводит к кратковременному результату, который затем отторгается коллективом как искусственный орган, вживляемый в организм.

Корпоративную культуру конкретной организации можно изучать по документам, регламентирующим деятельность сотрудников (например, должностные инструкции, правила внутреннего распорядка), приказам и распоряжениям, объявлениям, корпоративным изданиям, традициям и т.д. Как правило, такая диагностика занимает длительный период времени. В своей работе мы использовали разработанный на базе метода незаконченных предложений тест, который не только выявляет индивидуальные стратегии поведения опрашиваемого сотрудника, но и позволяет диагностировать сложившуюся корпоративную культуру организации в целом [см. подробнее Харченко 2005].

Следующей не менее важной сферой является **изучение профессионального общения**, которое мы рассматриваем как межкультурное взаимодействие, поскольку происходит оно, как правило, между носителями разных корпоративных культур. Под профессиональным общением мы понимаем взаимодействие с целью оптимизации совместной трудовой деятельности носителей разных корпоративных культур. Важным для профессионального общения является то, что хотя бы один из коммуникантов является носителем определенной корпоративной (профессиональной) культуры, что отражается в его языковом сознании. Важным является моделирование профессионального речевого поведения в рамках определенных должностной инструкцией функций. Необходимо изучать взаимодействие профессионала и непрофессионала (в том числе и опосредованное общение – документы, инструкции) для повышения эффективности. Актуально и лингвистическое освоение конфликтов в сфере трудовой деятельности, поскольку пусковым крючком часто становятся так называемые конфликтогены – слова и словосочетания, вызывающие неприятие и агрессию со стороны собеседника («вечно ты…», «никогда ты…» и под.). Недооценена роль филологов в переговорах и модерации при конфликтах.

Введение **безбумажного документооборота** заставляет задуматься об изменениях и в этой области. В настоящее время в документах частных предприятий можно увидеть весь спектр стилистических средств: от давно устаревших речевых оборотов до разговорных выражений.

Невозможно в одной статье охватить все актуальные направления современной филологии. Для нас важно само осознание филологами своей нужности. Вынужденная прагматизация всех научных направлений, особенно гума-

нитарных, приводит к поиску путей применения теоретических знаний. Задача филологов в настоящее время заключается в самоидентификации и определении своих функций в современном обществе. После чего необходимо активнее актуализировать конкретные потребности, а также формировать определенный уровень речевой культуры в обществе.

Список использованной литературы

Маутнер Г. Лингвистика и менеджмент: Неосуществленные связи // Язык и дискурс в экономике и обществе: Перспективы исследований в области межкультурной коммуникации. Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft: Interkulturelle Perspektiven / Hrsg. Doleschal U., Hoffmann E., Tilmann R. – Frankfurt a. M.: Lang, 2007. – 300 S. // Социальныеигуманитарныенауки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн. – информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2008. – № 4. – 196 с. С. 94– 95

Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении // Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.

Харченко Е.В. «Офисный планктон», или особенности современной российской корпоративной культуры// Образ России: извне и изнутри: сборник статей / под ред. Е.Ф. Тарасова (отв.редактор), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской. – Калуга: Издательство «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – С.118– 124.

Харченко Е.В. Особенности изучения языкового сознания носителей корпоративной культуры // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сборник статей/ Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – 296с. – С. 206–217.

Харченко Е.В. Столкновение культур в рамках одной организации // Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – С. 284 – 304.

Харченко Е.В., ШкатоваЛ.А. «Организационная лингвистика»: миф или реальность? // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. Вып. 32. № 17 (155) 2009. – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – С. 90– 95.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАУРАЛЬЕ В СИНХРОННО-ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

Л.А. Глинкина*

Всякая синхрония при ближайшем
рассмотрении сползает в диахронию …
Неслучайно наука нового времени
более склоняется к интегрированному методу,
куда входят: 1. Генеалогическое сравнение;
2. Внутренняя реконструкция;
3. Структурная типология.

[В.Н. Трубачёв. Синхрония,
диахрония –undkeinEnde]

I. Лингвисты Южного Урала и ближнего Зауралья принимают этот научный постулат за исходный при изучении языковой ситуации своего региона в прошлом и настоящем. При *синхронном* подходе объектом исследования оказывается живая устная речь жителей сёл, городов, посёлков, пригородов и даже миллионного мегаполиса. Этот материал изучается методами диалектологии, социолингвистики и социостатистики, стилистики, в частности специфики разговорной речи во всех её проявлениях. Диалекты, полудиалекты, общий жаргон, просторечие, профессионализмы, бытующие в южноуральском и зауральском регионе, рассматриваются в системно-структурном и нормативно-прагматическом, социолингвистическом плане, по возможности получают ретроспективный историко-лингвистический комментарий. Объектом *диахронного* подхода является язык письменных памятников, зафиксированный в текстах, которые хранятся в архивах и краеведческих музеях гг. Челябинска, Кургана, Шадринска, Тобольска. Все исторические фонды южноуральских и зауральских архивов содержат документы не ранее конца XVII в. Основой научной работы южноуральского и зауральского профессионального содружества историков языка являются прежде всего принципы традиционного лингвистического источниковедения. Сегодня оно интегрируется с рядом новых научных парадигм, принятых в смежных науках: в лингвокультурологии, когнитивно-

* **Глинкина Лидия Андреевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

коммуникативной, функционально-структурной лингвистике, текстологии. Отсюда вытекает второй постулат в нашей научной работе: региональные исследования не могут оставаться в стороне от перспективных направлений современного языкознания и должны интегрировать как при синхронном, так и при диахронном изучении языкового материала традиционные методы с теорией и практикой смежных наук.

Третий постулат – опора на обширный региональный материал, представляющий языковой ландшафт одной территории в его исторической динамике.

II. Научное изучение живого языка современных жителей Южного Урала и Зауралья началось лишь в XX веке. Оно связано прежде всего с именами В.П. Бирюкова (1888–1971) и Г.А. Турбина (1917–1993) – филологов-энтузиастов, первых собирателей уральских лексических богатств и первооткрывателей их структурно-системной организации. За этим стояли десятки диалектологических экспедиций, сотни обследованных по академической программе населённых пунктов, поиск в РГАДА исторических сведений о Южном Урале. В итоге Г.А. Турбин составил первую в России областную диалектологическую карту и написал о говорах Южного Урала монографию «Южноуральские говоры» в 3-х частях [Турбин 1979, 1982, 1989]. Он тщательно изучил фонетику южноуральских диалектов, а его последователи-ученики (А.А. Скребнева, Н.Г. Рябов, В.Д. Лютикова) расширили тематику диалектологических исследований, обратившись к морфологии и синтаксису местных говоров. Параллельно в Южном Зауралье шёл сбор диалектного материала Г.Ф. Мясниковым, В.П. Тимофеевым, М.В. Лабзиной – учёными Курганского, Шадринского, Магнитогорского пединститутов.

В последние 20 лет по новой академической программе Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН учёные ЧГПУ О.Р. Семёнова, Г.С. Стругова, Т.Н. Кабанова собирают материал для «Лексического атласа России». При этом анализируются также ассоциативное восприятие современной аудиторией разных слов-понятий и тематических рядов. Впервые лабораторным способом доцент О.Р. Семёнова обследовала структуру звучания слога в спонтанной уральской речи для звуковой хрестоматии Южного Урала.

Талантливый собиратель и оригинальный учёный-лингвист В.П. Тимофеев (1931–2004) создал два уникальных лингвокраеведческих труда: «Диалектный словарь личности», переизданный и значительно дополненный его дочерью, О.В. Тимофеевой в 2010 г. [Тимофеев 2010] и «Фразеология диалектной личности» [Тимофеев 2003].

Обобщая многолетние наблюдения над речью другого «природного лингвиста» – своей матери, тоже шадринской крестьянки, глубокую монографию «Языковая личность и диалект» написала В.Д. Лютикова [Лютикова: 1999].

Сегодня коллеги высоко ценят лингвистическое подвижничество наших первопроходцев, помня мудрый завет В.И. Даля: «Передний заднему мост» [Глинкина 2010: 154–172; Глинкина 2010: 22–26].

Ещё более сложный, многоаспектный объект изучения – устная и письменная речь (язык) областных центров и других больших городов Южного Урала и Зауралья. В нашем регионе эта работа реализуется в ряде научно-практических направлений в зависимости от конкретной целеустановки.

– Это обширный лингвосоциологический опрос студенческой молодёжи путём ассоциативного анкетирования с дальнейшей обработкой базы данных (Е.В. Харченко, ЮУрГУ);

– многолетняя практическая работа по культуре речи с ориентацией на вопросы и запросы населения (Центр культуры речи ЧГПУ), ведение постоянной рубрики в областной газете и регулярные радиобеседы о языке (Л.А. Глинкина, Л.А. Шкатова, Е.И. Голованова);

– интенсивное обучение нормам грамотного делопроизводствачерез вузы, спецкурсы, публикации. В Челябинске этим занимаются Л.А. Шкатова, Л.А. Месеняшина, в Кургане – С.С. Кувалина, И.А. Шушарина, И.В. Щурова;

– изучение в синхронно-диахронном плане профессиональной лексики и просторечия (Л.А. Шкатова, Е.И. Голованова; А.А. Скребнева, Д.А. Звездин);

– сбор материала по молодёжному жаргону и его описание. Самая фундаментальная работа в этом плане – книга «Фильтруй базар: словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска, ок. 31500 слов и устойчивых словосочетаний». Её автор, доцент В.Б. Максимов (1933–1999), собирал материал с 1989 по 1999 год. Изданная коллегами авторская рукопись – это уникальный лингвогеографический памятник своим соотечественникам, интересный лингвистам, социологам, переводчикам, историкам и др. [Максимов 2003].

– Особая лингвистическая область, в которой сплелись в единое целое «вчера» и «сегодня» – это южноуральская и зауральская ономастика (топонимия, антропонимия). Она серьёзно изучалась М.В. Лабзиной, которая не успела выпустить монографию. В основном же – это сфера интересов и разысканий краеведов-любителей, среди которых отметим интересные, практически нужные публикации И.В. Дегтярёва, Н.И. Шувалова, В.В. Поздеева, М.В. Полымских и др.

Современная речь жителей больших городов с их пёстрым социальным составом населения представляет собою амальгаму, сплав литературного языка с его строгими и нестрогими нормами, просторечия, профессиональных и мо-

лодёжных жаргонов, арго. Регионализмы, несомненно, отложились в ономастике; они возможны в так называемой «семейной речи» и скорее всего проявляются в малоизученной сфере интонации и скорости устной речи.

При всей калейдоскопичности и фрагментарности синхронного подхода к региональному языку отметим, что за короткий срок лингвисты края сделали и делают немало в познании и развитии русского языка в условиях современной жизни.

III. Изучение языкового ландшафта Южного Урала и Зауралья в диахронном аспекте – ещё более молодое научное направление лингвокраеведения. Основным научным вектором естественно стало лингвистическое источниковедение. Его главный предмет – собирание и издание древних рукописей с историко-культурным комментарием. Только в крупнейших книгохранилищах России количество сочинений с XI по XVIII век исчисляется от одного миллиона 200 тыс. до двух миллионов единиц. В провинциальных архивах хранятся тысячи неописанных рукописей делового письма, церковного, административного делопроизводства. Именно они и стали объектом внимания вузовских учёных-историков языка, их аспирантов и студентов из Челябинска, Кургана, Тобольска и отчасти Магнитогорска. Всех объединил интерес к подлинному прошлому своего края, непостижимая притягательная сила старинных документов в архивах, загадочная скоропись никем не читанных рукописей. И хотя первые единичные научные исследования по истории языка по разрозненным темам были проведены на основе архивных текстов в 1967 г. (С.Г. Шулежкова), в 1973 г. (А.П. Чередниченко), в 1980 г. (Л.А. Конькова), плановое изучение историко-лингвистических архивных материалов на Южном Урале и в Зауралье началось лишь в 80–90-е годы XX в. Своеобразным путеводителем по историческим фондам ГАЧО оказалась для челябинцев статья А.П. Чередниченко, опубликованная в академическом сборнике [Чередниченко 1973].

Два главных принципа лингвистического источниковедения – в определении информативности (=содержательности) и информационности (внешних признаков) текста. Для межвузовской проблемной группы – это в абсолютном большинстве случаев – тексты трудной для чтения скорописи XVII–XVIII веков. Накопленные умения стали опытом и позволили Н.В. Глухих, В.А. Сивковой, Н.А. Новосёловой создать методические руководства по чтению феноменального русского письма [Скоропись XVIII века 2003] и по выявлению стереотипов деловой письменности [Новосёлова 2006]. Пока прочитано и опубликовано более 100 печатных листов скорописных текстов. На средства четырёх грантов РГНФ и научных центров Урала удалось создать девять выпусков «Челябинской старины», две части книги «Лингвистическое краеведение на Южном Урале» (их составители: Н.В. Глухих, Е.А. Сивкова,

Н.А. Новосёлова, Е.И. Злоказова, Л.А. Глинкина, Е.Н. Сухина (Воронкова), А.Г. Косов, М.В. Биньковская, О.В. Боярская).

Параллельно в Курганском архиве в эти годы с огромным энтузиазмом начала свой «научный подвиг» Р.П. Сысуева. Вышло четыре книги «Курганская старина» с подробными приложениями и словниками (сост. Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина). Дан обзор деловой письменности Южного Зауралья, тщательно обследованы ревизские сказки (Р.П. Сысуева), в аспекте лингвистического источниковедения изучены нормы и варианты в субстантивном склонении (И.А. Шушарина) и порядок слов в предложении (О.В. Владимирова).

В Тобольске в 90-е годы начинающий учёный М.С. Выхрыстюк открыла целые клады «нетронутых» рукописей XVII–XVIII в. Работая в Челябинской проблемной межвузовской лаборатории, она опубликовала четыре книги текстов («Тобольская старина»), и ряд монографий, написала и защитила кандидатскую (1999), а затем докторскую (2008) диссертации. Сегодня М.С. Выхрыстюк возглавляет свою лингвокраеведческую лабораторию и очень продуктивно работает со своими учениками над языковым прошлым Тобольска.

Созданный банк языковых данных по региону позволяет теперь ставить и решать актуальные научные проблемы в аспекте лингвистического источниковедения с учётом археографических и лингвокультурологических аспектов, показательных в информативно-содержательном и информационном планах. Тематика выполненных на местном архивном материале 19 диссертационном исследований раскрывает прежде всего системно-структурное своеобразие делового языка: его графику, орфографию письма (Е.А. Сивкова), грамматическую специфику именного склонения (И.А. Шушарина), коммуникативно-обусловленное функционирование местоимений (Т.С. Калмыкова), лексических и фразеологических предлогов (М.В. Биньковская), страдательных причастий (Н.А. Новосёлова), структуру сложноподчинённого предложения (А.П. Чередниченко), систему форм именного и глагольного сказуемого (Л.А. Конькова), субъектно-объектные связи (Ю.А. Матаева), атрибутивность (О.В. Боярская).

Сочетание методики лингвистического источниковедения и новых научных парадигм показало продуктивность такой интеграции. Так, две монографии и докторская диссертация Н.В. Глухих, посвящённые деловому эпистолярному тексту конца XVIII – начала XIX в. по скорописным архивным материалам Южного Урала, выполнены в аспекте исторической стилистики. Соединение источниковедческого подхода с лингвокультурологическим и структурно-коммуникативным позволило А.А. Мироновой в докторской диссертации «Русская реклама в аспекте диахронической стилистики» выйти на новый уровень понимания глубинных исконных корней русской рекламы [Миронова 2007, 2009].

За последние десятилетия по местным архивным материалам было опубликовано девять монографий южноуральских учёных: А.П. Чередниченко, Е.А. Сивковой, Н.В. Глухих (2), А.А. Мироновой (2), Ю.А. Матаевой, О.В. Боярской, Е.Н. Сухиной (Воронковой).

Особо следует сказать об исследовании церковных фондов в наших архивах. В кандидатской диссертации и монографии Е.Н. Воронковой (Сухиной) соединены методика лингвистического источниковедения и архивистики, что позволило достоверно описать специфику языковой картины мира южноуральских раскольников в XVIII века. Генеалогический поиск своих фамильных корней привёл Н.В. Статину к основательному и пока единственному в общероссийском масштабе описанию комплекса церковно-регистрационных документов (клировые ведомости, исповедальные росписи, метрические, обыскные книги) одного зауральского церковного прихода с. Белоярка. Автор доказал, что эти источники отражают достаточно полно и достоверно историю, быт, культуру края в их динамике. Глубокий анализ ревизских сказок, хранящихся в Курганском и Оренбургском архивах, позволил Р.П. Сысуевой создать монографию, которая станет базой для дальнейших региональных исследований. К церковному циклу относятся и публикации духовных стихов на Южном Урале с комментариями проф. С.Г. Шулежковой, а также изданные в трёх томах церковно-приходские летописи XIX в. Миасского завода под ред. А.А. Мироновой, рассматриваемые как хроника жизни уральского города.

Материалы по деловой письменности и ряду неделовых опубликованных нами текстов получили одобрение в ИРЯ и ИЛИ РАН [Лингвистическое источниковедение 2004–2005: 420–425], а также в обзорной монографии по деловому языку О.В. Никитина [Никитин 2004: 9-10]. Публикация южноуральских и зауральских текстов расширила географические контуры языкового материала в академическом словаре языка XVIII в. [Сл. яз. XVIII в. 2009: 4].

Теоретические и практические пути и перспективы дальнейшего развития лингвокраеведения на Южном Урале и в Зауралье обсуждались на конференциях и в специальных сборниках статей.

Основательное знакомство с историко-лингвистической литературой показало, что исследователи нуждаются в создании Библиографического указателя специальной литературы, изданной после 1975 г. Рабочий вариант книги выполнен и опубликован в качестве пробного под ред. О.В. Боярской, но должен получить продолжение после первой апробации.

Теоретическое осмысление современного и исторического регионального лингвистического материала увязывается со всеми глобальными проблемами русского языкознания нашего времени:

– с созданием цельной концепции эволюции деловой письменности в центре и на окраинах, её общегосударственной узуальной нормализации,

– с формированием диахронической стилистики;

– с интеграцией смежных наук в развитии исторической русистики;

– с дальнейшим упрочением содружества в региональном лингвистическом источниковедении «синхронии, диахронии undkeinEnde…»

В краткой статье названы конкретные результаты коллективной работы, которая по глубокому убеждению её исполнителей имеет научное и общекультурное значение, а потому остро нуждается в государственной финансовой поддержке.

Список использованной литературы

Глинкина Л.А. Идиолект «природных лингвистов» в диалектных словарях языковой личности / Л.А. Глинкина // Виноградовские чтения – 2010: мат-лы Всерос. с международ. участием науч.-практ. конф. 14-15 октября 2010 г. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. – С. 23-26.

Глинкина Л.А. У истоков южноуральского и зауральского лингвокраеведения / Л.А. Глинкиной // Уральские Бирюковские чтения: Культура и образование в регионах: история и современность: мат-лы всерос. науч.-практ. конф., 21-22 сентября 2010 г. / под ред. В.В. Латюшина. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 164-173.

Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005): сб. ст. / отв. ред. А.М. Молдован, А.А. Плетнева. – М.: Изд-во «Древлехранилище», 2006. – 432 с.

Лютикова В.Д. Языковая личность и диалект. Монография / В.Д. Лютикова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. – 188 с.

Максимов Б.В. Фильтруй базар. Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Около 3500 слов и устойчивых словосочетаний / подгот. рукописи к изданию и вступ. ст. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – 506 с.

Миронова А.А. Объявление есть двигатель торговли: монография / А.А. Миронова. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2007. – 296 с.

Миронова А.А. Реклама в справочных изданиях XIX – начала XX вв.: историко-лингвистический аспект: монография / А.А. Миронова. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2009. – 250 с.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки / О.В. Никитин. – М.: Флинта: Наука, 2004. –265 с.

Новосёлова Н.А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале. Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 176 с.

Русский язык и русская культура. 100 очерков и бесед на радио / под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 478 с.

Скоропись XVIII века: учеб. пособ. / сост. Н.В. Глухих, Н.А. Новосёлова, Е.А. Сивкова; под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2003. – 106 с.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности: около 11500 слов / В.П. Тимофеев, О.В. Тимофеева. – Изд. 2., доп. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2010.

Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности / В.П. Тимофеев. – Шадринск, 2003. – 176 с.

Турбин Г.А. Южноуральские говоры / Г.А. Турбин. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1979. – Вып. 1.; – 1982. – Вып. 2; 1989. – Вып. 3.

Чередниченко А.П. Памятники деловой письменности XVIII в. в Челябинском областном архиве / А.П. Чередниченко // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. – М.: Наука, 1973. – С. 279-287.

УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА ДОКУМЕНТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО ДАННЫМ АРХИВА г. ТОБОЛЬСКА)

М.С. Выхрыстюк*

Исследование памятников письменности XVIII в., хранящихся в архивах разных регионов страны, имеет огромное значение для создания объективной картины состояния и уровня нормирования языка в столице и на периферии в период формирования русской нации. Они отражают различные сферы человеческой деятельности, от общегосударственных до частно-бытовых, расширяют знания по истории города и края.

Тобольск в XVIII в. был столицей огромной губернии, центром науки, культуры, торговли. Памятники письменности бывшей столицы характеризуются тем, что они создавались в период культурного расцвета города. Они мало изучены, хотя могли бы значительно расширить и углубить базу лингвистического исследования на разном языковом уровне.

На хранении в Тобольском архиве ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» находятся документы, отражающие деятельность Тобольской духовной консистории (Фонд И 156) г. Тобольска и Тобольской губернии XVII – XIX вв. Рукописные памятники отражают процесс становления жанрово-стилистической системы делового языка как ведущего звена русского литературного языка периода формирования русской нации.

Формы этикета, в том числе и речевого, возникали и развивались исторически, поэтому закономерен интерес к истории русского речевого этикета, в том числе этикета деловых бумаг отдалённой от российского центра территории, каким являлся г. Тобольск. Способ оформления той или иной разновидности актовых источников, складывавшийся на протяжении длительного времени, определяется различными факторами, в том числе его содержанием и целевой установкой. Писец при составлении документа отбирает из того набора устойчивых формул и клише, которыми он располагает, те, которые в наибольшей степени, могут способствовать решению поставленных задач. Поэтому те или иные варианты в структуре документа являются показательными и отражают устремления автора. Так, писец, имея своей целью добиться выполнения заявленной просьбы, при составлении документа ставит задачей воздействовать на чувства того лица, к кото-

* **Выхрыстюк Маргарита Степановна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева.

рому он обращается с жалобой и просьбой, поэтому эмоциональная задача автора находит свое выражение и в самой структуре документа.

В других же текстах, содержащих всякого рода прошения, часть с описанием обстоятельств дела может отсутствовать. Это, видимо, обусловлено тем, что основная цель автора – добиться выполнения своей просьбы, поэтому просительная часть документа становится центральной. Кроме того, может не быть необходимости в подробном изложении обстоятельств дела. Сама ситуация, должно быть, уже известна адресату, поэтому автор после начального протокола непосредственно приступает к содержанию своей просьбы. Например, прошение архиерейского хлебника Ивашки Лаврентьева архиепископу Афанасию о выдаче денежного жалования выглядит так: «*Гсдрю преосщенному и первопрестолному Афанасию архиепскпу Колмогорскому и Важескому бьет челом твой архиерейской домовой хлѣбник Ивашко Лаврентьивъ. Млствый гсдрь преосщенный и первопрестолный Афонасий архиепскпъ Колмогорский и Важской пожалуй меня сироту своего вели гсдрь мнѣ выдать из своей архиерейской казны денежное жалованье. Гсдрь свѣтитель смилуйся*» (И 156-21-140).

Автор, как видим, считает, что факт нахождения его на службе и учиненный оклад уже известны адресату и поэтому не видит необходимости сообщать ему об этом. В других же случаях, когда авторы считают нужным указать на это, они вносят соответствующие пояснения в начальный протокол, что избавляет их от необходимости оформления казусного раздела. Так оформлено прошение архиепископу Афанасию с просьбой о выдаче хлебного и денежного жалованья: «*Гсдрю преосщенному Афанасию архиепіскопу Холмогорскому и Важескому бьютъ челом стаго дому твоего архиерейского работники цркви... дьячекъ Андрюшка Еремного хѣенной службы Оска Артемевъ Васка Гаврилов кузнецъ Ивашко Гвоздарев, конюхи которые в окладном хлѣбном жалованьи. Млстивый гсдрь преосщенный Афанасий архиепскпъ Холмогорский и Важеский пожалуй нас работников своих вели гсдрь выдат нам свое архиерейское хлѣбное тако ж и денежное кому из нас не давало жаловане. Гсдрь пресщенный архиепскпъ смилуйся*» (И 156-21-142). В данном примере зачин представляет собой сложноподчиненное предложение (что совсем не свойственно документам данного вида), где придаточное «которые в окладном хлѣбном жалованъи» содержит необходимые сведения. В другом документе, в челобитной архиепископу Афанасию от подьячих с просьбой о хлебном жалованьи, начальный протокол расширен за счет введения причастного оборота: «*Гсдрю преосщенному Афанасию архиепскопу Тоболскому и Тюменскому бьют челом бгмолцы твои стаго дому твоего архиерейского вновь рукоположенные тобою гсдремъ подьяки Федка Замошкин Ивашко Матигоров Ивашко Протопопов Ивашко Попов Млстивый гсдрь преосщенный Афанасий архиепскпъ Тоболский и Тюмен-*

ский пожалуй нас бгомолцевъ твоихъ блговоли гсдрь учинить нам окладное свое архиерейское хлѣбное жалованье... Гсдрь стль смилуйся» (И156-31-123 об.). Причастный оборот несет в себе ту информацию, которую необходимо сообщить писцам и которая должна бы содержаться в казусной части. Сравним с традиционно оформленным для того времени документом: «*Гсдрю преосщенному Афанасию ахиепскпу Тоболскому и Тюменскому бьет челомъ сирота твой стаго твоего дому, конюх Афонка Лукин сынь. В нн҃шнем гсдрь въ ... году по твоему архиерейскому указу велено мн҃ быть в твоемъ архиерейском дом҃ конюхом а окладу денежного не учинено. Млстивый гсдрь преосщенный Аванасий архиепскпъ Тоболский и Тюменский пожалуй меня сироту своего вели гсдрь учинит мн҃ сирот҃ окладъ своего архиерейского денежного и хл҃бного жалованя. Гсдрь свтль смилуйся*» (И 156-19-14).

В некоторых документах конкретизация дается уже в начальном императиве. Так, в указе Тобльского митрополита Варлаама сыну боярскому Нехорошему Гаврилову об отводе боярскому сыну Якову Ракову поместья из оклада умершего отца его и о выделе оного из участков братьев его Пиная и Ивана Раковых формулы с условным наклонением выглядят так: «*И вам бы его пожаловати, изъ отца его поместья съ братьею съ его Пинаемь да съ Иваном указ учинити…*» (И 156-28-50). Далее читаем: «*И, мы Якуша Ракова пожаловали, изъ отца его поместья въ усадище ему дали треть, обжу, а Пинаю да Ивану дв҃ доли, дв҃ обжи...*» (И 156-21-148). Здесь же излагается по сути содержание указа - кому какая доля предназначается. И в следующей за тем формуле «*…как къ теб҃ ся наша грамота придетъ*» дается конкретное указание тому лицу, которому адресована грамота, что ему необходимо сделать относительно этого вопроса: «*... И ты бъ отд҃лилъ тому Якушу Ракову изъ отца его поместья, у братьи его у Пиная да у Ивана усадище обжу…»* (И 156-21-140).

В ряде документов используется еще одна формула, по своей функции удостоверяющая, которая подтверждает достоверность, или точнее, приемлемость полученной информации. Находится она после подробного пересказа изложения полученной жалобы или просьбы и начинается словами: «*И будетъ такъ, какъ нам билъ челомъ…*», после чего следует перечисление высказанных основных положений в сочетании с глаголом «будет». Так с жалобой обращался архимандрит Феодосий с братьею, где он писал о том, что приказчик Семен Губарев хотел вывозить крестьян из деревень монастырской вотчины в деревню Давдково: «*А сказывають де из Давыдковского села крестьяне, что т҃ крестьяне, которые въ сей нашей грамоте имяны писаны, села Давыдкова старожилцы. А т҃ де ис села Давыдкова и деревни за монастырь досталися съ т҃ми крестьяны…».* И далее 1. «*И будет такъ, какъ намь Спасского монастеря архимандритъ Феодосей съ братьею билъ челом. 2. и т҃ будетъ крестьяне*

въ монастырскихь селехъ и въ деревняхь старожилцы, и за монастарь будетъ Давыдковѣ тѣ села и деревни съ тѣми крестьяны, а въ селѣ будетъ Давыдковѣ тѣ крестьяне не живали» (И 156-21-140).

Указание определено следующим образом: «*И какъ кь тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ про тѣхь крестьянъ обыскалъ тутошными и сторонних волостей игумены к попы и дьяконы…: тѣ крестьяне преже сего въ селѣ Давыдковѣ живали ли, и будетъ живали, и сколко давно вышли… Да кто что про тѣхь людей крестьянъ въ обыску скажетъ и ты бъ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣль написати...*» (И 156-21-140).

В спорных же вопросах формула «*и будет так*» выражает позиций администрации, чью сторону она признает правой, а чьи действия считает заслуживающими осуждения. Так, в царской грамоте Тюменскому воеводе Федору Акинфову говорится о несправедливом осуждении Матюшки Карпова и содержится отрицательная оценка действий воеводы: «*И будетъ такъ какъ намъ Матюшка Карповъ билъ челомъ, а вы будетъ, по нашей грамотѣ и по его Матюшкину извѣту... безъ нашего указу того Матюшку пытали и въ тюрьму посадили и вы то делаете негораздо, что такъ дѣлаете не по нашему указу*» (И 156-21-148). Названные выше формулы могут варьироваться в структуре документа. Формула «*и будет так, как нам ... били челом*» в некоторых случаях выражает определеного рода условие, на основе которого в дальнейшем ведется распоряжение. В царском указе воеводе князю Вяземскому об отводе Верхотурским торговым людям угодьев по реке Сосьве отдельно от Вогулич, так как «*Вогуличи Косною рекою плохо сами владеют, отдают покосы в наем*», говорится: «*И будетъ такъ какъ намъ Верхотурского города новые жилецкие люди били челом, а у Вагуличь будетъ опричь тѣ рѣки Сосвы есть иные угодья, и вы бъ тѣмъ Верхотурскимъ новымъ жилецкимь людемъ... всякими угодьи велѣли владѣти, а будетъ у Вагуличъ, опричь тѣ рѣки иныхъ угодныхъ такихъ мѣстъ нѣтъ, и вы бъ Вагуличамъ съ Верхотурскими съ торговыми людми .... по той рѣкѣ по Сосве ... всякие угодья поделили, какъ будет доведетца…*» (И 156-21-148). Таким образом, данная формула используется с целью сообщания условий, определяющих дальнейшие указания.

Условия могут оговариваться и несколько иначе, не только в рамках названной формулы, они могут входить и в состав формулы последующей, что находим, например, в царском указе воеводе князю Вяземскому по поводу тех же Верхотурских торговых людей, посланных на Верхотурье на житье, данная формула представлена в следующем виде: «*И будетъ такъ, какъ намъ Илейка да Васка били челомъ, а дворы будетъ у нихъ не устроены*» (И 156-21-140). После чего следует традиционная формула, содержащая указания: «*И какъ къ*

вамь ся наша грамота придетъ, и вы бъ Верхотурскимъ жилцомъ Илѣйкѣ и Васкѣ дали срокъ, покатое ста они на Верхотурье дворы себѣ устроять…» (И 156-21-140). Но затем оговариваются новые условия и даются соответствующие им новые указания: «*...а какъ дворы устроить, и вы бъ велѣли имь жены свои и дѣти привезти на Верхотурье со всѣми животы, а вакъ Илейка и Васка по женъ поѣдутъ, и вы бъ имъ дали до Вятки подводу*» (И 156-21-140).

С целью выявления причин, обусловливающих наличие тех или иных вариантов формул в составе документа, мы рассмотрели оформление просительной части прошений, где содержится их большое количество.

Проведенные наблюдения показывают, что выбор автором той или иной формулы, внесение каких-либо изменений и дополнений обусловлено стремлением автора добиться поставленной цели. В прошениях просьба о снисхождении и милосердии приводит к использованию определений *«милостивый», «милосердный»* и др., а также наряду с традиционными *«пожалуй меня»* ряд других: *«смилуйтесь», «умилосердитесь»* и т. п., а также обусловливает введение дополнительных формул *«возри на наши слезы милостиво», «по своему милостивому рассмотрению»* и др., что усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата и способствует достижению цели.

Спецификой документов разных жанров определяется и устойчивость формул, их частотность и возможность варьирования. Помимо этого, существенную роль играет социальный фактор (социальный статус адресата и адресанта), а также чисто психологический момент, связанный с целевой установкой автора. Значительным фактором, проявляющимся в документах всех разновидностей, является и юридический (нормативный).

Анализ формул начального, конечного и среднего блоков позволяет сделать вывод о сложном характере языка документов, включающих в себя переплетение строгих канцелярских штампов, элементов высокой книжности, стилистически сниженной народно-разговорной речи на нейтральной стилистически немаркированной языковой основе. Наиболее выдержаны зачин и концовка скорописных документов. В своей структуре и имеют регулярно повторяющиеся формулы. Степень их варьирования незначительна. Варианты речевых формул по видам текстов и внутри видов находились в зависимости от жанра документа и его содержания, а также от целевой установки и некоторых других факторов.

Особое место занимают и индивидуально-авторские новации, вплоть до употребления народно-разговорных выражений, в том числе и в составе прямой речи. Индивидуально-авторские «вольности» были, однако, ограничены более или мене строгими пределами норм речевого этикета, не допускавшими невежливых форм (даже в отношении третьих лиц в явочных челобитных), не говоря уже об угрозах и бранных словах. Существенным оказывается влияние и заказчика (за-

казчиков) на составление текста документа. Оно проявляется в расширении формул, во введении дополнительных, перестановке частей и других явлениях.

Этикетные формулы XVI – XVII вв. нашли известное продолжение в деловых, а также эпистолярных текстах и последующих столетий. Особенно ярко это проявилось в XVIII в. и первой половине XIX в. В настоящее время в жанрах деловой речи этикетные формулы минимальны, однако они и сейчас необходимы.

Источник

ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Фонд И156 Тобольская духовная консистория.

Список использованной литературы

Новоселова Н.А. Складывание норм русского делового письма / Н.А. Новосёлова // Русский язык для делового общения: сб. науч. тр. – Челябинск: ЧелГУ. – С.16-18.

Глинкина Л.А. О статусе деловой письменности XVIII века в системе русского национального языка / Л.А. Глинкина // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова: тезисы докладов.– М.: Межунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и литературы и др., 1995. – С. 58-60.

ПОСМЕРТНАЯ ПРАВКАПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА

Е. В. Гаева*

«Повторные издания русских писателей нередко отличаются невнимательностью издателей к печатным текстам, установленным при жизни писателя. Иногда дело доходит даже до подправок и подновлений старого текста редакторами, не вникающими в образ мыслей и выражений автора и воображающими ошибки там, где они просто не поняли текста. С большой самоуверенностью и смелостью такие редакторы исправляют авторов, а читатели и не подозревают, что у них в руках вместо перепечатки подлинника – реставрация, произведенная весьма неискусною рукою», – еще в 1907 году писал В.И. Чернышев, неоднократно обращавшийся к теме беспардонной посмертной правки наших писателей-классиков [Чернышев 1907 : 279].

Прошло более ста лет, а ситуация, к сожалению, нисколько не улучшилась. Рассмотрим это на материале произведений Н.С. Лескова.

В отдельных случаях редакторская правка приводит к абсурдности содержания. В частности, таково слово *имя* в отрывке из рассказа «Запечатлен-

* **Гаева Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

ный ангел»: *И что были за во имя разные и Деисусы и нерукотворенный Спас с омоченными власы*, *и преподобные*, *и мученики*, *и апостолы*, *а всего дивнее многоличные иконы с деяниями*, *каковые*, *например*: *Индикт*, *праздники*, *Страшный суд*, *Святцы*, *Соборы*, *Отечество*, *Шестоднев* [..][Лесков 1956 : 4 : 323; Лесков 1989 : 1 : 400; Лесков 1993 : 5 : 225].

Сомнительно, что читатели понимают, при чем здесь лексема *имя* с предлогом *во*. Да ещё обратите внимание, что в тексте появилось два самостоятельных предлога подряд – *за во* (*имя*). Полный абсурд! И ничего удивительного: на самом деле здесь было слово *во́имя* с предлогом *за*: *И что были за воимя разные и Деисусы и Нерукотворенный Спас с омоченными власы*, *и преподобные*, *и мученики*, *и апостолы*, *а всего дивнее многоличные иконы с деяниями*, *каковые*, *например*, *Индикт*: *праздники*, *Страшный Суд*, *Святцы*, *Соборы*, *Отечество*, *Шестоднев* [..] [Лесков 1889 : 1 : 467].

Если б хоть один из составителей прежде, чем править лесковский текст, заглянул в словарь В. И. Даля, то нашёл бы там это необычное слово *во́имя*. И значение его идеально подходит к рассказу: «Образ, икона, изображение святого. *Эту во́имя мамынька выменяла*» [Даль 1994 : 1 : Стб. 564].

Значит, реально предложение в «Запечатленном ангеле» начинается: *«И что были за иконы* (*образа*) *разные…»*, а далее идёт перечисление икон, имевшихся у раскольников; но поскольку в XIX веке не принято было названия заключать в кавычки, то их просто писали с прописной буквы (иногда ещё выделяли другим шрифтом). Следовательно, если приводить в порядок и графику, то далее нужны двоеточие и кавычки при названии каждой иконы: *И что были за воимя разные*: *и «Деисусы» и «Нерукотворенный Спас с омоченными власы»*, *и преподобные*, *и мученики*, *и апостолы*, *а всего дивнее многоличные иконы с деяниями*, *каковые*, *например*, *«Индикт*: *праздники»*, *«Страшный Суд»*, *«Святцы»*, *«Соборы»*, *«Отечество»*, *«Шестоднев»* [..].

Кстати, в прижизненном издании название рассказа напечатано так: *Запечатленный Ангел.* Считаем, что прописная *А* в слове *ангел* – не дань религиозному написанию, а признак того, что здесь дано название иконы, подвергшейся запечатлению («отметке печатью в знак запрета»), поэтому название рассказа должно писаться следующим образом: «Запечатленный “Ангел”».

В ряде случаев посмертная правка приводит к потере дополнительных стилистических нюансов. Например, в прижизненной публикации рассказа «Загон» лексема *аболиционист* («стремящийся к отмене какой-либо меры или к уничтожению существующего закона, обычая и т. п.» [Словарь… 1891 : I : Вып. 1 : Стб. 4]) имеет нетрадиционное написание: *Александр Яковлевич Шкот – сын «старого Шкота»* (*Джемса*), *после которого у Перовского служили Веригин и известный «аболяционист» Журавский*, *– многократно рассказывал*, *какие хло-*

поты перенес его отец, желая научить русских мужиков пахать землю как следует [..] [Лесков : 1893 : 105].

В современных изданиях кавычки сохранились, но несколько искаженный вариант *аболяционист* уже заменен традиционным написанием: *аболиционист*. Вообще-то любое слово, заключённое в кавычки, о чем-то должно сигнализировать. Может, о том, что данная лексема недавно вошла в речь автора и он воспринимает её как нечто чуждое? Да нет. Форма *аболиционист* и раньше встречалась в произведениях Н. С. Лескова и не сопровождалась никакими кавычками: *Княгиня слыхала и про Журавского и про «самоучного мещанина Семенова», которые оба впоследствии получили у нас оригинальную известность: первый как сотрудник Сперанского по изданию законов и потом искреннейший аболиционист, а второй как самоучка-астроном* [Лесков 1889 : 6 : 186 – 187].

В гостях у них бывали только три человека: известный русский аболиционист Дмитрий Петрович Журавский, я и еще оригинальный, с виду совсем похожий на крестьянина человек, которого фамилия была Вигура, но все называли его «Фигура» [Лесков 1889 : 7 : 305].

Получается, что кавычки при слове *аболиционист* в рассказе «Загон» бессмысленны. Да, если не восстановить авторскую форму *аболяционист.* Только в таком варианте кавычки показывают, что подобное написание – не опечатка, а способ передачи лёгкой насмешки автора.

Аналогичная ситуация наблюдается и в воспоминаниях «Загадочный человек». В прижизненной публикации мы видим форму *жандар*: *За сим три месяца заключения Бенни окончились и русские жандары отвезли его на ту самую пограничную с Пруссиею станцию* [..] [Лесков 1889 : 8 : 111].

В посмертных изданиях уже читаем слово *жандарм* [Лесков 1903 : 28 : 98; Лесков 1956 : 3 : 368; Лесков 1989 : 8 : 86; Лесков 2004 : 8 : 91]. Составители, видимо, посчитали форму *жандар* опечаткой, а потому, исходя из контекста, заменили её лексемой *жандарм.*

А вот в «Воительнице» лексема *жандар* сохранилась без изменений:

Высоко они эту короватку, на самом на верху воза над комодой утвердили, но я вскарабкалась и села. Только что ж бы ты думал? Не успела я со двора выехать, как слышу, низок-то подо мною тресь-тресь-тресь.

«Ах, – думаю, – батюшки, ведь это я проваливаюсь!» И с этим словом хотела встать на ноги, да трах – и просунулась. Так верхом как жандар на одной тесемке и сижу [Лексов 1956 : 1 : 212; Лесков 1989 : 5 : 238; Лесков 1993 : 5 : 214; Лесков 2004 : 5 : 379 – 380].

Почему текст «Воительницы» не подвергся изменениям? Да потому что, если знать только содержание этого рассказа, непонятно, с каким *жандаром*

сравнивает себя Домна Платоновна (недаром слово *жандар* в комментариях не поясняется).

Думается, что в воспоминаниях «Загадочный человек» тоже необходимо восстановить авторскую форму. Вообще-то слово *жандар* не является «авторским». Лексема эта встречается, например, в романе Б. М. Маркевича «Бездна» в речи неграмотной бабы (речь лесковской Домны Платоновны также изобилует простонародными элементами):

– И ума не приложить, кормилец, что́ у нас тут деется! Народу понаехало – страсть! Полиция, жандары, видать… И с барчуком с нашим, с Володимером Митричем…

– С Вольдемаром, с моим сыном! – перебил ее барин, – жандармы говоришь ты, привезли? Жандармы!.. [Маркевич 1885 : 8 : 87].

В этом же романе чуть раньше есть прилагательное *жандарский*:

С сотского мигом стащили сапоги, причем он, по собственной уже инициативе, поспешно скинул с себя кафтан и, легкий теперь как птица, неся высоко над головой зажженный огарок и постоянно оборачиваясь на следовавших за ним «жандарского командира и барышню», зашагал вверх по ступеням [Маркевич 1885 : 8 : 72].

В «Словаре русского языка» (1897) слово *жандар* имеет помету «простонар.» [Словарь… 1897 : II : Вып. 1: Стб. 217]. Кстати, в этом же словаре встречается немало производных: *жандарка*, *жандариха* («жена жандарма»), *жандарихин*, *жандаров*, *жандарский.*

Но, невзирая даже на фиксацию лексемы в толковом словаре, в тексте «Загадочного человека» мы наблюдаем правку, хотя нам кажется, что в данном случае включение народной формы *жандар* в авторскую речь опять-таки является способом передачи иронии автора.

И наконец, мы отмечаем просто некорректную передачу авторских слов. Так, в прижизненном издании напечатано:

Игнатий Долинский покушал спелых дынь-дубовок, лег соснуть, встал часа через два с жестокою болью и желудке, а к полуночи умер [Лесков 1889 : 3 : 28].

В издании 1989 года встречаем уже форму не *дынь-дубовок*, а *дынь-дубровок* [Лесков 1989 : 3 : 23] (видимо, по аналогии с лексемой *дубрава*), хотя *дубовка* – это «дыня особой породы, с толстою зеленою корою в трещинах и с белым мясом» [Даль 1994 : 1 : Стб. 1242]. Только в полном собрании сочинений снова появляется правильное написание [Лесков 2004 : 5 : 69].

В рассказе «Несмертельный Голован» также наблюдается необъективная правка: *На низком чердаке жили голландские куры и черный «шпанский» петух, который жил очень долго и считался «колдовской птицей». В нем Голован растил петуший камень, который пригоден на множество случаев: на то, чтобы*

счастье приносить, *отнятое государство из неприятельских рук возвращать и старых людей на молодых переделывать. Этот камень зреет семь лет и созревает только тогда*, *когда петух петь перестанет* [Лесков 1989 : 2 : 99].

Описание волшебных качеств петушьего камня заимствовано Лесковым из средневековой медицинской рукописи «Прохладный вертоград»:

2. Тот камень кто при себе носит, *того человека никто не может одолети.*

3. Аще кто его во рте держит, *жажду отдаляет*, *мужа с женою в любви содержит*, *и разведенного мужа с женою в первую любовь совокупит*, *и к плотскому совокуплению добре помогает*, *и отнятое государство из неприятельских рук отвращает* [Русские… 1879 : 161].

Вот только признаки, указывающие на то, что камень «созрел», не совпадают. В современных публикациях мы читаем: «*Этот камень зреет семь лет и созревает только тогда*, *когда петух петь перестанет*» [Лесков 1989 : 2 : 99], а в рукописи «Прохладный вертоград» написано, что петух должен перестать не *петь*, а *пить*: *1. Тот камень бывает найден в желудке валеного петуха*, *коли петух трех лет вален бывает*, *а после валения только бы жил седьмь лет*; *а чем бывает стар*, *тем будет лучше*, *а знать потому*, *как уже в петухе тот камень будет*, *тогда уже петух ничего не станет пить* [!!!], *а величеством бывает с бобово зерно* [Русские… 1879 : 161].

В прижизненном собрании сочинений Николая Семёновича тоже написано, что петух должен перестать *пить* [Лесков 1889 : 2 : 133]. Так почему же в современных изданиях наблюдается правка? Подобное исправление возникло, по-видимому, под влиянием 9-ой главы рассказа, где повествуется о цыганском безголосом (следовательно, который петь не может) петухе: *Цыган и цыганка имели тут большую врачебную практику. У них на одном полозе был привязан за ногу большой безголосый «петух»*, *из которого выходили по утрам камни*, *«двигавшие постельную силу»* [..] [Лесков 1989 : 2 : 123].

Петух Голована и петух цыгана явно сопоставляются, ибо в обоих случаях речь идёт о петушьих камнях и о «постельной силе». Да вот только обилие камней цыганского петуха подчёркивает фальшивость тех лекарственных средств, которые предлагают простодушным покупателям цыган с цыганкой, поскольку истинный петуший камень (один!) зреет в петухе минимум семь лет после того, как этого петуха в три года кастрируют. И в рассказе, как мы видим, настоящий петуший камень зрел только в «колдовской птице» Голована.

В изданиях советского периода наблюдаем правку и по политическим соображениям. В частности, в конце рецепта иерусалимского бальзама, который встречается в романе «Некуда», в изданиях после революции мы обнаружили следующее: [..] *кто его употребит и самиам искуством чудное благодействие*

разумети Будет [Лесков 1956 : 2 : 343; Лесков 1989 : 4 : 311; Лесков 1993 : 1 : 323; Лесков 2004 : 4 : 328].

До революции текст выглядел несколько иначе: [..] *кто его употребит и самиам искуством чудное богодействие разумети Будет»* [Лесков 1889 : 4 : 394].

В данном случае исходную форму *богодействие* в советское время заменили на форму *благодействие* по антирелигиозным соображениям на фоне «отделения церкви от государства». Церковь мы вернули в лоно государства, а правка эта сохранилась в изданиях романа «Некуда» и в наши дни.

В целом можно сказать, что посмертная правка, проведенная в текстах Н. С. Лескова, свидетельствует о том, что люди, готовившие произведения Николая Семеновича к публикации, довольно слабо владели материалом.

Список использованной литературы

Чернышев В.И. Н.А. Некрасов при жизни и по смерти / В.И. Чернышев // Чернышев В.И. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. – М.: Просвещение, 1970.

Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. / Н.С. Лесков.– М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956.

Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 12 т. / Н.С. Лесков. – М.: Правда, 1989.

Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 6 т./ Н.С. Лесков.– М.: Экран, 1993.

Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 10 т. / Н.С. Лесков. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / Репринтное воспроизведение издания 1903-1909 гг., осуществленного под редакцией профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ / В.И. Даль.– М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Ака-демии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1891.

Лесков Н.С. Загон / Н.С. Лесков // Книжки «Недели». 1893. Кн. XI (ноябрь).

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. В 36 т. / Н.С. Лесков. – СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1903.

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. В 30 т. / Н.С. Лексов. – М.: ТЕРРА, 2004. Т. 8.

Маркевич Б.М. Полное собрание сочинений. В 11 т. / Б.М. Маркевич. – М.: Типография (бывшая) А.М. Котомина, 1885.

Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия / сост. В. М. Флоринский. – Казань: Типография Императорского ун-та, 1879 (на обложке 1880).

НА ЗАМЕТКУ НАЧИНАЮЩЕМУ ФИЛОЛОГУ ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ В КНИГАХ О ЯЗЫКЕ

Л.А. Глинкина[*]

1. К началу XXI века в России сложилась парадоксальная ситуация: резко упала общая культура русской речи, о чём с большой тревогой говорит научная

[*]**Глинкина Лидия Андреевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

и культурная общественность, и вместе с тем совершенно очевидно вырос объём научной, научно-популярной и справочной литературы о языке. Учёные отмечают социально обусловленный лексикографический «бум», направленный на фиксацию, осмысление и объяснение номинативного, словообразовательного и ономастического «взрыва» в устной и письменной русской речи. В бурной лавине новой информации особую ценность обретают обобщающие научные исследования и практические руководства специалистов высокого класса. Самый обстоятельный обзор и продуманная типология относительно новых и новейших *словарей* разного типа представлен петербургскими учёными В.А. Козыревым и В.Д. Черняк в учебном пособии для высших учебных заведений «Русская лексикография» [Козырев 2004].

Можно выделить ряд тенденций, проявившихся в словарях последних лет:

- опора на значительный современный языковой материал, в том числе на компьютерный, привлечение данных «корпусной лингвистики»;

- сочетание научно состоятельной узкой дифференцированной информации о языковых единицах с энциклопедическими сведениями о них (происхождение, особенности употребления и др.). Таковы последние издания «Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой», «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Языковые изменения конца XX столетия» Г.Н. Скляревской [Скляревская 2001], «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина [Крысин 2006] и «Большой словарь иностранных слов» А.Ю. Москвина [Москвин 2006].

К толковым словарям нового типа примыкают словари фразеологизмов и крылатых слов. Эти справочные издания охватывают значительный объём образных оборотов и дают максимально полную информацию об их функционировании, истории и этимологии. Таков «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник», составленный А.К. Бирихом, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [Бирих 1998]. Одно из самых полных собраний русских крылатых единиц, образных слов и выражений – это «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка», составленный В.П. Берковым, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой. В нём 5000 единиц. Во втором издании книга вышла под ред. С.Г. Шулежковой [Берков 2008]. Особое место в лингводидактике занимают специализированные филологические *энциклопедии*. В них интегрируется вся новейшая поистине научная информация о языке на нынешнем этапе его развития: о лингвистических понятиях, направлениях научного развития, о лингвистических школах и др. Любой современный лингвист-исследователь начинает работу над новой темой со знакомства со специальной словарной статьёй или статьями из самого авторитетного в последние 20 лет «Лингвистического энциклопедического

словаря» под ред. В.Н. Ярцевой [ЛЭС 1990]. В нём коротко суммируются все существующие знания о предмете, проблемы и библиография по теме.

В издании «Русский язык. Энциклопедия» (главный редактор Ю.Н. Караулов) также удачно сочетаются доступность и подлинная научность, опирающаяся на лучшие традиции в сфере славянского и русского языкознания. Каждая статья снабжена справочным библиографическим и иллюстративным аппаратом. Ценно, что книга, по словам Ю.Н. Караулова, имеет «просветительский и одновременно исследовательский характер, стимулирует читателя к научному поиску» [Караулов 1997: 6]. В этой энциклопедии, не имеющей больших научных расхождений с «Лингвистическим энциклопедическим словарём» под редакцией В.Н. Ярцевой [1990], выделен как основной объект русский язык в его истории. Автор рассказывает ёмко и содержательно о крупных лингвистических школах в языкознании: Московской, Петербургской, Казанской, Харьковской, Пражской, Виноградовской, а также о новых перспективных направлениях и поисках в московской фонологической школе, в этнолингвистическом направлении акад. Н.И. Толстого, в функциональных аспектах исследования языка (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова и др.). Автор знакомит читателя с самыми главными и яркими страницами русского источниковедения (Архангельское евангелие, Остромирово евангелие, Берестяные грамоты, Псалтырь и т.д.).

Значительную познавательную ценность имеет «Энциклопедический словарь юного лингвиста» М.В. Панова [Панов 2006], переизданный через 22 года после первого издания. Этот адресно ориентированный словарь учитывает все новые современные лингвистические теории, активные процессы в сфере культуры речи, в изучении языка писателей. Среди авторов отдельных статей — имена выдающихся современных языковедов: В. В. Виноградова, Е. А. Земской, И. И. Ковтуновой, Л. П. Крысина, А. А. Леонтьева, А. А. Реформатского, Н. И. Толстого, Г. А. Хабургаева и др. Энциклопедия написана для «юного» адресата увлекательно, занимательно и вместе с тем строго научно. К этому же ряду относится «Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык в 2-х т.» [Тихонов 2008].

Большой интерес вызывает оригинальный по жанру и собранному теоретическому материалу «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожиной. Квалифицированный авторский коллектив (35 человек) создал первый в отечественном языкознании полный энциклопедический словарь терминов стилистики (языка, его ресурсов, речи, функциональной стилистики текста, практической, исторической стилистики). Эта книга не только просвещает, но и направляет исследовательскую мысль других авторов. Её содержание служит повышению стилистико-речевой культуры общества.

Названные словари и энциклопедические издания последних лет, несомненно, обогатили русскую лингводидактику.

2. Вместе с тем среди пособий и новой литературы по языку встречаются и такие публикации, которые вызывают у специалистов много нареканий и, больше того, заслуживают сурового осуждения. Учитель и вузовский педагог должны знать их истинную цену. Остановимся на некоторых проявлениях такого квазинаучного «творчества» по русскому языку.

Современный учитель русского языка и литературы профессионально ориентирован прежде всего на учебно-методическую литературу, помогающую ему в рамках стандартизации и подготовки учащихся к ЕГЭ следить за новым в методике, в языкознании и литературоведении. Но его живая душа филолога не может не откликнуться на хорошо изданные книжные новинки с интригующими, рекламно взывающими названиями: «Великая тайна первородного слова», «Тайный код русской речи», «Найден лексический слой начала цивилизации», «Правда о главном секрете русского языка». А над манящими названиями рекламного типа на обложке – золотое тиснение: «Великие открытия XXI века», которое воспринимается как гриф достоверности и ценности книги для общества. Но… если бы это было на самом деле так!.. К сожалению, достижения прогресса сопровождаются расцветом дилетантизма и падением профессионализма. Так характеризует акад. А. А. Зализняк причины рождения непрофессиональной литературы об истоках русского языка, называя её «любительской лингвистикой» [Зализняк 2009]. Речь идёт о заблуждении ряда «пишущих» людей, которым школа и вуз не внушили, что любой язык – саморазвивающееся глубочайшее по содержанию и структуре явление человеческого общества, что он с незапамятных времён развивается по своим собственным законам и не допускает никаких беспочвенных вымыслов. В основе общенаучного принципа лингводидактики лежат следующие главные научные постулаты:

– язык – уникальное исторически развивающееся главное средство общения, или коммуникации;

– он непрерывно изменяется, оставаясь самим собой;

– во всех своих звеньях речь подчиняется законам эволюции;

– любое аномальное явление языка было в прошлом закономерным элементом системы;

– варианты нормы на разных языковых уровнях есть следствие и показатель языкового развития.

Подлинная лингвистика – наука фактов. А задуманный «первооткрывателями» «Анти-Фасмер» – несомненная авантюра. А.А. Зализняк доказательно развенчивает фантазии квазилингвистов (в частности А.Т. Фоменко; таковы и новоявленные первооткрыватели – южноуральские «журналисты-филологи»,

как они себя именуют – Л.П. и В.Л. Писановы), показывая, что в их трудах «нет даже азов исторического языкознания». Предложенная авторами методика поиска истоков человеческой речи выявляет их полную теоретическую безграмотность.

Авторы «раскрытого секрета первородного слова», с которого «началась цивилизация», «по наитию» («с помощью Николая Угодника») назвали его «lo/lot-языком». Добавлением к слову других звуков, произвольной заменой слогов, обратным чтением создавались, якобы, новые и новые слова: например, *радуга – лотука (р – л; д – т; г – к)*, *поросята – полосата, дуга – лотука, Ура! – у реки Ра...* Возмущают самонадеянные манипуляции словами, полный анахронизм измышлений взрослых людей, едва ли державших в руках древние русские книги или скоропись XVIII в., самоуверенность «филологов-журналистов» и неуважительное отношение к подлинной науке, которой самоотверженно служили и служат образованные лингвисты, настоящие учёные… Один из самых талантливых этимологов XX века, акад. О.Н. Трубачёв, сказал о себе и коллегах: «Перед любой инстанцией мы готовы ответить, что ту жизнь, которую мы прожили в науке, мы прожили честно» [Трубачёв 2007].

Акад. А. А. Зализняк предупреждает всех нас, «как опознать любительскую лингвистику». В главном любители похожи друг на друга:

– они допускают любые переходы одного звука в другой, не ссылаясь на хронологию и законы языка (это так похоже на нелепые этимологии В. Тредьяковского: амазонка – омужонка, Норвегия – Наверхия и др.);

– гласные для них «безгласны», они не имеют значения, важны только согласные;

– их любимый приём – обратное прочтение написанного слова (а уж о том, что язык был многие тысячелетия только устным, и читать-то было нечего – нет и речи!);

– любое древнее слово у них восходит к русскому: этот язык был, якобы, первичным на земле и тысячи лет назад (это ли не пустое русофильство?!);

– ни одно из выдуманных слов-перевёртышей или склеенных как на душу придётся не зафиксировано в славянских и древнерусском языках с точным указанием его текстового «паспорта».

Зачем о такой ахинее писать в этой статье?! Педагог – главный проводник истины о слове, и он не имеет права на повторение чужих ошибок, которые тысячекратно умножают преподнесённое в вузе или школе невежественное квазизнание как истину. Это своеобразный призыв к коллегам: «Будьте профессионально бдительны и разборчивы!».

3.Любительские лингвистические издания носят разный характер. Среди них своей достоверностью выделяются труды по лингвокраеведению (напри-

мер, на Южном Урале и в Зауралье: книги В.П. Бирюкова, И.В. Дегтярёва, Н.И. Шувалова, В.В. Поздеева, М.В. Полымских и др.). Эти авторы тщательно собирают материал по архивам, краеведческим музеям и т. д., с уважением относясь к словарям, народным преданиям, легендам и ранним публикациям.

Таков и «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына [Солженицын 1995]. Уникальный материал «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля представляет огромную историко-лингвистическую ценность во все времена и не исключает желания «оживить» его для следующих поколений, что по-своему осуществил А. И. Солженицын. Писатель отобрал из четырёхтомника В. И. Даля и некоторых других авторов несколько тысяч слов, которые ещё можно «реанимировать», хотя в них уже ощутимы следы увядания, устаревания, а потому и произошло сокращение в их употребительности: «Мы всё незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления...», – пишет автор [Солженицын 1995: 3].

4. Особо следует сказать о неоднозначной оценке недавно вышедшего в московском издательстве **однотомном** словаре В.И. Даля [Даль 2006]. Такой объём не может не насторожить: «Толковый словарь живого великорусского языка» подлинного В. И. Даля включает около 200 000 слов, издан в четырёх томах мелким шрифтом. Сокращённый кавалером потомственного ордена В.И. Даля Ю. Максимовым, до одного тома, он, конечно, не может претендовать на тот же уровень этнокультурной информативности, что и подлинник! Достаточно сослаться на некоторые цифры. В первом томе истинного Даля 8 765 слов, в однотомнике – 697. На букву «Д» из 1743 слов взято лишь 100! Книга прекрасно иллюстрирована копиями картин художников-классиков. Трудно сказать, какими принципами руководствовался составитель в отборе слов. Среди толкуемых в однотомнике есть:

а) сохранившиеся до наших дней слова: *артель*, *абракадабра*, *гора*, *сопка*, *курган*, *скала*, *холм* и т. д.;

б) устаревшие или устаревающие: *бердыш*, *гайдук*, *гайдамак*, *хаджа*;

в) к этой группе слов примыкают церковнославянизмы *авва*, *бдение*, *дискос*, *елей*;

г) диалектизмы: *варнак, варначка*;

д) иноязычные слова: *есаул, джигит* и т. д.

Толкование слов взято у В. И. Даля в орфографии XIX в.

В современной лексикографии вариант такого «усечения-дайджеста», выполненного не самим автором, – явление уникальное и едва ли правозаконное. Сам В.И. Даль вряд ли одобрил бы такой эксперимент даже ради красивых и удачных иллюстраций. «Новый вариант» полувекового труда В.И. Даля не передаёт и сотой доли главного достоинства подлинника – создать вместе с ка-

ждым толкуемым словом корневое гнездо и через многообразие семантической, словообразовательной, грамматической, этнокультурологи-ческой и диалектной информации передать народный дух живого великорусского языка, его ментальность, единство и разнообразие восточнославянского речевого узора! В «словаре-дайджесте» разрушены все авторские принципы: Даль «рассыпан», его «обкорнали». В итоге читатель получил случайный отбор слов, усечённые гнёзда, иногда не представляющие для человека XXI века особого интереса, тем более в малопонятном устаревшем орфографическом оформлении. Ярко, красиво изданная книга не оправдывает ожиданий читателя и не расширяет его этнокультурного кругозора. Её можно лишь показать студентам и ученикам как «плод неразумной науки».

5. Другая опасность для вузовской и школьной лингводидактики, однозначно вызывающая неприятие, – это поддельные «шедевры» или сфабрикованные исторические документы. Во второй половине XX века самый яркий пример такой фальсификации связан с так называемой «Велесовой книгой». История её началась ещё в 1953 г., когда эмигрантский журнал «Жар-птица» (Сан-Франциско) объявил о сенсационной находке древнейших буковых «дощьк» V в. до н. э. с русскими текстами. Полковник Белой армии Ф.А. Изенбек вывез их из России в Брюссель, а там передал литератору Ю. Миролюбову. В 1941 г. владелец умер, оставив около 600 фотографий, которые были изъяты властями вместе с дощечками. После войны эта находка была обнаружена, её приписали к памятникам Великого Новгорода IX в. Русские специалисты – историки языка ИРЯ РАН (в частности, Л.П. Жуковская) – доказали совершенно очевидную фальшивую природу «Велесовой книги». Автор, не зная законов развития языка, в частности, славянских языков, при «транскрипции» с фотографий коверкал слова, заменял буквы, смешивал слова из польского, украинского, церковнославянского языков, вставлял языковые штампы XIX и XX вв. Предъявляя миру «открытие века», опубликовавший «находку» писатель А.И. Асов не сослался даже на палеографический анализ – первое, что лежит в основе доказательства подлинности рукописи. Историк В. Е. Изломов в статье «Миражи в облаках исторической пыли» пишет, что отсутствие текстологических, источниковедческих, палеографических и т. д. исследований приводит к выводу о вопиющем непрофессионализме «поддельщика»: «Разбирать исторические завалы «Книги Велеса» и тексты – пояснения к ним – всё равно что чистить авгиевы конюшни» [Изломов 2002: 34]. И снова призыв к самим себе: будем разборчивы и профессионально грамотны в подходе к специальной литературе!

В этом кратком напутствии лишь пунктирно намечены вехи современной проблематики, касающиеся научно-методического оснащения будущего специалиста-филолога в надежде на рост его профессионализма.

Список использованной литературы

Берков В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. В 2 т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова; под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2008. – Т. I. А – М. – 658 с.; Т. 2. Я – М. – 737 с.

Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. – 816 с.

Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание / сост. Ю. Максимов. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. – 348 с.

Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике / А.А. Зализняк // Наука и жизнь. – 2009. – № 1, с. 1–25; № 2, С. 54–62.

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике / А. Зализняк. – М.: Изд-во «Русскій міръ», ОАО «Моск. учебники», 2010. – 239 с.

Изломов В.Е. Миражи в облаках исторической пыли / В.Е. Изломов // Московский журнал. – 2002. – № 7. – С. 30–35.

Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия. – Дрофа, 1997. – 721 с.

Козырев В.А. Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Русская лексикография. – М.: Дрофа, 2004.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ-Технологии, 2003. – 943 с.

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. – М.: Голос, 1995. – 272 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Трубачёв О.Н. Из воспоминаний (посвящается 25-летию начала публикации этимологического словаря славянских языков; 1974 – 1999) / О.Н. Трубачёв // Русский язык в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 287 с.

Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н.Ю. Шведова. – М.: Издательски центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

Энциклопедический словарь-српавочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлёва и др. – М.: Флинта: Наука, 2008.

Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М.В, Панов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 544 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ ОППОЗИЦИЙ В СТРУКТУРЕ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.В. Уланов [*]

Антонимичность – характерная черта русского военного дискурса. О сформированности отношений противопоставленности, полярности говорит большое количество антонимов, функционировавших в русском национальном языке XVIII в., в рамках которого действовала тенденция к поляризации значений. Это привело, с одной стороны к тому, что в военной терминологии были противопоставлены понятия, связанные с военными / невоенными явлениями и предметами, с другой стороны, к тому, что противопоставлению подверглись понятия собственно военного дискурса (например, род войск, порядок несения службы и т. д.) и понятийные области смежных дискурсов.

Исследователи используют термин «бинарно-понятийная оппозиция» [Леглер 2011: 9]. Так, А. А. Леглер, изучая специфику бинарно-понятийной оппозиции «свое – чужое», приходит к выводу, что она является одним из главных принципов «социальной перцепции в лингвокультурологическом, когнитивном, психологическом, философском аспектах, а также в сфере межкультурной коммуникации» [Леглер 2011:9]. Подобным образом можно охарактеризовать понятийные оппозиции и русского военного подъязыка.

В XVIII в. семантической стороне военной лексики уже было присуще такое свойство, как персонифицированность / неперсонифицированность. Так, внутри оппозиции «военный / невоенный», а также «вражеский / союзный» противопоставлялись лексемы со значением 'лицо' и 'предмет' (примеры взяты из источников деловой письменности XVIII в. [1, 2, 6, 7, 10-15]):

«военный / невоенный» (о предмете): *штатная команда – воинская команда, штатские дѣла – воинские дѣла, армейская служба, военная служба, солдатская служба – гражданская служба*.

«военный / невоенный» (о лице): *военный чинъ – гражданский чинъ; воинская особа – гражданская особа; военные* (субст.) – *гражданские* (субст.);

«вражеский / союзный»: *воюющие стороны, непріятель, противникъ – союзникъ; пріятельская земля – непріятельская земля; союзничья земля – нейтральная земля.*

[*]**Уланов Андрей Владимирович** – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского института бизнеса и информационных технологий (г. Омск).

«характер несения службы» (о лице): *регулярные – нерегулярные; регулярный непріятель – нерегулярный непріятель; конные – пешие; конная экзерциція – пѣшая экзерциція; пѣхотный и конный отрядъ.*

Всегда неперсонифицированный характер имели оппозиции: «огнестрельный / неогнестрельный*»: студеное ружье – огненное оружие*; «малый / большой размер*»: большіе / малые гранаты, большие / малые желѣзные ядра*; «государственный / частный*»: ружье казенное / партикулярное*; «состояние войны / состояние мира»: *мирное время – военное время; брань, воина, между усобіе, междуусобная война – перемиріе*.

Всегда персонифицированный характер имела, например, оппозиция «старший / младший (по званию)» (о лице*): оберъ офицеръ – унтеръ офицеръ; генеральский чинъ – нижние (чины), унтеръ-офицерский чинъ*.

В XIX в. структура и состав оппозиций изменяется и дополняется. Сохраняется противопоставленность понятий:

- «конный / пеший» = «пѣхотный / кавалерійский»:

Из городовыхъ казачьихъ полковъ Тобольской губерніи, Тобольскаго и Сибирскаго-татарского войска, образуются: а) ***Пѣшій казачій баталіонъ****, и б)* ***конный казачій полкъ*** [Положение… 1849 :2].

Офицеры регулярныхъ войскъ (...) получаютъ жалованье: в баталіонѣ – по армейскімъ пѣхотнымъ, а въ полку – по армейскимъ кавалерійскимъ окладамъ [Положение… 1849 :2].

- «нижний / высший»:

Въ Тобольскій Пѣшій баталіонъ зачисляются: (...) безсрочно-отпускные нижніе чины Тобольскаго, Тюменскаго и Туринскаго округовъ [Положение… 1849 :2].

В связи с усложнением армейской иерархии, милитаризацией общества, актуализацией военно-теоретической науки, определением многих терминологических основ военного устройства расширяется состав понятийных оппозиций. В русском военном дискурсе функционируют оппозиции, характеризующие армейскую закрепленность жителей (военный, войсковой – невоенный, гражданский), характер их службы, место службы (внешняя / внутренняя), порядок мобилизации (регулярный / нерегулярный).

Каждая словесная оппозиция включает несколько членов, соотносимых синтагматически и парадигматически.

1. Военный – войсковой / гражданскій

Всѣ чины казачьяго сословія, къ составу баталіона или полка принадлежащіе, какъ служащіе, такъ и отставные, за преступленія всякаго рода, судятся ***военнымъ*** *судомъ; женщины же за преступленія, предаются суду уголовному гражданскому* [Положение… 1849 :35].

Исетское войско и нерегулярный корпусъ в ***военномъ*** *отношеніи подчинялись Оренбургскому главному начальству, въ* ***гражданскомъ*** *же – Оренбургской губернской канцеляріи* [Историко-статистический… 1891 : 70].

Для ***гражданскаго управленія*** *учреждено* ***войсковое правленіе****, сосредоточившее въ себе обязанности губернскаго правленія и палатъ: казенной, государственныхъ имуществъ, гражданскаго и уголовнаго суда* [Историко-статистический… 1891 :109].

Языковому сознанию военных свойственна дистанцированность от «гражданской» жизни, противопоставленность «гражданскому» мировоззрению, чем и вызвано большое количество полярных пар лексем в военном дискурсе XIX в.

2. Внешний – полевой / внутренний

Внѣшняяслужба *состоитъ въ исполненіи обязанностей, опрѣделенныхъ § 14 и 15 сего Положенія* [Положение… 1849 :5]. ***Внутренняя служба*** *заключается в исправленіи разныхъ обязанностей по внутреннему управленію баталіона и полка* [Положение… 1849 :11].

3. Регулярный / нерегулярный - иррегулярный

Командиръ Пѣшаго казачьяго баталіона и Командиръ Коннаго Казачьяго полка назначаются изъ штабъ-офицеровъ ***регулярныхъ*** *войскъ* [Положение… 1849 :2].

Офицеры баталіона и полка изъ казачьяго сословія пользуются правами офицеровъ ***иррегулярныхъ*** *войскъ не имѣющихъ сравненія въ чинахъ съ Арміею* [Положение… 1849 :19].

Такого количества ***регулярныхъ*** *и* ***нерегулярныхъ*** *войскъ въ краѣ было вполнѣ достаточно для того назначенія, какое войска эти имѣли* [Историко-статистический… 1891 :81].

Краткая хроника казачьихъ войскъ и ***иррегулярныхъ*** *частей* [Казачьи войска 1912 :9]

4. Действительная служба / льгота

Внѣшняя служба отправляется казаками по очереди, с такимъ разсчетомъ, чтобы каждый изъ служащихъ казаковъ состоялъ одинъ годъ на ***дѣйствительной службе****, а за тѣмъ, не менѣе одного года, находился въ домѣ на* ***льготѣ*** [Положение… 1849 :5].

5. Служащій / безсрочно отпускной

Зачисляемымъ въ баталіонъ (…) нижнимъ чинамъ, служащимъ и безсрочно-отпускнымъ, которые при сформированіи баталіона, должны вступить в строевой его составъ, (…) отпускается (…) полное обмундированіе [Положение… 1849 : 14].

6. Строевой / нестроевой

Нижніе чины, строевые и нестроевые, во время нахожденія на дѣйствительной службѣ, получаютъ от казны жалованье по штатамъ [Положение… 1849 :15].

7. Боевой / холостой

Для практическаго ученія боевые и холостые патроны отпускаются баталіона и полку въ количествѣ, ежегодно опредѣляемомъ [Положение… 1849 : 18].

Оппозиции преимущественно представлены адъективными лексемными парами, однако в XIX в. нередки субстантивные (***Действительная служба / льгота***) и глагольные противопоставления (***определиться / уволиться***).

Актуализируются оппозиции, связанные с

- финансовым обеспечением военнослужащих:

Жалованный / безжалованный

Всѣхъ с нерегулярнымъ корпусомъ было 4493 человѣка; въ томъ числѣ жалованныхъ (т. е. получающихъ отъ казны жалованье и провіантъ) 1413 человѣкъ и безжалованныхъ 3080 человѣкъ [Историко-статистический… 1891 :75].

По количеству получаемого жалованья, казаки дѣлились на ***жалованныхъ*** *и* ***маложалованныхъ*** [Историко-статистический… 1891 :76]. ***Безжалованные*** *же обязаны содѣржать себя на службѣ на свой счетъ* [Историко-статистический… 1891 :77];

- с формированием войсковых соединений:

Комплектъ / сверхъкомплект

Тѣ офицеры, которые будутъ произведены за особое отличіе ***сверхъ комплекта****, поступаютъ в* ***комплектное*** *число, по мѣрѣ убыли равныхъ с ними чиновъ, и младшіе противъ нихъ не повышаются уже въ чины, доколе не откроется вакансія* [Положение… 1849 :31].

Для военно-нормативных документов войсковых соединений характерно употребление оппозиций, связанных с организационной структурой войска, с его военно-учетной деятельностью:

Главный / местный

Управленіе баталіона и полка раздѣляется на ***Главное и Мѣстное*** [Положение… 1849 :21].

Определиться / уволиться

Станичные начальники ***опредѣляются*** *и* ***увольняются*** *по представленію Баталіонного и Полковаго командировъ* [Положение… 1849 :27].

Служащіе / отставные

Имъ подчиняются всѣ офицеры, урядники и казаки, какъ ***служащіе****, такъ и* ***отставные****, въ кругу расположенія роты и сотни находящіеся* [Положение… 1849 :26].

В то же время актуальны и традиционные антонимы, характерные и для предыдущего времени:

Военный / мирный

Что же касается войск: Уральскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго и Сьмиреченскаго, то имѣя сначала опредѣленныя полковыя организаціи, они, въ силу особыхъ условій службы въ періодъ с 1865 по 1875 годъ, утратили ихъ и перешли к сотеннымъ организаціямъ [Казачьи войска 1912 : 5].

Таким образом, понятийные оппозиции русского военного дискурса обладают следующими особенностями:

1. Репрезентанты оппозиций обладают разветвленной структурой. Например, лексема «войсковой», соотносимая с «военный», репрезентирует отношение к военной службе и принадлежность к войску.
2. Оппозиции включают ряд коррелятивных модификаций (внешний, полевой / внутренний).

Проанализировав качественный и количественный состав понятийных оппозиций внутри военного дискурса в диахроническом аспекте, мы пришли к выводу, что их структура качественно и количественно изменяется, причем трансформация касается не только лексемного состава оппозиций, но и семантического наполнения.

Список использованной литературы

Духъ Петра Великаго императора Всероссійскаго и соперника его Карла XII, короля Шведскаго. –СПб., 1798.

Инструкція коннаго полку полковнику съ приложеніемъ формъ и табелей… –СПб., 1780.

Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложеніемъ статьи о домашнѣмъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ. – Оренбургъ, 1891.

Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://runivers.ru.

Леглер А. А. Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «Свои – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: автореф. дис… канд. филол. наук (10.02.19 – теория языка) / А.А. Леглер; рук. работы С.В. Серебрякова. – Ставрополь, 2011. – 28 с.

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. : Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Челябинский педуниверситет, 2000. – 271 с.

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. : Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Челябинский педуниверситет, 2001. – 242 с.

Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи, начатый въ 1797 году. – Репринт. изд. В 2 ч.Ч.2. – СПб., 1992.

Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку.– СПб., 1849.
Словарь Юридическїй, или Сводъ Россійскихъ узаконеній, времянныхъ учрежденій, суда и расправы. –М., 1792.
Справочная книжка для русскихъ офицеровъ. – СПб., 1881.
Указы блаженныя и вѣчнодостоиныя памяти государя імператора Петра Великаго… СПб., 1739.
Указы всепресвѣтлѣйшей… императрицы Екатерины Алексѣевны… –М.,1779.

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛЕКСЕМЫ «САМ» В КОНТЕКСТЕ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПОДХОДА

К.Г. Черемных*

Настоящее сообщение посвящено проблеме частеречной принадлежности лексемы «сам», данный вопрос рассматривается с исторических позиций, в контексте проблемы происхождения самой лексемы. Нами рассматриваются основные точки зрения по данной проблеме, анализируются основные этапы функционально-семантической истории лексемы и формулируются положения о частеречной принадлежности лексемы на основе рассмотренных данных.

Актуальность данной проблемы обусловливается наличием ряда противоречий, связанных с определением частеречной принадлежности лексемы, вытекающих из различий в подходе к интерпретации функционально-семантических свойств, релевантных при решении вопроса о частеречной принадлежности. На наш взгляд, снять эти противоречия возможно лишь через обращение к истории происхождения лесемы «сам».

На данный момент существует несколько точек зрения по вопросу о частеречной принадлежности лексемы «сам». В толковых словарях [Евгеньева 1981-1984 : 15], а также в работах некоторых исследователей [Потебня 1941; Шведова 1999] слово «сам» признаётся исключительно местоимением. Однако существует ряд исследований, вступающих в полемику с данной точкой зрения. Например, А.Б. Шапиро [Шапиро 1950 : 19] называет «сам» частицей, при этом некоторые исследователи относят «сам» к частицам дискурсивным [Кибрик, Богданова 1995 : 28]. И.Г. Голанов отмечает, что в ряде случаев (напр., Ученик решил эту задачу сам) «сам» приближается к наречию [Голанов 1965 :138].

*Черемных Ксения Георгиевна – аспирант кафедры русского языка Челябинского государственного университета. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. Л.А. Месеняшина.

Но особого внимания заслуживает точка зрения болгарского исследователя Г. Тагамлицкой,которая о лексеме «сам» пишет следующее: «…основные значения этого слова – также значения не местоимённые, а либо обстоятельственные, либо служебные. В значении обстоятельственном (при сказуемом) «сам» становится самостоятельным членом предложения. Как слово служебное «сам» членом предложения не является» [Тагамлицкая 1969 : 444]. Г. Тагамлицкая говорит о таких свойствах лексемы «сам», как многозначность и полифункциональность, уточняя при этом, что в том или ином значении лексема «сам» употрябляется, если структура предложения имеет свойства, позволяющие употреблять лексему в том или ином значении. На употребление лексемы в том или ином значении очень важное влияние оказывает и семантика сказуемого. Однако зависимость содержания лексемы от структурного и смыслового контекста далеко не абсолютная, что подтверждается следующим наблюдением исследователя: изъятие из предложения лексемы «сам» и замена его существительным, называющим деятеля, приводит к утрате исходного значения высказывания, которые привносит именно лексема «сам», а, кроме того, иногда изъятие оказывается невозможным [Тагамлицкая 1969 : 437]. Всё это говорит о том, что теми или иными значениями лексема не наполняется, находясь в определённом контексте, напротив, эти значения изначально заложены в ней. При этом их компоненты организованы особым образом. Очень многое для понимания принципа организации компонентов каждого из значений этой лексемы может дать положение, высказанное Л. Д. Чесноковой. Л.Д. Чеснокова о лексеме «сам» пишет: «В том случае, если слово «сам» не субстантивируется, оно сохраняет значение местоимения, наречия и частицы. «Местоимение «сам», которое может выступать в позиции обстоятельства, оторвалось от подлежащего и примкнуло к сказуемому. Однако отрыв от подлежащего не полный: местоимение «сам» продолжает согласовываться с подлежащим по формам рода и числа» [Мигирин 1971]. Поэтому при анализе этого слова следует отмечать его синкретичность» [Чеснокова 2001: 141-142].

Здесь необходимо сделать следующие обобщения. Во-первых, многозначность лексемы «неуловима» (лексема имеет обстоятельственное, местоимённое значение, а также значения, свойственные служебным словам), следствием этого является возникновение такого свойства лексемы, как полифункциональность. Во-вторых, данная лексема может употребляться сразу в нескольких значениях и реализовывать несколько функций. Это свойство может быть признано функционально-семантическим синкретизмом.

Объяснить наличие подобных свойств у лексемы «сам» невозможно, опираясь на явления, происходящие в синхронии. В связи с этим необходимо обра-

титься к процессам, связанным с историей формирования и эволюции рассматриваемой основы.

Начать стоит с рассмотрения её архетипа. Процесс изменения её формы можно представить в виде цепочки видоизменяющихся основ:* sem- → *sēm- →*səm- [Семереньи 2002 : 133] →*som- [Гамкрелидзе, Иванов 1984] →*sōm- →*sam- [Фасмер 1986 :552].

Именно так изменялся исходный архетип. При этом три первые стадии изменений принадлежат индоевропейской эпохе и представляют собой ступени аблаута, то есть форм одной основы с чередующимися гласнымы. Следующие две – общеславянской, удлинение исходного краткого *ŏ имеет экспрессивный характер. Об этом О.Н. Трубачёв, комментируя статью «сам» в словаре М.Фасмера, пишет следующее: «Долгота гласного носит в славянском слове, согласно Махеку [ZfS1956 : I : 35], характер экспрессивного удлинения первоначального *sŏmos» [Фасмер 1986 :552]. Гласный А в основе развился из долгого *ō во времена становления славянского вокализма. Объяснение индоевропейских изменений в основе более трудоёмко. Продлённая ступень возникла первоначально в форме номинатива числительного *sem-; на основе метонимического переноса у данной формы развилось значение «половина»; форма стала многозначной. От *sēm- в значении «половина» развилась ступень редукции (*səm-), которая трансформировалась в ступень с гласным тембра – О. Ступень редукции развилась вследствие перемещения ударения с корневого гласного. Опираясь на многочисленные данные санскрита, а также на данные готского, старославянского, латинского языков, мы пришли к следующей интерпретации семантической стороны каждого из индоевропейских этапов. Основа *sem- представляла изначально местоимённый формант, восходящий к полнозначному слову, обозначающему понятие «пара». Значение этого форманта представляло собой синкрет, в состав которого входило три семантические группы: 1.группа сем количества, 2. сем качества, 3. сем локализованности (предела). От этого форманта развился семантический вариант sēm- в результате метонимического переноса. Аргументируем данное положение.

Известно, что числительное *sem- «один» имело в номинативе форму *sēm [Семереньи 2002], продлённая ступень сохранилась в номинативе числительного «один», имеющего в косвенных падежах форму основы *sem-. Здесь следует отметить, что О. Семереньи, вслед за Р. Леуманном, пишет о том, что на основе подобного рода форм номинатива были созданы соответствующие формы с долгим гласным [Семереньи 2002 : 133], при этом данные некоторых индоевропейских языков свидетельствуют о том, что существовал префикс со значением «половина», восходящий к продлённой ступени данной основы, на-

пример, лат. sēmi- - половина. Таким образом, вполне возможно предположить, что *sēm «один» > sēm(i) «половина».

Получается, что на определённом этапе существовало многозначное слово *sēm-, которое имело и значение «один», и значение «половина». Половина же – это равная часть целого, подобное соотношение значений наводит на мысль о возможном метонимическом переносе. Для носителя языка было важно, чтобы производное не теряло связь с производящим, напротив, оно фонетически выравнивалось по форме одного из его основных падежей. А продлённая ступень в номинативе могла к тому же развиваться параллельно с началом формирования метонимического переноса. Важно было, с одной стороны, выделить форму номинатива из ряда других, чтобы создать материальную базу для образования нового слова с прозрачными деривационными связями, с другой – решить эту задачу максимально экономно, по-видимому, наиболее экономным средством было удлинение гласного. Кроме того, стремление сохранить за тождественной фонетической оболочкой разные значения свидетельствует о том, что половина целого, выраженного в номинативе формой *sēm, мыслилась как часть, неотделимая от этого целого. При этом известно также, что производные от нулевой ступени данной основы, сохранившиеся в разных индоевропейских языках, имеют значения «тождественный, равный», что может свидетельствовать о том, что данная ступень образовалась от *sēm- в значении «половина». Помимо этого, производные от нулевой ступени имеют также значение «один».

Всё вместе это позволяет сделать предположение о том, что *sēm было древним обозначением пары. Часть тесно связана с целым, при этом часть эта – одна из двух частей, которые равны между собой. Пара же – это два однородных предмета, вместе употребляемые и составляющие целое.

Значение этого форманта также представляло собой синкрет, однако сема качества определяла уже не свойства пары, целого, а свойства части по отношению к этому целому. Таким образом, формант sēm- стал обладать не синкретическим значением, а полисемичным. Одно из значений представляло собой уже почти отдельное значение «половина». В дальнейшем это значение совсем отделилось, и старый синкрет оказался аналогом уже существующего синкрета в значении форманта *sem- . *sem- и * sēm- стали аналогами друг друга. Язык, исходя из принципа экономии, собрал все аналогичные значения либо в обозначающем *sem- , либо в обозначающем sēm-. Эти форманты являлись семантическими вариантами, от которых развилась ступень редукции. Для эволюции всех вариантов форманта *sem- были характерны две тенденции: тенденция к перегруппировке семантических элементов и разрушению синкретизма и тенденция, связанная с логикой развития этих вариантов в соответствии со

свойствами местоимённых формантов в целом. Из этих формантов-вариантов вычленялись наречия, служебные слова, местоимения и т.д. Перегруппированные семантические элементы, исходя из данного материала, распределялись по этим новым единицам, семантика которых до сих пор хранит черты древнего синкретизма.

Такими же свойствами обладал и формант *som-, давший начало как рассматриваемой лексеме, так и предлогу «с», а также префиксам с- (во всех значениях) и су-. На этой базе образовалось местоимение (в пользу того, что лексема, непосредственно предшествующая лексеме «сам», имела местоимённое значение, говорит тот факт, что, во-первых, слово восходит к форманту, способному дать как служебные слова, так и префиксы, а это характерно для местоимённых формантов; во-вторых, у лексемы, очевидно, развилось значение, близкое к полнозначным словам, в противном случае она не смогла бы иметь собственное ударение и вычленилось из форманта в виде служебных элементов: предлога или же какой-либо морфемы. Таким образом, из форманта *som- вычленилось местоимение *som-o-s, которое в дальнейшем преобразовалось в *sōm-o-s, а далее в *sam-o-s, впоследствии из-за действия закона открытого слога оно стало выглядеть как *samъ (сам). Семантика этого местоимения, по-видимому, могла сохранить синкретизм, в том числе и лексико-грамматический, что и наблюдается в производных от архетипа *sem- в других индоевропейских языках (*simul* в латинском, *sama* в готском), о чём и было сказано выше. Всё это позволяет предположить, что функционально-семантический синкретизм современной лексемы «сам» не что иное, как рудимент индоевропейской эпохи, переживший период существования общеславянского языка и период его распада. И, поскольку непосредственным предком рассматриваемой лексемы является местоимение, способное сохранять древнюю организацию компонентов своего значения, и современная лексема может быть признана местоимением, значение которого представляет собой архаическое образование, синкрет, основным свойством значения которого является способность разных компонентов в контексте одного предложения активизироваться одновременно. Отсюда и полифункциональность, и «неуловимость» значения.

Подводя итоги, необходимо сказать следующее. Во-первых, свойства, как семантические, так и структурные, которыми обладает лексема «сам», не позволяют её отнести с абсолютной определённостью к местоимениям, поскольку она обнаруживает черты как местоимения, так и наречия, а также частиц и других служебных слов. Во-вторых, лексема полифункциональна и синкретична по значению. В-третьих, наличие данных свойств у лексемы невозможно объяснить, опираясь исключительно на материал синхронии, объяснить это явление

можно, лишь сопоставив данные истории и современных наблюдений за «поведением» лексемы. Это сопоставление позволяет снять указанные в начале статьи противоречия на основе принятия положения, согласно которому «сам» – это архаическое местоимение, как бы «законсервировавшее» в себе индоевропейские семантические процессы, связанные с образованием, развитием и распадом древних местоимённых формантов, синкретично сочетающих в себе «зачатки» местоимений, наречий и служебных слов. Формант, к которому восходит лексема «сам», по всей видимости, не смог до конца утратить свой синкретизм даже после вычления из него ряда служебных элементов, который и унаследовало развившееся из форманта *som- местоимение.

Список использованной литературы

Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984.

Голанов И.Г.Морфология современного русского языка / И.Г. Голанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 256 с.

Кибрик А.Е. «Сам» как оператор коррекции ожиданий адресата / А.Е. Кибрик, Е.А. Богданова // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 28-47

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.В 4 т. Т.4/ А.А. Потебня. – М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание : пер. с нем. / О. Семереньи. – М.: УРСС, 2002. – 399 с.

Словарь русского языка.В 4 т./ под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Тагамлицкая Г. О грамматической природе слов «сам» и «самый»/ Г.О. Тагамлицкая // ИАН СЛЯ. – 1969. – №5. – С.437 – 444.

Чеснокова Л.Д. Местоимение // Современный русский язык. Т. 2 /Л.Д. Чеснокова; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Academia, 2001.

Шапиро А.Б. Об употреблении местоимений «сам» и «самый» в русском языке (лексико-синтаксические заметки) / А.Б. Шапиро // Труды ин-та русского языка АН СССР, 1950. Т. 2

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – 4-е ид. – М.: Учпедгиз, 1941.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1986.

«KODEKS DYPLOMATYCZNY WIELKOPOLSKI» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Шушарина*

Одним из важнейших источников изучения истории польского языка является «Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski», одиннадцать томов которого содержат документы 984 – 1444 годов, относящиеся к жизни столицы Великой Польши Гнезно, а также городов Познани, Калиша, Серадза, Вроцлава и других крупных и мелких населённых пунктов.

Этот источник можно назвать поистине уникальным. «Дипломатический кодекс Великопольский» охватывает 460 лет польской истории, начиная с самых ранних документально зафиксированных упоминаний Польши. Первый том «Кодекса», содержащий 616 текстов (984 – 1287), вышел в Познани в 1877 году. Вслед за ним, в 1878 и 1879 годах, вышло еще два тома текстов, а в 1881 году был издан четвёртый том, содержащий приложения: дополнения, индексы и исторические карты Великой Польши. Всего в четырех томах «Кодекса Великопольского» было опубликовано 2073 текста, охвативших период с 984 года по 1399 год. Несмотря на то, что инициатор издания «Кодекса Великопольского» активный член Общества друзей наук в Познани (TowarzystwoPrzyjaciół NaukPoznańskie) полковник Игнацы Закшевский (1823 – 1889) объявил четвертый том последним, в 1908 году вышел пятый том, включивший тексты 1400 – 1444 гг., а спустя почти сто лет, в конце XX века, о «Кодексе Великопольском» вновь вспомнили. В конце XX века (1982 – 1999) вышло еще шесть томов, которые содержат 2023 текста 1174 – 1444 гг., относящиеся к деятельности Великой Польши. Они хранятся не в архивах Познани и Гнезно и поэтому не вошли в ранее изданные тома.

Игнацы Закшевский так определил критерии отбора документов:

1) «документы, в которых встречаются упоминания князей Великой Польши;
2) документы, предметом которых является земля Великопольская или какая-либо ее часть;
3) документы, содержание которых не отвечает двум предыдущим условиям, но так или иначе проливает свет на историю Великой Польши;
4) документы, относящиеся к истории польской Церкви;

* **Шушарина Ирина Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

5) документы, относящиеся к Гнезненскому архидиоцезу*, Познаньскому диоцезу• и великопольским монастырям;
6) все документы, без исключения, находящиеся в архивах Гнезненского и Познаньского капитулов и в великопольских монастырях» [KDW1; перевод здесь и далее наш – И.Ш.].

Этих же критериев придерживаются и составители последующих томов «Кодекса», однако они расширяют географию обследованных архивов и библиотек за счет привлечения документов из Библиотеки Польской Академии наук в Кракове, а также из Государственных архивов в Быдгоще, Вроцлаве, Гданьске, Калише, Люблине, Плоцке, Радоме, Серадзе, Торуне и др. Несмотря на то что многие из упомянутых городов не входили в состав Великой Польши, они имели с ней тесные контакты. Таким образом, к концу XX – началу XXI века «Kodex Dyplomatyczny Wielkopolski» является наиболее полным собранием великопольских текстов конца X – середины XV вв. и представляет интерес и для историков, и для филологов.

Большая часть документов составлена на латинском языке, некоторое количество – на немецкоми польском, но для филолога-полониста латинские и немецкие тексты ценны содержащимися в них польскими глоссами, представляющими названия польских населённых пунктов, водоёмов, а также личные имена и прозвища людей. При этом важным оказывается как лексический, так и фонетический материал, который обнаруживается в документах.

За почти пятисотлетний период, который охватывают эти тексты, в польском языке прошло несколько фонетических процессов, так или иначе отразившихся документах. Уже в самых ранних текстах можно обнаружить следы лехитских перегласовок, утраты сочетаний «редуцированный + сонорный» и «сонорный + редуцированный», вторичного смягчения полумягких согласных, падения редуцированных. В более поздних документах обнаруживаются последствия контракции в окончаниях прилагательных и существительных, а также несколько этапов изменения носовых гласных.

К наиболее ранним фонетическим изменениям, отразившимся даже в польских глоссах X – XIвв., относятся две лехитские перегласовки, связанные с лабиализацией гласного **e** перед твердым переднеязычным согласным и с изменением праславянского переднеязычного гласного средне-нижнего подъёма *ě в **a** в тех же условиях. Так, в тексте 1065 года упоминается святой Петр (*beati Petri*) и некий поляк ***P*o*tr*** [KDW1 : dok. 3]. Однако в том же тексте через несколько строк назван еще один поляк ***St*e*pan*** (гласный **e** находится перед губным согласным).

* Католическая епархия, состоящая из нескольких диоцезов; управляется архиепископом.
• Епархия, территория, управляемая епископом.

Праславянский переднеязычный гласный средне-нижнего подъёма (так называемый «ять») в текстах последовательно передается двумя способами: литерой **e** перед мягкими и заднеязычными согласными, литерой **a** – перед твердыми переднеязычными. По устоявшемуся мнению полонистов, в первой половине XII в. лехитская перегласовка ě → a перед твердыми переднеязычными **d, t, z, s, n, r, ł** была уже процессом окончательно сложившимся, поэтому каких-либо отклонений в написании литер **a** и **e** не набюдается: *Sulid**a**d*(*dědъ, ср. совр. польск. dziadek), Balowanz (*běl-, ср. совр. польск. Białowąs), *B**a**lovesici (*běl-, ср. совр. польск. Białożewin*), B**a**lossa* (*běl-, ср. совр. польск. Białosza), в тексте 1208 г. указано имя девушки: *Cvatek (Kwiatek)*.

Отметим, что литера **e**на месте **ě** в текстах XI – XII вв. пишется исключительно в позициях перед мягким согласным: *Welerych, Belen, Byelsco*[KDW1 : d.3, 1065], *Nadey, Belina, Vsemir, Vestina* [KDW1 : d.7, 1136], *Quetissov, Velatov, Strelno* [KDW1 : d. 15, 1147), *Belobrese*[KDW1 : d. 34, 1198], перед заднеязычным: *Radotech* [KDW1: d. 7, 1136], *Utech* [KDW1 : d. 8, 1142], *Cechavy* [KDW1 : d. 9, 1145], *Mechov, Beganovo* [KDW1 : d. 34, 1198], перед губным: *Repinam* [KDW1 : d. 34, 1198]. Обозначала ли литера **e** чистый гласный или это был гласный с дополнительным призвуком, мы абсолютно точно сказать не можем. Написания типа *Byelscko* (совр. Bielsko) единичны, но мы можем предположить, что под влиянием новоакутовых интонаций между мягкими согласными долгий по происхождению ě развивал в экскурсии i-образный призвук. Нет сомнения, что ě перед мягким, губным или заднеязычным согласным в польском языке XI – XII вв. является звуком среднего подъема.

Еще одна лехитская перегласовка (*e^n, *o^n + t→a^nt, гдет – переднеязычныйилигубнойтвердыйсогласный) спорадическиотражаетсявтекстахсXIIв., последовательно – сXIIIв.:*L**an**da (Ląd), Balow**an**s (Białowąs), Lov**an**ta (Łowięta), Bor**an**ta (Borzęta), Sob**an**ta (Sobęta), D**am**bnicia (Dębnica), G**an**zawa (Gąsawka), Poddambia (Dąbie), Dambnica (Dębsko)*ит.д., новтехжетекстах: *Modl**en**ta (Modlęta), Dobr**en**ta (Dobrzęta), Gol**um**bino (Gołębin)*; втекстахXIII – XVвв. иередмягкимисогласными: *S**an**diwogio (Sędziwój), L**an**cicie (Łęczyca)*. А-образное произношение любого носового гласного к концу XIV столетия становится обычным: *Pr**a**czkow (Prączkowo), LeonardodeZ**am**bkowich (LeonardzZąbkowic), Sw**an**thoslao (Świętosław), Racz**an**s (Raciążek), JohannisdeT**an**czincastellani-Crac(ouiensis) (JanzTęczynakasztelankrakowski)*. Недаром Якуб Паркош из Журавицы в своем орфографическом трактате предлагал ввести для обозначения носовых гласных лишь одну литеру: в текстах XIV – XV вв. на их месте не находим ни одного написания *en, em, um, on* или*om*.

Довольно поздно в текстах находит отражение вторичное смягчение полумягких согласных. Связано это с поздним становлением собственно польской

графической системы. В текстах XII – XIII вв. одни и те же звуки передаются по-разному, именно поэтому трудно сказать, отражают ли результаты вторичного смягчения полумягких согласных написания *Vilcos, Vilchanta, Blizuta, Calis, Mogilec, Vsemir, Nemir, Bogumil, Milovan, Bezcorist, Lazina, Lizinino, Brodic, Budizlav, Deventliz, Godina, Modic, Gostivvy, Iarotici* и др., ведь наряду с этими написаниями находим и такие: *Potr, Dobrina, Dobromisl*. Если одной из обязательных функций литеры i в современной польской графической системе является обозначение мягкости согласного, то в анализируемых нами текстах эта буква может обозначать и звук [i], и звук [y]: *Bitom* (ср. совр.: Bytom – город в воеводстве Шлёнском, повят Бытом), *Dobromisl* (ср. совр.: Dobromysł – старопольское мужское имя, Dobromyśl – селение в воеводстве Дольношлёнском, повят Каменна Гура, гмина Каменна Гура), *Dobrina* (ср. совр.: Dobrynia – небольшое селение в Подкарпатском воеводстве, повят Ясло, гмина Дембовец). Следовательно, написание литеры i после согласного в древнепольских глоссах не может служить доказательством мягкого произношения согласного, а тем более его качественного изменения.

По свидетельству большинства исследователей славянских языков, в северо-западных и северо-восточных славянских говорах, лёгших в основу формирования польского языка, а также лужицких и белорусского, действие закона слогового сингармонизма оказалось настолько сильным, что еще и к XIII в. в них невозможны были мягкие переднеязычные согласные. Однако к наиболее ранним спорадическим фиксациям вторичного смягчения полумягких согласных можно отнести польские глоссы *Prz**i**bislav* [1065; ср. Przybyław: ***Przibislav*** *cum filiis suis* – KDW1 : d. 3], *Quec**i**ss**i**ge* [1146; ср.: Kwieciszewo:*Forum quoque* ***Quecisovgue*** *quod idem Bolesclavus et Misico duces…* – KDW1 : d. 12] *Bartoz**e**ge* [1153; ср.: Bartodzieje*: Et hee sunt ville quarum decime adtinent ecclesie beati Petri:* ***Bartozege****, Slosym, Bucove…* – KDW1 : d. 18], ***Sz****rem* [1211; ср.: Śrem: *Notum sit tam presentibus quam futuris, quod ego Wladislaus dux, filius Odonis Mesconis Magni, contuli ecclesie sancte Marie in Wratislavia villam cum lacu iuxta* ***Szrem****, nomine Muclino, his assidentibus* – KDW1 : d. 73]. Неустоявшаяся графика не позволила авторам текстов точно передать новые звуки, но тем не менее мы можем сказать, что во второй половине XII – XIII вв. на месте этимологически полумягких d˙ и s˙ произносились звуки, имевшие шипящий или свистящий призвук. Скорее всего, эволюция полумягких согласных протекала постепенно: от неустойчивой общеславянской полумягкости через этап призвука (XII в.) к образованию нового мягкого шипящего среднеязычного согласного, близкого по месту образования к звуку [j] (середина XIII в.). Так, С. Дубиш и К. Длугош-Курчабова, обращая внимание на позднее исчезновение полумягких согласных в польском языке, пишут: «Nowo powstałe fonemy **s’, z’, t’, d’, n’** rozwijały się

stopniowo aż do XIII w., i od tego czasu w formie usttabilizowanej, jako środkowojęzykowe **ś, ź, ć, ʒ́, ń**, przetrwały dodziś[*]» [Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2006 : 146].

Изменение полумягкого r˙ в польском языке также прошло через этап возникновения шипящего призвука: r˙ > rž (rš) > ž (š). Ни в одном из документов X – XIV вв., приведенных в «Kodeksie Dyplomatycznem Wielkopolskiem», не отмечается замены r литерами rz, z, s, ss, zh, j или другими, что указывало бы на отклонение в артикуляции полумягкого вибранта (*Crisan, Dobrina, Dobrilevo, Gorice, Bezkorist* и др., искл. *P**rz**ibislav* [1065; KDW1 : d.3]). Спорадически шепелявость бывшего r˙ фиксируется лишь в текстах XV вв.: *narzaz, Zacrsevo, Prsevod, Modrze* [KDW11]. Буквы **rz, rs** должны свидетельствовать о качественном изменении вибранта и наличии после него свистящего или шипящего призвука.

Таким образом, даже отдельные польские глоссы могут дать филологу материал для размышления и помогут сделать выводы о становлении польской фонетической системы.

Список использованной литературы

KDW1 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 1. Numera 1 – 616. Lata 984 – 1287. [Электронный ресурс]. – Poznań, 1877. – Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.

KDW2 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 2. Numera 617 – 1292. Lata 1288 – 1349. [Электронный ресурс]. – Poznań, 1878. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20067&from=FBC. Датаобращения: 15.10.2011.

KDW3 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T.3. Numera 1293 – 2053. Lata 1350 – 1399. [Электронныйресурс]. – Poznań, 1879. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20085&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.

KDW4 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 4. Suplement. [Электронный ресурс]. – Poznań, 1881. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20091&from=FBC. Датаобращения: 15.10.2011.

KDW5 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 5. Zawierający dokumenta z lat 1400 – 1444. [Электронный ресурс]. – Poznań, 1908. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20103&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.

KDW6 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 6. Numera 1 – 400. Lata 1174 – 1400. [Электронный ресурс]. – Warszawa – Poznań: PWN, 1982. – Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20109&from=FBC. Датао бращения: 15.10.2011.

KDW7 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 7. Numera 401 – 773. Lata 1401 – 1415. [Электронный ресурс]. – Warszawa – Poznań: PWN, 1985. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20111&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.

KDW8 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 8. Numera 774 – 1074. Lata 1416 – 1425. [Электронный ресурс]. – Warszawa – Poznań: PWN, 1989. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20113&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.

[*]Новые фонемы s’, z’, t’, d’, n’ развивались постепенно до XIII в., и с этого времени в виде стабильных среднеязычных ś, ź, ć, ʒ́, ń они сохранились по сей день (Перевод наш – И.Ш.).

KDW9 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 9. Numera 1075 – 1380. Lata 1426 – 1434. [Электронный ресурс]. – Warzawa – Poznań: PWN, 1990. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20115&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.
KDW10 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 10. Numera 1381 – 1699. Lata 1435 – 1444. [Электронный ресурс]. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk, 1993. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20117&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.
KDW11 – Kodeks Dyplomatyczny Wielkopolski. T. 11. Suplementy numera 1700 - 2023. Lata 1225 – 1444. [Электронный ресурс]. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk, 1999. Режим доступа: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20119&from=FBC. Дата обращения: 15.10.2011.
Długosz-Kurczabowa K. Gramatyka historyczna językapolskiego/K. Długosz-Kurczabowa, S.Dubisz. – 3 wyd., posz. i zm.– Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. – 580 s.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ РУССКОГО ДОКУМЕНТА: ТЕКСТОВОЕ НОРМИРОВАНИЕ

О. В. Хворова*

В исследовании русского документа остается актуальным описание нормированных языковых единиц разных уровней. Историческая стилистика развивается в отечественной лингвистике благодаря текстологии, которая служит основой для изучения истории языка.

В настоящее время многими учеными в рамках исторической стилистики достигнуты значительные результаты исследований деловой письменности русского языка XVII–XVIII веков. А это, безусловно, значительно расширяет диапазон наших представлений об эволюции системы делового языка и ее функционирования в определенный период.

В исследовании деловой письменности XVI – XIX веков сделано многое. Одним из перспективных направлений ее изучения остается жанрово-стилистическое исследование документа. Не описаны и процессы нормирования деловых текстов XVII–XVIII веков, хотя лингвистами признается, что складывающиеся нормы делового письма в процессе многократного употребления превращались в регулярные и приобретали значение узуально нормированных, а следовательно, узуально кодифицированных. Справедливо замечание С. И. Коткова о том, что «складывающиеся нормы делового письма постепенно

*Хворова Ольга Владимировна – заместитель директора по учебной работе МОУ СОШ № 17 г. Нижневартовска, соискатель ученой степени кандидата филологических наук при кафедре филологии и массовых коммуникаций Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. О.В. Баракова.

входили в ранг общепринятых и, более того, литературных» [Котков 1986: 14]. В русских скорописных документах «взаимодействует идущий из столицы фиксированный стандарт формы, накладывающий свой отпечаток и на трафаретность содержания, и сиюминутная устная речь» [Трофимова 2002: 8].

К концу XVII века общегосударственный приказный язык становится общим языком письменности Московской Руси, из которого впоследствии и сформировался современный русский литературный язык. В XVIII веке в русском языке значимыми становятся такие признаки, как полифункциональность, кодифицированность и общезначимость. Преобразования Петра I способствовали совершенствованию старого приказного языка, его обогащению и известной демократизации. Система функциональных стилей, существующая в наши дни, сложилась в русском литературном языке в основном к середине XIX века и в значительной степени остается неисследованной.

Таким образом, деловая письменность предстает как развитая система деловых текстов, разнообразных по форме и содержанию. Сегодня лингвистами определяются принципы выделения признаков того или иного жанра, методика описания деловых текстов.

Для описания процессов нормирования документа XVII –XIX веков необходимо уточнить терминологический аппарат: термины *норма,узус, кодификация*.

Языковая (речевая) норма – категория историческая. Б. Н. Головин указывает, что «норма – это исторически принятый выбор одного из функциональных вариантов языкового знака» [Головин 1965: 28].

Литературная норма – это историческая категория, которая характеризуются неразрывностью ее статических (выделение и изучение признаков нормы) и динамических (рассмотрение становления и изменения этих признаков) характеристик.

Норма – понятие функционального плана, включающее наиболее устойчивые, традиционные реализации, принятые обществом, осознаваемые им как правильные и обязательные.

Узус (от лат. *usus* – применение, обычай, правило) – общепринятое носителями данного языка употребление языковой единицы (слов, оборотов и. т. д.). В истории языка узус, будучи тесно связанным с языковой нормой, тем не менее отличен от неё: узус может фиксироваться словарями (толковыми, фразеологическими, орфографическими и.т.п.) и далее кодифицироваться в языковую норму.

Узус – основа для трансформации нормы.

Важным моментом кодификационных процессов является фиксация распределения и использования в языке разного рода вариантных реализаций. В

поздний старорусский период деловые тексты создавались в условиях текстовой кодификации, проявляющейся в наличии образцовых текстов. Трансляция норм делового письма осуществлялась также естественным путем – от писца к писцу. Следовательно, кодификация оказывается необходима для реализации нормы как языковой реальности. Отсюда следует, норма в старорусский период постпозитивна кодификации.

Считаем, что понятие «норма» лишь отчасти применимо к такой исторической эпохе, как старорусский период. В этот период язык характеризуется, с одной стороны, обязательностью, устойчивостью, с другой стороны – нестабильностью, широким варьированием языковых единиц. Можно предположить в старорусский период наличие узуального, традиционного написания. Общерусские нормы делового текста зафиксированы прежде всего на уровне формуляра. «Секреты» делового письма, «передаваясь от писца к писцу как традиционные, далеко не отражая формирующуюся кодифицированную общенациональную норму, так как исполнение документа зависело, в первую очередь, от грамотности отдельного писца, от его «текстовой компетенции» [Баракова 2003: 63].

Кроме того, необходимо отметить, что проблема нормы деловой письменности связана с проблемой автора, поскольку с середины 80-х гг. научная лингвистическая парадигма перепроецировалась от абстрактных структуралистических построений к антропоцентрическому изучению языка. Изучение языковой личности писца предполагает, прежде всего, анализ его возможностей оперировать языковыми средствами, являющимися для данного периода нормированными. В какой же мере писцы деловых памятников владели текстовыми нормами? Оказывается, на этот вопрос лингвисты не дают однозначных ответов. В настоящее время исследователи деловой речи выделяют три группы писцов: профессионалы, полупрофессионалы, непрофессионалы.

Итак, при определении понятия «норма деловой речи» порой смешиваются два понятия «норма» и «узус». В письменных тексах узус обладал качествами нормы, и, имея письменную традицию, «сливался» с ней. Хотелось бы подчеркнуть, что особое место в составе норм занимают *текстовые нормы.* Вопрос о текстовых нормах, а также о знаковом статусе текста остаются дискуссионными в современной лингвистике.

Деловой язык – сложное единство, в котором одновременно отмечаются общерусские нормы, свойственные всем документам Московского государства, и местные традиции, устойчиво сохранявшиеся на периферии. «Норма ориентирована на перспективу, развитие языковой системы, а традиции – на ретроспективу, преемственность в процессах ее эволюции» [Панин 1995: 34]. Следствием их проявления стало широкое варьирование делового языка на всей тер-

ритории Российского государства. В результате взаимодействия ареальных языковых особенностей с общерусскими элементами в XVII веке образуется региональный узус делового языка, который воплощается в вариативности языковых единиц местных памятников письменности.

В старорусский период именно норма определяла стабильность, единство и самобытность деловой речи того времени и являлась условием ее существования и эволюции. Этот период вносит в понятие норма деловой речи свое содержание, так как в этот период процесс развития делового языка по сути связан со становлением, развитием и совершенствованием норм. Убеждена, что настало время, когда в парадигме единиц исследования делового языка ведущее место должен занять деловой текст.

Таким образом, освещая понятия «норма», «узус», «текстовое нормирование», мы можем более точно, полно и детально произвести анализ русских документов в аспекте значимых текстовых категорий – содержательности и информативности, тематической целостности, системности, уровня стандартизации и нормализации.

Список использованной литературы

Баракова О.В. Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление / О. В. Баракова. – М.: Изд-во Приобье, 2003. – 239 с.

Головин Б.Н. О качествах хорошей речи / Б. Н. Головин. – М.: Книга, 1965. – 312 с.

Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков – М.: Наука, 1980. – 293 с.

Трофимова О.В. Памятники Тюменской деловой письменности 1762-1796 гг.: Из фондов Гос. архива Тюменской области /сост. О. В. Трофимова. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002. – 827 с.

Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология / Л.Г. Панин. – Новосибирск: НИИ МИОО НГУ, 1995. – 217 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)

А.А. Юнаковская*

В границах Среднего Прииртышья сложился определенный тип речи: основа устной формы коммуникации, возникшая на фоне русских диалектов, служащая основным средством общения в границах региона, образующего (в

*Юнаковская Алла Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

свою очередь) наряду с другими регионолектами следующее языковое пространство («западносибирское», «сибирское»).

Для выявления путей его формирования необходимо очертить круг лингвистических источников, дающих необходимую для исследования информацию. В литературе под ними понимается единица опосредованного запечатления (закрепления) «языкового материала в виде слов или их элементов, обладающего определенным внутренним единством, от древнеписьменного языка памятника до текста современного художественного произведения и магнитофонной ленты» [Котков 1964 : 7]. Поэтому вполне допустимо в качестве лингвистического источника при изучении истории регионолекта использовать не язык в непосредственном виде, а его фиксацию в исторических документах, произведениях различных жанрах, словарях, словниках, собранных и описанными их современниками и т.п., отражающих в той или иной мере реалии окружающей действительности.

В связи с тем, что регион имеет биполярную структуру (г.Тара – Омская крепость → г.Омск), внимание обращалось на документы, отражающие их жизнедеятельность в разные исторические периоды. Так, в РГАДА в фонде 214 («Сибирский приказ») по г.Таре хранятся Тарские таможенные книги (№649, 1169, 1247), дозорная книга Тары и уезда 1624 г., 1689 г., а также «Дозорная книга» г.Тары, составленная Иваном Родионовичем Качановым (1701) [Кн.1199, ЛЛ. 1-69]. По Тарскому уезду сохранилась книги 1701 г., 1704 г. и 1705 г., а также представлена «выписка перечневая» города Тары дьяка Афанасия Герасимова (1704) [Кн.46, ЛЛ.1-19], «книга окладов денежных» [Кн.46,ЛЛ.19 об.-38 об.], «книга сборов» (Прибыльная книга) [Кн. 244,ЛЛ.1-14]. Также хранится «Книга переписная посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных крестьян г.Тары, разночинцев, монастырских, государственных крестьян Тарского уезда» (1748 и 1762; Ф.350) и т.п. Не остались без внимания материалы академических анкет XVIII в. [РГАДА.Ф.119, Архив АН.Ф.3, Ф.21], записки научных путешественников (Н.Г.Спафарий, П.-С.Паллас, Г.Ф. Миллер и др.), описания, проводимые по единой правительственной программе (1784-1790 гг.), данные чертежных книг, карт, атласов и т.п. Обращалось внимание на публикации различных архивных документов.

Источники, отражающие начальный период освоения Среднего Прииртышья,также хранятся в архивах сибирских городов: ГУ«ГА в г. Тюмени» «Тюменская воеводская канцелярия» (Фонд И-47)), ГУ «ГА в г.Тобольске»

(«Железинский меновой двор Омского округа» 1785-1796 гг. (Ф. 696), «Винный пристав при Екатерининском винокуренном заводе» 1793 г., «Тобольская духовная консистория» (Ф.156) и т.п.). В ГУ «ГА в г.Омске» представлены следующие фонды: «Тарская городовая ратуша» (1730-1863;Ф.384), «Тарская

городская дума» (1787-1823;Ф.381), «Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска» (1778-1919), «Омская духовная консистория» (1722-1921;Ф.16), «Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского корпуса» (1740-1800;Ф.1), «Омская таможенная застава» (1807-1865;Ф.13. 220 дд.), «Западно-Сибирский отдел Российского географического общества (ЗОРГО)» (1763-1929;Ф.86) и т.п.

В Фонде редкой книги Томского университета хранится «Книга записная»: это список населения Тарско-Тобольского участка Московско-Иркутского тракта (в т.ч. д.Заливино, д.Чёкрушево, д.Черняево и др. (1782)).

Использование источников разного характера связано с тем, что историческая лексикология до сих пор не располагает полными данными о составе словарного состава XVIII – начала XIX вв., в т.ч. и сибирского словаря, поэтому существует необходимость его выделения. При этом лингвистическая ценность собранных источников для исследований являются различной в зависимости от жанровой принадлежности: они могут быть высоко- и малоинформативными с точки зрения представленности элементов повседневности.

В лингвистике различают устную форму реализации языка, используемую для устной коммуникации, и письменную форму, предназначенную для письменной коммуникации. Исторические документы как лингвистический источник обладает определенной спецификой. Это связано с тем, что деловые документы составлены по образцам и имеют определенный формуляр, что ведет к устойчивости языковых реализаций. При этом наблюдается отступление от нормы, имеющей языковое выражение – проникновение элементов народно-разговорной речи, т.е. представлен конфликт между набором правил и речевой деятельностью, отражающей окружающий мир. При этом возможно совмещение этих форм в одном тексте. Так, в прошениях представлена письменная и устная коммуникация: первичное высказывание (речь) вписывается во вторичное, отлитое в форму жанра.

При изучении разговорной речи того или иного периода существует проблема лингвистической достоверности источника. В данном случае возможно использование как документов, конкретного периода, так и текстов, написанных участниками событий. В первом случае можно говорить о создании текста под влиянием ситуации, принятых норм создания текста, отражающих «явную» и «скрытую» информацию, социальный статус пишущего. Все это оформляется с помощью языковых средств. В лингвистике существует понятие, учитывающее показатели создания и реализации текста, – «дискурс». При его определении существует несколько подходов.

Что больше отражается в данном случае: язык (языковая система) или речь определенного исторического периода? Это результат речевой деятельно-

сти исторической личности. В данном случае можно говорить о «языковом материале» (Л.В. Щерба, Б.И. Осипов). С одной стороны, тексты являются реализацией языковой системы (речью), с другой, используют язык [Осипов 1997: 8]. При этом необходимо учитывать, что «памятники отражают централизующие тенденции в языке деловой письменности, ограничивающие возможность прямой передачи в ней местной речи, … вопреки централизации здесь ненароком прорывались диалектизмы в делопроизводстве … деловая письменность изредка дает ценные факты для изучения местных диалектов и разговорной речи горожан, посадских и крестьян, но их историко-диалектное приурочивание крайне затруднительно прежде всего из-за фонетической и грамматической нормализации языка [Ларин 1961].

При анализе документов необходимо учитывать также ряд положений, выдвинутых В.В. Виноградовым: 1) К исходу XVI – к середине XVII в. общенародный разговорный и письменно-деловой язык, оформившийся на базе средневеликорусских говоров с руководящей ролью говора Москвы, приобретает качества общерусской языковой нормы. 2) Со второй половины XVII в. наблюдается сближение русского литературного языка, московского приказного языка и живой разговорной речи [1978: 30]. Наблюдается процесс национализации литературного языка. В XVII в. устанавливаются фонологические нормы общерусского государственного языка. Московский деловой язык выступает в качестве русской общенациональной формы общественно-бытового выражения. «Во второй половине XVII в., когда роль города становится особенно заметной, в традиционную книжную культуру врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества…» [1978: 39]. 3) «…в XVII в. и даже в начале XVIII в. средневековое многоязычие еще не было преодолено» [1978: 39].

В это же время объединяются феодальные диалекты, на основе которых вырабатывается общерусский разговорный язык интеллигенции на основе столичного говора. А русский литературный язык экстенсивно раздвигает свои границы (в т.ч. и за счет европеизмов). Язык Петровской эпохи характеризуется усилением значения государственного, приказного языка, расширения сферы его влияния [1978:42]. Сам приказной язык представляет собой довольно пеструю картину.

Анализ документов позволяет увидеть, что текст состоит из 1) официальной части, отражающей символику власти, языковые нормы общества, задающей подачу информации, 2) «вставного рассказа»-конфликта, передающего ряд составляющих реального бытового поведения. При этом отсутствует литературность изложения (Г.О. Винокур). Хотя в подьяческой речи существовало словесное «облагораживание» низкой деятельности [Лотман 1975:35]. При раз-

боре конфликтных ситуаций просматривается попытка поместить неблаговидные поступки в рамки надлежащего поведения текстовыми средствами. Хотя в документах отражается целый ряд не приукрашенных писарем фактов: «вставной» контекст отражает «низкое» языковыми средствами.

Не менее ценным источником по изучению формирования лингворегиона и его дальнейшего развития является региональный исторический словарь, созданный на основе архивных данных: Л.Г. Панин «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв.» [1991]. Его анализ показал, что можно выделить некоторые показатели существования русских в осваиваемом регионе. Для работы использовались словарные статьи с пометой «Тарск», «Тобол», а также единицы широкого ареала употребления.

Такое лингвистическое направление, как анализ толковых словарей русского языка в историко-лексикологическом аспекте в историко-лексикологическом аспекте, не является новым в русистике. Можно указать анализ «Толкового словаря», сделанный В.В. Виноградовым в «Очерках по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.» [Виноградов 1934] (это один из первых опытов изучения русских словарей в советское время в аспекте истории русского литературного языка), статью Г.О. Винокура «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века [Винокур 1959]. В дальнейшем появляются работы, отражающие в словарях отдельные лексические пласты тех или иных периодов истории русского литературного языка. Тезис об отражении в лексикографических изданиях исторического своеобразия соответствующей эпохи русского языка наиболее последовательно осуществляется в работах, посвященных различным лексикографическим жанрам древнерусского периода и XVIII в. Это исследования Б.А. Ларина [Ларин 1961] и его учеников, а также М.П. Алексеева, И.А. Василевской и др. Хотя в последнее время работы подобного типа встречаются редко, однако данная тема находится в поле зрения и современных ученых.

Исследования подобного типа также ведутся на основе региональных словарей. Так, Л.А. Захарова рассматривает как источник изучения лексики живой разговорной речи первого населения Томского острога «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – нач. XVIII вв.», созданный на кафедре русского языка Томского госуниверситета под руководством проф. В.В. Палагиной (2001).

В.В. Палагина, О.И. Блинова считают диалектные словари одним из источников исторической информации. На диалектном материале данную тему также разрабатывает А.И. Федоров.

Источниковедческая функция толковых словарей различного типа позволяет моделировать «языковую действительность» (термин Ю.А. Бельчикова) оп-

ределенного исторического периода, что дает возможность в дальнейшем производить и лингвокультурологический анализ (т.е. рассмотреть функционирование языка в культурном контексте: системное изучение языка в условиях «внеязыкового культурно-социального употребления» (термин В.В. Воробьева)).

Основным положением при данном подходе является следующее: толковый словарь имеет общей и основной задачей адекватное фиксирование лексической системы своего времени (отражающей мировидение ее носителей), другие установки являются частными. Он несет информацию не только о языке и состоянии науки о нем, а также фиксирует лексическую систему определенного времени, и «сообщает о состоянии духовной и материальной культуры народа, структуре общества, владеющих их идеях и многое другое, что позволяет ему занять достойное место в ряду культурно-исторических ценностей и достижений» [Толикина 1974: 79].

Словарь как единый текст, имеющий концепцию создания, организованный по тому или иному принципу, передающий определенную информацию, представляет интерес с культурологической и лингвистической точек зрения, т.к. позволяет выделить предметы, знания, символы, ценности, виды деятельности, особенности взаимодействия между людьми того или иного исторического периода с помощью контекстов, формирующих единый текст.В историческом словаре языковые единицы, представленные в препарированном виде и в алфавитном порядке, являются презентантами элементов культуры единицами, употребляемыми в речевом обиходе.

Источником лингвистической информации, отражающей культурные реалии, являются различные «разговорные» материалы, собранные современниками. Определенный интерес с данной точки зрения представляет «Личный фонд А.И. Сулоцкого» (1812 – 1884 гг.), законодателя Омского кадетского корпуса, краеведа, специалиста по истории христианства в Сибири, протоиерея г. Омска (ГУТО «ГА в г.Тобольске». Ф.144, 114 ед.хр. 1858 – 1877 гг.) и т.п. Это исследователь культуры Сибири, оставивший до революции более ста работ, однако не упоминающийся в научной литературе после 1917 года. Он был одним из первых, кто обратился к изучению исторических документов. В его фонде хранится ряд копий документов, утраченных в других хранилищах. Так, в Д.10. на 29 листах представлен словник в виде словарных статей, отражающих речь жителей г.Омска середины XIX в.

Определенные данные получены из Сибирских летописей, среди которых Синодик Киприана (приблиз. 1622 г.), Есиповская летопись (1636 г.), Строгановская летопись, Ремезовская летопись [Полное… 1987:Т.36]. Все они созданы на основе несохранившегося «Написания ермаковских казаков» и имеют общую идею прославления исторического похода Ермака. Сюда же примыкают «Новая

Сибирская история» И. Черепанова, доведенная им до 1759 г. В данной группе текстов отражается «официальная» культура и ее основные составляющие.

Информацию о существовании городского человека предыдущих эпох дают мемуары, путевые записки авторов различного уровня образования. При этом отношение к «описываемому пространству» зависит от места проживания автора: столица (Санкт-Петербург, Москва), большие города европейской России, сибирский город (западносибирский или восточносибирский).

Важную роль в раскрытии «темы тюрьмы, каторги» в XIX в., на материале Омского острога (1850-1854 гг.), сыграл Ф.М. Достоевский. Прежде всего, необходимо назвать «Сибирскую тетрадь» и «Записки из мертвого дома», так как одним из мест формирования воровской речи являлись места ссылки. «Сибирская тетрадь» (первая из дошедших записных книжек писателя периода каторги) была своеобразным конспектом увиденного. А важной особенностью «Записок из мертвого дома» является изучение темы «изнутри» (т.н. «непосредственное наблюдение»). Определенную роль в подходе играет использование жанра, «который граничит с художественным очерком, с одной стороны, и с мемуарами – с другой» (Г. Чулков). В.Б. Шкловский считает, что «Записки» - «роман особого рода», «документальный роман». И.Т. Мишин видит в «Записках» переходную форму «от очерков, записок к социально-философскому роману». Тема преступления важна для автора «Записок». В них Ф.М. Достоевский пытается осмыслить причины преступлений, показывает человека в наказании (то и другое не только с юридической точки зрения, а также и с нравственной). Тем не менее, текст «Записок» не пересыпан воровскими единицами, воровское мировоззрение не является довлеющим. Это определяется, вероятно, тем, что Ф.М. Достоевский описывал не «преступную массу», а видел, что она состоит из отдельных людей, при этом пытался в каждом из обитателей острога «откопать человека» (по собственному выражению писателя). Можно говорить и об определенной «достоверности» описания преступлений периода сибирской ссылки писателя. В Статейных списках арестантов, сосланных в Омскую крепость, имеется ряд лиц, фигурирующих у Достоевского под теми же именами, прототипы других персонажей «Записок» раскрываются с достаточной степенью очевидности по характеру преступлений, национальности, вероисповеданию.

Одним из дополнительных источников могут быть своды традиционных фамилий, имеющие в своем составе диалектные и древнерусские корни. Чаще всего русские фамилии связанны с заселением среднеиртышского региона, а также со становлением фамильных имен в условиях отрыва от материнской основы. Хотя уже существует определенная традиция изучения условий складывания зауральских фамилий (В.Житников (Челябинск), Н.В.Бражникова, К.П. Михалап (Красноярск), В.В. Палагина, Л.А. Захарова (Томск), Н.Н. Парфенова,

Полякова (Пермь) и др.), на материале Среднего Прииртышья работа подобного типа не проводилась.

При работе учитывались также данные прозаического фольклора, записанного в Среднем Прииртышье и являющегося «хранителем» ряда культурных знаков.

Перечень источников, позволяющих выявить данные лингвокультурного фонда жителей Среднего Прииртышья, можно расширить. А их углубленный анализ позволит выявить закономерности формирования лингворегиона, а также пути его дальнейшего развития.

Перечисленные тексты обладают разной степенью отражения «языкового материала», исторической информативности, социальной значимости (т-н С.С. Волкова), на основе которых прослеживается региональная «устная история». Тем не менее их использование позволяет создать «относительно плотную историческую картин» существования человека. При этом отразился дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко 2003: 92]. Это не просто поток речевого общения, но и речевое поведение субъекта, ограниченное конкретными обстоятельствами жизни человека в определенном социуме. «По отношению к речевому общению дискурс предстает как социально детерминированный тип его осуществления, соответственно, речевая деятельность как способ осуществления, текст как форма осуществления (внешнее выражение речевого общения в языковом коде), а язык как средство (орудие для осуществления этой деятельности)» [Манаенко 2003 : 92].

Таким образом, региональная «устная история» может прослеживаться на основе разнообразных типов текстов. При этом не ставится целью реконструкция состояния речи этапа первичного освоения территорий из-за слабой представленности источников разговорной речи, а лишь рассмотрение динамических процессов в структуре словаря в условиях дисперсного существования русских на новых территориях.

Список использованной литературы

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII– XIX вв. / В.В. Виноградов. – М.: Госпедиздат,1934.

Виноградов В.В. История русского литературного языка: Избранные труды / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1739-1794) / Г.О. Винокур //Избанные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С.162-187.

Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века / С.И.Котков, Н.П.Панкратова. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – 312 с.

Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси/ Б.А. Ларин //Проблемы языкознания: сб. статей, посвященный 75-летию академика И. И. Мещанинова. Л., 1961 (Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 301. Сер. филол. наук. Вып. 60). – С.22-34.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни/ Ю.М. Лотман //Литературное наследие декабристов / под ред. В.Г. Базанова и В.Э. Вацуро – Л.: Наука, 1975. – С. 25 – 74.

Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования / Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.

Осипов Б.И. О термине «народно-разговорная речь города» / Б.И.Осипов // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. – Омск, 1997. – Вып. 1. – С. 5-11.

Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987.

Толикина Е.Н. Термин в толковом словаре (к проблеме отбора) / Е.Н. Толикина // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М.: Наука, 1974. – С.78-88.

КОГНИТИВНЫЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ФИЛОЛОГИИ

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

О.Б. Адаева*

Термин *лингводидактический дискурс* не имеет однозначного толкования в научной литературе и нуждается в пояснении. Связано это прежде всего с многозначностью слова лингводидактика. В отечественной науке под лингводидактикой понимают: 1) методику обучения иностранным языкам (чаще всего); 2) методику обучения любому языку (русскому, русскому как неродному, иностранному); 3) общую теорию обучения языкам, фундаментальную часть методики, «в которой исследуются закономерности усвоения языка, решаются вопросы содержания курса на основе лингвистических исследований, изучаются трудности усвоения материала и причины трудностей, определяются принципы и методы обучения» [Львов 1997: 103]; 4) особое направление языкознания, в компетенции которого оценка языковых явлений, подлежащих усвоению в процессе обучения [Зеленецкий 2008] (такая интерпретация понятия восходит к идеям Г.И. Богина, заметившим, что лингводидактика в отличие от методики решает вопрос не о том, как учить, а о том, чему учить [Богин 1980]); 5) самостоятельную интегральную науку, призванную обосновать «модель становления способности человека к межкультурной коммуникации и выявить законы построения процесса овладения учащимся языком (лингвокультурным опытом) в учебных условиях» [Гальскова 2008: 6], описывающую уровни, механизмы, условия функционирования и формирования вторичной языковой личности.

Как видим, три значения из пяти так или иначе связывают лингводидактику с обучением иностранным языкам, что вполне закономерно, т.к. анализируемый термин изначально применялся к дидактическому описанию русского языка в национальной школе [Русский язык 1977].

В данном исследовании лингводидактикой мы будем называть *теорию обучения* русскому языку (в отличие от практической методики). Мысль о разграничении практической методики и методики научной (теории методики, методической теории, теоретической методики) была высказана в середине про-

* **Адаева Ольга Борисовна**– кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики изучения русского языка Челябинского государственного университета.

шлого века, когда статус методики как самостоятельной научной дисциплины подвергался серьезному сомнению, о чем свидетельствует острая дискуссия на станицах журнала «Русский язык в школе». Даже те методисты, которые считали неприемлемым противопоставление научной методики методике практической, все же признавали разницу «между характером методической литературы, адресуемой массовому учителю, и теоретическими работами в области методики» [Текучев 1960: 91]. Подобное разграничение двух понятий отразилось и в современном названии научной специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». Естественное стремление к смысловой точности и однозначности привело к тому, что в последнее время в специальной литературе для разграничения *практической* стороны деятельности учителя и учащихся по обучению и овладению языком и теоретических основ преподавания языка все чаще используются разные термины – *методика* и *лингводидактика*.

Кроме того, термин *лингводидактика* обладает (что немаловажно) большими деривационными возможностями, чем словосочетание *теория методики*. Ср.: лингводидактический, лингводидакт − «теоретико-методический» (это прилагательное обозначает теоретический и методический), «теоретик-методист» (не используется в профессиональном сообществе).

Дискурс, вслед за В.Е. Чернявской, мы понимаем как содержательно-тематическую общность текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, в неразрывной связи с ситуативным контекстом [Чернявская 2006: 76−77]. Таким образом, лингводидактический дискурс – это совокупность *научных текстов*, содержанием которых *является новое научное знание* о целях, методах, принципах, средствах обучения, воспитания и развития языковой личности школьника, о закономерностях усвоения родной речи. Одним из источников научного знания является опыт учителей-практиков, который приобретается путем проб и ошибок, путем наблюдений и размышлений. Описание опыта работы конкретного учителя в конкретном классе, конспект урока, дидактический материал, использованный в конкретной ситуации, входят в собственно методический, но не в лингводидактический дискурс в нашем понимании. Лингводидактический текст предполагает обобщение, систематизацию, критический анализ обширного и разнообразного фактического материала, полученного эмпирическим путем, или описание результатов специально организованного эксперимента. Стремление увидеть за единичными явлениями общие закономерности позволяет прогнозировать результаты обучения. Как писала Л.П. Федоренко, «опыт замыкается на результате, теория предвидит новый результат» [Федоренко 1983: 31].

Другим источником научных знаний о преподавании языка являются достижения в смежных науках – лингвистике, психологии и физиологии, педагоги-

ке, философии и др. Совершенно очевидно, что теория, например, лингвистики − это отнюдь не теория методики, хотя они оперируют зачастую одними и теми же понятиями. Так, в лингвистике существует несколько направлений семантического синтаксиса: одно из них идет к смыслу предложения от его формальной организации (Н.Н. Арват, О.И. Москальская, Н.Ю. Шведова), другое объединяет исследования, ориентированные на обращение к структуре события, ситуации как денотата предложения (В.Г. Гак, М.В. Всеволодова, Г.И. Володина, С.А. Шувалова), третье условно можно назвать логическим (Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова). Выбрать то из них, которая максимально облегчает обучение школьников, формирование навыка свободного продуцирования речи, и обосновать целесообразность этого выбора – дело лингводидактики.

Лингводидактический дискурс, являясь частью научного и обладая его имманентными свойствами, тем не менее характеризуется рядом особенностей, выявление которых и составляет перспективу исследования. Обозначим некоторые из них.

1. «Характерной особенностью научного дискурса, − отмечает В.И. Карасик, − является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям» [Карасик 2002: 230]. − Лингводидактический дискурс отличается догматизмом, директивностью изложения, новое знание зачастую преподносится как аксиоматическое, безвариантное, единственно правильное (*учитель должен предусмотреть, преподаватель должен знать, должен учитывать, учителю следует сгруппировать, необходимо приобрести навык, нельзя проходить мимо ошибок, надо практически закрепить, необходимо помнить, нужно использовать* − все эти выражения только из одной небольшой статьи).

2. Ключевыми концептами научного дискурса являются истина, знание, исследование [Карасик 2002]. − В лингводидактическом дискурсе одним из ведущих является многокомпонентный концепт *грамотность*, ядро которого − функциональная грамотность как одна из основных целей обучения родному языку. Долгое время она складывалась прежде всего из грамотности орфографической и пунктуационной, т.е. предполагалось, что в первую очередь дети должны научиться писать без ошибок. «Такая постановка задачи, − отмечает профессор И.Г. Милославский, − базировалась на убеждении, что на родном языке процесс понимания устной чужой речи и осмысленное оформление собственной не представляют существенных трудностей. При этом обучение чтению рассматривалось как умение «преобразовывать» буквы в звуки родного языка, что, казалось, немедленно обеспечивает понимание прочитанного. По-

добное обучение чтению, как считали методисты, требовало лишь дней или недель. И неграмотный становился грамотным. Другое дело – обучение письму, т.е. «переводу» произносимого в написанное. Весьма сложная система русского правописания занимала у обучаемого уже месяцы и годы» [Милославский 2006 : 46].

Однако в последнее десятилетие в научных статья, посвященных проблеме преподавания русского языка, появились терминологические словосочетания *лингвокультурная грамотность*− «выраженные в опорных словах знания во всех сферах человеческой деятельности, позволяющие человеку, читающему текст, адекватно понять неспециальную информацию» [Шкатова 2007]; *речевая и коммуникативная грамотность* − совокупность знаний, умений и навыков, позволяющая эффективно общаться в разных ситуациях*, грамотное чтение*, под которым понимается уже не просто умение расшифровывать буквы и складывать их в слова, а умение ориентироваться в содержании текста, находить информацию, интерпретировать текст, оценивать содержание и форму текста, а также использовать прочитанное в различных жизненных ситуациях [Ковалева 2005]. Таким образом, мы можем говорить о, безусловно, прогрессивной тенденции формирования грамотности в широком смысле слова, предполагающей свободное владение умениями и навыками речевой деятельности в ее основных видах, сферах, формах. Отметим, однако, что это именно тенденция, направление развития, плодотворная идея, пока не ставшая реальностью. Функционирование терминов *грамотность* и, например, *лингвокультурная грамотность* в лингводидактическом дискурсе свидетельствует о том, что они находятся в равноправных, а не гипонимических (родо-видовых) отношениях, как следовало бы ожидать, поскольку, повторимся, под грамотностью (без конкретизирующих прилагательных) прежде всего и чаще всего понимается «письмо без ошибок», и только эта дефиниция представлена в словаре методических терминов [Львов 1997: 46].

О том, что достижение именно правописной грамотности является приоритетным направлением в обучении русскому языку, свидетельствует и разветвленная система терминов, обслуживающих этот самый разработанный раздел лингводидактики.

3. Научный дискурс характеризуется высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты является одним из системообразующих признаков данного дискурса [Слышкин 2000]. − Некоторые конкретные вопросы лингводидактики излагаются в научных статьях без опоры на «старое» знание, так, будто бы до этого времени их никто даже не затрагивал (хотя в монографиях или диссертациях ученые демонстрируют хорошее знание

специальной литературы, полемизируют с предшественниками или соглашаются с ними, отстаивают свою точку зрения, отталкиваясь от чужой).

Можно предположить, что отмеченные особенности связаны с профессиональной деятельностью авторов статей: многие ученые, участники лингводидактического дискурса, еще и бывшие или действующие школьные учителя. Исследования доктора социологических наук Е.В. Руденского свидетельствуют о сходных изменениях личности у всех лиц, занимающихся педагогической деятельностью: «Наличие этих деформаций делает учителей, преподающих разные предметы, работающих в разных учебных заведениях, проповедующих разные педагогические взгляды, с разным темпераментом и характером, похожими друг на друга… В ходе взаимодействия с субъектом учитель, используя свою личность как инструмент влияния на него, прибегает к более простым и действенным приемам, в совокупности известным как авторитарный стиль руководства. В результате в его личности появляются такие образования, как назидательность, излишняя самоуверенность, догматичность взглядов, отсутствие гибкости» [Руденский 1998].

Таким образом, лингводидактический дискурс − это совокупность научных текстов о процессе обучения русскому языку. Будучи частью научного дискурса, лингводидактический дискурс обладает рядом специфических признаков, которые детерменированы экстралингвистическими факторами.

Список использованной литературы

Богин Г.И. Современная лингводидактика /Г.И. Богин. − Калинин: Изд-во КГУ,1980. – 61 с.

Гальскова Н.Д. Ещё раз о лингводидактике / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. –2008. – № 8. –С. 2−15.

Зеленецкий А.Л. Основы теории лингводидактики / А.Л. Зеленецкий // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 9. Калуга: Калужский научный центр, 2008. –С. 479−497.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. − Волгоград: Перемена, 2002. –477 с.

Ковалева Г.С. Новый взгляд на грамотность / Г.С. Ковалева, Э.А. Красновский // Русский язык. − 2005. − № 14. − С. 2−10.

Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка / М.Р. Львов. – 2-е изд., испр. и доп.− М.: РОСТ, 1997. –256 с.

Милославский И.Г. О содержании целей и содержания обучения русскому языку в школе / И.Г. Милославский // Русский язык в школе. − 2006. − № 3. − С. 46−50.

Руденский Е.В Социально-психологические деформации личности учителя[Электронный ресурс] / Е.В. Руденский // Педагог. − 1998. − № 4. − Режим доступа: http://www.uni-altai.ru/Journal/pedagog/pedagog_4/articl_15.html. Дата обращения: 15.10.2011.

Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики / под ред. Н.М. Шанского, Н.З. Бакеевой. − М.: Педагогика, 1977. –246 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. − М.: Academia, 2000. –128 с.

Текучев А.В. Так ли уж несовершенна наша методика русского языка как наука? / А.В. Текучев // Русский язык в школе. –1960. –№ 4. –С. 88−93.

Федоренко Л.П. Теория и опыт как источник развития методической науки / Л.П. Федоренко // Русский язык в школе. – 1983. – № 1. – С. 31–38.
Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. –136 с.
Шкатова Л.А. Текстовая деятельность и лингвокультурная грамотность / Л.А. Шкатова // Текст и языковая личность: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2007 г.). – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С.332–336.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ

А.Х. Габдуллина*

Заимствование – это универсальное языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам [Володарская 2002: 96]. В изучении этого процесса важно понимание условий и причин проникновения заимствований из одного языка в другой.

Настоящая работа ставит целью проследить историю японских лексических заимствований в русский язык с конца XVII века до настоящего времени и выделить лингвокультурные факторы, обусловившие проникновение японской лексики.

В истории русско-японских культурно-языковых отношений можно выделить 6 основных этапов, оказавших влияние на русский язык.

Установление первых языковых контактов России с Японией относится к концу XVII – началу XVIII века. В этот период, благодаря японским морякам, становится доступной достоверная информация о Японии в России. Первые японские заимствования являются названиями сословий и некоторых видов рыб: *самурай* ‘воинское сословие в Японии’, *сёгун* ‘титул правителей Японии в 1192 – 1867 гг., при которых императорская династия была лишена реальной власти’; *сайра, минтай*.

Второй период связан с заключением первого русско-японского договора о мире и дружбе, развитии экономических и торговых отношений в 1855 году. Происходит открытие первых отделений японистики в российских университетах, появляется интерес к японскому языку и культуре в России. В русский

*Габдуллина Алиса Хабибулловна – преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.

язык проникает лексика морского и торгового дела, правда, впоследствии она вышла из употребления.

Русско-японская война 1904–1905 гг. привела, с одной стороны, к прекращению дипломатических отношений двух стран и приостановке межкультурных контактов, но с другой стороны, в это время наблюдается активное использование японской лексики как слов-экзотизмов.

Следствием войны стало появление в русском языке слов *микадо* ‘титул японского императора’, *тенно* ‘божественнейший’, *Аматерасу* ‘богиня солнца в Японии, культ которой связывают с происхождением династии японских императоров’, *бонза* ‘буддийский монах в Японии’, лозунга *Гасин-сётан*, в переводе означающего «претерпевать трудности ради великой будущей цели». Практически все экзотизмы, используемые в художественной литературе для описания военных действий того времени, не закрепились в русском языке: это были чуждые для России реалии, которые с течением времени забылись.

Казалось бы, Русско-японская война, завершившаяся поражением России, должна была привести к неприятию всего, что связано с Японией, к негативному отношению к японской культуре, но именно в послевоенные годы в русский язык вошли названия реалий японской культуры, сохранившие свою значимость до сих пор. Так, например, в этот период в больших городах, прежде всего в Петербурге и в Москве, даже у не очень богатых людей, в моду вошли японские *кимоно*, гравюры *укиё*-э, свитки *какэмоно*.

В 1910-1930-е годы под влиянием Западной Европы происходит обращение к японской тематике, погружение в «экзотику» в литературе, живописи и на сцене. В этот период русский язык пополнился значительным количеством японских слов, относящихся преимущественно к сфере искусства, многие из которых употребляются и в настоящее время. Например: *суйбокуга* ‘картина водой и тушью’, *кабуки* ‘вид японского театра’, ‘театр масок’, *танка* ‘пятистрочная японская стихотворная форма’, *хайку* ‘жанр традиционной японской поэзии’, *вака* ‘японский средневековый поэтический жанр’ и др.

Среди основных причин популярности всего японского в России в этот период следует назвать растущий интерес к японскому искусству и даже моду на него в Европе и в России, а также укрепление престижа этой страны в результате военных побед.

После окончания Второй мировой войны, из-за натянутых отношений Японии и России, прямые контакты двух стран практически прекратились, но интерес к Стране Восходящего Солнца не исчез. В России, хоть и в небольшом количестве, но продолжали издаваться книги о Японии и японском языке. Некоторые культурные влияния получили более широкую известность, как, на-

пример, традиционное японское искусство составления букетов *икебана*, искусство складывания фигурок из бумаги *оригами* и др.

Переломным этапом стали 1990-е годы – восстановление и развитие дипломатических, экономических и культурных связей и, как следствие, рост популярности японского языка в вузах России, распространение литературы о Японии и проникновение большого количества японизмов как из японского, так и опосредованно из английского языка в русский.

Среди внешних и внутренних причин активизации процесса лексических заимствований из японского языка следует выделить: рост престижа и укрепление Японии на мировой арене, восстановление дипломатических связей с Россией, формирование мнения о прогрессе Японии как о японском чуде, произошедшем благодаря особенностям японской культуры, уникальность и самобытность японской нации.

В конце XX века в восприятии Японии, помимо притягательного культурного образа, большую роль стали играть боевые искусства и экономические достижения. В эти годы, помимо фонетических заимствований, в русском языке появляются кальки с японских слов, относящиеся к спортивной лексике: *черный пояс, белый пояс, коричневый пояс*, указывающие на определенную степень мастерства, достигнутого в *дзюдо, карате, айкидо* (японские боевые искусства).

Помимо заимствования новых слов, в современном русском языке наблюдается процесс так называемого вторичного заимствования из японского: наряду с ранее принятым и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранним заимствованием, но имеющее иное значение [Крысин 2008]. Например, слово *татами* в значении ‘соломенные циновки стандартного размера, которыми покрывают пол в традиционных японских домах’ появилось в русском языке еще в начале XX века, а в 90-е годы этого же столетия появилось слово *татами* в значении ‘плотный упругий ковер из синтетических материалов для борьбы дзюдо’.

Хотя многие спортивные термины, заимствованные в 90-е годы, до сих пор остаются по преимуществу узкоспециальными (*боккэн* ‘деревянный меч для тренировок’, *додзё* ‘тренировочный зал’, *тамэсивари* ‘разбивание твёрдых предметов незащищёнными частями тела, практикуемое в боевых искусствах’ и др.), необходимо отметить, что некоторым подобным японизмам уже не обязательно проходить все этапы детерминологизации, в конце XX века они становятся общеизвестными за счет интенсивной употребляемости. В связи с интернационализацией многих видов спорта, расширением международных спортивных контактов, общим ростом спортивной культуры в России японские спортивные термины вовлекаются в общеупотребительный лексический фонд, становятся достоянием широ-

кого круга носителей языка. Например, такие известные понятия, как *айкидо, дзюдо, джиу-джитсу, карате, карате-до, сенсей, сумо, татами* и др.

В начале XXI века наблюдается заметная активизация употребления японских заимствований в речи молодежи. Интерес к японскому языку и культуре находит отражение в увеличении количества японских заимствований в русском языке, в первую очередь сленгизмов, характерных для поклонников *аниме* ‘японских мультипликационных фильмов’ и *манга* ‘японских комиксов’. В общении представителей особой субкультуры, *аниме-фанов*, многие русские слова заменены на японские, так что непосвященному человеку непонятно, о чем идет речь.

Заимствованное слово обычно легче укореняется в языке, если в лексической системе последнего есть особые предпосылки к заимствованию [Крысин 2004]. На каждом этапе развития русско-японских отношений были различные предпосылки. Так, в начале XVIII века это было желание Петра I наладить торговые контакты с новым государством, вследствие чего происходило навязывание элементов японского языка, но особых результатов это не принесло: население России не было готово к принятию японских заимствований. В конце XX – начале XXI века предпосылкой для активизации заимствований из японского стало распространение в мире *аниме* и *манга*, а затем и появление *косплея* (‘костюмированная ролевая игра, воспроизводящая сюжеты *аниме* и *манга*’). Однако, на наш взгляд, помимо этих явных, внешних причин, можно выделить скрытые, более глубинные предпосылки, связанные с интересом представителей невосточных культур к умению японцев гармонично сочетать внутреннюю самобытность, традиционную связь с природным началом и открытость ко всему новому, активную созидательную деятельность.

Исследование процесса заимствования японской лексики, характерного для ряда европейских и неевропейских языков, имеет существенное значение в лингвистике при решении сложных проблем межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, построении механизмов культурно-языковой адаптации иноязычного материала.

Список использованной литературы

Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96-118.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

Крысин Л.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

КОГНИТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Е.И. Голованова*

С когнитивных позиций под терминологией целесообразно понимать всю совокупность номинативных средств, используемых для формирования, хранения, развития и трансляции понятий определенной сферы знания и (или) деятельности. Важнейшие номинативные разряды, как и в общеупотребительном языке, здесь представлены словами, словосочетаниями и фразеологизмами. Каждый из этих типов терминологической номинации обладает когнитивной спецификой и прагматическими свойствами.

В центре внимания настоящей статьи находятся термины-фразеологизмы. При рассмотрении данного типа терминологической номинации важно установить, чем определяется выбор фразеологического знака: свойствами объекта номинации, особенностями познающей личности или характером процесса познания и его результатов.

Большинство однословных терминов и значительная часть терминов-словосочетаний (составных терминов) отражают классификацию объектов на рационально-логических основаниях и, как правило, содержат указание на один, наиболее существенный признак. При этом немалую долю терминологических единиц составляют обозначения, отражающие многопризнаковую классификацию. По мере развития конкретной области деятельности, углубления и дифференциации знаний потребность в такой номинации возрастает. Различные признаки профессионально значимого объекта получают вербальную объективацию либо в структуре однословного сложного термина, либо в структуре словосочетания – через расширение состава зависимых компонентов. В результате обозначение приобретает дескриптивный, описательный характер.

Неэкономность такой номинации может быть преодолена путем создания аббревиатуры. Как пишет В.А. Татаринов, «аббревиатуры называют такие явления действительности, которые могут быть отнесены к фактам, квалифицируемым как «сложные»» [Татаринов 2006: 11]. Под сложностью при этом понимается «комплексный характер явления, денотата, артефакта, их многогранность, многоаспектность, разнородность их элементов, разнообразие структурных связей в пределах системы, целого» [Там же]. Таким образом, аббревиатура позволяет целостно представить расчлененно увиденный и описанный языковыми средствами объект.

* **Голованова Елена Иосифовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Альтернативным способом обозначения сложного объекта в сфере профессиональной коммуникации выступает *фразеологизм*. Термин-фразеологизм вербализует комплексную информацию о профессиональном объекте, воспринятом в его нерасчлененной целостности.

Расчлененный и нерасчлененный способы номинации отражают разные пути познания объектов. В одном случае это «мысленное прослеживание», когда какое-либо сложное явление охватывается мыслью постепенно, часть за частью [Шемякин 1960: 8], в другом случае мы имеем дело с «мысленным обозрением», когда человек охватывает мыслью «одновременно все стороны какого-либо сложного явления» [Там же: 7]. Если знание, полученное первым путем, носит абстрактный, аналитический характер, то знание, полученное вторым путем, отличается конкретным, синтетическим характером.

Определим специфику информации, передаваемой посредством фразеологических единиц. Главное в ней – информация об обозначаемом объекте. Как отмечает М.Э. Рут, объектом образной номинации, как правило, выступает «предмет системно внеположенный», «обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком» [Рут 1992: 31]. Иными словами, «упаковка» информации о том или ином объекте во фразеологизме свидетельствует о том, что он находится (в соответствии с интерпретацией номинатора) вне известных и отрефлексированных категорий объектов. Сознание ищет выход из проблемной познавательной ситуации и находит его в создании термина-фразеологизма.

Следовательно, фразеологическая номинация в профессиональных, в том числе научных, сферах деятельности оказывается актуальной в тех ситуациях, когда профессионально значимая информация о свойствах предмета не поддается абстрагированию, но потребность в вербальной объективации ее качественной определенности четко осознается.

На выбор фразеологической номинации влияют три важных фактора: 1) целостность объекта, его доступность чувственно-наглядному восприятию или возможность соотнесения с чувственно-наглядным опытом номинатора; 2) наличие комплекса значимых характеристик объекта; 3) невозможность (или проблематичность) абстрагирования данного комплекса характеристик.

Свойства объекта, обозначенного с помощью фразеологизма, хотя и не вычленены логически, вербализуются в виде наглядного образа (подробнее см. [Голованова 2011]). Другими словами, фразеологический формат профессионального знания сигнализирует о том, что данный мыслительный конструкт возник на основе опыта чувственно-перцептивной деятельности интуитивным путем. Проследим это на примере лингвистического термина «крылатые слова».

Впервые оборот *крылатые слова* был употреблен в поэмах Гомера, где носил характер художественного образа, особой поэтической формы, ср.: «Он крылатое слово промолвил», «Между собой обменялись словами крылатыми тихо», «К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи». С помощью определения «крылатый» автор подчеркнул отличный от обыденного характер речей и слов героев, их одухотворенность, заряженность мыслью.

Как обозначение метких и образных слов и выражений этот оборот стал употребляться лишь в XIX веке английским историком, философом и литературным критиком Т. Карлейлом, а затем закрепился в работах Георга Бюхмана. Его знаменитый сборник выражений, прочно вошедших в немецкую литературную речь, «Geflügelte Worte» («Крылатые слова») выдержал ряд переизданий, благодаря чему название получило распространение и в других национальных языках.

Интересен комментарий Н.С. и М.Г. Ашукиных по поводу выбора Бюхманом обозначения для образных слов: он назвал их «на том основании, что они получили широкое распространение, перелетая как бы на крыльях из уст в уста» [Ашукин, Ашукина 1986: 5]. Не исключаем, что подобное объяснение навеяно работами самого немецкого исследователя. А это значит, что в сознании Бюхмана «крылатые слова» были еще не сложившимся понятием, а скорее концептом-гештальтом, в котором соединились рациональные и чувственно воспринимаемые признаки объекта. Что касается рациональных признаков, то под крылатым словом Г. Бюхман понимал «…постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» [Цит. По: Шулежкова 2002: 6]. Как видим, здесь впервые выделены такие важные признаки крылатых слов, как устойчивость, воспроизводимость и связь с источником.

Метафоричность рассматриваемого обозначения позволила русскому писателю-беллетристу и этнографу С.В. Максимову интерпретировать его по-своему: он стал именовать им образные выражения, пословицы и поговорки, представленные не в литературной, а в разговорной речи, например: *бить баклуши, попасть впросак, тянуть канитель*. В сходном, расширительном значении использовал сочетание «крылатые слова» и М.И. Михельсон. В своей книге «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» исследователь представил не только библеизмы, мифологизмы, литературные цитаты, изречения исторических деятелей, имена мифических и литературных персонажей, но также пословицы и меткие народные слова и выражения. Примечательно замечание самого М.И. Михельсона, которое демонстрирует степень «познанности» явления: «Крылатые слова – слова, вылетающие из уст говоряще-

го». Такое определение отнюдь не проясняет отличительных признаков крылатых слов по сравнению с другими языковыми единицами (словами и фразеологизмами).

Впервые строго терминологически в русском языкознании термин «крылатые слова» был рассмотрен С.Г. Займовским. Он выдвинул следующие отличительные признаки крылатого слова: 1) «ходячесть»; 2) меткость; 3) лаконизм; 4) принадлежность к литературно-образованным кругам, в отличие от народных пословиц и поговорок; 5) связь с первоисточником, инидивидуальным инициатором, которые могут быть прослежены или установлены [Шулежкова 2002: 11]. Интересны замечания Займовского, освещающие суть крылатых слов: «Крылатое слово – всегда намек, напоминание о замечательной мысли, моменте или обстоятельствах, всегда средство сэкономить пространное изъяснение желаемой мысли кратким и выразительным словом или фразой, дать наилучшую или наиболее сжатую редакцию важного положения науки, искусства или философии, либо ввести в курс предмета статьи, речи или доклада [Цит. по: Шулежкова 2002: 10]. Думается, что именно мысль и форма ее выражения объединяет столь неоднородные по составу крылатые единицы: кратко и нестандартно оформленная мысль становится «крылатой», легко запоминается и воспроизводится носителями языка. Примерно о том же пишет В.П. Берков: крылатые слова «дают человеку возможность сжато и ярко выразить мысль, они сообщают высказыванию такую смысловую глубину, какую трудно или даже невозможно достигнуть иными средствами» [Цит. по: Шулежкова 2002: 10].

С.Г. Шулежкова предложила заменить общепринятый термин «крылатые слова» более точным «крылатые единицы» и разграничить в их составе собственно крылатые слова и крылатые выражения. По мнению ученого, изучением крылатых единиц должна заниматься специальная наука – крылатология. В.М. Мокиенко принадлежит создание слова «крылатика», служащего обозначением всей совокупности крылатых единиц в пределах того или иного национального языка (или безотносительно к конкретному языку).

Таким образом, в конце XX – начале XXI века можно говорить об окончательном становлении содержания научного понятия «крылатые слова». Сегодня это разновидность крылатых единиц, обладающая тремя основными признаками: 1) связь с источником (автором, литературным, мифологическим, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т.д.); 2) воспроизводимость (не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы; 3) стабильность, устойчивость семантики. Гораздо более значительны по объему в составе крылатых единиц крылатые выражения, которые, помимо названных признаков, характеризуются раздельнооформленностью (состоят из двух или более компо-

нентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка) и устойчивостью компонентного состава. Понятийный характер данного термина подтверждается на языковом уровне в наличии четкой системы единиц с общим словообразовательным компонентом*: крылатое слово – крылатое выражение – крылатая единица – крылатика – крылатология*. В настоящее время этой системой репрезентируется строго логически разработанная концептуальная структура.

Устойчивость термина «крылатое слово» в лингвистическом употреблении, на наш взгляд, объясняется его правильноориентирующим характером: обыденное знание, которое реализовано в нем, поддерживает знание научное, теоретическое. Обыденное знание проецируется прилагательным крылатый (‘имеющий крылья’), а также словообразовательно и семантически связанными с ним словами «крылья», «летать», «полет», «окрыленный». Объединяющими для всех этих единиц являются концептуальные признаки ‘легкость’ и ‘быстрота’, отсюда крылатые слова 1) легко и быстро запоминаются (и воспроизводятся), 2) кратки и образны.

Наличие ассоциации «крылья» – «птица» – «гнездо» способствует тому, что слово «крылатый» может быть понято и как ‘вылетевший из гнезда, получивший возможность самостоятельного существования’ (ср. фразеологизмы *расправить крылья, подрезать крылья*). Применительно к нашему предмету – крылатому слову, выражению – это означает ‘преодолеть границы текста, в котором впервые употреблено, жить самостоятельной жизнью’. Признак «крылатый» указывает также на связь слова с мыслью, воображением говорящих и тогда точнее будет сказать, что не слово, а мысль «летит на крыльях» от собеседника к собеседнику.

Терминологическое значение рассматриваемого наименования поддерживается и на символическом уровне: крылья символизируют знание, высвобождение творческих сил и способностей. В этом мы усматриваем связь с творческим характером информации, содержащейся в крылатых словах. Именно благодаря своеобразию и новизне своей формы, точно выражающей значимое для носителей языка содержание, они получают широкое распространение в языковом узусе. Удачное воспроизведение крылатого слова или выражения вызывает у говорящего ощущение духовного озарения и эмоционального подъема. Наконец, символика крыльев, полета связана в целом с динамическим аспектом этого образа. На научном уровне эта характеристика получает свое убедительное подтверждение в том, что крылатые единицы любого национального языка относятся к числу самых мобильных языковых пластов.

Сохранение термина-фразеологизма *крылатые слова* в современном лингвистическом языке подкрепляется сознанием того, что эти единицы выступают

как особый феномен, обладающий комплексом характеристик: 1) родились в конкретном произведении или связаны с определенной исторической ситуацией – получили статус общеязыковых; 2) в отличие от обычных слов и выражений, имеют автора или источник; 3) обладают творческим потенциалом, ярко и образно выражают значимый концепт.

Именно внеположенный характер крылатых слов («на стыке законов искусства и законов языка»), неоднородный состав единиц, наличие комплекса присущих им характеристик и трудность их абстрагирования предопределили выбор в качестве обозначения данного объекта термина-фразеологизма.

Список использованной литературы

Ашукин Н.С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. литература, 1986.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е.И. Голованова. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 216 с.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке/ М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1992. – 128 с.

Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 2006. – 526 с.

Шемякин Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) / Ф.Н. Шемякин // Известия АПН РСФСР. – 1960. – Вып. 113.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЗАГАДКЕ

О.К. Григорьева*

Изменения, происходящие в жизни определенного этноса, накладывают свой отпечаток на язык. Некоторые элементы утрачивают свою актуальность и исчезают из языка. И, наоборот, появляются новые элементы, ранее не встречающиеся, которые отображают вновь возникшие явления в жизни человека. Таким образом, язык находится в постоянном движении, которое можно рассмотреть с помощью диахронического анализа.

Наиболее ярко эти изменения прослеживаются в загадках как фольклорном жанре, который использовался как во времена англосаксов, так и в современном английском языке. В загадках отражается картина мира, т.е. система

* **Григорьева Ольга Константиновна** – преподаватель Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета). Научный руководитель – доктор филол.наук, проф. И.Ф. Янушкевич.

взглядов и представлений человека об окружающей его действительности и его отношении к ней и происходящим в ней явлениям [Попова, Стернин 2007: 51]. Картина мира меняется со временем, поскольку меняется окружающая действительность, что, в свою очередь, влечет за собой изменения во взглядах и отношениях человека. Эти изменения можно проследить, изучив концепты, которыми представлена картина мира в те или иные отдельно взятые отрезки истории жизни этноса.

Так, концептосфера англосаксонских загадок (VIII-X вв.) [Exeter Book, www] включает несколько тематических полей:

1) природа, куда можно включить природные явления, бывшие объектом познания и поклонения (*wind, fire, sun, tree, wood, iceberg, water, moon and sun*), животный мир и самого человека как часть природы (*barnacle, goose, fox, ox,dog, oyster, lamprey, nightingale, swan, ten chickens, cuckoo, one-eyed seller of garlic*);

2) война, ее события, оружие, морское дело. Многочисленность загадок об этой сфере свидетельствует о ее актуальности в жизни англосаксов (*shield, battering ram, helmet, anchor, ballista, sword, lighthouse, spear, lance, coat of mail, ship*);

3) религия, объединяющая мифологическое мышление с новым, христианским учением (*siren, Lot and his family, Bible, Creation, soul and body*);

4) образование, включающее грамоту, письмо, книгу (*quill pen and fingers, book, bookcase*);

5) повседневная жизнь. Концептосфера повседневной жизни отражена в самом большом блоке, включающем загадки: а) о пище и сельскохозяйственных работах, связанных с ее добыванием (*onion, plow, rake, harrow, bread dough*), б) о предметах домашнего обихода (*flail, amphora, churn, weathercock*), в) о ремеслах и досуге (*bellows, loom, bagpipe*).

A strange creature, I cannot speak,
Mix words with men, though I have a mouth
And a broad belly
I sailed on a ship crowded with kin.
(amphora)

Количественный анализ приведенных концептуально-тематических полей характеризует их следующим образом: первая и пятая группы составляют 32% каждая от общего количества загадок, вторая группа – 16%, третья – 15%, четвертая – всего 5%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в языковой картине мира данного периода в наибольшей степени отражены окружающая природа и повседневная жизнь человека, достаточно большое место в картине мира древнего человека занимали война и сфера верований. Очень незначи-

тельно представлен фрагмент, связанный с образованием. Это вызвано двумя причинами: во-первых, грамотой владела небольшая часть населения (монахи, и далеко не все); во-вторых, образование не являлось обычным, повседневным занятием, в то время как загадка, на наш взгляд, репрезентирует именно тот фрагмент картины мира, который связан с повседневной жизнью человека.

С течением времени изменилась жизнь человека, произошли изменения в социальной и культурной жизни общества, появились новые предметы и конструкции, ранее не известные, произошли изменения и в самом человеке – его мышлении и взглядах на мир. В сегодняшнем мире человек понимает природу большинства явлений, он не относится к ним как к чему-то мистическому и неразгаданному, контролирует большинство сфер своей жизни, умеет анализировать и строить предположения и гипотезы, основанные на фактах и логике, а не на верованиях.

Концептосфера современных английских [Riddles Collections, www] загадок представлена следующими тематическими полями:

1) природа (*cold, fire, river, tree, wind, iceberg, sun, volcano, lightning, cloud*);

2) загадкиочеловекеиегобыте, включающие: а) загадкиопище (*roasting meat on a spit, onion*), б) загадкиопредметахдомашнегообихода (*towel, rug, electric fan*), в) загадкиосамомчеловеке, частяхеготела (*nose, eye, one's heart*);

3) загадки о животных и птицах (*pig, snail, chicken*);

4) загадкиограмоте, письме, книге (*dictionary, the letter 'e', cipher*);

5) абстрактныезагадки (*nothing, time, trust, tomorrow, dreams, the number PI*).

You can have me but cannot hold me;
Gain me and quickly lose me.
If treated with care I can be great,
And if betrayed I will break.
What am I?

(trust)

Некоторые загадки имеют несколько вариантов отгадки, что характерно для загадок об абстрактных явлениях.

В количественном отношении данные концептуально-тематические поля представлены следующими цифрами: большинство составляют загадки о природных явлениях (34%) и быте (36%), загадки о животных составляют лишь 6%, так же как и загадки об обучении и грамоте.

При сопоставлении концептосфер древнеанглийских и современных загадок выявляются общие тематические поля – природа и быт. Существенным отличием древнеанглийских загадок о природе от современных является тот факт, что в древнеанглийских загадках отображается страх человека перед еще не

изученными явлениями. Природные явления наделяются мистическими свойствами и становятся объектом познания и поклонения (*wind, sun, water, moon and sun*). Человек рассматривает себя как часть природы, не отделяясь от нее. В современных загадках отображаются представления человека о природных явлениях с точки зрения полученных им знаний из области физики, химии и биологии; эти явления объясняются с точки зрения законов и гипотез, построенных на здравом смысле и логике. Но, несмотря на выраженное в загадках разное отношение к природным явлениям, и в том и в другом случае им уделяется большее внимание.

Некоторые древние концепты утратили свою актуальность, и в современных загадках они уже практически не представлены. Так, например, военные и морские походы с целью захвата новых земель и обогащения, актуальные в древние времена, уже не занимают ум современного человека, и загадки, в которых романтизируются военные события и восхваляются воины и оружие, не встречаются в современном английском языке. Кроме того, жестокость современных войн не позволяет говорить о них в традиционной для загадок шутливой форме. С другой стороны, среди современных абстрактных загадок встречаются загадки, посвященные таким концептам, как «доблесть» и «мужество», что позволяет говорить о том, что восприятие стало не вещественным, а абстрактным, или понятийным.

Второй концептуальной сферой, которая утратила свое значение к настоящему времени, является религия. В древние времена религия играла большую роль в жизни человека, влияла и формировала его поведение и взгляды. Человек не смел ослушаться слов жреца или священника, беспрекословно следовал им, не всегда понимая смысл, и в древнеанглийских загадках отражаются поклонение и страх. В современном мире религия не играет такой роли и является лишь одной из сфер жизни человека.

Среди загадок современного английского языка появился блок абстрактных загадок, который не характерен для древнеанглийских загадок и причиной которого стал процесс развития человечества, увеличения его знаний и представлений о мире и изменений в мышлении.

Эволюционные процессы имели место не только в концептосфере загадок, изменились также и выполняемые загадками задачи.

В древние времена загадка имела разные функции. Во-первых, познавательная: в них отражалась первобытная мифическая символизация; поэтический образ служил здесь для описания и объяснения явлений природы и окружающей среды. Во-вторых, магическая: в народном фольклоре загадка являлась одним из видов так называемого «Божьего суда», когда ее отгадывание может привести к исполнению желаний, освободить от опасности. В-третьих, дидак-

тическая: так, в VIII в. загадка на латинском и древнеанглийском языках служила материалом для обучения и воспитания детей в школах и при дворе богатых людей, поскольку она соответствовала особенностям и формам средневекового сознания и определяла один из важнейших в то время методов школьного преподавания. В-четвертых, загадка служила целям развлечения.

В настоящее время к функциям загадки относятся дидактическая и развлекательная. Дидактическая функция реализуется при загадывании загадок детям с целью научить их мыслить, развить их воображение и сообразительность, расширить кругозор.

When do 2 and 2 make more than 4? (when they make 22)

Развлекательная функция проявляется в их шутливой, анекдотической форме:

If you see a bird sitting on a twig, how could you get the twig without disturbing the bird? (wait until the bird flies away).

Таким образом, загадки отражают опыт, знания, культуру, накопленные определенным этноязыковым сообществом, и создают своеобразную форму овладения миром.

Список использованной литературы

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Riddles Collections [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.placedirectory.com/riddles.htm

The Exeter Book [Электронныйресурс]. – Режим доступа: http://www8.georgetown.edu/ departments/medieval/labyrinth/library/oe/exeter.html. Дата обращения: 15.10.2011.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЛУПЦЕ В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.М. Маркова*

Взгляд на родной язык через призму другого, родственного или неродственного языка, открывает большие возможности не только для выявления специфики своего языка, но и установления единообразия, сходства, типологических черт, присущих языкам. Универсальными в разных языках оказываются логические механизмы языковой объективации, единообразием отличается целый ряд базовых метафор, или культурных кодов: соматический, артефактный,

*__Маркова Елена Михайловна__ – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета.

фитонимический, зоонимический, речевой, социальный, кулинарно-гастрономический, технический и др. В действии единообразных моделей семантического переноса выражается универсальность мышления человека. Вместе с тем их различное образное наполнение свидетельствует о специфике видения мира представителями того или иного этноса, обусловленной их национально-культурными особенностями. В данной статье мы обратились к лексике, номинирующей глупого и умного человека в русском и чешском языках с целью выявить универсализм славянских представлений об уме и глупости и некоторую специфику образной реализации их в двух славянских языках.

Во многих языках для образного, сниженного, иронического наименования головы как «вместилища» ума с целью показать его отсутствие используются названия различных предметов, напоминающих по форме голову: наблюдается переход «горшок», «лубок», «плод круглой формы» → «голова» как «пустая голова», «голова без мозгов». «Голову» в русском языке называют *котелком, тыквой, маковкой, грушей, ящиком*, в чешском – *palice* ‘молот’, ‘початок (кукурузы)’, *kotrba* ‘торчащая’, ‘торчок’, *bedna* ‘ящик, абажур’(от которого возможны даже дериваты *zabedněný, zabeděnec* ‘глупый, дурак’), *koule* ‘шар’, *tágo* ‘бильярдный кий’ (в сочетании *blbý jako tágo* ‘тупой как бильярдный кий’), *kokos* ‘кокос’, *ořech* ‘орех’, *kebule* (возможно, как контаминация нем. арг. *Köpel* от *Kopf* ‘голова’ и *cibule* ‘лук, луковица’, а также ‘маковка’), *šiška* ‘шишка’, *makovice* ‘маковка’ (‘головка мака’), *kedlubna* ‘капуста кольраби’, *bluma, slíva* ‘слива’, *lemon, lemoun* ‘лимон’, *bambula* ‘недотепа’ (из bambule ‘помпон от шапочки’), а в романских языках – ‘яблоком’, ‘дыней’, ‘шаром’, ‘ведром’, даже ‘скрипкой’.

Во фразеологизмах, номинирующих неумного человека, в славянских языках закреплен перенос «покрытие, верхняя часть» → «голова», причем для характеристики глупца используется образ сдвинувшейся, пришедшей в движении крыши, башни и т. п.: рус. *крыша, башня* в выражениях *башню снесло, крыша поехала, башню снесло, чердак заклинило; чердак поехал, потек* (о человеке, совершающем глупые, безрассудные поступки), чеш. *věž* во фраземе *straší mu ve věži* (букв. ‘у него нечисто в башне’).

Мотивационной доминантой поля «глупость» следует считать идею антинормы. Данная идея конкретизируется сквозными мотивами беспорядка, смещения, бездеятельности, недостатка, прерывания процесса и др. К примеру, сквозной мотив смещения реализуется с помощью следующих мотивационных признаков (частных мотивов): утрата опоры (*сбить с грунту*); шатание (чеш. *blouznit* ‘нести чушь, ерунду’, восходящее к *блудить; bloud* ‘сумасброд, чудак’ от *bloudit* ‘блудить, бродить’) (ČES); кривизна, наклон (*криво повязан*, (прост.) *мозги набекрень*); нарушение траектории движения (*сойти с ума, сумасшед-*

ший, сумасброд, съехать, сдвинуться, круливать, умом крякнуться); поворот, обратное («неправильное») движение: *спятить* (букв. ‘пойти назад’). Частный случай реализации этого мотива – образ поломки механизма, нарушения порядка в нем: *шарики за ролики зашли, сдвиг по фазе, клепок недостает, шариков / винтиков не хватает, съехать/сойти с катушек, съехать с рельс*, чеш. *haraší mu v kouli* (букв. 'у него звенит / гремит в шаре’). Типичным для актуализации образа глупца является и мотив нарушения целостности предмета, ассоциирующегося с головой, напр. в чеш. *ruplo (luplo / prasklo) mu v kouli (v bedně)* (‘у него треснуло / лопнуло в шаре / ящике’). Подобная деформация может быть связана с ударом по голове, что отражают такие вторичные номинации, возникшие на стыке метафор, как рус. *пыльным мешком ударенный* – чеш. *pytlem praštěný* ‘мешком ударенный’, а также *praštěný pavlačí* ‘ударенный галереей, балкой’.

Логическое развитие этих мотивационных линий – появление мотива движения вообще, путешествия без дороги, причем движение рассматривается как аномалия, т. к. нормой в данном случае является покой. Этот мотив реализуется в прост. *тронуться, умом тронуться*, жарг. *поплыть*, а также чеш. *mluvit z cesty* ‘спятить’ (букв. ‘говорить с дороги’), а также *vidět / znát (co) z rychlíku* (букв.‘видеть / знать что-то из скорого поезда’) о плохо, поверхностно знающем что-то человеке. Если даже дом или его части не пришли в движение, то нарушается нормальное состояние дома, заведенный порядок.

Картину разрухи и беспорядка при языковой разработке образа глупого человека дополняет еще одна важная тема: тема отсутствия в доме полной семьи (*не все дома*, чеш. *nemít všech pět pohromadě* ‘не иметь все пять вместе’), отсутствия главного человека в государстве в рус. *без царя в голове*, а также присутствия в доме нечистой силы в чеш. *šplouchá mu na maják* (‘у него нечисто в башне’).

Используется для разработки образа неумного человека и фитонимический код, реализуемый моделью: «растение» → «человек», но эта модель представлена только русской номинацией *лопух*. Растительная метафора близка ландшафтной, задействующей образ темного, непроходимого леса, что тоже отмечается только в русском: *темный лес, как в темном лесу, тундра* (о глупом человеке).

В рамках растительного кода выделяется «деревянная» метафора. В частности, сравнение глупого человека с дубом является типичным для славянских языков: рус. *дуб дубом* ‘о тупом человеке’, *как дуб* ‘о крепком, но упрямом и тупоголовом человеке’, дубиной называют тупого человека; чеш. *dub* ‘дуб’, *dřevo* ‘дерево’, чеш. *má dubovou hlavu* ‘твердолобый’, *dubová palice / hlava* ‘дубовая голова, башка’ (ср. гоголевское дубинноголовая о Коробочке); *hloupý jako*

dub (‘глупый как дуб’);*jako když mluvíš do dubu* (‘как будто с дубом говоришь’), *mlčet jako dub* (‘молчать как дуб’), *stát jako dub* (‘стоять как дуб’), *chlap jako dub* (о здоровом, но тупом молодом человеке).

Другое направление развития древесной метафоры – подключение образов деревьев с легкой древесиной, задействующих признак легковесности, свойственно только русскому языку: *пробковое дерево, тупой как пробка, бамбук*.

Такая часть дерева, как пень, в метафорической проекции актуализирует не только признаки неподвижности и негодности, трухлявости, ветхости, но и признак «торчащий» («выделяющийся на общем фоне»), который также является существенным при вербализации образа неумного человека как аномального явления и оказывается объективированным не только в номинациях: рус. *пень*, чеш. *pařez* «пень, чурбан», но и рус. *болван* (первоначально о дереве, торчащем из земли), *дубина стоеросовая* (букв. ‘стоя, прямо растущая’), чеш. *dlouhán* (от *dlouhý* ‘длинный’), чеш. *čahoun* ‘верзила’ (от *čouhat* ‘торчать, высовываться’).

На стыке «деревянной» и «артефактной» метафор возникла семантическая модель: «дубина, палка» → «глупый человек», реализуемая во вторичных номинантах *дубина, колода*, сюда же можно отнести *остолоп* как производное от *столп, столб* (ЭСРЯ), *балда* ‘шишка, нарост на толстом конце палки’ (БФСРЯ) и им соответствующие чеш. *bidlo* «жердь, шест», *klacek* «каланча, балбес» (от *klacek* «дубина, палка»). А вот использование названий полых изделий из дерева актуальны для наименования глупца в чешском языке, ср. чеш. *hloupý jako necky* ‘глупый как корыто’; *truhlík* ‘ящик (для углей, цветов)’.

Полые, имеющие пустую внутренность предметы вообще нередко метафорически переосмысляются для обозначения неумного человека, особенно активно эта модель работает в чешском языке: *prazdná nádoba* ‘пустой сосуд’; *trumdera, trulant* «болван, балбес» из «труба» (музыкальный инструмент, имеющий полую внутренность и издающий глухой звук); *trouba* «олух, болван» из *trouba* «труба». Специфически чешской является ассоциация глупого человека с кишкой во фраземе: *učiněné střevo* (букв. ‘кишка законченная’).

Деревянными могут быть и орудия труда, наименование которых также втягиваются в рассматриваемое поле. При этом к характеристике материала может добавляться и признак формы: разного рода колотушки, песты и другие «дубиноподобные», тупые предметы, имеющие утолщение на конце и напоминающие голову, могут ассоциироваться с глупым человеком: рус. *орясина* «большая дубина, палка», *колотушка* «глупая женщина», чеш. *palice* ‘деревянный молот’, *prázdná palice* (букв. ‘пустой молот’ о тупом, упрямом человеке), чеш. *trdlo* «дубина» (первоначально как «приспособление для растирания мака», восходит к *třít* «тереть» (ČES).

Использование дерева в качестве строительного материала дает взаимодействие растительной метафоры со строительной. Мотив необработанного дерева присутствует в номинациях дурака, ср. *неотесанный, полено нестроганое, чурка с глазами, чурбан*, чеш. *blbý jako poleno* ‘тупой как полено’. Отсутствие ума у человека подчеркивается и с помощью замены его на мусор, отходы от производства, чаще всего древесные: рус. *у него в голове опилки, солома*; *голова мякиной набита*; чеш. *má v hlavě piliny / drtiny / otruby* ‘у него голове опилки / стружки / отруби’.

Представление о том, что глупый человек способен выполнять только самую примитивную, простую, монотонную работу способствовало возникновению метафоры на базе наименований долбящих орудий, которые могут быть сделаны не только из дерева, но и из других материалов: рус. жарг. *долото, кувалда*, чеш. *palice* ‘молот’, а также на базе предметов, которые вбивают, что отражает чеш. *cvok* ‘ненормальный, помешанный’ (из первичного *cvok* ‘гвоздь’). Не только долбящие инструменты, но и крутящиеся части примитивных орудий могут вовлекаться в метафорическую разработку образа глупца, что демонстрирует чеш. *motovidlo* ‘пентюх, увалень’ (первоначально ‘часть прялки для наматывания пряжи’, восходит к прасл. *мотать*) (ČES), чеш. *vrták* ‘растяпа’ из первичного ‘сверло, бур’. Этнокультурное разделение в данном случае проявляется в том, что в русском языке образ дурака связан с долбящими орудиями, а в чешском – с крутящимися.

Со стороны речи глупца может характеризовать, с одной стороны, неспособность хорошо говорить, косноязычие, отсутствие вразумительных высказываний, что выражают сравнения с деревом, пнем в обоих языках, а также рус. (прост.) *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* и чеш. *hloupý až bučí* (букв. ‘тупой до мычания’), рус. *мямля* и чеш. *mameluk, mamlas*. С другой стороны, глупого может отличать и пустая болтовня, ненужное многословие, что отражают номинации: рус. *бесструнная балалайка* и чеш. *třeštidlo* ‘сумасброд, вертушка’ (от *třeštit* ‘трещать, болтать, беситься’), *popleta* ‘путаник, бестолочь’ (от *popletený* ‘сбивчивый, путаный, бестолковый’); рус. *молоть из пустого в порожнее* и чеш. *mlít voloviny* (от *vůl*) ‘молоть глупости’.

Артефактная метафора представлена во вторичных номинациях глупца семантической моделью: «головной убор, чехол, мешок» (как пустая емкость, упаковка, оболочка без содержимого) → «человек»: рус. *шляпа*, (уст.) *колпак* ‘глупый, недалекий, простоватый человек’ (РСС) – чеш. *čápice* ‘шапка (вязаная)’ в значении ‘глупая женщина’; рус. *мешок, тюфяк* – чеш. *balík* ‘пакет’ в значении ‘неотесанный человек, мешок’, *pytlík* ‘мешок’, *mezulán* ‘глупец’ (первоначально ‘вид дешевой хлопковой ткани’).

Типичным для номинации дурака является сравнение с обувью. Использование «обувной» метафоры для обозначения глупости человека вполне естественно: в семантике слов, обозначающих виды обуви, имплицитно присутствует не только сема округлости, но и сема низа, сниженности, приземленности, которая дает негативные коннотации, т. к. обувь наиболее удалена от головы и является своеобразным антиподом последней (ср. рус. *валенок*, жарг. *башмак, калоша, туфля, тапочек, сапог*, чеш. *hloupý jako bota* ‘глупый как ботинок’, чеш. *bačkora* ‘тапочек’ (в значении ‘безвольный человек, простофиля, тюфяк’). В качестве наращения к «обувной» метафоре задействуются и названия старой, поношенной обуви: напр., рус. *тупой как старый башмак*, чеш. *hloupý jako stare boty* ‘глупый как старые ботинки’, *jako farařové boty* ‘как ботинки приходского священника’, на стыке «обувной» и зоонимической метафор появилось чеш. *hloupý jako hovězí boty* ‘глупый как бычьи ботинки’

Поскольку дихотомия «умный»–«глупый» метафорически проецируется на оппозицию «острый»–«тупой», то для наименования глупого человека используются предметы, имеющие тупые, закругленные края (ср. и выражение *круглый дурак*): напр., чеш. *hloupý jako patník* (от *pata* ‘пятка’) ‘тупой как (каменная) тумба’.

Социальный код представлен номинациями представителей тех слоев, которые обладают в сознании номинатора низким социальным статусом, – провинциалов, жителей деревни, периферии, сказочных образов крестьян-простофиль: напр., рус. *Маша с Уралмаша, как умная Маша, сибирский валенок, тульский пряник, тюмень, колхозник, деревня, Иванушка-дурачок*, чеш. *hloupý Honza*, (арг.), *Jakub* ‘глупец, идиот’.

Издавна человеческие качества сближались с теми или иными особенностями, приписываемыми животным, в частности, глупость ассоциируется в славянском языковом сознании с такими животными, как *осел, баран*, (рабочая) *лошадь, курица* (чеш. *slepice*), вообще *птица*: ср. рус. *глуп как осел, как баран, как сивый мерин, баранья башка, куриные мозги*; чеш. *osel, moula, mezek* (осел, лошак), *kůň* ‘лошадь’, *beran* ‘баран’, *hlava skopová, skopovice* ‘баранья башка’, *jít jako ovce za beranem* ‘идти как овца за бараном’ (рус. *как стадо баранов*), *mít slepičí mozek* ‘иметь куриные мозги’, *ptačí mozeček* ‘птичий мозг’. Вместе с тем есть и спецификации в образной реализации зоонимического кода для выражения представления о глупом человеке. В русской лингвокультуре этот образ получает эталонное сравнение также с уткой: *доходит как до утки*, (грубо-прост., презр.) *вумная как вутка*, а в чешской – с образами гусыни (чеш. *hloupá husa* ‘дура’), вола (чеш. *vůl*), быка (*hovado*), верблюда (чеш. *verbloud*), а также молодого бычка – чеш. *bulík* переносно значит ‘болван, дурак’, что получило дальнейшее развитие во фраземе *věšet bulíky na nos* (букв. ‘вешать бычки на

нос’, ср. с рус. *вешать лапшу на уши* или *водить за нос* ‘морочить голову’), откуда глагол *bulíkovat* ‘дурачить, морочить голову’.

«Неумным» животным, с которыми сравнивается глупый человек, считаются в русской и чешской культурах также коза: рус. *смотреть как в афишу коза*; чеш. *mluví jako koza před smrtí* ‘говорит как коза перед смертью’; *je (s kym) řeč jako s kozou na ledě* ‘с ним говорить как с козой на льду’; *rozumět jako koza petrželi* ‘понимает как коза в петрушке’ (ср. в рус. *как свинья в апельсинах*). Отсутствие ума актуализируется с помощью образов мелких насекомых, обосновавшихся в голове вместо мозгов, напр. в чеш. *má švába na mozku* ‘у него таракан в мозгу’, ср. с рус. *у каждого в голове свои тараканы*.

Итак, в разработке образа глупца в славянских языках используются базовые метафоры смещения, кривизны, поломки, беспорядка, тупого звука, пустоты, сравнение с деревом, его обрубками, изделиями из него, головными уборами, обувью, которые нередко усиливаются признаками ветхости, мусора, примитивности, что в целом имплицитно выражает отрицательную коннотацию образа глупого человека.

Список словарей и их сокращений

ИЭСРФ – Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь /СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд-е, испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка /под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

РСС – Русский семантический словарь. В 4-х т. / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998 – 2007.

ССРЯ – Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 608 с.

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер. –4-е изд. – М.: Изд-во «ИДДК», 2004.

ČES – Rejzek J. Český etymologický slovník. – Praha: Leda, 2001. – 742 s.

Klégr A. Tezaurus jazyka českého: slovnik českých slov a frází souznačných, blizkých a příbuzných. Vyd. 1 / A. Klégr. – Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2007.– 1189 s.

Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník/ V. Mokienko, A. Wurm. – Olomouc: Univerzita Palaskdho v Olomouci, 2002. – 660 s.

Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání / F. Čermák, J. Hronek a kol. – Praha : Leda, 2009.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha: Academia, 2003. – 648 s.

МЕНТАЛЬНОСТЬ НАРОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.В. Пименова*

Стремительное развитие когнитивной лингвистики и концептуальных исследований привело в расширению их терминологической базы. Очень быстро, буквально за какие-то десять лет, отечественная лингвистика приняла в свой метаязык несколько терминов, которые активно используются и широко употребляются в различных исследованиях. Среди таких терминов *языковая картина мира, концептуальная картина мира, ментальность, концепт, структура концепта* и др. У этих терминов много неоднозначных толкований. Остановимся подробнее на некоторых из них.

В метаязыковом аппарате лингвистики есть два термина, у которых нет однозначного толкования. Многие исследователи их смешивают, однако, по сути, они не являются синонимами. Речь идет о таких терминах, как *концептуальная система* и *концептуальная картина мира*.

Концептуальная картина мира представляет собой полную базу знаний о мире (донаучных и научных), накопленную за всю историю существования народа, говорящего на языке. Концептуальная картина мира не совпадает с языковой. Она сложна по своему строению, отличительным ее качеством является многоуровневость. Если в языке существуют процессы архаизации и десемантизации, то в концептуальной картине мира аккумулируется всё, что когда-то было познано, названо и освоено. Первый уровень в ней образуют знания архаичные, реликтовые (донаучные), это знания дописьменного периода. Далее появляется уровень знаний, который частично фиксируется в разного рода текстах. Последующие уровни – это знания разных наук, как систематизированные, так и несистематизированные. Язык «запомнил» и сохранил эти знания в своих знаках и категориях (например, к категории живого в русской концептуальной картине мира относятся не только животные (живые!) и человек, но и *растения*, которые *живут* и *умирают*; эта категория связана с категорией одушевленности – наделенности душой).

Концептуальная система – это совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка. Они реализуются в виде репрезентантов – языковых знаков. Концептуальную систему можно назвать ментальным каркасом языковой картины мира. Концептуальная система – сложное образование: ее формируют концептуальные подсистемы, такие, например, как концепты небесного

* **Пименова Марина Владимировна** – член-корреспондент САН ВШ, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

мира (*солнце, звезды, луна, комета, планета, небо* и др.), ландшафтные концепты (*земля, море, река, луг, лес, тайга, океан, озеро* и др.), зооконцепты (*птица, зверь, хищник, бабочка, божья коровка, стрекоза* и др.), антропоконцепты (*властитель, правитель, подданный, воин, путник, музыкант, учитель* и др), социоконцепты (политические концепты, идеологические концепты, интерперсональные концепты, религиозные концепты, этические концепты) и т.д.

Под *концептом* понимается совокупность закреплённых признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента. Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концептов. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В концепте заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание структуры концепта, актуального для определённой культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления.

В языке отражена концептуальная система. Концептуальная система – это весь объём моделей осмысления и описания мира и его фрагментов. Такую систему можно назвать традиционной, т. к. она функционирует в виде устойчивых форм языка. Концептуальная система консервативна. И в то же время эта концептуальная система кумулятивна; она развивается, дополняется новыми признаками, т. к. язык имеет свойство самообновления, обладает способностью к порождению новых языковых форм для выражения новых знаний.

Язык – хранилище народного, национального мировидения. В языке мир классифицируется по специфическим признакам. Признак концепта – это атом смысла. «Концептуальная система обладает принципом голографичности. Суть принципа заключается в том, что концепты, составляющие эту систему, представляют собой совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации стоящих за ними фрагментов мира. При этом каждый признак концепта есть самостоятельный концепт, т.е. у признака есть свои признаки» [Пименова 2011: 17].

При возникновении слова первичным будет мотивирующий признак (внутренняя форма слова). По мере освоения в речи слово обрастает дополнительными смыслами, что связано с интерпретацией и познанием нового. Мотивирующий признак характеризуется приращением образных признаков, «примеривающих» рождающийся концепт к уже существующим в сознании носителей языка (признаки природного и предметного миров). Эти смыслы в даль-

нейшем предполагают развитие понятийных признаков (в традиционной терминологии это компоненты значения, или семы). Далее появляются вторичные значения слова, для которых свойственно «овеществление» абстрактных смыслов; в структуре концепта появляются категориальные признаки, среди которых ценностно-оценочные, пространственные и темпоральные признаки. Высшей степенью абстракции считается появление в структуре концепта символических признаков.

Исследование концептуальной структуры позволяет выявить более глубокие и существенные свойства референта. Такие свойства представляют обобщённые признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для их опознания. Референциальные признаки формируют структуру концепта. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом. Познание есть процесс образования или выявления признаков объектов мира, это процесс построения информации или упорядочивание знаний о мире.

Концепты – единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключаются знания о мире. Эти знания относятся к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров и есть концепт. Концепт – это представление о референте (фрагменте мира). Такое представление (образ, понятие, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения.

Введем еще несколько терминов, востребованных в связи с появлением новых исследований.

Парные концепты. Под *парными концептами* понимаются те, у которых слова-репрезентанты считаются полными или частичными синонимами. Существование слов-дублетов обусловлено историческими факторами развития языка: на каком-то этапе в одном языке появляются двойные именования одного и того же референта. Так, концепт *луна* объективируется в русском языке вариантом (полным синонимом) *месяц*. По времени появления первичным является слово *месяц*. Позже в русском языке *месяц* вытесняется словом *луна*. Примерами парных концептов служат такие, как *истина* и *правда*, *ложь* и *обман*, *горе* и *злосчастье, мечта* и *грёза* и др.

Бинарные концепты. Под *бинарными концептами* понимаются такие, слова-репрезентанты которых являются антонимами. Эти концепты можно назвать также оппозитивными. К примеру, бинарными концептами будут *любовь* и *ненависть, свет* и *тьма, друг* и *враг, строить* и *разрушать, много* и *мало* и др.

Эквивалентные концепты. Под *эквивалентными* понимаются концепты, структуры которых полностью или частично совпадают, особенно в мотивирующей и понятийной своих частях, а их репрезентанты выступают равнозначными при переводе. Сопоставительные концептуальные исследования позволяют обнаружить общее и специфическое в структурах эквивалентных концептов. К разряду эквивалентных концептов относятся *душа* и *soul, сердце* и *heart*, *мудрость* и *wisdom, дух* и *spirit, ум* и *mind, воображение* и *imagination* и др.

Первоначально исследователи обратили внимание на связь языка и мышления (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ), затем обратились к «логическому анализу языка» (Н. Д. Арутюнова), позже ментальность был выделена как самостоятельная научная проблема (В. В. Колесов).

Современная лингвистика успешно развивает теорию ментальности. Термин *ментальность (менталитет / ментализм)* появился в 20-е гг. XX в. в связи с интересом к ноосфере, и первоначально использовался исследователями «диких народов» (Б. К. Малиновский). До сих пор нет общего определения терминов *менталитет* и *ментальность*. Многочисленные формулировки основываются на различных концепциях, подходах, проанализировав которые, В. В. Колесов приходит к заключению, что «менталитет и ментальность отличаются друг от друга различным составом своих содержательных форм» [Колесов 2004: 11]. Менталитет «в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Колесов 2004: 15].

На современном этапе развития языкознания одной из первоочередных может быть названа проблема определения общей для языка и культуры онтологической платформы. Для этого необходимо изучить языковые единицы как средство хранения и передачи ментальности носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность. Существует разные определения термина *ментальность*. А.Я. Гуревич [1984: 9] под *ментальностью* понимает не сформулированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные культурные установки, общие ориентации и привычки сознания, «психический инструментарий», «духовную оснастку» – уровень интеллектуальной жизни общества. Иначе определяет этот термин В.В. Колесов [1995: 15]: «Ментальность – это миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера

в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры». «Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» [Колесов 2004: 15].

Рассматривать ментальность народа в отрыве от изучения языка и культурного контекста невозможно, это взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимообусловленные явления. Изменения в обществе, особенно это касается изменений в религии, морали и повседневной жизни, влияли на то, что некоторые категории культуры переосмыслялись, причем кардинально. Особенно это заметно при сопоставлении культур одного народа в разные эпохи или при сопоставлении культур разных народов. В древнерусской культуре категория смерти не включала понятий ада (пекла), которые были привнесены в нее христианством. Душа, по древним представлениям русских, попадала на тот свет вместе с дымом погребального костра. Земля была матушкой-кормилицей. Сейчас земля ассоциируется со смертью, именно в ней покоятся тела умерших. В китайской культуре о категории смерти Лао-цзы сказал так: «Откуда мне знать – быть мертвым здесь – не означает ли быть живым там?».

Ментальность – оборотная сторона картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий, т.е. когнитивную сетку, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании. Категории, образующие картину мира, составляют основной семантический инвентарь культуры, потому что они запечатлены в языке, образуя его каркас. Человек думает о мире так, как «подсказывает» ему язык. Мыслить всем людям приходится сообразно концептуальной системе, которая составляет основу языка, его фундамент.

Концептуальный мир есть система понятий, образов и символов, что составляет ментальную модель мира. Это совокупность знаний и представлений о действительности, которые выражены в системе языка в виде соответствующих категорий и форм. Концептуальный мир – основа ментальности народа.

Культурные коннотации, скрывающиеся за словом, представляют предмет отдельного изучения. Коннотативное значение, согласно Л. Ельмслеву, – это вторичное значение, означающее которого само представляет собой некоторый знак. Культурные коннотации связаны с различными областями жизнедеятельности человека и могут быть обусловлены историческими событиями, религией, бытом, донаучным познанием мира.

Пути ассоциирования – наиболее интересная область изучения свойств различных языков в рамках концептуальных исследований. Так, в русском языке молчание ассоциируется с замком (*повесить замок на рот; закрыть рот на*

замок), в английском – с пуговицами (*to button up one`s mouth*), бабочка в русском и английском ассоциируется по признаку формы с галстуком (*bow-tie, dicky-tie*), немецкое *Schmetteling* никогда не используется для обозначения галстука-бабочки. В английском *bullfinch* «снегирь» образовано от двух слов *bull* «бык», «бычий» и *finch* «вьюрок», «зяблик», в русском языке слово *снегирь* образовано от *снег* и коннотаций не имеет, немецкое *Gimpel* означает не только «снегирь», но и «простофиля». Лягушка в русской языковой картине мира имеет ассоциативные связи с царевной (в сказке «Лягушка-царевна»), в английской языковой картине мира – с комком в горле (*frog-in-the throat; to have frog-in the throat* «хрипеть»). В русском варианте ассоциации возникают на основе фольклорных традиций, в английском – на основе исторических реалий (французское «окультуривание» Англии сказалось и на традициях питания, – не каждый англичанин принял французскую кухню).

Знание культурных коннотаций народа важно при исследовании концептуальных структур. Значимый русский культурный концепт *душа* при переводе в другую концептуальную систему заменяется на адекватный значимый концепт иной культуры: при переводе известной строчки из А.С. Пушкина *Татьяна (русская душою)…* душа «исчезает», а «появляется» сердце, понимаемое в английской культуре как средоточие материальной (физической) и духовной жизни человека и всего народа в целом (в результате получается *Russian in the heart*).

Язык отображает концептуальную картину мира. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте этом мире. Современный человек не всегда осознает то, какими языковыми ресурсами он пользуется в повседневности. Это заметно при анализе слов, получивших свое переосмысление в ходе развития языка: в выражениях *сердечный приступ, завоевать сердце дамы* современник с трудом заметит военные метафоры. И это указывает на то, что за период существования этноса изменилась концептуальная сетка, понятиями (ячейками) которой носитель языка оперирует в своем познании действительности.

Культурные особенности концептов проявляются в исследовании системы категорий, отображающих понятийные и образные признаки. Многое о концептуальных признаках могут поведать сочетаемостные свойства репрезентантов концептов. Как часто говорилось о том, что русский народ ленив и не может хорошо и продуктивно работать, о чем якобы свидетельствуют пословицы и поговорки (*Работа не волк, в лес не убежит; Дураков работа любит*). И никто из исследователей «не заметил», что работа в русской концептосфере категоризуется признаками ‘привычки’ (*я привыкла работать*). В русском языке для выражения этого признака существует множество сочетаний (*привычка работать, привычная работа; привыкнуть работать; привыкай работать* – не императив, а оптатив, т.е. не приказ, а пожелание). И попробуйте образовать

подобные словосочетания с именем лень и глаголом лениться *(*привычка лениться; *привычная лень,*привыкай лениться*, но *привык лениться*).

Говоря о культурной памяти слова, следует затронуть вопрос об архаичных признаках соответствующих концептов, в виде которых в языке фиксируются первичные знания о мире. Под *архаичными* понимаются признаки концептов, зафиксированные в исторических и историко-этимологических словарях конкретных языков, но не отмеченные в словарях современных языков, а также признаки, диктуемые языковым материалом, но не зафиксированные в словарях соответствующих периодов. Архаичные признаки выражают наивные, обыденные представления народа о мире, которые не утрачены языком, но уже не осознаются носителями современного языка [Пименова 2007: 17]. Архаичные признаки возможны только у тех концептов, история репрезентантов которых достаточно древняя. Так, архаичные признаки концептов *сердца* и *heart* включают в свой состав признаки ‘солнечное сплетение’, ‘желудок’, ‘нутро’, ‘чрево’, ‘утроба’, ‘живот’, ‘желание’ и др. Первоначальной для образования признаков *сердца* и *heart* выступает биоморфная система. *Сердце* – это и реально существующий кровеносный орган в левой стороне груди, и все внутренности в целом. При этом ритуальная практика гадания по внутренностям животных и птиц, религиозная символика и атрибутика, культурные традиции и народная гносеология определяют ту систему образов, которая развивалась одновременно и существовала параллельно с биоморфной системой. Культурная память слова настолько консервативна, что донесла до нас реликты древнего знания, показывающие этапы освоения мира, как внешнего, так и внутреннего. Биоморфная модель переносов способствует появлению у концептов *сердца* и *heart* символических признаков Бога, жертвы, сосуда, которые при этом выражают архаичные мифологические представления о строении мира – макро- и микрокосма, объединяемых живительных огнем – земным и небесным. Изменения в системе верований повлекли за собой появление образов, зафиксированных в тексте Библии.

По развитию концептуальной структуры можно судить об исконности или заимствованности того или иного концепта: у заимствованных концептов слаборазвитая структура. Даже при наличии многих признаков эти признаки плохо группируются, что свидетельствует о малом времени, затраченном на осознание различных сторон этого концепта, а также на внедрение его признаков в языковую практику. Чем обширнее представлены отдельные группы различными признаками, тем древнее концепт, на осознание его структуры затрачено больше времени, больше признаков усвоено носителями языка, значительная часть структуры такого концепта относится к общенациональным знаниям, а не индивидуальному опыту. В русском языке среди исконных концеп-

тов внутреннего мира, характеризующимися невероятным спектром признаков, можно назвать такие концепты, как *душа, сердце, мысль* и др.

Заимствованные концепты, помимо слабо развитой структуры, имеют еще некоторые отличительные особенности. Многие признаки таких концептов пришли вместе со словом в виде мотивирующего признака (не осознаваемого таковым народом, заимствовавшим концепт) и признаков, производных от него. При этом мотивирующий признак будет частотно представлен в отдельных контекстах, в отличие от древних, исконных концептов, мотивирующие признаки слов, репрезентирующих их, мало осознаются носителями языка и реализуются в виде стертых метафор. Другими словами, мотивирующий признак заимствованного концепта неизвестен из-за незнания исходного языка, но он востребован и актуален, у исконных концептов этот признак иногда просто забыт. Некоторые заимствования появились в языке вследствие развития культурных связей между народами, а значит, и восприятия новых знаний, известных другим народам. Такие знания связаны, в первую очередь, с мифологией и устным творчеством. Некоторые знания пришли в виде конкретных философских теорий. Примером этому может служить концепт идея. Учение об идеях было предложено Платоном. Часть признаков этого заимствованного концепта восходит именно к его учению. Другая часть признаков относится к мифу об Афине, который, вместе с концептом идея и лежащим в его основе мифом, был перенесен через все западноевропейские культуры, в Россию (см. подробнее: [Пименов, Пименова 2005: 143-176]).

Язык каждого народа можно назвать народной энциклопедией, фиксирующей все знания о мире и опыт предыдущих поколений. В языке хранится многое из того, что было познано народом на протяжении своей истории, потому что любая культура рождается и развивается в национальных формах. Включение «культурного компонента» в процесс изучения иностранного языка представляется важным и необходимым.

Список использованной литературы

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С. 13 – 24.

Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с. (Slavica Petropolitana).

Пименов Е.А., Пименова, М.В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта идея и немецкого концепта Idee) / Е.А. Пименов, М.В. Пименова // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005 – С. 143-176. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).

Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ / М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
Пименова, М. В. Концептуальный мир – основа ментальности / М.В. Пименова // Образ мира в зеркале языка: сборник научных статей; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта, 2011. – 567 с. – С. 16-26. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).

СОСТОЯНИЯ ПРИРОДЫ, ПРОЯВЛЯЕМЫЕ ЦВЕТОМ, В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.А. Селеменева*

В современных исследованиях по гуманитарным проблемам часто в терминологическом и метафорическом значении встречается словосочетание «картина мира». В терминологическом смысле *картина мира* уже стала одной из основных категорий лингвистики, культурологии, истории, философии, неким фундаментальным понятием, описывающим человеческое бытие [Маслова 2008 : 60]. Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это «человек и среда в их взаимодействии» [Маслова 2008: 62], то картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке» [Цивьян 1990: 5].

Одним из интереснейших фрагментов национальных картин мира является тот, что связан с описанием природы и её различных состояний. Каждый этнос, живя в определённой климатической среде и природных условиях, зачастую упускает из виду, что «не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, жёлтая или чёрная), и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце» [Вежбицкая 1996: 233–234]. Другими словами, не следует забывать, что именно климат, природа наряду с культурно-бытовыми традициями и физиолого-антропологическими особенностями обусловливают «специфические качества, которые образуют основу национального характера, темперамента и национальной ментальности» [Корнилов 2011: 122].

Мы в своей статье обращаемся к анализу простых предложений со значением «состояние природы» с целью описания специфики осмысления национальным сознанием одной из «разновидностей» состояний природы – состояний, проявляемых *цветом*.

* **Селеменева Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания русского языка Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Несмотря на то, что цвет – это «самое ясное визуальное качество, воспринимаемое человеком и имеющее для него первостепенное значение» [Рузин 1994: 81] в силу зависимости от цвета настроения, эмоций и даже физического самочувствия человека [Василевич 2008: 42], круг лексем, маркирующих «цветные» состояния в природе, довольно ограничен. Это слова категории состояния, личные глаголы в безличном употреблении, некоторые личные глаголы и краткие формы имён прилагательных, которые формируют соответственно два структурных типа предложений со значением «состояние природы» – односоставные безличные и двусоставные*: алеть, белеть, бело, блекнуть, буро-зелено, выцвести, дымно-серо, желтеть, жёлто, зеленеть, зелено, золотеть, краснеть, мутно, прозрачно, размыто, розоветь, розово, сереть, серо, сине, синевато-темно, синеть, цветисто, черно: На дворе сизели сумерки, но ещё светло было,* ***бело*** *от снега* (Бунин. Худая трава); *В лесу чуть* ***синело*** (Симонов. Живые и мёртвые); *Берёзовые рощи долго не* ***желтели*** (Паустовский. Наедине с осенью); *Кругом всё было* ***серо*** *и сумрачно, но это было уже утро* (Кнорре. Орехов) и под.

Самыми частотными из «цветных» состояний являются такие градуальные состояния, как *бело* и *черно* (составляют около 39 % от всех состояний, проявляемых цветом): *Но в тайге не так* ***черно****, как тут* (Горбатов. Донбасс); *Кругом* ***белым-бело****!* (Черкасов. Чёрный тополь) и др. Их востребованность не является случайной. Ведь бинарная оппозиция *белого* и *чёрного*, по мнению лингвистов Б. Берлина и П. Кея, рассматривавших цвет как культурную реалию и развивавших идею поступательного развёртывания системы цветовых категорий, являлась первичной для всех древних языков и связывалась с регулированием человеческой жизни двумя факторами – дневным светом и ночной тьмой. Более того, именно отсюда выводится устойчивый для большинства культур комплекс положительных значений *белого, белизны* и отрицательных – *чёрного, черноты* [Василевич 2008: 17]. Находит этот «архаический» комплекс место и в русской языковой картине мира, где положительное оценивание состояний, «окрашенных» в белый цвет обусловлено не только природными условиями, наличием зимнего времени года, характеризующегося обильным выпадением осадков в виде снега, но и как раз особым отношением русских к *белому* цвету. Состояние *бело, белым-бело* – это состояние чистоты, некой первозданной свежести, неосквернённости лика земного человеческой деятельностью*:* ***Белым-бело.*** *За склоном горы чуть тише* (Черкасов. Конь Рыжий); *Этак утром просыпаемся, выхожу я из палатки, а кругом* ***бело****, точно саваном покрыло всё…* (Мамин-Сибиряк. Клад) и др.

Связь состояний, проявляемых цветом, с состояниями *света* и *тьмы*, особенно прослеживается в словах *белеть, синеть, сине, чернеть, черно*: в вы-

бранных контекстах *белеть* – это не просто состояние изменения интенсивности цвета мела, а состояние просветления; *синеть (сине)* – некоторое переходное состояние от светы к тьме или, напротив, от тьмы к свету; а *чернеть (черно)* – состояние наступления темноты: *Снег продолжал валить хлопьями, в воздухе* ***белело***(Короленко. Черкес) (т.е. в воздухе *светлело*); *Но по привычке и обычаю людей немолодых сестра хозяина всё равно проснулась довольно рано. За окном лишь* ***синело****, а в доме горел электрический свет* (Екимов. Пиночет) (*синело* – переход от тьмы к свету); ***Синело*** *до самой глубокой тьмы. Наступала ночь* (Садур. Сад) (*синело* – переход от света к тьме); *Ещё совсем* ***черно*** *было за замёрзшими окнами* (Слонимский. Инженеры) (в подобных контекстах *черно* – это наивысшая степень интенсивности проявления состояния темноты) и др.

Встречаются в русской языковой картине мира и другие состояния, проявляемые или не проявляемые цветом. Однако они являются довольно редкими. Состояние *серости* (*дымно-серо, серо, сереет*) ассоциируется у Наблюдателя с плохой погодой, некой тяжестью, давящими ощущениями, переходом к состоянию *тьмы*: *Было светло, но по-осеннему скучно и* ***серо***(Горький. Челкаш); *В воздухе начинало чуть-чуть* ***сереть****, и Серпинин, когда они прошли полпути, метров шестьсот, подумал, что возвращаться из батальона он будет уже в темноте* (Симонов. Живые и мёртвые) и др.

Состояния, окрашенные в *зелёный* цвет, в русской языковой картине мира редки. А ведь *зелёный* цвет – цвет самой матушки-природы: полей, лугов, трав, деревьев и т.д. Это связано, вероятно, с краткосрочностью периода проявления данного «зелёного» состояния природы на большей части территории России: *Летом –* ***зелено****, но не цветисто, и колюча дорожная пыль* (Слонимский. Андрей Коробицын); *Мутно-золотая заря блекла в облаках за полями, отсвечивала в лужах, мокро и* ***зелено*** *было в полях* (Бунин. Грамматика любви) и др.

А вот состояния, проявляемые *жёлтым* цветом, встречаются чаще, чем *зелёным*. Вообще *жёлтый цвет* дефинируется в толковых словарях как один из цветов солнечного спектра, цвет яичного желтка, спелых злаков, золота. Это вроде бы позволяет прогнозировать положительные коннотации состояний *желто, желтеть* в природе. Однако для русской языковой картины мира это не так. Состояния, проявляемые жёлтым цветом, – это состояния увядания природы осенью, состояния засыхания, гибели, подготовки природы ко сну: *Берёзы за одну эту ночь* ***пожелтели****…* (Паустовский. Подарок); ***Пожелтели*** *сверху донизу липы, а в болотцах осины и берёзы* (Пришвин. Календарь природы) и др.

Н.В. Коптева отмечает отрицательную символику семантики *жёлтого* вообще для европейцев в целом, когда *жёлтый* цвет ассоциируется не только с увядающей осенней природой, но и нездоровьем тела человека, признаками болезни. Так, *жёлтый крест* в некоторых странах ставили на чумных домах, *жёл-*

тый флаг на борту судна при заходе в иностранный порт обозначал наличие инфекционных больных, *жёлтым домом* называли психиатрическую лечебницу, а в славянских поверьях «мать лихорадок» звалась *желтыней* или *желтеей*. Перечень отрицательных коннотаций может быть и значительно расширен: в сказках язычников-славян тридевятое царство, царство мёртвых, *жёлтое*, как и змей, охраняющий вход в него; *жёлтый угол* в доме – место обитания нечистой силы (в противоположность красному) и др. [Коптева 2005: 28–29].

Предвестниками надвигающегося ненастья и несчастья в русской языковой картине мира выступают «обесцвеченные», «размытые» состояния, связанные с недостаточностью или модифицированностью цветности [Кульпина 2007: 29] типа *блекло, мутно, размыто*. Обычно такие лексемы символизируют то, что некое былое состояние цветности частично или полностью нарушено под воздействием каких-либо причин: смены времён года, суток, действия антропогенных факторов и т.п.: *Оно отмахнулось от утренней дымки так неохотно и так вяло, что местами сизоватый туманчик так и остался над городом рваной кисеей: на одной улице светло, на другой – **мутно** и серо* (Троепольский. Белый Бим Чёрное ухо); *Темь, которая перед тем пала, как под самую ночь, будто опустили сверху над Матёрой крышку, теперь рассосалась, – было серо и **размыто**, и так же серо и **размыто** было в небе, где глаза ничего не различали, кроме водянистой глубины* (Распутин. Прощание с Матёрой) и под.

«Окраска» состояний в *красный цвет* (*краснеть, алеть, пламенеть*) редка, она ассоциируется с созреванием плодов деревьев, «рождением» нового дня или закатом: *Восток **алел** и **пламенел**, отливая в иных местах перламутром и серебром* (Куприн. Ночлег*); Рябина всё **краснеет** и **краснеет*** (Пришвин. Календарь природы) и др.

Состояния, «окрашенные» в *розовый цвет*, несут ожидание тепла, света нового дня или отблеска дня уходящего: *...Солнца ещё не было, но было уже совсем светло и **розово*** (Бунин. Жизнь Арсеньева); *Воздух уже начал **розоветь***(Куприн. Лесная глушь*); Прозрачный, будто много раз процеженный, воздух **розовел** от заката* (Паустовский. Золотая роза) и др.

Все «цветные» состояния природы в русской языковой картине мира практически всегда предстают в «чистом» виде, без «примесей» и «полутонов». Очень редко состояния природы представляются как несущие оттенки какого-то колера: *И там было **дымно-серо**, шёл сильный дождь* (Панова. Сентиментальный роман); *Там было уже **синевато-темно**, гроздья белой сирени казались голубыми* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *А здесь, под горами, солнечно по сквозным садам, по пустым виноградникам, **буро-зелено** по холмам* (Шмелёв. Солнце мёртвых) и под.

Состояния, проявляемые изменением цвета, способны быть разной степени интенсивности. Например, ср.: 1) – *Пока я была на камне, я видела, что вокруг только сине и* ***бело*** (Садур. Занебесный мальчик). – 2) *Сейчас, зимой, кладбище, хутор, вся округа тонули в снегах.* ***Белым-бело****. И тихо* (Екимов. Пиночет). – 3) *Он падал всю предыдущую ночь и всё утро; и когда после занятий с Володей я вышел наружу – было тихо,* ***мертвенно-бело*** *и прекрасно* (Андреев. Он). – 4) *У вас в горах много света.* ***Очень сине*** *и* ***бело****. Вы живете фактически под самым небом* (Садур. Занебесный мальчик). В первом примере бело – это состояние, проявляемое *цветом мела* в природе, во втором и четвёртом примерах *белым-бело* и *очень бело* – предельное проявление состояния *цвета мела*, а в третьем высказывании *мертвенно-бело* – это состояние, проявляемое *цветом мела*, но уже с оттенком *синевы*.

В целом высказывания, описывающие состояния природы, проявляемые *цветом*, составляют примерно 1,5 % всех высказываний нашей выборки и значительно уступают состояниям, проявляемым светом (*Как вышли мы на середину пролива, луна на небо взошла,* ***посветлело***(Короленко. Соколинец)) (31%); распространением веяний/запахов (*Тонко* ***пахло*** *в ночном воздухе зеленями, мирно было в степи, тихо в тёмной деревне…* (Бунин. Эпитафия)) (18%); звуками (*Вдали густо* ***заворчало*** (Булгаков. Мастер и Маргарита)) (9 %); температурой (*Утро великолепное; в воздухе* ***прохладно****, солнце ещё не всходило* (Гончаров. Обломов)) (3%).

Список использованной литературы

Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке/ А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко / под общей ред. А.П. Василевича.– 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Коптева Н.В. Предметная и вербальная символика жёлтого в русской этнической культуре / Н.В. Коптева // Язык как система и деятельность. – Ростов-на-Дону: ООО «Сигма», 2005. – С. 28–29.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие/ О.А. Корнилов. – 3-е изд., испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

Кульпина В.Г. Из истории модификаторов цвета (к проекту исторического словаря терминов цвета русского языка) / В.Г. Кульпина // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск 1. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – С. 29–30.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В.А. Маслова. – 4-еизд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

Рузин И.Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С. 79–100.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М. : Наука, 1990. – 190 с.

Примечание

Языковой материал представляет собой выборку простых предложений со значением «состояние природы» из текстов художественных произведений отечественных авторов XIX–XX вв. Её общий объём составляет свыше 5500 высказываний.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Т.А. Сироткина*

Национальный человек занимает немаловажное место в системе ценностей носителей языка. В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах. Рассмотрим это на примере функционирования этнонимов (названий народов) в речи жителей Пермского края.

Как известно, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными категориями – мужской / женский, старший / младший, свой / чужой [Цивьян 2005: 5].

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение «ничего не умеющий, бестолковый»: «*У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уш нерусский – так нерусский: так и есть, раззява*» [Акчим].

Синонимичным слову *нерусский* в данном значении являются этнонимы *татарин, вотяк, вогул*: *«Зачем собаку-то он бил? Вот* ***татарин*** *он де-ка»* (д. Жуланова Соликамского района); *«Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и* ***вотяк****»; «У нас, который оденется плохо, ругают:* ***вогул*** *ты»* [Акчим].

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: *«Татары своенравных и причудливых людей зовут* ***русскими****»* [Мельников 1976: 151]; *«Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадется обиходная женщина в семью, то «большаки» бывают ею недовольны и ругают ее «обиходкой», «****русской****»»*[Камасинский 1905: 19].

Ключом к открытию стереотипов национальных характеров, по мнению И.М. Кобозевой, могут служить лексические коннотации, которые понимаются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой поня-

*Сироткина Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета.

тия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта» [Кобозева 1995: 102].

К числу объективных проявлений коннотаций следует относить, по наблюдениям И.М. Кобозевой, и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. В этом плане интересно, что отмеченное в словаре В.И. Даля толкование лексемы *цыган* как «обманщик, плут» актуализируется в высказываниях носителей пермских говоров: «***Цыга****н проклятой!»* (о петухе), а этноним *татары* имеет коннотацию «хитрый, жадный»: «***татара*** *наверно съели ево с кобылой вместе*» [Акчим].

Главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». «Если такового отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам» [Садохин 2003: 87].

В высказываниях носителей пермских говоров часто актуализируется именно эта сторона этничности: «*Украинцы – национальность* ***у них*** *такая. Их же называют хохлами. Это* ***у них*** *прозвишшо. Сами себя называют. Не серчают*»; «*Чиганьё-то – своя нация* ***у их***» [Акчим].

И, наоборот, «свои» говорят одинаково: «*Вот* ***мы****-то люди русские,* ***у нас*** *по Вишере разновор однакой*» [Акчим].

В языковом сознании личности могут происходить разные процессы, отражающие восприятие этничности, например:

1) расширение этнического пространства «чужого» этноса: «***Вогула*** *живут в юртах, а* ***зыряна****-то тоже* ***вогула***» [Акчим];

2) перенесение свойств и качеств «чужого» этноса на представителей своего: «*Сосед-то у меня шибко* ***тунгусливой****, слова от него не дождешься*» (д. Усть-Гаревая Добрянского района);

3) именование «своих» с оттенком иронии. Бытует в русских говорах Прикамья фразеологизм *обуть в русские лапти*– «обмануть, перехитрить»: «*Я говорю Наталье:* ***обуёт*** *она Татьяну* ***в русские лапти***» [ФСПГ: 243].

Вообще толерантность, умение приспособиться к традициям того народа, в среде которого живешь, оценивается носителями говора положительно. Существует, например, фразеологизм *быть под русских* – быть как русские, жить, соблюдая русские традиции: «*От Алмаза хорошая деревня была, большая – Жуки. Половина почти немцы были. У нас только русские, ну так вот приезжие были когда, немцы-то это. Хорошо жили. Не скажем, чтобы какие-то*

склоки. Вообще как-то раньше народ дружнее был. Оне же это ***под русских*** *ведь* ***были***» [РСГЮП: 93].

Положительно оценивается обычно и все свое, коренное, *челдонское* (*челдоны* – коренные уральцы в отличие в противоположность жителям центральной России): «***Челдонский*** *– ето настоящий русский язык*» [Акчим]; «*Ф* ***челдонскую*** *баньку – в русскую значит*»; «*Шти-те* ***чалдонские*** *беда хороши мне*»; «*Чо,* ***челдонской*** *рыбки захотели покушать?*» [Акчим].

Часто в языке мы можем наблюдать акты «ксенономинации», т.е. номинации через чужое. Ксенонимы – это «слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривацици на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [Березович 2006: 2].

В речи носителей пермских говоров функционируют следующие группы ксенонимов:

1) названия одежды: «***Татарка*** *– шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками; воротник из матерьялу*» [СПГ, 2: 434];

2) названия растений: «***Татарка*** *на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась*» [СПГ, 2: 434];

3) названия игр: «*Мы раньше ишшо* ***зыряном играли****, ноне уж так-ту не играют; о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся*» [СПГ 1: 339];

4) обозначения состояний человека: *«-Топи печку. - Тебе холодно? - Вроде того. А тебя* ***цыганский пот*** *прошибат?*» [Акчим].

Этнонимы, функционирующие в диалектном дискурсе, часто имеют в своем значении эмотивные коннотативные смыслы. Они отражают обычно отрицательную оценку:

- человека (*воть* – «дурак, разиня, болван»);
- отдельных его качеств (*тунгус* – «молчаливый»);
- поведения (*цыгане* – «не любящие постоянства»).

Хотя базовые эмоции являются общими для людей разных культур и этносов, каждая лингвокультурная общность переживает их и выражает в языке уникальным, свойственным только ей способом. Здесь мы имеем дело с проявлением этноспецифического компонента в языке – этноконнотацией [Быкова 1999: 61].

Носители говоров осознают, что существуют определенные нормы употребления этнонимов в речи и при использовании этнонаименований необходимо осуществлять:

1) выбор формы имени (единственное и множественное число, форма

рода): «*Ну а один – дак* ***башкир***» [Акчим];

2) выбор одного из нескольких возможных этнонимов: «***Украинцы*** *– национальность у них такая. Их же называют* ***хохлами****. Это у них прозвишшо. Сами себя называют. Не серчают*» [Акчим];

3) выбор именования в зависимости от ситуации общения (лично или «за глаза»): «*Если он настояшшый* ***татар****, мы ево так не назовем. А один между другим скажем когда и:* ***татарин ты****!»; «****Татарином*** *как-то оно неудобно, некультурно* ***татарином*** *в лицо назвать»* [Акчим].

Представитель своего этноса может описываться через особенности другой культуры, другого склада характера: *«Да вот у нас тут в суседях есть парень. Такой чернущий,* ***как китаец****»; «Проспишь до утра. А утром глаза* ***как у китайца*** *станут. Распухнет лицо от комаров»* [Акчим].

Часто подобное обозначение становится устойчивым либо для отдельного человека, либо для целого коллектива. Представители какой-либо деревни могут иметь отэтнонимное прозвище, в основе которого лежат внешние особенности или особенности поведения, речи: *«Сыпучане –* ***монгольцы****»: «****Монголы*** *– в Сыпучах»* [Акчим].

В сознании народа этноним часто связан с катойконимом, что хорошо репрезентируют диалектные тексты: *«Раз уж с Башкирии, так* ***башкирцем*** *и называм. Есть у него, ага, свой язык»* [Акчим]. Только по второй фразе можно установить, что речь все же идет скорее об этнониме, нежели о катойконимe или прозвище. *«Многие есть* ***белорусы****. Из Белоруссии. Как их* ***русскими*** *назовешь?»* [Акчим].

Не различаются носителями говоров также собственно этнонимы и названия этноконфессиональных групп: *«Анфиза* ***кержачка****. Нация такая»* [Акчим].

Иногда наблюдается окказиональное использование форм этнических наименований: *«Соня на стрелке. Отец и мать* ***греки*** *были. Соня* ***гречка*** *была»* [Акчим].

Кроме того, сам термин **этнос**, репрезентирующий категорию этничности в научных текстах, в бытовом дискурсе не представлен. Его заменяют синонимичные термины **народ, нация, национальность**: *«Есь такая* ***нация*** *–* ***башкиры****»; «****Украинцы*** *–* ***национальность*** *у них такая. Их же называют хохлами. Это у них прозвишшо. Сами себя называют. Не серчают»; «****Цыгане-то*** *– своя* ***нация*** *у них»* [Акчим]. Реже в значении термина этнос используется лексема **сословье**: *«Есь люди* ***вогульского сословья****»* [Акчим].

Кроме общерусских этнонимов, в диалектном дискурсе функционируют народные названия этносов. Так, слово *алышка*, имеющее в СРНГ помету «пермское», называет татарку [СРНГ1965 : 1 : 244]; слово *апайка* (там же, с этой же пометой) – замужнюю татарку, чувашку (от татар *апа* – старшая сестра).

Возникают народные названия отдельных этнических групп. Так, *чердаками* местное население называет этническую группу русских на севере Куединского района, сформировавшуюся в начале XIX века из переселенцев Чердынского уезда Пермской губернии, *шишмой* – этническую группу русских, основу которой составляли помещичьи крестьяне, переселенные из Казанской и Нижегородской губерний [Черных 1997: 22].

Особенно интересны для выявления деталей этнического фрагмента языковой картины мира диалектоносителей так называемые «мотивационные тексты», которые представляют обычно эпистемическую шкалу с дихотомией двух ее крайних точек – знание / незнание» [Климкова 2006: 131].

В одном случае знание может быть основано на сведениях, полученных от родителей и прародителей на основе конкретной пропозиционной структуры. В этом случае в мотивационном тексте обычны отсылки к мнению предков: *«А вот **вогульё-то** раньше, деды сказывали, дэк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз»* [Акчим]. В другом случае проявляется нефактуальное (непропозиционное) знание: *«**Вотяки** они тоже наверно **зыряна**, наверно, **вотяк** – и те, и другие»* [Акчим]. Таким образом, в целом создается эпистемическая градуальность, которая строится с помощью эпистемических показателей, эпистемических сигналов (*знаю, не знаю, говорят, на моей памяти, деды сказывали* и т.д.): *«**Не видал, не знаю** ханты, манси»; «**На моей памяти** их всяко называли – шайтаныма, и самоедыма. А живут они где-ко на камню за Уралом. Если их не обидят – они хлебосольные»* [Акчим].

Таким образом, образ человека этнического является неотъемлемой составной частью картины мира носителей языка. Оценке подвергаются как определенные черты носителей своей культуры, так и характерные черты представителей культур соседних народов.

Список использованной литературы

Березович Е.Л. О явлении лексической ксеномотивации / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 3 – 20.

Быкова О.И. Этноконнотат и этноэмотив как категории этнолингвистики / О.И. Быкова, О.Н. Ракитина // Филология и культура: Тезисы II-й Международной конференции. Ч. 1. – Тамбов, 1999. – С. 61 – 63.

Камасинский Я. Пермяки–инородцы / Я.Камасинский. Около Камы. – М., 1905.

Климкова Л.А. Оним в региональной языковой картине мира / Л.А. Климкова // Ономастика Поволжья. Матер. X Междунар. конф. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 130 – 133.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 3.– С. 102 – 116.

Мельников П.И. (А. Печерский). В лесах / П.И. Мельников. Собр. соч.: в 8-ми т. – М., 1976. - Т. 4.

Садохин А.П. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Академия, 2003. – 320 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – М., 2005. – 280 с.

Черных А.В. Этнические особенности русских башкирского пограничья / А.В. Черных // Пермский край: прошлое и настоящее. – Пермь, 1997. – С. 22 – 23.

Список сокращений

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.
СПГ – Словарь пермских говоров: В 2-х вып. – Пермь, 2000 – 2002.
СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010.
СРНГ – Словарь русских народных говоров.
ФСПГ – Прокошева, К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТА «СТРАННИЧЕСТВО» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

А.Л. Шепетовская*

Анализ концептов невозможен без знания исторических реалий и культурной жизни народа, поскольку концепт имеет «слоистое» строение, и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [Степанов 1997:46]. В.В. Виноградов подчеркивал, что для понимания строя лексической системы в различные периоды развития языка «необходимо знание типов мышления, свойственных разным эпохам, необходимо отчетливое представление исторических законов связи понятий и значений» [Виноградов 1999:6].

Странничество как культурный феномен было распространенным явлением, характерным как для России, так и для стран Западной Европы. Странничество впервые упоминается на Руси в начале XI века, в английский язык слово *wandering* вошло в XII веке.

Человек, выбравший путь Странника, постоянно находится в пути, у него нет дома и ничего, что связывало бы его с местом, духовные метания заставляют странника бродить по свету.

Странничество произошло из подвига паломничества, когда человек покидал уютный дом из желания посетить святые места и приобщиться к святости места. Эта традиция идет из Ветхого Завета, где описывается, как иудеи идут в Храм в Иерусалим.

Были люди, которые совершали паломничества время от времени, не отказываясь при этом от привычного образа жизни и возвращаясь домой после

*Шепетовская Алла Лазаревна – аспирант кафедры журналистики Брянского государственного университета. Научный руководитель – доктор филол.наук, проф. С.Я. Гехтляр.

странствования. В это же время появились странники, которые всю свою жизнь проводили в скитаниях и странствиях, за что и пользовались особым уважением. Тогда стали говорить о странничестве как о подвиге, об особом отношении к жизни.

Русский человек отправлялся в путь, чтобы донести слово Божье до других людей. Настоящих странников можно было узнать по внешнему виду: строгий, серьезный, пронизывающий взгляд, одежда из грубого, крестьянского сукна, перепоясанная ремнем или просто веревкой. Странник близок к земле, природе, и эта его близость воплощается в способе странничества – пешком. Странник ходит по необъятной земле русской, нигде не оседает и ни к чему не прикрепляется. Н. А. Бердяев замечает: «Странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная... Странник – свободен от «мира», и вся тяжесть земли и ремней жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах» [Бердяев 1990:17]. Странник осуществляет движение, которое не подчинено конкретной цели. С. Сидоров приводит причины, ведущие к странствиям: любовь к земле, с одной стороны, личные неудачи, семейные драмы и страшные грехи – с другой.

По словам А. Платонова, русские странники брели потому, что «рассеивали на ходу тяжесть горюющей души народа» [Платонов 1990 : 271], и движение это не знало конца, потому что дорога давала чувство свободы. Русские странники дорожили этим чувством, они видели ценность в путешествии, которое открывало мир и давало знания, недоступные большинству. *Странник* – человек со стороны, чужой, посторонний. Слово *странничать* означает чудить, отличаться от людей странностями, следовательно, *странник* – человек, отличающийся от других. На *странника* смотрели настороженно и уважительно одновременно. Странники ходили пешком по широким просторам русской земли, довольствуясь малым и преодолевая все трудности и тяготы пути. Странничество почиталось на Руси: помочь страннику, проявить гостеприимство и угостить всем, «что Бог послал», считалось естественным проявлением христолюбия, откуда и идет традиция странноприимства. Странноприимные дома находились во всех городах и селах. За гостеприимство странники платили рассказами о своих путешествиях.

Д. Дорофеев считает странничество порождением древнерусской культуры, так как в страннике «воплотился уникальный образ человека, решившегося в скитаниях обрести свою форму жизни, понимаемой, как вечный поиск Бога на дорогах мира. Здесь отрешенность от мира и связанность с ним неповторимо дополняют друг друга. Очень важно подчеркнуть, что русское странничество именно открывает для себя ценность природы, с которой постоянно находится в теснейшем соприкосновении. Отказываясь от связанности с каким-либо ме-

стом, устоем, нормированным жизненным порядком, соотнесенностью с другим человеком, странник приобретает способность иначе, более свободно и непредвзято, воспринимать природный мир» [Дорофеев 2007].

Особым уважением в Древней Руси пользовались *калики перехожие*– паломники, много путешествующие и побывавшие в Святой земле. Странствуя по святым местам, русские калики распевали духовные стихи, песни, псалмы и зарабатывали себе пропитание этим занятием.

Название «калика» происходит от названия обуви средневековых странников: «*κάλίκιά* (мн.ч.) «обувь паломников» восходит к латинскому *caliga* «сапог». Таким образом, первоначальное значение – «обувь странника», затем сам «странник». В среднерусском диалекте *калига* – «башмак, сандалия» (вариант калигва). Так как калики часто просили милостыню, само название их стало смешиваться с *калека*: «убогий; больной; нищий»» [ЭСРЯ 1982: II : Вып. 2 :27]. Толкование В.И.Даля подтверждает эту этимологию: «КАЛИГВЫ, калиговки. мн. сев. твер. калиги вологодск. калики, калички влад. калижки тамб. ниж. (лат. calica?) башмаки, чапчуры, чакчуры, выступки, черевички, обутки; || сандалии или поршни; обувь косцов, пастухов; обувь странников, лоскут кожи, затянутый по подъему ремнем. Калика, в песнях и сказ. паломник, странник; богатырь во смирении, в убожестве и богоугодных делах; вероятно от обуви этой. Калика перехожий, странствующий, нищенствующий богатырь. || ныне сев. нищий, распевающий стихи, псалмы, духовные песни, почему и спутали калику с колекою, по сев. произн. Каличь ж. собират. калеки или увечные, старцы, нищая братья. Каличь какая собралась: старый да малый!» [Даль 2002: II:78].

Русские калики, странствуя по святым местам, встречали странников, которые пели перед толпою священные песни, и они усвоили обыкновение распевать духовные стихи, песни, псалмы и зарабатывать себе пропитание этим занятием, отсюда одно из значений слова: «калика – нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением духовных стихов» [МАС 1983: II :21]. Простые люди руководствовались правилом: «в окно подать – Богу подать». С.А. Есенин описывает посещение деревни каликами в стихотворении «Калики» [Есенин 1995:I :37].

*Проходили **калики** деревнями,*
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Калики перехожие никогда не странствовали поодиночке, всегда вдвоем или группой. Странник или калика не являлись изгоями для общества, они имели определенный социальный статус и отказать им в пище или приюте считалось грехом.

Говоря о русском странничестве, необходимо упомянуть о секте, возникшей в последней четверти XVIII в., чьи сторонники называли себя странниками, или бегунами. Основой этого учения было положение о том, что царская власть является чувственным воплощением Антихриста, злом, с которым необходимо бороться. «В практическом выводе это означало, что для «верующих» остался один путь ко спасению – «еже не имети ни града, ни села, ни дома» [Христианство 1995: II: 642].

Мотив странничества нашел отражение в творчестве многих русских писателей.

Это и образ дороги, неотделимой от героя-странника в творчестве М.Ю. Лермонтова, и «Странник» А.С. Пушкина, который покидает город, «*дабы скорей узреть – оставя те места,/ Спасенья верный путь и тесные врата*» [Пушкин 1977: III : 310], и «Очарованный странник» Н.С.Лескова.

В западноевропейской культуре странничество рассматривалось как способ направленности человека к Богу и являлось одной из форм проповеднической деятельности. В средневековье в Европе существовали религиозные ордены, известные своим аскетизмом и ведущие бродячий образ жизни. Члены ордена францисканцев бродили по двое по городам и селам, добывая пропитание трудом своих рук и призывая к покаянию. Францисканцы начали скитаться, чтобы стать частью существующего мира. «Человек, посвятивший себя Богу, должен быть свободен в том, чтобы идти куда угодно, к любым людям, даже самым плохим. Эту свободу дает отсутствие связей и потребностей обычных людей. Монах должен быть свободен и от монастыря, и от мира» [Честертон 2000: 406].

В странах Западной Европы и на Руси были странствующие монахи, которые проводили жизнь, переходя от одной кельи к другой.

На Руси монах свободно мог уходить из монастыря, не спрашивая ни у кого согласия, избирал себе уединённое место, строил келью, собирал несколько душ братии – и образовывался монастырь. Только лица, внесшие вклад, считались действительными членами монастырской общины; принятые без вклада, «Бога ради», не принимали участия в монастырской жизни и составляли тот бродячий монашеский элемент, который был так силен в древней Руси и с которым так упорно и напрасно боролась духовная иерархия.

Странствующие монахи сыграли большую роль в религиозной и культурной жизни Англии. Они распространяли новые взгляды и мысли, донося их до самых отдаленных крестьянских деревень, жители которых никогда не покидали своих мест и были в большинстве своем безграмотными. Эти странствующие учителя и распространители религии непрерывно двигались – пешком и на лошади – по дорогам и тропинкам Англии.

Так, в начале XIII века в Кембридж пришли странствующие «учительствующие» монахи, то есть монахи, которые своей главной миссией считали чтение, переписывание ученых книг и обучение молодых людей. Сначала «учительствующие» монахи жили со своими учениками в домах местных жителей Кембриджа. Они жили на подаяния, а ученики собирали милостыню. Но со временем местные жители приняли эти странные сообщества, и в середине тринадцатого столетия учителя и ученики, готовые жить в бедности, посвящая время чтению научных трудов и обучению, выбрали канцлера и объявили себя университетом.

В то же время существование странствующих монахов в некоторой степени противоречило религиозным устоям общества, их статус был неопределенным; бытовала поговорка «*монах без кельи, что рыба без воды*». Помимо того, что к настоящим монахам, покинувшим свой монастырь, часто примешивались и мнимые – просто бродяги, которым было выгодно притворяться духовными лицами, чтобы избежать суда, повинностей, это явление стало напрямую затрагивать интересы церковного сообщества.

В XI веке в Англии и других странах Западной Европы существовало особое подвижническое сословие или братство, называемое *ваганты*, «от латинского *vagari* — странствовать, бродяжничать, собственно «перехожие люди», а в специальном значении «странствующие студенты» (vagi scholares). Жажда знания заставляла средневековых студентов переходить целыми группами из одного города в другой, где процветало изучение той или иной отрасли наук» [ЭС].

Ваганты являлись создателями и носителями особого рода литературы, основной ее формой были рифмованные стихи, по образцу латинских церковных гимнов; кроме того, они развлекали слушателей веселыми песнями. Эти странствующие поэты, не обремененные имуществом, свободно перемещались по Европе, вызывая неудовольствие представителей церковной власти, так как явление, называемое «странствующие студенты», стало массовым.

В то же время, бродячий образ жизни вели и более светски настроенные менестрели и скоморохи, а также странники по святым местам, называемые пилигримами.

В средневековой Европе формируется особый класс рыцарей, не имеющих земли и вынужденных бродить от двора ко двору, предлагая свои услуги в качестве воинов. Еще в XII веке сформировался класс средневекового общества – класс купцов. Они также являлись странниками, только странничали купцы не ради удовлетворения духовных потребностей, а в силу своей профессии, из практических соображений [Дорофеев 1997:35 – 48]. Труд купца был утомителен, он состоял в постоянном поиске товара, в бесконечных переездах с места

на место, из одной страны в другую; в Англии купца прозвали *piewpoder* – «пыльноногий».

Рассматривая явление странничества в Англии, нельзя не упомянуть об отцах-пилигримах, членах радикальной секты пуритан, которые не верили в возможность реформирования англиканской церкви, склоняющейся, по их представлениям, к идеям католицизма, и желали создать независимую церковь. Последователи этой идеи в начале XVII века из-за преследований англиканской церкви перебрались в Голландию (в Амстердам, а затем в Лейден), однако из-за боязни ассимиляции они приняли решение обосноваться в Америке, и в 1620 году было организовано поселение на территории колонии Вирджиния.

Впервые название «пилигримы» было отнесено к этой секте в 1793г., когда на празднике «Дня отцов-первопоселенцев» в Плимуте его употребил в проповеди преподобный Чарльз Роббинс. В церковных архивах он обнаружил экземпляр описания отплытия из Лейдена, автор которого У.Брадфорд писал, что «святые» оставляли город скрепя сердце, «но они знали, что являются пилигримами, не обращали внимания на трудности и, возводя очи к небесам, их благословенной родине, смиряли свои души». В своей проповеди Роббинс назвал отцов-основателей пилигримами; это название привилось» [Кругосвет…].

Таким образом, концепт «Странничество» имеет глубокую историческую основу и является важным элементом русской концептосферы и английской языковой культуры. Представления о странничестве в русском и западноевропейском языковом сознании различаются. На Руси странничество означает блуждание, скитание, делающее человека вольным, свободным, для которого вся земля – дом. В странах Западной Европы явление странничества зачастую воспринималось как отклонение от правильного пути, приводящее в конечном итоге к конфликту с общепринятыми нормами.

Список использованной литературы

Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности/ Н.А. Бердяев. – М., 1990.

Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Издательство Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль.– М. : Олма-Пресс, 2002.

Дорофеев Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах. Антология странничества/ сост. Синкевич В. [Электронный ресурс]/ Д. Дорофеев. – 2007. – Режим доступа: http//www.hramm.ru/files/Antologia_strannikov.pdf.

Дорофеев Д. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах / Мысль. Вып.1: Философия в преддверии столетия / Д. Дорофеев. –СПб., 1997. – С.35-48.

Есенин С.А. Калики. Полное собрание сочинений. В 7 т. / С.А. Есенин.– М.: Наука; Голос, 1995—2002.

Кругосвет. Универсальная электронная энциклопедия. [Электронный ресурс] –Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/OTTSI-PILIGRIMI.html.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983.
Платонов А. П. Чевенгур/ А. Платонов. – М., 1990.
Пушкин А.С. Странник. Полное собрание сочинений. В 10т. / А.С. Пушкин.– Л. : Наука, 1977–1979.
Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
Христианство. Энциклопедический словарь: В 2 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
Честертон Г.К. Святой Франциск Ассизский// Цветочки Святого Франциска Ассизского / Г.К. Честертон.– СПб.: Амфора, 2000.
ЭС – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/18393/Ваганты.
ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. Т.2. Вып. 8: К. /под ред. Н.М. Шанского. – М.: Издательство МГУ, 1982.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОРЕНБУРГ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIX – XX вв.

Т.А. Юдина*

В статье рассматриваются особенности лексической экспликации концепта «Оренбург» в русской поэзии и прозе XIX – XX вв. За основу выявления семантического объема концепта принимается последовательность семантических компонентов с анализом единиц. Лексические единицы, содержащие описания поэтов города Оренбурга, его окрестностей, достопримечательностей, природы и др., объединены в семь семантических групп: «степь», «город», «огромный, крупный по размерам», «центр», «граница», «родное, близкое человеку пространство», «исторический».

Семантическая группа (СГ) «степь» в поэзии представлена лексемой *степь* (17 употреблений) и сочетаниями *степная сторона, степь печальная, степи волнистые, степь унылая, степь бесплодная, степь угрюмая, вольная степь, дикая степь* (1) и др. В прозе эта же СГ обозначена словосочетаниями *ровная степь* (2), *пустынная степь, большое степное пространство, безлесная и волнообразная бесконечная равнина* (1).

СГ «город» состоит из нескольких компонентов: «город как место», «город как место строений», «город как населенное людьми место». Компонент «город как место» представляет Оренбург локально фиксированным объектом. К числу географических показателей, отраженных в поэтическом концепте «Оренбург», относятся такие, как водоемы, рельеф, растительность, животный

*Юдина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета.

мир, особенности климата. Неотъемлемой частью Оренбурга является река Урал, упоминание о которой присутствует во многих пейзажных зарисовках и встречается в поэзии 54 раза в форме прямых и косвенных наименований. Чаще всего поэты используют старое названия реки Урал – *Яик* (13 употреблений – В. Багров, А.Возняк, С.Есенин, Л.Исаков): *Яик неспокоен*. Дважды встречается древнее название реки и Уральских гор – *Рифей* (Г.Державин, П.Кудряшев). Собственно гидроним *Урал* встречается 13 раз в сочетаниях *брег Урала* (А. Крюков, П.Кудряшев, С.Щипачев), *река Урал* (А.Коваленков, П. Кудряшев), *брега Урала* (С.Аксаков). В отличие от поэзии, где преобладает прежнее название реки Урал – Яик, в прозе это наименование встречается несколько раз в сочетаниях *Яик Горыныч* (Н.Корсунов), *седой Яик* (В. Правдухин), *за родной Яик* (В.Даль), *древний, седой Яик* (В.Правдухин), *вольный Яик* (В.Правдухин). Гидроним *Урал* присутствует в прозе в виде отдельной лексемы 6 раз и многократно в словосочетаниях *тихие воды Урала* (В. Правдухин), *по течению реки Урала* (В.Даль), *Урал обмелел* (В.Правдухин) и др.

При характеристике водных объектов Оренбургского края в прозаических текстах употребляются гидронимы: *река Бела, Моховые озера, река Бугуруслан* (С. Аксаков), *Сакмара* (П.Кудряшев), *озера твои – Кандры и Каратабынь*, *Насягай* (С.Аксаков), *игривая и светлая Каргала* (П.Кудряшев) и др.

Своеобразно в поэзии и изображение рельефа Оренбургского края. Область ассоциируется у поэтов прежде всего с горами (10 наименований), которые сравниваются с лицом человека, при этом используется архаизм чело: *горы до небес чело свое взносящи* (С.Аксаков); эпитеты *страшный, отвесный, горбатый* указывают на опасность гор как рельефа местности: *вершины страшных гор* (П.Кудряшев*), вершины отвесных гор* (Л.Исаков); возраст гор отмечается эпитетом *древний* и прежним названием: *Рифейские древние горы, Рифейские скалы* (С.Аксаков). В прозе встречается описание гор, выраженное следующими номинациями: *Рифейские каменистые горы* (П.Кудряшев), *угрюмые Рифейские горы* (П.Кудряшев) (подчеркивается возраст гор, на что указывает их древнее название); *крутая гора, голые крутые взлобки гор стали еще круче и голее, очень высокие горы, уступы гор, скаты величавых горных хребтов* (С. Аксаков) (обращается внимание на высоту и значимость гор), что позволяет говорить о таком гештальте, как «Оренбург – сложный рельеф».

Привлекает внимание поэтов и писателей и растительность Оренбургского края, которое передается изображением характерного для степной зоны растения – ковыля. При описании ковыля поэты прибегают к метафоризации: *ковыль разливается половодьем* (Н.Клементьев), *ковыль в белесой дымке тонет* (А. Возняк), *травы седеют средь белого лета* (В.Багров), а писатели используют как прямые, так и косвенные наименования этого растения. Среди прямых

номинаций выделены следующие: *земля вся ковыльная* (Л.Толстой), *особенного вида приземистый, рассыпчатый ковыль* (С.Аксаков), *ковыль развивает пуховые нити* (С.Аксаков), *перлово-сизые волокна ковыля* (С.Аксаков), *седой придорожный ковыль* (В.Даль) и др.; среди косвенных: *степь, похожая на открытое море* (А.Толстой), *белой шалью расстилается степь* (И.Уханов), *седые степи* (В.Правдухин), *косматые степные былинки* (М.Михайлов), *серебристый ковер степных далей* (В.Пистоленко).

По сравнению с поэтическими текстами, в прозаических значительное место отводится описанию лесов и лесной растительности: *лесистая урема, зеленая, цветущая и душистая урема, березовая роща* (С.Аксаков), *кудрявая роща* (П.Кудряшев) *березы* (С.Аксаков, П.Кудряшев, Г.Успенский), *осокори, дуб* (С. Аксаков, Н.Каразин), *душистые черемухи лесная малина* (С.Аксаков).

Особенности климата Оренбургского края наблюдаются в следующих номинациях, представленных в поэтических текстах: 1) описание ветра: *суховей жестокий сушит все в округе* (Л.Баева); 2) описание метелей, буранов, пурги: *стучатся метели в оконные рамы* (Г.Красников), *кроет буря мглою! Не видать ни зги!* (И.Бехтерев), *врываются в город бураны* (Г.Красников), *взрытая пургой* (В.Наседкин) и др. При описании особенностей климата Оренбуржья авторы используют преимущественно метафоризацию, глагольную: *ветра несут, стучатся метели, врываются бураны*, и именную: *жестокий, усталое (лицо)*, что позволяет говорить о гештальте «Оренбург – суровый климат».

Компонент «строения» в концепте «Оренбург» конкретизируется при характеристике микротопонимов города Оренбурга. Наиболее часто упоминаемым в поэзии районом Оренбурга является *Форштадт* (5 раз) (Л.Исаков, Ю. Орябинский), также встречаются названия некоторых улиц города: *Советская улица* (А.Фатьянов), *Школьная улица* (В.Перкин). В прозе чаще других замечены микротопонимы *Форштадт* (5) (В.Даль, В.Правдухин, П.Свиньин) и *Голубиная слободка* (3) (П.Свиньин). Единичными упоминаниями обозначены *гора Маяк* (П.Свиньин); *Советская улица* (С.Антонов); *на скрещении Николаевской и Гостинодворской улиц; Хлебная площадь* (В.Правдухин). Из городских объектов наиболее часто упоминаются как в прозе, так и в поэзии, храмы и соборы: *колокольня форштадтского храма* (Л.Исаков), *старинный собор* (Л.Исаков), *над Форштадтом янтарь куполов* (Ю.Орябинский) и др.

В оренбургской поэзии находит свое выражение и компонент «город как населенное людьми место», поскольку слово *город* имеет и метонимическое значение: ‘жители города’. В оренбургских произведениях запечатлены разнообразные национальности, населяющие Оренбургский край: *черемис, татарин, кочевник-киргиз* (Л.Исаков), *башкиры* (В.Багров). В поэзии показаны трудовые качества населения: *народ работящий*; физические качества: *народ плечистый,*

на пляску выходят: движенья, что выстрелы; моральные качества людей: *душа у народа, как степь, широка* (Р.Герасимов); культурно-нравственные особенности жителей: *заунывные напевы* (И.Бунин), *песни – медлительней, чем облака* (Р.Герасимов). В прозе, помимо национальностей края, отмечены сословия населения края: *крестьянство* (Г.Успенский), *мужики, мещане, торговцы* (В.Короленко), *богатые купцы* (В.Даль), *русские и азиатские купцы* (А. Крюков); обращено внимание на этнические особенности жителей Оренбуржья: *казачки в старинных живописных сарафанах с парчовой оторочкой* (В. Короленко), *раздольные степные песни* (И.Уханов), *смешение новомодных платьев со старобытными сарафанами* (М.Михайлов).

СГ «огромный, крупный по размерам» реализована в номинациях *степной простор* (А. Алдан-Семенов, А. Возняк, В. Наседкин), *неоглядная целина* (А. Фатьянов), *куда ни посмотришь – поля да поля* (Н. Клементьев), *обширнейшее поле* (Л.Исаков), *степь необъятная* (Л.Исаков), *Оренбургская степь как Вселенная* (А.Тепляшин), *степь как океан* (И.Бехтерев), *степь без конца и края* (А. Возняк), *бесконечные степи* (Р.Герасимов), *неоглядное море* (Ю.Безус), *степные пространства* (В.Кузнецов), *раздолье степей* (Л.Исаков). В данном случае семантический компонент «крупный, огромный» представлен эпитетами *неоглядный, пустынный, широкий, обширнейший, необъятный, бесконечный*, а также сравнениями: *степь как Вселенная и степь как океан*, где *Вселенная* имеет значение ‘все мироздание, весь мир’ (С.Ожегов), а *океан* - ‘весь водный покров Земли’ (С.Ожегов); в переносном смысле все это указывает на огромные степные пространства.

Оренбургская область расположена на границе Европы и Азии, что формирует такой семантический компонент концепта, как «граница», проявляющийся в поэтических текстах в прямых и косвенных номинациях Востока и Азии: *столб с перекладиной* (В.Багров), *мало самобытности Востока, столичности Москвы* (Д.Кан), *тут край Руси* (А.Возняк), *край, а не столица* (А. Возняк), *из Европы в Азию пешком* (Н.Глазков), *из Азии в Европу* (Н. Кондакова), *глаз своих город не сводит с Востока* (В.Багров), *под небеса Востока* (А.Плещеев), *караваны степные* (В.Багров). В прозаических текстах имеются следующие номинации обозначенного семантического компонента: *Европа сошлась с Азией* (М.Авдеев), *медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азия смотрела на юркую и подвижную Европу* (В.Короленко), *он надменно поглядывал на дремлющую Азию* (В.Правдухин).

В поэтических текстах найдено 45 лексем и словосочетаний, содержащих обобщающий семантический компонент «родное, близкое человеку пространство», реализованный, прежде всего, в лексеме *родина* (В.Перкин, А.Цирлинсон), а также в сочетаниях слов *родимый край* (П.Кудряшев,

А.Крюков, В. Логвинов, С.Щипачев), *милый край* (А.Григорьев, П.Кудряшев), *родина моя* (С.Аксаков, В.Кузнецов, В.Петров), *родной край* (Н.Клементьев, Р.Герасимов*), Оренбуржье родное* (Р.Герасимов), *земля родная* (Е.Курдаков), *родная сторона* (С.Попова), *степь – кровь моя* (Н.Клементьев) и др. Этот семантический компонент в прозе представлен единичными экспликациями.

Анализ семантических компонентов позволяет выделить гештальты представления города: «Оренбург – степь», «Оренбург – часть России», «Оренбург – река Урал», «Оренбург – водные объекты», «Оренбург – сложный рельеф», «Оренбург – богатая растительность», «Оренбург – разнообразный животный мир», «Оренбург – суровый климат», «Оренбург – множество церквей», «Оренбург – место торговли», «Оренбург – пуховый платок», «Оренбург – граница Востока и Азии», «Оренбург – Родина», а также 7 семантических групп, необходимых для описания микрополей концепта «Оренбург»: «степь», «город», «огромный, крупный по размерам», «центр», «граница», «родное, близкое человеку пространство», «исторический».

ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ШУМ И ЯРОСТЬ: КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.Н. Басовская*

Читателю, слушателю и зрителю свойственно выражать неудовлетворенность сегодняшним состоянием средств массовой информации, в частности – их языком. Среди важнейших недостатков газетных, журнальных, радио- и телетекстов чаще всего называют безграмотность и грубость. Несомненно, такие речевые явления, как ошибочное словесное ударение, неправильное склонение числительных или употребление жаргонных слов привлекают внимание аудитории, вызывая раздражение у ее образованной части.

Однако при более внимательном рассмотрении медиатекста второго десятилетия XXI века обнаруживаются и другие его отличительные черты, оказывающие, как я полагаю, существенное влияние на сознание реципиента. Используя символически емкое название классического романа У. Фолкнера, эти свойства можно условно обозначить словами «шум» и «ярость».

В данной статье в качестве объекта анализа использован небольшой по объему интегрированный медиатекст – один номер журнала «Русский репортер» (2011: № 25). Выбор источника обусловлен обстоятельством случайным, но показательным: на обложке указанного номера журнала помещена фотография знаменитого режиссера Л. фон Триера с крупной нецензурной английской татуировкой на пальцах. Такое изобразительное решение обусловлено тем, что в журнале напечатано интервью со скандально известным режиссером, специально подчеркивающим свое пренебрежительное отношение к общепринятым приличиям. Но нельзя не заметить и дополнительных эффектов, производимых фотографией на обложке: это и привлечение читательского внимания, и несомненный эпатаж, намеренное раздражение тех, кто осуждает грубость современных СМИ.

Итак, в рассмотренном номере журнала «Русский репортер» были отмечены многочисленные факты возникновения информационного шума, а также слабо мотивированной или ничем не мотивированной негативной оценочности.

* **Басовская Евгения Наумовна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа (Российский государственый гуманитарный институт, г. Москва).

Одна из основных причин возникновения информационного шума в словесном произведении – неточность выражения, приблизительность словоупотребления и синтаксическая неаккуратность. Текст источника дает несколько примеров такого рода.

В частности, в одном из ключевых материалов номера говорится: *«Громкая слава самого Юрия Любимова... опирается еще и на... историю сопротивления власти* ***посредством свободного искусства****: постановку заведомо непроходных спектаклей, протаскивание опасных пьес через цензуру,* ***всенародные похороны Высоцкого*** *во время летней Олимпиады в Москве»* (С. 14). Совершенно очевидно, что похороны не могут рассматриваться в качестве акта «свободного искусства». Вероятно, синтаксическая неточность случайно допущена автором и возникла при сокращении. Она вряд ли заслуживала бы внимания, если бы в том же номере журнала не встречалось других примеров подобной словесной небрежности.

Так, в другой статье содержится следующий фрагмент: «*До сих пор бегемоты — калининградская достопримечательность, благо эти животные есть далеко не во всех зоопарках, например* ***в Москве их нет. Сейчас их трое***» (С. 54). В публикации, посвященной проблеме ограничений прав курильщиков, автор задает риторический вопрос: «*К чему все эти дохлые тараканы, черные легкие, мертворожденные дети, обещания импотенции и* ***скорой мучительной смерти*** *на пачках сигарет?*» (С. 76).

Итак, в одном номере современного качественного журнала обнаружено несколько классических, достойных учебника практической стилистики ошибок, иллюстрирующих нарушение логической однородности, контактно-эксплицитное противоречие и двусмысленность, порождаемую слабым управлением. Трудно не предположить, что подобные речевые недочеты не рассматриваются в редакции «Русского репортера» как стилевой недостаток. Вероятно, они, напротив, призваны придавать журналистской речи естественность, уменьшая коммуникативную дистанцию между отправителем и получателем текстового сообщения. В принципе, такую позицию можно было бы расценить как правомерную, если бы в отдельных случаях неточность выражения не приводила к неточности содержания. В частности, в небольшой информационной заметке сообщается: *«... Еще один фигурант этого дела — антифашист и панк-музыкант* ***Петр Силаев был задержан*** *сотрудниками Интерпола в Бельгии.* ***Вопрос о его экстрадиции в Россию будет решаться в ближайшее время****. Впрочем, представители антифашистского движения эту информацию опровергли, заявив, что* ***Силаев спокойно удит рыбу***» (С. 18). Информационным шумом является в данном случае или ни к чему не ведущее утверждение о

том, что Силаев ловит рыбу, или новость о задержании Силаева. В любом случае читатель не получает о его судьбе объективных данных.

Особый вид информационного шума возникает при публикации данных, вероятно правильных, но подчеркнуто необязательных и мало что добавляющих к существующей в сознании читателя картине мира. Постоянная рубрика «Русского репортера» «Мир в заголовках» представляет собой перепечатку на русском языке наиболее интересных заголовков из газет и журналов разных стран и регионов России. Среди напечатанных под этой рубрикой сообщений проанализированного номера есть, в частности, такое: *«Торонто. Toronto Star. Житель Торонто, убивший свою жену, попытался получить $ 50 тыс. от компании, застраховавшей жизнь его супруги»* (С. 22). Сведения, содержащиеся в данном заголовке, вряд ли можно считать релевантными для аудитории российского общественно-политического журнала. Они вообще не подлежат какой-либо интерпретации без дополнительных пояснений.

Для той же рубрики «Мир в заголовках» характерна и намеренная информативная недостаточность. Так, один из заголовков сообщает: *«Майами. The Miami Herald. Опрос показал, что в штате Флорида у Республиканской партии появился серьезный конкурент: 68 % голосовавших в прошлом году за республиканцев теперь поддерживают консервативную* ***Чайную партию***». В другом указывается: «*Сидней. Daily Telegraph. В Сиднее арестована сотрудница* ***компании ING****, которая в результате незаконных операций присвоила $ 45 млн — абсолютный рекорд для Австралии...*» (С. 22). Ни Чайная партия, ни компания ING не могут быть априори известны большей части российской аудитории, будучи при этом существенными информационными компонентами опубликованных «Русским репортером» заметок.

Информационная недостаточность не является отличительной чертой одной рубрики журнала. В материале, помещенном в другой части номера, говорится: «*Business software Alliance опубликовал результаты нового исследования использования нелегального программного обеспечения*» (С. 56). В данном предложении содержится косвенное сообщение: современный читатель не может не знать, что такое Business software Alliance. В действительности же это название некоммерческой организации, объединяющей производителей программного обеспечения, не относится к числу общеизвестных в России.

Возникает противоречие: точно воспроизводя графический облик оригинального заголовка цитируемого СМИ, приводя имена людей и названия предметов, «Русский репортер» подчеркивает документальный характер сообщения и создает иллюзию фактической точности. В действительности же имя, не входящее в тезаурус реципиента, способствует повышению уровня информационного шума.

Явление, которое я условно называю «яростью» современного медиатекста, может быть также охарактеризовано как создание негативного эмоционального фона, нередко лишенное очевидной мотивации (подробнее об этом [Басовская 2005]). Например, в статье «Здесь курят», посвященной курению в аэропортах мира, автор с очевидной неприязнью отзывается о некурящих: «*А модные, здоровые, продвинутые или просто беременные непременно где-то рядом, смотрят на все это с* ***ханжеским*** *осуждением, презирая каждого, кто переступил порог душегубки, и бредут,* ***как зомби****, в Duty Free*» (С. 76). Вероятно, в тексте отражается личное отношение курящего журналиста к имеющей определенные привилегии в аэропортах некурящей публике. Причем редакция этому не препятствует, несмотря на этическую сомнительность такой жизненной позиции.

Показателен и заголовок материала, в котором говорится о предстоящем переходе В. Матвиенко с поста губернатора Петербурга в Совет Федерации, – «*Она же не лошадь. За что Валентину Матвиенко ссылают в Сенат*» (С. 32). Если вторая часть названия, содержащая негативизм «ссылают», точно соответствует содержанию статьи, то первая вообще не поддерживается текстом публикации. И хотя отрицательная частица «не» не позволяет расценить заголовок как оскорбительный, в нем тем не менее проводится неприятная для женщины-политика параллель. В этом случае можно говорить о формально несколько смягченной инвективе.

Когда речь идет о публичных политиках, пейоратив, безусловно, может быть мотивирован экстралингвистическим контекстом. Но в рассматриваемом номере «Русского репортера» встречаются и примеры стилистического снижения объектов, вряд ли заслуживающих иронического отношения. Так, в большой проблемной статье о смертной казни описывается встреча журналиста с матерью приговоренного в Белоруссии к высшей мере наказания: «*Светлана говорит и плачет. Я давно ничего не спрашиваю, кусаю язык, чтобы тоже не разреветься. Ее сын признан виновным в ограблении и двойном убийстве. Судя по приговору, он не олененок Бемби из сказочного леса*» (С. 51). Уподобление имеет циничный характер, противоречит принципам журналистской этики, а главное – не решает никакой очевидной коммуникативной задачи. Единственный смысл данного приема – создание общего насмешливо-презрительного настроения, культивирование стёба, или ёрничества, ставшего одной из ярчайших качеств постсоветской журналистики и по сей день характеризующего ее стиль [Костомаров 1994: 34, 38; Абишева 2004].

Есть в изученном номере «Русского репортера» и примеры сочетания информационного шума и «ярости», то есть необоснованной негативной оценочности. Например, автор статьи «*В ОНФ завелись дезертиры. Почему не все пче-*

ловоды вступили в народный фронт» открыто осуждает массовое, необдуманное вступление различных организаций в Народный фронт, но при этом называет решение Союза архитекторов, отказавшегося следовать общему примеру, дезертирством (с. 35). Существительное «дезертирство» имеет переносное значение «уклонение от исполнения долга, государственных или общественных обязанностей». Употребленный журналистом термин полностью изменяет смысл высказывания: статья приобретает осуждающий характер в отношении тех, кто избегает вступления в Народный фронт.

Тот же эффект логического и эмоционального «перевертыша» возникает и в результате композиционного сбоя, допущенного в публикации «*Вы с кровавой гэбней сломаете зубы о Навального» Инициатор уголовного преследования известного блогера – о мотивах своих действий*» (С. 36-37). Это интервью с бывшим губернатором Кировской области Сергеем Карнауховым, который не произносит слов, ставших заголовком журнального материала, от своего имени. Он цитирует, причем цитирует человека, высказываний и действий которого не одобряет. По заявлению Карнаухова, «один из ближайших друзей» Навального предупредил: «*Вы с кровавой гэбней сломаете зубы об Алексея… У него великое будущее…*» – после чего «выехал в столицу и долго пробыл в посольстве США». Приписывая самому Карнаухову слова о «кровавой гэбне», интервьюер не только идет против принципа фактической точности, но и создает ложное представление о важнейших мировоззренческих принципах и системе ценностей собеседника.

Обращает на себя внимание специфика современной русской публицистической речи в сопоставлении с английской, которой свойственно, по наблюдениям исследователей, подчинять создаваемую в тексте картину мира принятой заранее публицистической оценке [см., например: Лукьянова 2004]. Российские журналисты как будто намеренно запутывают читателя, предлагая ему одновременно противоположные оценки действительности, одна из которых эксплицирована в тексте, а другая легко декодируется читателем, чутким к семантике и стилистической окраске слова.

Долгосрочные последствия влияния информационного шума и немотивированной «ярости» публицистических текстов на сознание аудитории предстоит оценить будущим исследователям. Но уже сегодня можно констатировать рождение новых приемов речевого воздействия СМИ. На смену упрощенной картине мира, которую формировала публицистика советского периода, пришла усложненная картина мира, где нет ни добра ни зла, ни истины ни лжи. Человек в этом мире должен быть постоянно оглушенным и раздраженным, чтобы, как и раньше, в пору ясности и однозначности, воздерживаться от лишних вопросов.

Список использованной литературы

Абишева В.Т. О вербальной агрессии в СМИ[Электронный ресурс]– 2004. – Режим доступа: http://lexis-asu.narod.ru/other-works/index.htm

Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е.Н. Басовская// Критика и семиотика. – Новосибирск. – 2004. – Вып. 7. – С. 257–263.

Басовская Е.Н. Немотивированный пейоратив в публицистическом тексте / Е.Н. Басовская// Эмоции в языке и речи: сб. научн. статей / под ред. И.А. Шаронова. – М.: Изд. центр РГГУ. – 2005. – С. 223–235.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа/ В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 246 с.

Лукьянова Е.А. Оценочные модели как основа текстопорождения (На материале англоязычной общественно-политической публицистики):дис… канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки)/ Е.А. Лукьянова. – СПб., 2004. – 199 с.

КОМПЬЮТЕРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ЧАСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Е.Ю. Гагарина*

Сейчас существует множество работ, посвященных проблеме компьютерной коммуникации, однако вопрос относительно вариативности языка в интерактивной среде и о процессе общения в жанрах компьютерной коммуникации как элементе коммуникативного пространства остается актуальным.

Несмотря на наличие общих черт, характерных для всех видов традиционного общения, компьютерная коммуникация обладает присущим только ей отличительным признаком –*опосредованностью*.

К видам опосредованного общения относятся и телефонный разговор, и письмо, и передача информации по радио, телевизору, телефону, через книгу, газету и т.д. Именно развитие опосредованного общения вызвало к жизни целые отрасли производства и специализированные учреждения. Компьютерные технологии совершают революцию в информационных системах и приводят к новым формам опосредованного общения. Опосредованное общение можно считать именно общением в том смысле, что здесь осуществляется деятельность как производящего *дискурс/текст*, так и воспринимающего его, интеллектуальная и эмоциональная реакция и, возможно, практические действия [Формановская 2007:36].

Лингвисты не перестают говорить о том, что в настоящее время компьютерные технологии и Интернет расширили словарный запас русского, англий-

*Гагарина Елена Юрьевна – ассистент кафедры иностранных языков лечебного факультета Астраханской государственной медицинской академии. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. Т.С. Кириллова.

ского и других языков. Компьютерные коммуникативные Сети за последние десять лет приобрели значительную популярность в связи с распространением Интернета. Интернет к началу XXI века превратился в явление социальное, охватывающее все большее количество пользователей в разных странах. И эта новая реальность столь масштабна, разнообразна, интересна и непредсказуема в своем развитии и влиянии, что многие исследователи, представляющие самые разнообразные гуманитарные дисциплины, стали изучать Интернет [Клочкова 2009:3].

Важной частью коммуникативного пространства в современном обществе принято считать число людей, которые пользуются данными ресурсами, т.е. осуществляют процесс коммуникации посредством Интернета (в Интернет - форумах, чатах, блогах, социальных Сетях). Сложный процесс обмена информацией, налаживание взаимопонимания между участниками коммуникации и достижения диалога и результата общения предполагает наличие определенного коммуникативного пространства, т.е. построение коммуникационного процесса в Сети.

Коммуникационный процесс – это обмен информацией между двумя или более людьми. Основная цель коммуникационного процесса это обеспечение понимания информации, являющейся предметом общения, т.е. сообщения. Однако сам факт обмена информацией не гарантирует эффективности общения участвовавших в обмене людей. Чтобы лучше понимать процесс обмена информацией и условия его эффективности, следует иметь представление об этапах процесса, в котором участвуют двое или большее число людей. В процессе обмена информацией можно выделить четыре основных элемента: *лицо, сообщение, средство передачи информации* и *получатель*.

При обмене информацией лицо и получатель проходят несколько взаимосвязанных этапов. Их задача – составить сообщение и использовать канал для его передачи таким образом, чтобы обе стороны могли понять исходную идею. В рамках данной статьи, средством передачи информации является компьютерная коммуникация. Исходя из того, какой жанр компьютерной коммуникации выберет *лицо* (Интернет-форум, чат, электронная почта, и т.д.) и зависит размер, объем, содержание *сообщения*. Например, интернет-форум обладает рядом сходств и отличий от обычной дискуссии. Также, как и обычная дискуссия, компьютерный форум, представляет собой совещание людей с целью обсуждения того или иного вопроса. Разница в том, что она осуществляется в письменной форме и не реально, а *опосредованно* (это главная особенность компьютерного общения) и носит *дистантный* характер. В связи с фрагментарностью и коллективным авторством электронной переписки, чатов и форумов нередко возникают значительные трудности с поддержанием цельности сообщения. Поэтому и возникают особые *способы поддержания цельности сообщения* и особые средства смысловой и формальной связи.

Влияя на характер вербального общения, электронная среда видоизменяет его лингвистические и текстологические параметры, вследствие этого возникает упрощение характера общения: отказ от заглавных букв; знаков препинания; использование большого количества сокращений (*нормально – норм, преподаватель – препод, спасибо – спс; tomorrow – tmr, please – plz*); превалирует разговорный стиль общения, появляются новые формы выражения эмоций: использование заглавных букв для обозначения крика (*ААА!!!*), «смайлики» (☺,☹), всевозможные графические выражения темпа, пауз. Все эти признаки, в целом, характерны для электронного общения.

Компьютерные технологии накладывают пространственно-временные ограничения в общении, что приводит к необходимости создания особого сообщения, а также компенсации отсутствия паралингвистических невербальных признаков, характерных для устной речи [Рязанцева 2007:204].

Таким образом, компьютерная коммуникация востребована, стремительно развивается и по праву может считаться частью коммуникативного пространства, которое открывает новые возможности для общения.

Список использованной литературы

Клочкова Е.С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дис… канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / Е.С. Клочкова; рук. работы О.А. Кострова. – Самара, 2009. – 22 с.

Рязанцева Т.И. Некоторые особенности реализации коммуникативных принципов и стратегий в условиях компьютерно – опосредованного общения / Т.И. Рязанцева // Вестник Московского Университета. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №1.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

О.М. Жигунова[*], Е.Ю. Шамсутдинова[•]

Формирование коммуникативной компетенции у студентов, изучающих русский язык как иностранный, является одной из важнейших целей обучения.

[*]**Жигунова Ольга Михайловна** – старший преподаватель Российского университета дружбы народов (г. Москва).
[•]**Шамсутдинова Екатерина Юрьевна**– кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Эффективность любого контакта в процессе обучения определяется не только тем, насколько понятны собеседнику слова или другие элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, которая передаётся мимикой, жестами, телодвижениями, темпом и интонацией речи. Установлено, что с помощью языка люди передают не более 40% информации своему собеседнику. Остальная информация передаётся с помощью несловесных средств. Невербальные сообщения обычно непроизвольны и спонтанны по своей природе. Невербальное поведение практически не поддается сознательному контролю. В этом состоит определенная сложность процесса межкультурной коммуникации, в частности, учебной. Жесты и мимика не всегда универсальны, часто имеют «национальную окраску». Национально-культурная специфика речевого поведения, культурная символика вербальной и невербальной культуры оказывается противопоставленной в различных лингвокультурных общностях [Леонтьев 1977:35].

Изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации, занимается сравнительно новая языковедческая дисциплина – **паралингвистика (**пара в переводе с греческого – возле, около**).** Термин «паралингвистика» был впервые предложен американским лингвистом А.Хиллом в конце 1940-х гг. Круг вопросов, обсуждавшихся первоначально в пределах этой дисциплины, охватывал все виды кинесики (от жестов до пантомимики), все виды фонации (от говорения до вокального искусства) и все виды общения с участием так называемого ситуативного контекста.

Хотя паралингвистические средства, не входя в систему языка, не являются речевыми единицами, тем не менее, речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистического сопровождения. Таким образом, паралингвистика рассматривается, во-первых, как лингвистическая дисциплина, изучающая сферу несловесной коммуникации; во-вторых, как совокупность невербальных средств, имеющих коммуникативную ценность, при помощи которых осуществляется общение.

На данном этапе различаются три вида паралингвистических средств: *фонационные* (громкость, тембр голоса и темп речи), *кинесические* (мимика, жесты и позы)и *графические* (почерк).

Не вызывает сомнения, что правильное использование всех этих средств помогает преподавателю-русисту донести информацию до обучающихся, а им, в свою очередь, адекватно воспринять её. Преподаватель воспринимается учащимися не только на слух, но и зрительно. Причем зрительное восприятие сильнее слухового, поэтому необходимо добиваться, чтобы жестово-мимические средства общения составляли единое целое с речевым процессом.

Неречевые средства подготавливают, сопровождают, комментируют, разъясняют речь, вскрывают ее глубинную суть.

Паралингвистические средства общения характеризуются двойственностью. С одной стороны, они позволяют экономить речевые средства. С другой стороны, они компенсируют многое из того, что недоговорено словами, вскрывают подтекст, многозначность речи, ее стилистические оттенки, чувства, отношения и т. д.

В учебном процессе преподаватель выступает или как оратор (сообщает новую информацию, читает лекцию) или как участник диалога (полилога). Выступая в роли оратора, преподаватель должен «чувствовать аудиторию», догадываясь о реакции слушающих по выражению их глаз, улыбкам, кивкам или, наоборот, по отсутствующим взглядам, безразличным позам, перешептыванию, кашлю. В диалоге все участники сразу получают отклик в виде ответных реплик. Умение наблюдать и учитывать элементы неречевого поведения слушателей позволяет вносить коррективы в свое выступление, превращать монологическую речь в активный диалог со слушателями, «втягивать» их в процесс. Этот приём необходимо использовать при объяснении нового материала, не предлагая студентам уже готовую систему правил, а совместными усилиями, в активном диалоге, приходить к осознанию какого-либо явления или правила в языке.

Однако существуют общие для всех людей универсальные выразительные средства, показывающие целостное состояние при выполнении какого-либо психофизического или речевого действия. В организации восприятия речи аудиторией важную роль играет так называемая «начальная пауза», психологическое назначение которой состоит в том, что она позволяет студентам привыкнуть к преподавателю: оценить его внешний вид, одежду, по выражению глаз и активности позы увидеть заинтересованность предстоящим занятием, настроиться на восприятие речи. В свою очередь, преподаватель успокаивается, пытается уловить настроение аудитории, определяет тон своего общения с аудиторией, создавая атмосферу делового контакта с нею.

Любому преподавателю, и русисту в том числе, необходимо следить за своей позой во время урока. Недопустимо всё время проводить сидя, не используя доску и иные наглядные материалы. Это создает ощущение зажатости и непрофессионализма. Также неблагоприятное впечатление создаёт человек, постоянно перемещающийся по аудитории без особой необходимости. Не следует часто переступать с ноги на ногу или раскачиваться из стороны в сторону, поскольку это создает впечатление о неуверенном в себе человеке, стесняющемся слушателей. Некоторые специалисты утверждают, что весьма выразительными и эффективными могут быть движения преподавателя вперёд-назад. Так, сооб-

щая более важную информацию, говорящий чуть подаётся вперед по направлению к студентам, отклоняясь назад, преподаватель даёт понять, что можно чуть передохнуть, осмыслить сказанное [Савкова 1998].

Среди всех внешних средств выразительности особое место занимают руки. Русисты используют это «оружие» довольно часто, особенно на начальном этапе, когда языковые средства ещё очень ограничены.

Жесты разделяются на две группы: *условные* и *неусловные*. Условные жесты носят интернациональный, национальный, узкосоциальный характеры. К условным жестам относятся: военное приветствие, пионерский салют, осенение крестом, жесты одобрения (хлопки), жесты солидарности (поднятая рука, сжатая в кулак), бытовые жесты, показывающие, что человек пьян, не в своем уме, болтлив и т. д.

Люди разных национальностей по-разному пользуются жестикуляцией в речевом общении. Английский психолог М. Аргайл подсчитал, что в течение одного часа дружеской беседы мексиканец сделал 180 жестов, француз – 120, итальянец – 80, финн – 1 жест, а англичанин – ни одного жеста [Ножин 1981]. А как обстоит дело у русских?Считается, что в среднем русский использует 40 жестов в час. Надо заметить, что, жестикулируя, русские обычно не делают очень широких движений руками далеко от тела, но в то же время и не прижимают локти. Для русских нехарактерно движение обеих рук параллельно: обычно жестикулируют правой, а левая, если и используется, то выполняет второстепенную вспомогательную функцию.

Условные жесты иногда заменяют речь. Так, вместо того, чтобы сказать «да», русский кивает головой, а вместо «нет» – качает головой из стороны в сторону. А вот болгары, греки, румыны, македонцы делают наоборот: качают головой из стороны в сторону в знак согласия, а кивают в знак отрицания. Арабы в знак отрицания откидывают голову назад. Высовыванием языка русские, европейские народы поддразнивают собеседника, китайцы – угрожают, индийцы – гневаются. Русский человек, прощаясь, обращает ладонь от себя и покачивает ею вперед и назад. Итальянцы же обращают ладонь к себе и покачивают ею также вперед и назад (по-русски «иди сюда»). Англичане очень медленно покачивают ладонь из стороны в сторону. В Испании, прощаясь, похлопывают друг друга по спине. Довольно часто движения руки заменяют головой, плечами. Например, указывая направление, русские обычно делают движения головой в сторону, говоря: «Вам нужно туда», а вместо слов «не знаю» пожимают плечами.

Очевидно, что большинство жестов культурно-специфичны, и не только не способствуют межкультурной коммуникации, а затрудняют ее. Особенно важно знание жестов, используемых в определенных ситуациях автономно от языка, как самостоятельного средства коммуникации.

Тактильные контакты, характерные для русских и в публичном общении типа преподаватель-студент (похлопать по плечу, положить руку на плечо) могут быть восприняты негативно представителями тех лингвокультурных сообществ, где подобное поведение учителя по отношению к ученику не принято. Следует также помнить о разной дистанции общения, характерной для представителей тех или иных лингвокультурных сообществ [Ср.: Тумаркин, 2004].

Не менее важную роль во внеязыковом общении играет мимика. Мимика – движения лицевых мышц, выражающие душевное состояние. Это средство эмоционального неречевого воздействия на слушателей, оно подчеркивает или дополняет то, что передается словами, хотя может использоваться и без слов (немой вопрос, выраженный только поднятыми бровями и выражением глаз).

По глазам мы читаем мысли, желания, чувства собеседника. Но ещё более ярко душевное состояние или эмоцию выражают губы и рот. Однако в процессе работы, особенно на начальном этапе, от излишнего волнения может нарушиться естественность мимики. Но для того, чтобы студенты адекватно воспринимали своего преподавателя, его лицо должно быть спокойным и вместе с тем живым, глаза не «бегающими». Остановив внимание на одной группе слушателей, надо обязательно закончить мысль, а лишь затем перевести взгляд на другую группу. Говорить со слушателями надо «глаза в глаза». При этом необходима мимическая сдержанность, а достигается она мышечной свободой.

Преподавателю русского языка как иностранного важно не только владеть знаниями о различиях в жестово-мимическом поведении разных народов, но и обучать студентов-иностранцев пониманию русской жестово-мимической системы, что будет способствовать формированию коммуникативной компетенции студентов, а также снижению процента коммуникативных неудач в процессе межкультурной коммуникации (русский – иностранец).

Необходимо помнить, что паралингвистические средства (жесты, мимика, поза, тон и громкость голоса) – это только помощники слова. При умелом использовании они могут сделать мысли ясней, а чувства ярче. При неумелом управлении ими – затемняется смысл, затрудняется восприятие речи, портится впечатление от выступления. Изучая неречевые средства общения, овладевая ими, надо помнить о том, что вербальное общение является доминирующим звеном в коммуникации. Оно подчиняет себе все неречевые средства. Логика, значимость мысли, сдержанный темперамент сегодня сильнее действуют на слушателей, чем эмоциональная страстность и обильная жестикуляция.

Список использованной литературы

Леонтьев А.А. Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов – М.: Наука, 1977. – 350 с.

Ножин Е. Л. Основы советского ораторского искусства / Е.Л. Ножкин. – 2-е изд., перераб.– М.: Знание, 1981. – 352 с.
Савкова З.В. Искусство оратора / З.В. Савкова. – М.: Знание, 1998.
Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев: Лингвострановедческий словарь-справочник / П.С. Тумаркин. – М.: Русский язык. Медиа, 2004. – 168 с.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ И МЕЖДОМЕТИЯ КАК ОСНОВА КОМИКСА, АДРЕСОВАННОГО ШКОЛЬНИКУ

К.А. Зёмка[*], И.А. Шушарина[•]

Одним из стилистических приемов создания экспрессии в комиксах для младших школьников являются междометия и звукоподражания. Они более динамичны и более ёмки, чем знаменательные слова, словосочетания и предложения и относятся к так называемой звукоизобразительной лексике, сближая вербальный и изобразительный ряды в поликодовом тексте.

Звукоподражание (ономатопея) – условное воспроизведение звуков природы, криков животных и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист, удары, толчки, падение и т.п.). Широкое распространение получило мнение, что звукоподражания не обладают лексическим значением, однако, говоря об использовании этих слов в комиксах, трудно согласиться с этим мнением. В комиксах звукоподражания, хотя и не имеют номинативной функции, обладают лексическим значением и являются полноценными словами. Они используются как средства общения, как экономичные средства выражения мысли.

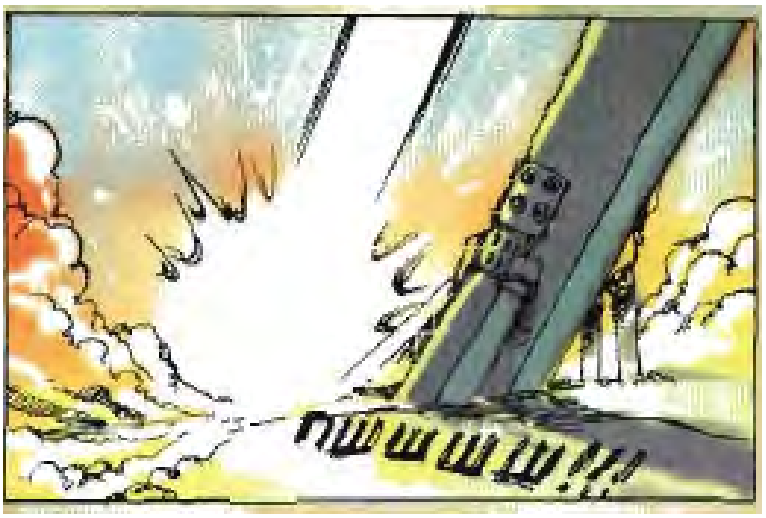
Междометия – слова, которые непосредственно выражают чувства, переживания и волеизъявления, не называя их. Свойство междометий – выражать очень разнообразный и порою довольно пестрый круг чувств – определяется тем, что в реализации их лексических значении важную роль играют языковой контекст, ситуация речи, интонация, жест, а также мимика. В отличие от междометий звукоподражания не выражают ни эмоций, ни чувств, а являются подражаниями вполне конкретным естественным звучаниям.

Междометия, выражая чувство, но, не называя его, нуждаются обычно в примыкающем к нему пояснении, звукоподражательные слова обозначают совершенно конкретное явление внешнего мира и понятны без пояснения, ви-

[*]**Зёмка Ксения Андреевна**– выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.
[•]**Шушарина Ирина Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

димо, поэтому междометия, как правило, вводятся в реплики персонажей, а звукоподражания накладываются на комиксовый кадр:

Междометие **Звукоподражание**



Междометие «Ой!» («ГАМСы») Звукоподражание «ПШШШШШ!» («ГАМСы»)

Иногда звукоподражаний в комиксе (или на странице комикса) значительно больше, чем собственно вербального текста:

(«Юла»)

По характеру имитируемых звуков звукоподражательные слова имеют в своем составе:

1) слова, имитирующие голоса животных и насекомых: *га!, пиии!, Пип!, КРИИИ!, Ку-ка-реку!, Кры-кры-кры!;пррр!, гав!;вжжжжж…;*
2) звуки, издаваемые монстрами*: PPPPP, BLAARRRRGGG!;*
3) слова, обозначающие звуки, издаваемые человеком или очеловеченным животным: *тссс!, ХА!, ХА-ХА-ХА-ХА!, ХЕ-ХЕ!, уф!, ХРРРР!, хм…, гм… ПУФФ-ПУФФ-ПУФФ! Апчхи!;*
4) слова, обозначающие звуки природы, издаваемые ветром, дождем, бурей: *ВУШШШ!, КРАК-К-К!*
5) слова, имитирующие различные звуки, не принадлежащие живым существам: *ФЗЗЗ!, ТРЮЮЮЮ, ТУНК!, ПФФФ!, ДРРРРРР!, БА-ДАБУМ!;*
6) Слова, имитирующие действие*: ХРЯП! ТРЕСЬ! СКРИИП, ПЛЮХ! ИККК!, КЛАЦ!, ХЛОП!, Ша-р-рах!, ШЛЁП!, Щёлк!*

В комиксах «Тачки», «Человек-паук», «Черепашки-ниндзя» преобладают звукоподражания, имитирующие звуки ударов и падений: *БАБАХ!, БА-ДАБУМ!, БАМ!, БАХ!, БУМ!, ЗАП!, КАДА-БУ-У-УМ!, КЛАНГ!, КРАК! ПЛЮХ, ТАРАРАХ! ТРЭМС! ФШ-Ш-Ш!* и т.д., звуки, передающие скрежет металла: *Р-РИП! СКР-РЗ-З! ШТЫН! КЛАНГ!* Самое интересное: в комиксах с помощью звукоподражаний передаются почти бесшумные звуки: быстрое бесшумное движение – *ШУ-У-УХ!,* состояние возмущения, когда нет слов, – *ММММФФ*!

Многие звукоподражания встречаются только в одном комиксе и только один раз, например, даже не переведенное на русский язык *WHEEEOOO-WHEEEEOOOO* (СД), передающее вой сирены, или шум падения металлической ловушки – *ВЖ-Ж-ЖИК-КЛАЦ!* (ЧН), шум падения фургона – *КАДА-БУ-У-УМ!* (ЧПГЗ). Но большая часть звукоподражаний встречается в разных комиксах: ТВИП! «звук вылетающей паутины» (ЧП, ЧПД), *ТРАХ!* «звук разбитого стекла» (ЧПГЗ, ЧН), «Ха-ха-ха» (СД, ТД, ПП, МЗ, Г), *ШЛЁП* «звук падения» (ТД, КЖ) и др.

Часто звукоподражания, встречающиеся в комиксах, многозначны. Так, звукоподражание *КЛАЦ!* может означать и акулье клацанье зубами (СД), и удары по клавишам ноутбука (ЧН), *КРАШ!* означает и взрыв машины, и вырвавшееся из сопла пламя (ЧПГЗ), и звук падения (СД, ЧН), *ХЛОП!* – это и удар (СД, КЖ), и хлопанье в ладоши (СД), и звук падения (СД).

Состав звукоподражаний в комиксах пополняется постоянно, и процесс этот движется в первую очередь за счет постоянной тенденции к эвфемизации в речи, а источниками пополнения являются уже имеющиеся в речи первообразные междометия и звукоподражания.

Мы попытались выявить функции, выполняемые в комиксах звукоподражаниями и междометиями.

1) Функция экономии языковых средств (позволяет избежать многословия. Звуковой образ заменяет длинное описание, связанное с этим звучанием. Например, развернутому тексту «Луч, очень точно выпущенный из бластера Человека-паука, врезался в панцирь Железного человека. Панцирь начал медленно плавиться, неохотно, шипя, медленно сжимаясь» соответствует одно звукоподражание *ШКВАР-Р-Р-РК!*);
2) Экспрессивная функция (Звукоподражания и междометия часто выступают как средство субъективного выражения отношения персонажа комикса к происходящему или к другому персонажу. За счет использования звукоподражаний комикс словно слышишь и оцениваешь происходящие в нем события);
3) Звукоизобразительная функция (Звукоподражание – одно из главных средств изображения звучания в речи. Есть звукоподражания, передающие крики животных, но более ценными в комиксе являются слова, передающие разные типы ударов, движений, шорохов, шума природы);
4) Симплифицирующая функция (В звукоподражаниях наиболее определенно выражена связь образа звучащего слова с образом предмета, поэтому наименование с помощью звукоподражания для ребенка легче и естественней. Взрослые, общаясь с детьми, также используют так называемый «детский» упрощенный язык, поэтому употребление звукоподражаний является характерной особенностью устного общения между ребенком и взрослым. В комиксах симплифицируюшую функцию выполняют такие звукоподражания, как *Ку-ка-реку!, Сссссссс, тик-так, цоп!, шлёп, шчяк, стук, плюх* и др.);
5) Дескриптивная функция (звукоподражательные слова служат не просто для изображения звучания, а для описания того или иного объекта или ситуации);
6) Характеризующая функция (звукоподражания и междометия используются в комиксах для косвенной характеристики личности персонажа и его эмоционального состояния в той или иной ситуации. Звукоподражания и междометия передают манеру речи, особенности поведения, эмоциональное состояние персонажа);

7) Идентифицирующая функция (Как правило, звукоподражания, использующиеся положительными и отрицательными персонажами, различны, и это помогает их различать);
8) Функция интенсификации эмоционального воздействия (В звукоподражаниях и междометиях значительную роль играет звукопись. Так, при описании приглушенных звуков, авторы комиксов используют глухие согласные: *ПШШШШШ, КШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш*, удары по металлу передаются звонкими согласными: ДЗЫНЬ*, КЛАНГ, РИП-П*, а вот как показаны несильные удары, под воздействием которых предмет все-таки сломался: *Тюк тюк тюк тюк ХРЯП!*).

Количество звукоподражаний в комиксах является открытым. Как правило, есть группа общепринятых и употребительных звукоподражаний, которые могут даже входить в словари. Однако, помимо них, в комиксах автором используются и другие звукоизобразительные слова, образуемые по мере необходимости, когда, например, герой сталкивается с новыми, непривычными для него звуками внешнего мира. Проникая в язык, и, прежде всего в язык комикса, звукоподражания, звукосимволические слова и междометия привносят в комикс характерную для них в живой разговорной речи экспрессию, яркую модальность, а потому требуют обращения на себя внимания как на неисследованное стилистическое средство.

Примечание

Материалы для анализа взяты из журналов «В гости к Робинзонам» (Р), «ГАМСы» (Г), «Губка Боб Квадратные штаны» (ГБ), «Классный журнал» (КЖ), «Микки Маус» (ММ), «Миша» (М),, «Мурзилка» (МЗ), «Приключения колобков» (ПК), «Приключения Скуби-Ду» (СД), «Приключения Шрека» (Ш), «Русские исторические комиксы» (ИК), «Русские былины и сказки» (Б), «Смешарики» (С), «Тачки» (Т), «Том и Джерри» (ТД), «Утиные истории» (УИ), «Человек-паук» (ЧП), «Человек-паук. Герои и злодеи» (ЧПГЗ), «Человек-паук. Питер Паркер» (ЧППП), «Человек-паук и его друзья» (ЧПД), «Черепашки-ниндзя» (ЧН), «Юля» (Ю).

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

С.С. Кувалина*

Выразительные средства – это такие языковые/речевые средства, которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию зало-

*__Кувалина Светлана Сергеевна__ – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государствеено университета.

женной в тексте информации) восприятие речи адресатом [Сковородников 2009 : 90].

Выразительность речи проявляется уже в заголовке, который выполняет как контактную функцию, так и воздействующую. Информативность заголовков обеспечивается употреблением однозначной лексики: *Перебежчики* (ЛГ, 2011, № 20); *Горькие уроки прошлого – одна из главных тем испанских писателей* (ЛГ, 2011, № 20); *Речевая ситуация* (ЛГ, 2011, № 18); *Заветы Петра Струве* (ЛГ, 2011, № 34); *Культурное сохранение* (ЛГ, 2011, № 20); *Майские тезисы садовода* (ЛГ, 2011, № 18); *Воскресение Бен Ладана* (АиФ, 2011, № 39); *Конкурс обещаний* (АиФ, 2011, № 39); *Лео Бокерия: До врача доходят четверо… из 100 больных, нуждающихся в лечении* (АиФ, 2011, № 39).

Заголовок должен быть центром содержательной, образной структуры текста. Используя вопросительные заголовки, автор активизирует читательское восприятие: *Декоммунизация или криминализация?* (ЛГ, 2011, № 13); *Победа революции или алчного агрессора?* (ЛГ, 2011, № 35); *Старые посулы уже забыты?* (АиФ, 2011, № 39); *Кто в списках?* (АиФ, 2011, № 39); *Что делать с бензином или с властью?* (ЛГ, 2011, № 20*); Чего хотят русские?* (ЛГ, 2011, № 39); *Желание-то у нас есть?* (ЛГ, 2011, № 20).

Значение категоричности распоряжения придает инфинитив: *Отступать некуда, позади страна* (ЛГ, 2011, № 18); *Переменить атмосферу* (ЛГ, 2011, № 34). Глагол 1 лица множественного числа выражает призыв, значение побуждения к совместному действию: *Сверим курс по гагаринской звезде* (ЛГ, 2011, № 14).

Интригующий характер несут заголовки, отличающиеся метафоричностью, книжным характером лексики (часто церковно-религиозной): *Камни преткновения* (ЛГ, 2011, № 13); *Религия русской победы* (З, 2006, № 19); *Симфония русских пространств* (З, 2006, № 18); *Нимбы русской культуры* (З, 2011, № 21); Байкал и Волга – русские боги (З, 2006, № 24); *Нейрохирургия для русской элиты* (З, 2006, № 33*); Ловцы человеков* (З, 2006, № 38); *Тринадцатый подвиг Геракла* (З, 2007, № 31); *До встречи на кресте* (З, 2011, № 30); *Эра прощания* (З, 2011, № 30); *Святые XXI века* (З, 2011, № 32).

Интересен прием использования интертекста в заглавии *«Вишь ты, какое колесо… Власть упорно не хочет ничего менять»*, что получает дальнейшее развитие в публикации Вячеслава Костикова: «*Элитарная дискуссия о путях развития, об интеграции с Европой всё больше напоминает разговор двух мужиков из поэмы Гоголя «Мёртвые души»: «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву или не доедет?» Сколько за последние десять лет истрачено слов о постройке новой дороги Москва – Санкт-Петербург! Уже вся питерская элита*

перебралась в Москву, а дороги как не было, так и нет. Ну чем не Гоголь!»(АиФ, 2011, № 39).

Экспрессия возникает и усиливается благодаря привлечению вопросов различных типов, повторов, создаваемых языковыми средствами разных уровней. Особенно часто встречается такая разновидность вопросов, как дубитация. Дубитация – это ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения [Граудина 1998 : 264]. Например: *«Что это? Уже упомянутое запоздалое прозрение? Внезапное озарение, как говорят на Западе, «иллюминация»? Или же злорадное желание дать наконец волю чувствам, которые умело скрывались за долгие годы советской и постсоветской карьеры?»* (Анатолий Макаров: ЛГ, 2011, № 20*); «… а зачем же власть уничтожает куриц, несущих «золотые яйца», вместо того чтобы дождаться плодов? Зачем собирать повышенные налоги с топлива, включая бензин (на внутреннем рынке в отличие от экспорта – здесь снятие сверхприбылей обоснованно), и тем ещё снижать конкурентоспособность любого внутреннего производства, вместо того чтобы собирать налоги на более поздних звеньях цепочки? Тем более если курс вроде как на «модернизацию»?»* (Юрий Болдырев : ЛГ, 2011, № 20); «*Для каждого порядочного человека настало время думать и думать. Но известно: только великие цели затрагивают миллионы сердец. И разве возрастание государственной мощи России не является такой целью? Разве не прав был Ильин, утверждавший, что Россия возродится через государственную честь? И не пора ли на фоне растущей экономки формировать новое державное сознание? А если этот важнейший вопрос игнорирует кремлёвская бригада, то не начать ли каждому с себя, доказав, что душевное тяготение к созиданию мощного государства посильнее, нежели противогосударственные потуги «властителей дум», до зубов вооружённых супертвиттерами?..»* (Анатолий Салуцкий: ЛГ, 2011, № 34).

Другой разновидностью вопросов является объективация. «Объективация – это языковое средство, служащее для высвечивания отдельных сторон основного вопроса по мере развертывания текста» [Граудина 1998 : 265]. Например: «*Очень точное наблюдение Петра Струве побуждает задать колючие, но необходимые сегодня вопросы. Кто вносит в общественное сознание враждебный государству дух и зачем? Ведь понятно, что нормальная, конструктивная критика власти не только полезна, но и целительна. Однако же совсем иное дело – противогосударственный дух, которым насквозь пропитаны многие СМИ и значительная часть Интернета. Откуда он? О каких сегодняшних влияниях в русском обществе мог бы сказать в этой связи Струве, будь он нашим современником? Кто они, теперешние смердяковы, желающие погибели Русскому государству?»* (Анатолий Салуцкий, ЛГ, 2011, № 34).

Дубитация и объективация усиливаются анафорическимсинтаксическим параллелизмом, например: «***И разве так странно****, что нынешняя Россия не воспринимается изрядным числом русских как* своя *страна?*

Разве так странно*, что две трети призывников, по данным недавнего социологического опроса, ответили, что в случае войны не будут воевать с оружием в руках за* эту *страну?* ***Разве так странно****, что многие энергичные и талантливые русские люди всё чаще задумываются об эмиграции, а иные уже покинули родину-мачеху? Ведь Родина – это не только объект иррациональной любви, символизируемый берёзками, это место, где человек реализует дары, данные ему природой, место, где его* уважают. <…> *Поэтому такая паника охватила верхи после Манежа: оказывается, русские не просто есть, они ещё могут демонстрировать силу (что «сивкам» полагается исключительно на «государевой службе») и даже защищать свои неотъемлемые гражданские права!* ***А что, если*** *они заявят и права политические?* ***А что, если*** *они потребуют «вернуть эту землю себе»?* ***Что если*** *они захотят стать хозяевами в собственном доме?* ***Что если*** *они споют многомиллионным хором: «Дальше действовать будем МЫ!»»* (С. Сергеев. Чего хотят русские? : ЛГ, 2011, № 39).

Повтор как стилистический прием актуализирует разнообразные эмоционально-экспрессивные значения. Так, А. Проханов, привлекая лексический повтор и синтаксический параллелизм, подчеркивает трагизм все событий для России, совершившихся в августе: «***Август*** *– месяц русских мучений, тревог и бед.* ***В августе*** *случился ГКЧП, обваливший стены великой Красной империи.* ***В августе*** *утонул подводный крейсер «Курск», наполнив Россию рыданиями.* ***В августе*** *три года назад схлестнулись в скоротечной кровавой войне Россия и Грузия.* ***Август*** *пахнет грибами, сыплет на голову блестящие дожди, гонит над берёзами белые летние облака»* (З, 2011, № 32).

Синтаксический параллелизм передаёт также динамизм действия: «*Недавно я побывал в Дивееве. Приложился к мощам Серафима Саровского. Восхитился великолепием белоснежных, голубых и розовых храмов. Прошёл в одиночестве вдоль канавки, которую отрыли по указанию преподобного Серафима. Эта канавка заслоняет обитель от внешних напастей. Шёл полчаса, а казалось – протекла целая жизнь. Вспомнил и помянул всех милых усопших. Помолился о живущих. Испытал внезапное слёзное умиление, будто и впрямь коснулся моего лица голубой хитон пролетевшей надо мной Богородицы*» (З, 2011, № 32).

Или: В. Костиков оценивает положение России лексическим повтором «необустроенная»: «*А вот глубинная Россия как была* ***необустроенной****, так* ***необустроенной*** *и осталась»* (АиФ, 2011, № 39).

Для усиления выразительности используется в современной публицистике антитеза. Например, к данному стилистическому примеру прибегает В. Кос-

тиков: «*Качество жизни в регионах в **лучшем** случае остаётся советским, а в **худшем** – теряет то, что было построено трудом и лишениями нескольких поколений советских людей. <…>Москва **пухнет** от приезжих, а Россия **обезлюдевает**. <…> В результате «успешного выхода из кризиса» разрыв между **богатыми** и **бедными** только возрос»* (АиФ, 2011, № 39).

Язык современной публицистики требует глубокого изучения с разных точек зрения.

Источники и принятые сокращения

АиФ – «Аргументы и факты», З – «Завтра», ЛГ – «Литературная газета»

Список использованной литературы

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.

Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М, 1998. – 560 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

А.С. Курносова*

В современном обществе реклама, определяя массовое сознание, жизненные стандарты, привычки и потребности как отдельного человека, так и групп людей, превратилась в одно из основных звеньев в формировании такого социокультурного феномена, как образ жизни.

Рекламный текст, являясь текстом массовой коммуникации, призван не просто информировать реципиентов, но и побуждать их к запланированному действию. Как отмечает Д. Э. Розенталь, «воздействие рекламы зависит и от содержащейся в ней оценки рекламируемого объекта, и от аргументации в его пользу. Если такой оценки и аргументов читатель не находит, то влияние рекламы значительно ослабевает» [Розенталь 1981 : 179]. Также важным фактором, оказывающим влияние на эффективность рекламного текста, выступает стилистическая принадлежность используемых в нем лексических единиц.

* **Курносова Александра Сергеевна –** преподаватель филологического факультета Челябинского государственного университета.

Как и любой другой текст, реклама имеет определенную структурную организацию. Структуру рекламного текста можно выразить следующей формулой: «Рекламный заголовок + информационный блок + слоган + справочные материалы» [Dyer 1995: 100].

Рекламный заголовок должен содержать рекламное обращение, главный рекламный инструмент, который затем развивается в основном информационном блоке. Заголовок берет на себя функцию привлечения внимания потенциальных покупателей [Назайкин 2007: 89]. Есть только 1,5 секунды, чтобы заголовок привлек внимание потребителя. Следовательно, он должен быть броским, простым, содержать общеупотребительную, но эмоционально окрашенную лексику. Например: *Насыщенный цвет в роскошной упаковке* (Эйвон, Коллекция «24 карата золота»). *Окунись в лето вкусных поцелуев* (Мэйбеллин, Блеск в тюбике Вотершайн).

Особой частью рекламы является аргументация, которая содержится в информационном блоке. С целью придания достоверности информации в рекламных текстах используются различные манипулятивные технологии. К их числу можно отнести и использование специальных лексических единиц: терминов, профессионализмов, номенклатурных обозначений. Особенно ярко данное явление представлено в рекламных текстах косметических средств. 95% исследованных нами рекламных текстов косметических средств (кремов, масок, гелей, скрабов и т.д.) содержат специальную лексику, в частности термины, медицинские, химические, биологические. Рассмотрим несколько примеров:

- *4-недельный курс интенсивного ухода против морщин на основе 100% натурального* ***трипептид-комплекса****, активатора* ***фибробластов*** *и* ***олигопептидов*** *стимулирует выработку собственного* ***коллагена*** *кожи, интенсивно выталкивая морщины изнутри. (Орифлэйм, 4-недельный интенсивкурс против морщин «Эколлаген»).*

Данный рекламный текст содержит биохимические термины: *трипептид-комплекс, олигопептиды* (пепти́ды – органические вещества, молекулы которых построены из аминокислот, соединённых пептидной связью. В зависимости от числа входящих в молекулу аминокислот различают дипептиды, трипептиды и т.д., а также полипептиды)[Биология 2006.], *фибропласты* (от лат. *fibra*– волокно, наиб, распространённая клеточная форма соединит, ткани животных организмов. Развиваются из мезенхимы. Содержат хорошо развитый аппарат Гольджи, множество рибосом, синтезируют и секретируют осн. компоненты межклеточного вещества соединит, ткани – коллаген, эластин и мукополисахариды (глюкозаминогликаны)) [Биологический… 1986], *коллаген* (фибриллярный белок, составляющий основу коллагеновых волокон соединительной ткани (кость, сухожилие, хрящ, связки и т. д.) и обеспечивающий её прочность. Ши-

роко распространён у позвоночных (у высших позвоночных ок. 1/3 кол-ва всех белков) и беспозвоночных, не обнаружен у простейших, бактерий и растений) [Биологический… 1986].

Обилие биохимических терминов должно убедить потенциального покупателя в том, что данный крем – это не просто «бабушкин рецепт», а достижение современной науки, что данный крем дает реальный результат, так как он действует на клеточном уровне, в глубине кожи.

• *Гамма, создающая молодость кожи*

С 30 лет

Про-Ксилан ™ + Гиалуроновая Кислота,

Кожа Увлажненная, Эластичная и подтянутая.

(Лореаль, гамма «Дерма Генезис»).

Этот рекламный текст также содержит биохимический термин *гиалуроновая кислота* (…кислый мукополисахарид, составной компонент соединительной ткани. В больших количествах содержится в стекловидном теле глаза, в пуповине, синовиальной (суставной) жидкости, а также в коже) [Биологический…1986]. К тому же в нем присутствует неологизм – «*Про-Ксилан*™». Про-Ксилан™ – это новый активный компонент биологического происхождения в антивозрастном уходе, запатентованный лабораториями L'OREAL. Специалистам потребовалось семь лет исследований для создания этой молекулы. Поскольку рекламодатель утверждает, что это новейшая разработка, вполне логично, что она имеет название, пока не вошедшее в повседневное употребление. Наличие данных терминов должно убедить реципиента не только в качестве товара, его научной основе, но и в том, что фирма-производитель заботится о своих клиентах, ищет всё более новые и совершенные способы борьбы с возрастными изменениями кожи.

Обилие узкоспециальных терминов и других лексических единиц из профессионального употребления придает рекламе косметических средств научность, объективность и убедительность. Несмотря на то, что многие подобные наименования вряд ли поддаются пониманию со стороны обывателя, основанная на их использовании аргументация не вызывает у реципиента сомнений в достоверности полученной информации. Следовательно, подобная реклама придает потенциальному покупателю уверенность в качестве и эффективности рекламируемого товара.

Что касается слогана, то, как основной элемент рекламного текста, он отличается лаконичностью, эмоциональностью и запоминаемостью. При создании рекламных слоганов использование того или иного пласта лексики зависит от характера аудитории, на которую он направлен. Так, если текст адресован широкой и разнородной аудитории, предпочтение отдается общеупотребитель-

ной лексике, понятной каждому носителю языка и имеющей широкое применение в повседневном общении. В противном случае реципиентам будет трудно запомнить сложные, непонятные слова, а следовательно, слоган не будет иметь должного воздействия. Вследствие этого, рекламные слоганы косметических фирм и косметических товаров не содержат специальных лексических единиц, таких как термины.

Таким образом, местоположением терминов в рекламных текстах косметических средств является информационный блок, который содержит в себе аргументацию и призван убедить потенциального клиента в необходимости приобретения данного товара. Термин, расположенный в информационном блоке, не мешает восприятию текста. Основной функцией термина в рекламе косметических средств является придание тексту научности, объективности и убедительности.

Список использованной литературы

Морозова И. Слагая слоганы / И. Морозова. – 2-е изд., испр. – М.:РИП-Холдинг, 2005. –172 с.

Назайкин А.Н. Рекламный текст в современных СМИ: практич.пособие / А.Н. Назайкин. – М.:Эксмо, 2007. – 352с.

Розенталь Д.Э. Язык рекламных текстов / Д.Э. Розенталь, Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 179 с.

Усачева С.Н. Семантическая организация рекламных текстов в коммуникативном и культурологическом аспектах: автореф.дис… канд.филол. наук (10.02.19 – теория языка) / С.Н. Усачева. – Челябинск, 2004. – 19с.

Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров; редкол.: А.А. Бабаев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1986.

Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия /гл. ред. А.П. Горкин. –М. : Росмэн, 2006.

Dyer G. Advertising as Communication / G. Dyer. – London.: Blackwell Publishing 1995.–297p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В РЕКЛАМЕ

А.С. Мокина[*], Н.М.Ротанова[•]

Цель любой коммерческой рекламы – внушить потребителю желание приобрести товар/услугу, именно в этом состоит ее главное предназначение. В данной статье пойдет речь о таком приёме (позволяющем рекламодателю манипулировать сознанием покупателей), как использование прецедентных

[*]**Мокина Анна Сергеевна**– студентка филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

[•]**Ротанова Надежда Михайловна**– кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

текстов.Прецедентными Ю.Н. Караулов назвал тексты важные для личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известные широкому окружению данной личности, тексты, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности[Караулов 1987: 216].

Прагматический потенциал прецедентных текстов проявляется прежде всего через ассоциативную связь рекламируемого товара и определённого культурного символа. Прецедентный текст является знаком, который активизирует культурную память носителей языка и устанавливает отношения между текстом-прецедентом и новым текстом. Рассматриваемый как компонент языкового сознания социума, прецедентный текст представляет собой единицу «осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [Костомаров, Бурвикова 1994: 73].

Чтобы рекламный текст, в который включен прецедентный, был эффективным, необходимо осознание адресатом факта отсылки к определенному тексту и знакомство адресата с исходным текстом, кроме того, наличие у адресанта (отправителя высказывания) прагматической пресуппозиции – знания адресатом данного текста [Слышкин 2000: 34].

Источниками прецедентных высказываний, представленных в нашем исследовании, являются:

1) художественная литература: названия произведений, стихотворные строки, прозаические цитаты;
2) отечественные и зарубежные кинофильмы, мультфильмы;
3) строки из известных песен;
4) фразеологизмы;
5) афоризмы, крылатые слова, пословицы;
6) слоганы;
7) прецедентные ситуации.

Можно предположить, что большинство прецедентных текстов из перечисленных источников известно среднему представителю лингвокультурного сообщества.

В рекламе прецедентные тексты используются преимущественно в трансформированном виде. Основываясь на классификации апелляций к концептам прецедентных феноменов, предложенной Г.Г. Слышкиным, мы выделили следующие виды трансформации прецедентных текстов в рекламе: прямая цитация, квазицитация, продолжение, сочетание квазицитации и продолжения.

Посредством социолингвистического анкетирования решили выяснить:

1) насколько известны потенциальным покупателям прецедентные тексты, используемые в современной рекламе;

2) какие из прецедентных текстов обладают наибольшей «опознаваемостью»;

3) как респонденты понимают смысл некоторых прецедентных высказываний, значение которых не следует из суммы значений составляющих их компонентов;

4) какие эмоции испытывают респонденты, сталкиваясь с некоторыми из популярных прецедентных текстов.

В анкету включено 58 текстов, каждый из которых, по нашему мнению, может быть квалифицирован как прецедентный. Эти тексты явились источником для создания рекламы, которая была размещена в периодических печатных изданиях (журнал «Story», газета «Комсомольская правда») и на телевизионных каналах. При составлении анкеты мы стремились к тому, чтобы относительно пропорционально были представлены прецедентные феномены из литературы, кинофильмов, мультфильмов и песен, фразеологизмов, а также популярных афоризмов, крылатых слов и слоганов. Примерно одинаковое количество прецедентных феноменов в исследовании – из литературы (в том числе устного народного творчества) – 22,4%, кинофильмов, мультфильмов и песен – 22,4% , а также фразеологизмов – 24,1%. Афоризмов 13,8%, слоганов – 12,1%. Меньше всего прецедентных высказываний, восходящих к прецедентным ситуациям – 5,2%.

Задания в анкете мы разделили на шесть блоков. Первый блок – это тринадцать цитат из художественной литературы. Респондентам нужно было назвать автора и произведение-источник. В анкету были включены цитаты из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова по следующей причине: творчество этих авторов, как мы предполагаем, должно быть известно информантам, поскольку обязательно изучается в рамках школьной программы. В этот же раздел нами были отнесены названия книг (*«Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей», «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», «Как перестать беспокоиться и начать жить»* Д. Карнеги) и один прецедентный феномен из сказки, не имеющей автора (*«Сезам, откройся»* – сказка «Али-баба и сорок разбойников»).

Второй раздел анкеты представляет собой 13 прецедентных феноменов из кинофильмов, мультфильмов и песен. Респондентам предлагалось назвать источник феномена. Причем в некоторых случаях был возможен двоякий ответ: *«**Женщина, которая поёт**»* – это название и песни, и фильма; *«**Дубы-колдуны...**»* – это слова песни, прозвучавшей и в фильме «Бриллиантовая рука», и в мультфильме «Ну, погоди!»; фраза *«**Казнить нельзя помиловать**»* могла напомнить отвечающему и книгу Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков», и одноименный мультфильм, в качестве источника цитаты *«**Нам лю-***

бые дороги дороги» информант мог назвать и мультфильм «Бременские музыканты», и песню.

В третьем блоке респонденты должны были кратко сформулировать значение четырнадцати фразеологических единиц.

Четвертый раздел представляет собой подборку из 6 афоризмов, авторы которых, как мы предположили, могут быть известны опрашиваемым. Сюда же были включены пословица и изречение из Библии. Респондентам предлагалось раскрыть смысл выражений и вспомнить автора или источник изречения.

В пятую часть анкеты мы поместили популярные слоганы. Информанты должны были вспомнить, в каких случаях они встречаются с прецедентными феноменами, как часто и какие эмоции это вызывает.

Содержанием шестого раздела стали три прецедентных текста, источник которых – прецедентные ситуации. Респондентам нужно было каким-либо образом прокомментировать предложенный прецедентный текст. Например, для выражения «***Золотой век***» информант мог дать такое пояснение*: «русская литература XIX века», «мифическое время, когда люди жили без забот, без войн, без страданий»*.

Мы стремились охватить респондентов разного возраста и уровня образования (незаконченное среднее, среднее, незаконченное высшее, высшее – гуманитарное, техническое). Нижняя возрастная граница опрошенных – 16 лет, это возраст относительно полной социализации.

Лучше всего респондентам оказались известны популярные слоганы (в среднем 84,6% респондентов), чуть меньше – прецедентные высказывания, восходящие к прецедентным ситуациям (81,3%), фразеологизмы (79%), цитаты из песен и кинофильмов (74%). Хуже всего респонденты знают цитаты из художественной литературы (46,9%) и афоризмы (37%).

Популярные слоганы, по результатам исследования, обладают наибольшей опознаваемостью. Но для создания эффективной рекламы важна не только известность прецедентного высказывания, необходимо, чтобы прецедентный текст не вызывал негативных эмоций. Так, акростих ***«каждый охотник желает знать»*** известен 75% респондентов, при этом опрошенные в графе «*эмоции*» отмечают: *«улыбка», «напоминает детство», «положительные эмоции»*. Рекламе, рождающей положительные эмоции, больше доверяют, а это одно из главных условий её эффективности. Напротив, использование в рекламе слоганов «***Вы всё ещё кипятите?»*** и «***Заплати за проезд!»*** (несмотря на то, что они известны 92,5% и 90% респондентов соответственно), как выяснилось, делает ее менее действенной, потому что эти выражения вызывают у респондентов эмоции, обозначенные как*: «неконтролируемая агрессия», «раздражение», «надоело»* (в большинстве случаев).

Слоганы *«**Красота требует жертв**»* и «Книга – лучший подарок» также вызывают у части респондентов отрицательные эмоции *(«неприятно», «злюсь», «недоумение»,* ироническое – *«жертвоприношение не помогло»*). Но эти прецедентные феномены в рекламном тексте трансформированы так, что исходный смысл меняется: *«Красота без жертв»* (квазицитация с изменением смысла на противоположный), *«Танец – лучший подарок»* (квазицитация с заменой компонента). Можно предположить, что при узнаваемости в 82,5% и 80% использование этих прецедентных феноменов в рекламе повысит ее эффективность, поскольку исходный смысл, вызывающий неприятие, изменен. Конечно, исходный вариант и сопутствующая эмоция тоже возникает в памяти, но, очевидно, делается ставка на то, что положительные эмоции как результат опровержения неприятного стереотипа окажут нужное воздействие на потенциального покупателя. Хотя есть риск, что отрицательные эмоции перекроют положительные, поскольку первые почти всегда являются более сильными. В этом случае, несмотря на большой процент узнаваемости прецедентного текста, реклама может оказаться неэффективной.

В первом разделе анкеты (автор и название произведения художественной литературы, из которого взята цитата) респонденты, к сожалению, дали правильный ответ лишь в 46,9% случаев. Часто вместо реального автора указывался другой классик. Например, вместо А.С. Пушкина авторами строки *«**Мой дядя самых честных правил**»* был назван и М.Ю. Лермонтов, и А.С. Грибоедов, в то время как автором строки *«Ведь были ж схватки боевые…»* некоторые из опрошенных посчитали А.С. Пушкина. Один из респондентов автором цитаты *«**Белеет парус одинокий…**»* назвал Валентина Катаева, что может быть, с известной долей условности, засчитано как правильный ответ, так как В. Катаев использовал уже ставший прецедентным текст в названии своей повести. Интересен такой факт: 10% опрошенных посчитали, что строка *«**Друзья мои, прекрасен наш союз**»* – из стихотворения «К Чаадаеву». Это можно объяснить тем, что выше приведенная строка из стихотворения А.С. Пушкина *«19 октября» (1825 г.),* которое посвящено друзьям-лицеистам, ассоциируется у носителей языка с П.Я. Чаадаевым – другом Пушкина по Царскосельскому лицею.

Автором *«**Кудри милой от мускуса ночи темней…**»* (Омар Хайям) дважды был назван Сергей Есенин, очевидно, сказались воспоминания о его «Персидских мотивах», например, созвучная приведенной выше строка*: «Руки милой – пара лебедей…»*; и даже А.С. Пушкин с его «Бахчисарайским фонтаном» – тоже, вероятно, повлияла восточная тематика. Вспоминали респонденты о восточных мотивах и при определении источника *высказывания*

«Сезам, откройся»: были названы «Тысяча и одна ночь», Ходжа Насреддин и даже «Маленький Мук».

В четвертом разделе анкеты при работе с афоризмами респонденты легко раскрывали смысл высказываний, трудности же возникали с установлением авторства. Так, выражение «***глаза – зеркало души***» практически не воспринимается респондентами как авторское (имя Льва Николаевича Толстого было названо в 5% случаев, как источник указывалось*: «народная мудрость», «психология»*). Источником пословицы «***Береги платье снову, а честь – смолоду***», как мы и предполагали, в большинстве случаев была названа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, а в одной анкете – А.В. Суворов, которому действительно приписывается это выражение.

Источником слогана ***«Всё лучшее детям»*** несколько респондентов указали коммунистов («призыв коммунистов»), Н.К. Крупскую, партийных руководителей («*кто-нибудь из советских вождей*»), что близко к истине; двое указали имя В.И. Ленина. Считается, что эти слова В.И. Ленин сказал заведующей дошкольным отделом наркомпроса Д. А. Лазуркиной в ноябре 1917 года. Правда, они отсутствовали в первых публикациях воспоминаний Д. Лазуркиной о ее встречах с Лениным и появились лишь в поздней их версии в книге «Подписаны Лениным» (1968): «*Помните, все лучшее, что у нас есть, детям!*».

Выражение «***Время – деньги***» оказалось настолько популярным, что его источником были названы: *«ТВ-программа», «фильм»* (название современного фильма *«Время – деньги»* (2004 г.), режиссер Е. Лунгин), кинофильм *«Бриллиантовая рука»* (цитата из фильма: «*Время – деньги. Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени*»), *«12 стульев»* и *«Остап Бендер»* (герой И.Ильфа и Е.Петрова в «Двенадцати стульях» произносит фразу*: «Время, которое мы имеем, – это деньги, которых мы не имеем»*).

Примечателен тот факт, что респонденты разного возраста автором высказывания ***«Театр начинается с вешалки»*** посчитали А.П. Чехова (12,5% ответов). Это может быть объяснено тем, что стиль Чехова характеризуется афористичностью; многие фразы из его произведений стали крылатыми. Например*: «этого не может быть, потому что не может быть никогда», «Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овес и сено», «подъезжая к станции, у меня слетела шляпа», «я человек, который работающий»* и т.п. Кроме того, очень широко известно чеховское *«В человеке всё должно быть прекрасно…»*. Может быть, на ответы респондентов повлияло то, что Антон Павлович Чехов является автором гениальных пьес, его деятельность ас-

социируется с Московским художественным театром[•] и с именем Константина Сергеевича Станиславского, которому и принадлежит данное высказывание.

Из включенных в четвертый блок анкеты высказываний менее всего оказалось известно высказывание Протагора ***«Человек есть мера всех вещей»*** (23,8%). Любопытно, однако, что один из респондентов источником высказывания Протагора назвал пьесу М. Горького «На дне». Возможно, потому, что слова одного из героев пьесы – Сатина – перекликаются по смыслу со словами философа: «*Человек – вот правда! <…> Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга!*» [Горький 1983: 208].

Таким образом, респондентам разного возраста и образования лучше всего знакомы прецедентные высказывания из популярных слоганов. Но бездумное использование их в рекламе не повышает ее эффективности: многие из слоганов именно из-за частого употребления превратились или превращаются в штампы, раздражающие потенциального покупателя. Хорошо известны респондентам прецедентные тексты, восходящие к прецедентным ситуациям, фразеологизмы, цитаты из песен и кинофильмов (они формируют ядро когнитивной базы и массовую культуру, доступную большинству) – возможно, использование их в рекламе окажется наиболее эффективным. Прецедентные высказывания из художественной литературы и афоризмы, к сожалению, знакомы респондентам хуже всего. Видимо, можно утверждать, что в настоящее время эти прецедентные высказывания формируют элитарную культуру, носителями которой является малая часть общества. Копирайтеру придется учитывать, что большинство потребителей рекламы способно реагировать только на прецедентные тексты, представляющие собой общеизвестные названия произведений художественной литературы и имена некоторых героев этих произведений.

Использование «интеллектуальных» прецедентных феноменов (источником которых является классическая литература) в рекламе возможно, но нужно ориентироваться на целевую аудиторию издания СМИ.

Рекламный текст призван воздействовать на всю аудиторию, а значит, должен использовать вербальные средства, апеллирующие к тем структурам сознания, которые являются общими для людей, живущих в данном культурном социуме. Символы, обладающие традиционно признанными в данном обществе значениями, помогают реализовать прагматический потенциал рекламного сообщения.

Список использованной литературы

Горький М. На дне /М. Горький// Избранное: Рассказы. Очерки. Пьесы. – М.: Просвещение, 1983.

[•] Московский художественный театр носит имя А.П. Чехова с 1989 года.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
Костомаров В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – №1. – С. 71-79.
Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе/ Г.Г. Слышкин. – М.: Akademia, 2000.– 128 с.

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.М. Ротанова[*], В. А. Иванова[•]

В политической жизни общества проблема манипулирования сознанием и поведением человека особенно остро проявляет себя в период выборов. По данным социологических опросов, большинство избирателей не могут осуществить выбор на основе рациональной оценки программ определенных политических партий, их деятельности. Свой выбор многие делают, учитывая степень доверия/недоверия к конкретным лидерам и организациям, а степень эта зависит, как правило, от эмоционального восприятия полученной через СМИ информации. Именно эмоциональное состояние общества, стереотипы людей являются главной мишенью для политиков-манипуляторов.

Цель нашего исследования – выявить особенности манипулятивного речевого воздействия в агитационных текстах, которые были использованы в предвыборных кампаниях кандидатов в депутаты от местных отделений политических партий и движений.

Под манипуляцией понимают вид духовного, психологического воздействия, при котором мишенью для манипулятора является сознание личности; это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; объект манипуляции становится средством достижения собственных целей манипулятора; при манипуляции используются особые средства, воздействующие на психику человека. Скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем воображении образы, влияющие на его чувства, мнение, поведение. Искусство манипу-

[*]**Ротанова Надежда Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.
[•]**Иванова Василиса Андреевна** – студентка филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

ляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения в нужное русло, но так, чтобы человек не заметил воздействия, не разоблачил манипулятора.

О.Н. Быкова под речевым манипулированием понимает «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Быкова 1999: 94]. Иными словами, если скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую говорящему эмоциональную реакцию адресата, – можно говорить о речевом (языковом) манипулировании.

Манипулятивное речевое воздействие, имея целый арсенал языковых средств, определенным образом организовано как процесс и реализуется в несколько этапов. Сначала нужно заставить манипулируемого захотеть «чего-то» и актуализировать стремление удовлетворить это желание. Затем показать, почему это «что-то» способно удовлетворить «хочу» манипулируемого, т.е. представить это «что-то» как средство осуществления желания. Наконец, нужно показать способ получения этого средства (объяснить, как получить то, что хочешь) [Денисюк 2004]. Применительно к предвыборной политической агитации это может выглядеть так: избирателям показывают, что для них хорошего может (готов) сделать кандидат (т.е. фактически сообщают «чего они, избиратели, хотят»), затем объясняют, почему предлагаемое кандидатом может улучшить жизнь избирателей, а кандидат представляется как средство осуществления «хочу» избирателей, наконец, называется способ получения «этого средства удовлетворения желания жить лучше» (средство = кандидат) – нужно за него проголосовать на выборах.

Манипулятивные речевые стратегии в качестве первого коммуникативного хода предполагают создание манипулятором собственного образа как единомышленника (т.е. первый шаг производится в рамках аксиологических коррелятов «свой – чужой»). Создавая определенным подбором лексических средств смысл «я тебе свой», политик-манипулятор (журналист, который работает на политика) внедряется в сознание избирателя через представление людей о «своих»: своих не надо опасаться, они хотят нам добра, сочувствуют нам, готовы оказать помощь, они так же воспринимают мир, их стремления совпадают с нашими и т.д.

Смысл «свой» имплицитно представлен уже в обращении к избирателю, которым начинаются многие агитационные тексты: «Дорогие друзья!» или «Уважаемые земляки!». При удачном, убедительном внедрении смысла «я

свой» в сознание избирателя манипулятор может делать следующий коммуникативный ход.

Итак, рассмотрим конкретные примеры использования лексических маркеров речевой манипуляции в политических агитационных текстах, которые использовались политиками в предвыборной кампании в нашей области. Наиболее частотное средство для создания смысла «я свой» – местоимение «мы» и образованное от него притяжательное местоимение «наш».

***Уважаемые коллеги**! Я обращаюсь к вам именно так, поскольку твердо убеждена, что **у нас** общие цели: **мы** искренне желаем лучшей жизни для **наших** микрорайонов и поселков* (Газета «Наш кандидат – Татьяна Скок», партия «Единая Россия»).

Манипулятивным является уже само обращение к избирателям «*Уважаемые **коллеги***!» («коллега – человек одной профессии с говорящим, товарищ по работе»), обращение затем подкрепляется фразой «*твердо убеждена*, *что у нас **общие** цели*», такое объединение позволяет кандидату сказать: мы с вами хотим одного и того же. Агитатор подчеркивает свою честность, правдивость по отношению к избирателям, одновременно делая им завуалированный комплимент: «*мы **искренне** желаем лучшей жизни для наших микрорайонов и поселков*»; искренность – один из аспектов честности, правдивости, отсутствие противоречий между реальными чувствами, намерениями в отношении других людей и тем, как эти чувства и намерения преподносятся им на словах. Имплицитно представлен смысл: «мы считаем Вас достойными лучшей жизни». Название газеты дает понять, что говорящий предлагает себя в качестве средства реализации названного желания: «***Наш*** кандидат – Татьяна Скок». Из чего логически следует: чтобы кандидат смог осуществить желание избирателей, они должны за Татьяну Скок проголосовать, тем самым наделив её нужными полномочиями.

Если местоимение «мы» отсутствует, его функцию берет на себя глагол в форме первого лица множественного числа, что сути не меняет:

***Остановим** рост тарифов в Зауралье!* («Справедливый калькулятор», партия «Справедливая Россия»).

Референции, которые логически извлекаются из контекста, таковы: мы вместе сможем это сделать, но в том случае, если вы проголосуете за нашего кандидата.

Эмоциональная память один из самых устойчивых видов памяти. Эмоции сильнее запоминаются нами и их проще смодулировать. В приведенных ниже примерах политик-манипулятор обращается к отрицательным эмоциям избирателей, направляя их против действующей власти:

*Да, у **нас** появилось громадное количество торговых и развлекательных центров, но стало ли от этого комфортнее жителям **нашего** города? У многих ли дома не протекает крыша, эффективно работает канализация, нет проблем с горячей и холодной водой, с вывозом мусора? <....> А виноваты в первую очередь городские власти всех ветвей и **мы, жители города Кургана**, позволяющие себе оставаться равнодушными к проблемам, которые снежным комом наваливаются на **нас** и **наш город**.* (Газета «Я выбираю Курган!», О.В. Филистеев).

Создавая образ «своего», агитирующий, кроме местоимения «мы», использует указание на земляческие отношения: «*мы*, ***жители Кургана***», «***наш****город*». Как манипулятивный прием в данном тексте используется и риторический вопрос: проблемы не просто перечислены, они сформулированы как риторические вопросы, что трансформирует речь в подобие диалога (т.к. вопросная форма вызывает у собеседника психологическую реакцию искать ответ). Однако комментарий к имплицитно выраженному в риторических вопросах утверждению (курганцам не стало комфортнее жить от того, что открылись новые супермаркеты и развлекательные центры, потому что это не решило проблем ЖКХ), на наш взгляд, неудачен. Во-первых, агитатор не учитывает стереотип «виноват тот, кто принимает решения, т.е. власть», а также «власть всегда пытается избежать ответственности и старается свались вину на исполнителя или вообще невинного» (это подтверждается выражениями типа «у сильного всегда бессильный виноват» или «нашли стрелочника/крайнего»). Делить ответственность с властью народ считает несправедливым. Нельзя было, давая негативную оценку действующей власти, объединять её и жителей Кургана, в таком контексте местоимение «мы» не выполняет своего назначения – сформировать образ агитатора как «своего»: получается, что кандидат не только признает за собой вину, но и считает правильным разделить горожанам ответственность с властью за безобразия в городском хозяйстве. Причем непонятно слова «в первую очередь» относятся только к власти или и к «нам» тоже. Таким образом, несмотря на применение испытанного манипулятивного приема, воздействующая сила данного агитационного высказывания невелика из-за непродуманного, неудачного языкового выражения.

Прием «разоблачения» оппонентов был характерным и для партии «Справедливая Россия» в предвыборной кампании 2010 года.

***Мы с вами**, собственно, не сильно интересуемся, как делят **наши** деньги. Иногда задаемся вопросами, почему у **нас** такие ужасные дороги, почему самые высокие тарифы. Но **мы** не привыкли связывать две простые вещи – **нашу** жизнь и то, что **мы** сами сделали такой выбор, когда выбирали прошлую Думу. Нужно спросить **себя**: а выбирали ли? Поэтому первое, что **нам** нуж-*

но сделать, – прийти на выборы, чтобы низкой явкой и ***нашими*** *голосами не воспользовались*…(Газета «Справедливый наблюдатель», партия «Справедливая Россия». Статья «Пока мы спим, воруют нашиголоса!»).

Уже в названии статьи агитатором используется основные тактические средства – местоимения «мы» и «наш». В начале приведенного фрагмента для создания смысла «вместе» местоимение «мы» используется в связке – «мы с вами». И хотя языковые средства манипулятивного воздействия практически те же, что в предыдущем примере: местоимения «мы», «наш», «себя» и риторический вопрос, – однако упрек избирателям в данном тексте имеет другую психологическую основу, чем в высказывании кандидата Олега Филистеева. Во-первых, авторы сумели развести власть и народ, учитывая стереотипы отношения людей к действующей власти: «***воруют*** *наши голоса*», «***делят*** *наши деньги*». Во-вторых, избирателей укоряют только в их собственных действиях: «… ***мы*** *сами сделали такой выбор, когда выбирали прошлую Думу. Нужно спросить* ***себя****: а выбирали ли?».* Кроме того, метафорическая форма в характеристике поведения избирателей «*пока мы* ***спим***» имплицитно передает смысл: «всё можно исправить, если начать действовать» (спать – не проявлять себя (о чувствах, уме и т.п. [МАС 1988: 219]); другими словами, текст содержит позитивный эмоциональный настрой, несмотря на использование негативно окрашенной оценочной лексики: *ужасные дороги, самые высокие тарифы, низкая явка, воруют.*

Один из постулатов теории нейролингвистического программирования гласит: человеческая психика устроена так, что несколько «да» подряд не могут повлечь за собой «нет». Избиратель не может не согласиться с тем, что власть без нашего ведома делит наши деньги, не может не согласиться с тем, что у нас ужасные дороги и высокие тарифы, наконец, не может не согласиться, что мы сами голосуем (или не голосуем) за тех, кто в результате становится властью для нас, – поэтому избиратель не может не согласиться и с призывом, содержащимся к конце листовки: «… *первое, что* ***нам*** *нужно сделать, – прийти на выборы, чтобы низкой явкой и* ***нашими*** *голосами не воспользовались».* Установка воспринята, что отразилось в цифрах: по итогам выборов, состоявшихся в Курганской области в марте 2010 года, явка избирателей составила 67% против примерно 30% в 2006году.

Во время предвыборной кампании 2010 года примеры неудачной реализации тактики «я свой» встречались не редко, практически во всех случаях агитаторы не учитывали особенности стереотипов мышления избирателей (предрассудков, предубеждений, страхов, предпочтений и т.п.).

Мы рады, что на выборы идет ***один из нас*** *– уважаемый Вургун Мусеиб–оглы Агаев. Мы как один готовы поручиться за* ***нашегоуважаемого брата****,*

как золотого человека и успешного бизнесмена («Обращение азербайджанской общины»).

Фразы «…*один из нас*…» и «…*нашего уважаемого брата*…» в данном случае теряют эффективность в создании образа «своего», и вот почему. Обращение к избирателям исходит от лица азербайджанской общины, которая обращаясь к русским, называет Агаева «своим братом». Здесь не учтены особенности менталитета. Можно с уверенностью сказать о том, что ни один русский человек в своей родной стране не воспримет азербайджанца иначе как «чужого». Широко известен стереотип: «южные гости» не позволяют местным торговать на рынке и т.п. Есть еще одно «но»: «бизнесмен = олигарх» – в сознании многих это уже давно укоренившееся равенство. Олигарх – представитель крупного монополистического капитала. Слово «олигарх» (равно как и «бизнесмен») в наши дни все чаще произносят с неодобрением, поскольку бытует стереотип о том, что нельзя заработать большое количество денег честным путем. Оценочная метафора «золотой человек» не спасает положение, так как, во-первых, дается самая общая характеристика, а во-вторых, это устойчивое выражение звучит очень банально, т.е. не обладает экспрессией.

Как уже говорилось, установки ближнего круга общения для человека всегда весомее и сильнее, чем нормы отстоящих сообществ, включая и общество в целом. Люди охотнее воспринимают «своего». В целях манипулятивного речевого воздействия, кроме притяжательного местоимения «свой» используется и возвратное «себя». Этот прием в сочетании с графическими эффектами был активно использован Андреем Геннадьевичем Неделькиным в заголовках его агитационных материалов:

Нужен ***СВОЙ ДЕПУТАТ****? Тогда Неделькин!*

Выбираете депутата для партии или ***ДЛЯ СЕБЯ?*** *Тогда Неделькин!*

Использование риторического вопроса стало возможно благодаря знанию стереотипов: ни один нормальный человек себе не пожелает плохого, поэтому возвратное местоимение очень часто используется в рекламе, причем не только в политической (вспомним слоган, озвученный Марией Шукшиной в рекламе моющего средства: «Для себя я выбираю лучшее»).

Среди законов общения есть «Закон доверия к простым словам». Сущность закона коммуникативной простоты в следующем: чем проще твои мысли и слова, их выражающие, тем лучше тебя понимают и больше тебе верят. Люди лучше воспринимают простые истины, потому что эти истины им более понятны, более привычны для них. Многие из простых истин вечны, и поэтому апелляция к ним гарантирует интерес собеседников и их внимание. Обращение к таким истинам – основа популизма в политике. Популизм неизменно имеет успех потому, что его носители говорят людям простые истины из на-

бора тех, которые люди хотят услышать; популисты отвечают на вопросы, волнующие людей, при этом говорят с народом на его языке.

Многие кандидаты обращаются к такому приему, как популизм, который напрямую способствует созданию образа «своего». Например, в агитационной листовке А.Г. Неделькина, под названием «*Хватит* ***«кошмарить»*** *избирателя. Дайте ему шанс выбрать* ***дельного*** *депутата*», используется сленг и просторечная лексика:

Не рассчитали только одного дорогие московские политтехнологи. Что говорить со ***своими земляками*** *Неделькин будет на понятном курганцам языке. Не на модном московском наречии («Знания! Опыт! Результат!» – чудо как хорош девиз-то партийный). А по-простому, без модных пиар-технологий.. <…> Люди! Теперь у вас есть кандидат, который не партийное начальство будет слушать, а Вас. Ваши проблемы решать. Вы только, пожалуйста,* ***помозгуйте*** *хорошенько и на выборы обязательно приходите* (Листовка «Достали? Тогда Неделькин»).

«Дельный», «мозговать» – просторечие, «достать» – молодежный жаргон, а слово «кошмарить» заимствовано из жаргона уголовников. Слово «кошмар» в воровском арго означало «помеху при совершении преступления». Отсюда – глагол «кошмарить», имеющий два значения. Первое – создавать невыносимые условия для заключенного; второе – запугивать. В молодежном сленге значение этого слова «пугать». Фраза президента РФ Медведева «перестаньте «кошмарить» бизнес», стала афористичной, смысл её: «перестаньте пугать малый и средний бизнес многочисленными проверками и поборами». Используя эту аллюзию, кандидат привлекает в качестве манипулятивного приема ссылку на авторитетное мнение. В контексте предвыборного материала данное слово приобретает следующее значение: «кошмарить избирателя – оказывать негативное воздействие на психику людей, пугать будущими проблемами, бедами, если электорат не проголосует за вашего кандидата». Имплицитно представлено мнение о том, что избиратель сможет сам решить, как ему поступить, однако при этом Неделькин настойчиво советует не голосовать за «чужаков» и рисует портрет «подходящего» для курганцев кандидата (свой портрет). В сознание избирателей закладывается установка голосовать только за «своего».

Таким образом, коммуникативная стратегия манипулятора – это система речевых тактик. Языковые средства манипуляции обслуживают каждую из них. Создавая определенным подбором лексических средств смысл «я тебе свой», манипулятор рисует образ кандидата как единомышленника избирателей. В агитационных текстах во время предвыборной кампании в Курганской области для создания названного смысла использовались следующие языковые средства: местоимения «мы», «наш», «свой», «себя»; местоимение

«ты» в адрес избирателя («у тебя есть выбор»); в определённо-личных предложениях сказуемое в форме первого лица множественного числа (форма «мы»); указание на земляческие отношения, а также призывы к кооперативности, выражающие единогласие, единодушие (наречие «вместе»: «вместе-то мы силища»; выражения типа «мы с вами», «наш кандидат»).

Список использованной литературы

Быкова О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи»/ О.Н. Быкова// Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Российской риторической ассоциации. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1999. – С. 93-100. – Вып. 1 (8).

Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореферат дис. … канд. филол. наук (10.02.01 – русский язык) / Е.В. Денисюк; рук. работы О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1985-1988 [Малый академический словарь].

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, НАЗЫВАЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Т.А. Рычкова*

Словосочетания, обозначающие ритуальные действия, типа *красить яйца*, пожелание «*Будь здоров*» чихнувшему человеку, *ловить «халяву» и не мыть голову перед экзаменом* и др., служат маркерами национальной культуры – они понятны носителю русского языка, но могут стать причиной языкового барьера в общении с иностранцем.

Среди указанных единиц множество таких, которые возникают или регулярно воспроизводятся в определенном типе дискурса и принадлежат к определенным тематическим группам. Например, *славить Христа, лежать под святыми, святить яблоки – в религиозном, песочить на собрании, поднимать целину* – в официально-идеологическом советском дискурсе и т.п.

В данной статье рассматриваются словосочетания, использующиеся в общественно-политическом дискурсе. Данные единицы имеют институциональное закрепление, то есть используются (иногда и создаются) в определенных ситуациях государственными или социальными институтами, что проявляется в использовании лексики определенной тематической группы.

* **Рычкова Татьяна Александровна** – аспирант кафедры русского языка Мурманского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. О.Н. Иванищева.

В общественно-политическом дискурсе присутствуют выражения, обозначающие ритуальные действия, приводимые не для достижения практической цели, а с целью соблюдения ритуала. Данные языковые единицы получают особенное распространение во времена стабильности и «застоя», маскируя отсутствие движения и рациональных целей в обществе и политике. Характерным примером распространения ритуализированности (в том числе в языке) является общественная жизнь советского времени. «При (квази) религиозном характере советской идеологии сценарий бытового существования изначально и постоянно ритуализуется. Эта ритуализация совершается не только на словах, но и на деле – в особых практиках телесного поведения, в таких порождающих схемах движений, которые … составляют принципиальную основу ритуала» [Богданов 2001].

Особенности ритуальной речи в советской культуре исследовали многие лингвисты, занимающиеся проблемой «язык и общество» (Глебкин 1998, Кронгауз 1994, Карасик 2002, Романенко, Санджи-Геряева 2002). В их работах отмечается, что в указанный период слова и фразы, обозначающие ритуальные действия, утрачивали свою практическую значимость и превращались в простую церемонию, внешнюю оболочку, скрывающую пустоту. «Всевозможные речи с высоких и невысоких трибун, выступления на съездах, конференциях, собраниях, а также диспуты на политические темы и передовицы в газетах не должны были, как правило, ни сообщать новой информации, ни способствовать выявлению истины, а являлись вполне образцовыми ритуалами» [Кронгауз 1994: 235]. Фразы, означающие ритуальные действия, строились по клишированным образцам, были однотипны и стандартизированы, часто содержали канцеляризмы и слова, сигнализирующие о ритуальности выражения, например, обращения *«товарищи», «граждане»*. Кроме того, для них была характерна эвфемистичность и нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования. Устойчивые языковые единицы советского времени, как правило, были ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности [Земская 1996 : 23-31].

К ярким примерам словосочетаний, называющих ритуальные действия советского времени, М.А. Кронгауз относит, например, выражения избрать главу и устроить конкуренцию. Они обозначали формальные мероприятия с заранее прописанными действиями участников и готовыми текстами [Кронгауз 1994 : 236]. Отличительной особенностью многих вербальных обозначений ритуальных действий в советское время является то, что достижение цели, декларируемой названиями, не было обязательным, но необходимо было соблюдать

церемониал: выполнять запланированные действия и произносить установленные фразы.

В песне А.А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»(1976–1977) описывается, как главный герой, зачитывая подготовленную для него речь, обнаруживает, что написана она от лица женщины. Но в зале никто не смеется, а партийный начальник после выступления хвалит его: *«Хорошо, брат, ты им дал, по-рабочему, // Очень верно осветил положение!»*.

Главный герой последовательно совершает действия, входящие в ритуал «***осветить положение***»: выходит на трибуну, говорит «неспешно и сурово», произносит нужные фразы *(«Слава Богу, завсегда все и то же»*). Правильное исполнение ритуального действия маскирует отсутствие смысла в самой речи из-за несоответствия между адресантом текста *(«мать и женщина»)* и лицом, в действительности ее произносившим.

Да, и главное! Курсовое комсомольское собрание. Поднять идеологический уровень, что-то такое. А у него репетиция: можно уйти? Во-от наглядный пример пренебрежения к идеологии. Так что не-ет, именно что нельзя. «Требую отпустить» – записка в президиум. Фельетон в многотиражке «Горелик требует»...[Найман 2008].

Денотативная ситуация «поднимания идеологического уровня» также представляла собой набор стандартных действий и формальных фраз (как правило, разъясняющих политику своего правительства и критикующих оппозицию). Несмотря на очевидную бесполезность (автор не может вспомнить, ни что говорили, ни что делали на собрании: *«поднять идеологический уровень, что-то такое»*), данная ситуация подразумевала обязательное присутствие и участие членов общества. Пренебрежительное отношение к исполнению заданных ритуальных действий данной ситуации каралось.

Большинство словосочетаний, обозначающих подобные ритуальные действия, обладают универсальным денотативным и национально-специфическим коннотативным значениями, как, например, у выражения ***песочить на собрании***.

Кто-то поставил старую магнитофонную запись. Это был московский шлягер конца пятидесятых, домашняя смешная переделка:

Москва, Калуга, Лос-Анжелос
Объединились в один колхоз...
О Сан-Луи, сто второй этаж,
Там русский Ваня лабает джаз...

Какая же это была древняя и милая музыка, все ей улыбались, и американцы, и русские, но русским она дороже стоила, эта музыка, – за нее когда-то песочили на собраниях, выгоняли из школ и институтов. Файка пыталась

своему кавалеру это объяснить, но никаких слов на это не хватало. Да и как это объяснить, когда все грустно-грустно, а вдруг такая сладкая радость немножко проливается или, наоборот, такое веселье, полная радость тела, а откуда ни возьмись такая печальная нота, и сердце зажимает... Вот за то и гоняли... [Улицкая Л. Е. Веселые похороны, 2008].

«Песочить» – «резко критиковать, бранить» и представляет иллюстрацию частотного употребления «песочить лентяя на собрании» [Волин, Ушаков1938 : III, 241]. Значение данного выражения не является национально специфическим: во многих странах практикуется такая форма выговора как критика на собраниях. Но в СССР это словосочетание обладало особой национально-культурной коннотацией, ассоциируясь с морально-идеологическим давлением общества, считающего себя вправе выносить на обсуждение не только производственные дела, но и личные пристрастия человека: выбор музыки (см. пример выше), литературы для чтения, отношения в семье и т.п.

В лексический состав словосочетаний, называющих общественно-политические ритуальные действия, может включать лексемы соответствующей тематической группы «политика»: *партия, собрания, выборы* и т.п.

Ср. пример: *Больших ученых или крупных специалистов, достигших определенной известности и авторитета, обычно обрабатывали, уговаривая вступить в партию, особенно если тем предстояло занять руководящие посты на предприятии, в учреждении, в отрасли* [Козлов А. Козел на саксе, 1998].

Слово *партия*, принадлежащее тематической группе «политика», помимо собственно словарного значения «политическая организация какого-нибудь общественного слоя, выражающая и защищающая его интересы, руководящая им для достижения определенных целей и имеющая свою программу» [Ожегов 1998: 494], несет культурную информацию о том, что эта организация обладала исключительными полномочиями и могла способствовать (или, наоборот, препятствовать) развитию карьеры. Вступление в партию было обязательным ритуальным действием для любого человека, планировавшего продвинуться по служебной лестнице.

Следует отметить, что главным критерием принадлежности исследуемых словосочетаний к определенной группе является не наличие лексики соответствующей группы, а информация (отраженная в словарной дефиниции или существующая имплицитно в культурной коннотации), свидетельствующая том, к какой сфере деятельности может относиться данное выражение

Ср. пример: *Оказалось, о Дольберге на факультете знали многие, но говорили не вслух, а заговорщическим полушепотом. Александр (Алик) Дольберг, студент Романо-германского отделения, поехал в Англию с одной из первых туристических групп и стал невозвращенцем, а вскоре и сотрудником русской*

службы Би-би-си. (Есть такой обычай на Руси – вечерами слушать Би-би-си, гласила интеллигентская мудрость) [Жолковский 2006 : 75].

Словосочетание *слушать Би-би-си*, означающие прослушивание запрещенной в СССР радиостанции, при отсутствии лексики группы «Политика» в период существования СССР являлось политическим преступлением.

Таким образом, в общественном и политическом дискурсах используются устойчивые словосочетания, называющие ритуальные действия. В русской культуре исследуемые единицы получили наибольшее распространение в период существования СССР и характеризовались однотипностью, стандартизированностью и наличием канцеляризмов. Употребление данных словосочетаний в речи являлось формальностью, исполняемой для соблюдения ритуала, а не с целью достижения результата. Большинство данных словосочетаний обладают общим для многих народов денотативным значением и национально-культурной коннотацией. Принадлежность исследуемых единиц к группе словосочетаний, называющих общественно-политические ритуальные действия, обусловливается наличием в их составе слов соответствующей тематической группы, а также историко-культурной информации в значении, относящей данные выражения к общественно-политической области.

Список использованной литературы

Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности [Электронный ресурс] / К.А. Богданов. – СПб, 2001.Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/disser.htm.Дата обращения: 07.12.2008.

Жолковский А.Trough a glass, darkly или 20 виньеток о нелюбви / А. Жолтковский // Новый мир. – 2006. – № 10.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания.– 1996. - № 3. – С. 23 – 31.

Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма / М.А. Кронгауз // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журинского. – М.: Русский учебный центр МС, 1994. – С.233 – 239.

Найман А. Связь вещей / А. Найман // Октябрь. – 2008. – №2.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Толковый словарь русского языка. В 3 т. / под ред. Б. М. Волина и Д.П. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – 1040 с.

Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru. Дата обращения 01.06.11.

Примечания

Поиск примеров из художественной литературы к статье осуществлялся с помощью сайта Русский национальный корпус русского языка http://www.ruscorpora.ru

МЕТЕОНИМНАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СМИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

К. Л. Фёдорова [*]

Предметом нашего исследования является метеонимная лексика в публицистическом тексте на примере средств массовой информации Курганской области. Объектом научного поиска стали материалы зауральских журналистов. Работа выполнена на основе источников: курганской городской газеты «Курган и курганцы», курганской областной общественно-политической газеты «Новый мир», интернет-сайтов данных изданий, электронного ресурса www.kurgan.ru и телерадиовещательной компании «ГТРК-Курган».

Под ***метеонимами*** нами подразумеваются лексические единицы, обозначающие изменения погоды и её элементов – температуры, давления, осадков, влажности, ветра, электрического состояния, атмосферы, облачности, солнечного сияния и т.д. Среди метеонимов (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический», и лат. «номен» – имя, наименование) мы выделяем *солнце, ветер, дождь, гром, грозу, лёд, молнию, снег, туман, тучи, облака* и др.

Погода является важной составляющей природы. В толковый словаре русского языка Ожегова, Шведовой даётся такое определение лексической единице «погода»: состояние атмосферы в данном месте, в данное время [Ожегов, 1999: 530]. В отличие от климата, погода является краткосрочным состоянием и характеризуется пространственно-временными особенностями. Именно с ней тесно связана деятельность человека, особенно в таком регионе, как Курганская область.

Составленная нами картотека включает около тридцати метеонимов, проявляющих различную фразообразовательную активность в публицистическом тексте. Это говорит о высокой степени важности погодных явлений в лингвокультуре и специфике региона как агропромышленного центра.

Представление о состоянии погоды в русском языке может выражаться именами прилагательными, в том числе краткой формой и формой сравнительной степени: *дождливая погода, ясное утро, зябкий вечер, метельная зима, суровый январь, пасмурное небо, жаркий июльский полдень, июнь необычайно знoен, нынешняя зима холоднее предыдущей, день был ненастен* и др. Погода актуализируется и именами существительными: *поднялась метель, весна берёт свои права, ударил мороз, накатила стужа*; предикативными наречиями: *с крыш сы-*

[*]**Фёдорова Ксения Леонидовна** – аспирант филологического факультета Курганского государственного университета. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. Е.Р. Ратушная.

пался снег, вчера было ненастно, было сыро и ветрено, зной но так, что нет сил, по утрам на улице свежо; личными и безличными глаголами: *к вечеру воздух похолодал, на улице теплеет, с утра моросит, всю ночь снежило* и др.

Проанализировав более ста текстов, мы выявили, что самыми частотными оказались метеонимы «солнце», «дождь», «снег», «погода», «непогода», «холод»: «*солнца над городом нет, низкие серые тучи. Однако* ***непогоду*** *с лихвой компенсирует настрой гостей праздника*» (www.kurgan.ru, 20.08.2011); «*любо-дорого бежать, когда* ***прохладно, солнцене палит*** *и* ***дождь не идёт***» (www.kikonline.ru, 26.08.2011); «*приходилось нести службу в* ***любую погоду****:* ***зимой и летом, в дождь, снег и жару***» («Новый мир», 07.09.2011); «*хозяйству потребуется как минимум две недели* ***хорошей погоды****, чтобы полностью убрать урожай*» («Курган и курганцы», 28.09.2011). Метеоним «солнце» превалировал в исследуемом материале – около 50% от общего числа упомянутых единиц: «*водителю помешало яркое* ***солнце****: оно якобы ослепило мужчину и помешало обзору дороги*» (ГТРК-Курган, 28.01.2011); «*народ того времени верил в луну и* ***солнце*** *как в божественные светила, почитал духов предков, поклонялся природе*» («Курган и курганцы», 28.09.2011); «*ещё один пункт – бульвар* ***Солнечный****. Здесь дорожное полотно коммунальщики заменили недавно*» (ГТРК-Курган, 27.04.2011); «*в прошлом году, когда поля Поволжья* ***выжигало солнцем,*** *только курганская пшеница смогла дать хороший урожай*» («Курган и курганцы», 19.05.2011) и проч. Анализ материала показал, что журналисты широко используют фразеологизмы с компонентами-метеонимами, стилистически обогащая свои тексты:

–Что будет с селом, когда наше поколение уйдёт? – вздыхает Николай Николаевич. – Молодёжь, глядя на наши мытарства, ищет ***своё место под солнцем*** *в городе* (www.kikonline.ru, 28.09.2011).

Фразеологизм «место под солнцем» означает 1) прочное, высокое положение в обществе; 2) право на существование. Согласно семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой, «место под солнцем» – это предметный фразеологизм, демонстрирующий стремление к успеху, счастью, благополучию. Толковый словарь русского языка Ожегова, Шведовой так определяет «солнце»: *небесное светило* – 1) раскалённое плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты; 2) свет, тепло, излучаемое этим светилом. Переносное – то, что является источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого [Ожегов, 1999: 745-746]. Мы рассматриваем данный метеоним во втором его значении – *солнечные свет и тепло*.

В языческие времена силы природы наделялись магической властью и отождествлялись с божествами, под них подстраивал человек свой быт или укрощал стихию, с погодными изменениями сравнивал окружающие его явления

материального мира, умонастроения современников. Культура древних славян была аграрной, земля и урожай – главная ценность для земледельца. Осмысление законов природы и попытки воздействовать на них отразились в мифологии. У наших предков существовало несколько богов солнца. Первый – Ярило / Ярила – восточнославянский мифологический и ритуальный персонаж, связанный с идеей плодородия, весеннего, сексуальной мощи. Производя это слово от санскритского корня «ar», греческого «ερ» – «действие возвышения, движения вверх», учёные находят соответствие между славянским «Ярило» и санскритским «árvān» –«быстрый, стремительный, бегущий» (эпитеты солнца) и видят в корне «яр» значение стремительности, быстроты, силы, света, весеннего или восходящего солнца. Второй – Хорс, бог солнца – светила, сын Рода, брат Велеса. Он был известен и другим арийским народам: среди персов, иранцев, зороастрийцев, где поклонялись богу восходящего солнца Хорсету. Это слово имело и более широкое значение – «блеск», «сияние», «слава», «величие». Хорс – бог солнечного, жёлтого света, что отражено во многих русских словах: «хороший», «похорошеть», «прихорашиваться», «хоровод», «хоромы», словом «хоро» обозначали солнечный диск. Третий – Даждьбог, олицетворял небесный свет, проливающийся на свет и противостоящий миру Тьмы. Его характеризует белый свет, радость, победа добра над злом. Славяне придавали большое значение солнцу, неслучайно в русском языке запечатлены многочисленные фразеологизмы, а также пословицы и поговорки с этим компонентом-метеонимом*: и в моё оконце засветит солнце; и на солнце есть пятна; мешком солнышка не поймаешь; на солнце во все глаза не взглянешь; на смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь; на всех и солнышко не усветит; пока солнце взойдёт, роса очи выест; солнце, как родная матушка, никого не обидит*.

Отсюда у крестьянина и земледельца столько любви и уважения к солнцу. Более пятнадцати прилагательных включено нами в тематическое поле метеонима «солнце»: *ласковое, нежное, нещадное, палящее, ослепительное, первосентябрьское, яркое* и др. А *добрый человек*, вызывающий приятные эмоции у журналиста и читателя (слушателя, зрителя), соотносится с образом солнца и перенимает на себя часть его характеристик: «*Николь Генри будто впитала в себя атмосферу своего штата (родом она из Майами) – настолько это солнечный и позитивный человек», «в России встречают певицу тепло»* (www.kurgan.ru, 30.09.2009), *«этот свет очень хорошо передаётся в фотографиях Александра Алпаткина. Он чувствует и моделирует его, и что очень важно для фотомастера, владеет им, подчёркивая его или в некоторых местах делая так, что этот свет светится через глаза людей, их жесты»* (www.newworldnews.ru, 14.04.2010).

Значимость погоды и метеонимов для Курганской области подчёркивается в СМИ использованием такого приёма, как сильная позиция текста. Заголовки материалов содержат наименования того или иного явления погоды: солнце, снег, дождь, гром, ветер, жару. Ср. *«Солнце – в сердце, сердце – детям», «Свет солнечного фотографа», «Непогода выключила свет», «Снег вместо урожая», «И снег, и лёд, и травмы», «Железные кони» грязи не боятся», «Гололёд – не мёд», «В Курганской области выпал цветной снег»* и мн. др.

Таким образом, мы рассмотрели роль метеонимной лексики в журналистских текстах на примере зауральских СМИ. Нам удалось установить, что метеонимы обладают разной фразообразовательной активностью. Наиболее частотным является метеоним «солнце». Это явление влияет на продовольственную безопасность региона и страны в целом. Данная ситуация находит широкое и всесторонне отражение в публицистике как средства воздействия на людей, что свидетельствует об актуальности данной тематики.

Список использованной литературы

Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник/ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – С. 78-79.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 4-ое изд., стер. – М.: Русский язык, 1996. –514 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук; Институт русского языка имени В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп.– М.: Азбуковник, 1999. – С. 530, 745–746.

Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие/ А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

МЕСТОИМЕНИЯ КАК «ОСОБАЯ» ГРУППА СЛОВ В РЯДУ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Т.П.Вязовик*

Местоимения – противоречивая и неоднозначная группа слов, интерпретация которой весьма противоречива, что обусловлено существенными отличиями местоимений от других частей речи. Анализ ряда концепций значений местоимений позволяет отметить, что практически все они строятся, исходя из общих положений, признаваемых большинством исследователей. Во-первых, считается аксиоматичным, что местоимения по характеру своей семантики «оказываются как бы лишенными постоянного и закрепленного за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака»[Смирницкий 1959 : 177], т.е. не соотносятся с постоянным денотатом, а их конкретное вещественное значение ситуативно. Во-вторых, исследователи фиксируют эмпирически выявляемое разнообразие грамматических проявлений местоимений, так или иначе соотносимое с грамматическими проявлениями других знаменательных частей речи. Поэтому, как отмечал В.В.Виноградов, «если местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы» (Виноградов 1970 : 245-246).

Несмотря на то что, согласно традиции, местоимение рассматривается в ряду других знаменательных частей речи, исследователи не только констатируют это своеобразие, но и пытаются объяснить его, более или менее непротиворечиво вписав местоименные слова в систему частей речи. Это касается точки зрения В.В.Виноградова, отстаивающего лексико-грамматический подход к выделению частей речи. Ученый исходил из того, что местоимения в современном русском языке существуют лишь в качестве реликтовых форм, а именно, местоимений-существительных. Он писал: «За исключением предметно-личных местоимений, составляющих небольшую грамматически обособленную группу, другие разряды местоимений рассеяны по разным грамматическим категориям. Они не образуют самостоятельного грамматического класса»[Виноградов 1972:244]. Эта позиция нашла отражение в первой академиче-

* **Вязовик Татьяна Павловна** – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

ской грамматике [Грамматика русского языка 1952], во многом выражающей идеи В.В. Виноградова и переизданной в 1960 г. почти без изменений [Грамматика русского языка 1960], а затем в Грамматике-70 [Грамматика современного русского литературного языка 1970] и «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980], а также в трудах ряда исследователей [Мароевич 2001].

Многие лингвисты не видят в местоимениях грамматической группы слов, «растворяя» их все в частях речи, с которым местоимения соотносятся категориально и формально, выделяя в каждой знаменательной части речи «уголок местоименных слов» (Панов 1960:14) , в связи с чем говорят о местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных, местоимениях-числительных, местоимениях-наречиях, местоимениях-словах категории состояния, и даже местоимениях-глаголах.

Эта «особость» местоимений, их принципиальное отличие от других знаменательных слов, часто трактуется как результат уходящего в историческую перспективу и проявляемого в современном языке деления слов на «1) слова «качественные», отражавшие действительность в ее конкретных признаках и 2) на слова «указательные», означавшие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему лицу. Указательные слова составляли особый грамматический класс местоимений.<…> Потеряв свою грамматическую определенность, местоимения … сохранили своеобразие своей семантической природы как слова относительные, указательные и субъективные. Они не называют предметов, качеств, обстоятельств и других явлений действительности, а указывают или намекают на них»[Виноградов 1970:246].

Эту точку зрения А.А. Потебни разделяли многие известные лингвисты. В частности *слова-названия* противопоставлял *словам-местоимениям* Ф.Ф. Фортунатов [Фортунатов 2010]. Подобную трактовку мы встречаем у Р.И. Аванесова, отмечавшего, что местоимения, «будучи самостоятельными словами, … противопоставлены другим самостоятельным, знаменательны словам как слова-указания словам-названиям» [Аванесов 1945:149–150]. С.Д. Кацнельсон уточнял, что речь идет о семантико-грамматической классификации слов, в которой назывным словам «противостоят местоимения, которые не называют предмет, а выделяют его путем указания (дейксиса). В основе противоположения назывных и местоименных слов лежит, таким образом, различие называния и указания, требующее специального рассмотрения» [Кацнельсон 2011: 4]. При этом «указательные имена стали обозначать говорящих и предметы природы в их отношении к говорящим, а назывные имена – предметы природы в отвлечении от говорящих» [Кацнельсон 1949 : 66].

Это противопоставление назывных слов словам указательным (дейктическим) лежало в основе интерпретации языка К.Бюлером, который, вслед за

Бругманом, представлял структуру языка в виде двух полей: указательного, единицами которого являются дейктики, преимущественно, местоимения, и символического, в котором функционируют назывные слова [Бюлер 1993].

Другие основания для выделения местоимений в особый класс слов были предложены Л. Блумфилдом. Выделяя в выстраиваемой им системе языка грамматические классы слов на основе их функций, он к третьему классу грамматических форм относил так называемые субституты – слова, выполняющие функцию замещения, среди которых самую большую группу составляют местоимения [Блумфилд 1968].

Современный исследователь местоимений Е.В.Сидоренко видит различия назывных и местоименных слов в различных подходах к отражению действительности: знаменательные слова, за исключением местоимений, обладают номинативным способом отражения действительности, в то время как местоимения – прономинальным, реализуя свои значения в зависимости от ситуации и контекста [Сидоренко 1990].

Кардинальные различия в значении назывных и указательных слов реализуются в ходе частеречного деления слов языка. В частности, Ю.С. Маслов отмечает: «Указательно-заместительные слова, т.е. традиционные местоимения и местоименные наречия образуют особую систему, параллельную системе назывных частей речи в «миниатюре», своеобразно дублирующие ее» [Маслов 1998: 272]. Похожие идеи высказывал М.И. Стеблин-Каменский, который предлагал не включать местоимения ни в состав знаменательных, ни в состав служебных слов, а рассматривать их как особую группу слов, выделяемую не по грамматическим, а по семантическим признакам [Стеблин-Каменский 1974: 30-31].

С позиций грамматики языка выделял в особую группу местоимения и П. Гардт, считая, что местоименные слова – это система, параллельная знаменательным частям речи, а «грамматика языка предстает перед нами как единство, состоящее из **грамматики неместоимений и грамматики местоимений**. Причем вторая имеет отнюдь не меньшее значение» [Гардт 1985: 225].

Опираясь на синтаксический критерий, выделяет в особый разряд слов местоимения и М.Я. Блох. Проведенное им сопоставление традиционной классификации частей речи, основанной на трех критериях частеречной характеристики слова (семантика – форма – функция), и классификации, в основе которой один признак – функциональная позиция слова в предложении, позволяет ученому утверждать, что целесообразно «трехслойное грамматическое деление словарного состава, в котором выделяется слой знаменательных слов, или «имен» …, слой местоименных слов, или «заместителей имен»…, и слой служебных слов, или «уточнителей имен» … Местоименные и служебные слова

опосредуют функции знаменательных слов в составе предложения»[Блох 2000 : 95-96].

Близка этому подходу точка зрения М.А.Шелякина, который считает, что местоимения нельзя ставить в равноправное положение с другими частями речи: «они являются своеобразной «суперчастью речи», стоящей над всеми другими частями речи и отражающей последние в своих грамматических и функциональных особенностях, в чем заключается их специфический грамматический статус как части речи. Поэтому целесообразно выделять внутри номинативных частей речи отдельные местоименные разряды, а внутри самих местоимений отдельные разряды, параллельные по синтаксическому употреблению и морфологическим свойствам, соответствующим частям речи, т.е. среди самих местоимений выделять местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия» [Шелякин 1986: 10].

Наряду с трактовками местоимений, актуализирующими уникальность местоимений в системе знаменательных частей речи, и шире – в языке в целом, есть и такие, которые подчеркивают их общность с теми или иными группами слов. В данном контексте отметим подход, согласно которому местоименные слова на основе специфики своего значения попадают в группу служебных слов. Эта точка зрения отражена, например, в первых российских грамматиках – М.В. Ломоносова (1755)[Ломоносов 1982], Ф.И.Буслаева (1858) [Буслаев 1959: 116; 287; 317-321], однако в русистике не получила поддержки, хотя в грамматиках других языков, прежде всего английского, активно развивается [см. Кэтрин В.Чвани 1985].

В последнее время появились интерпретации частей речи, авторы которых, исходя из полевой структуры языка, среди знаменательных частей речи выделяют основные и периферийные. Основные (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие) обладают полным набором грамматических признаков, в то время как периферийные, к которым относят местоимения, числительные и др., обладают менее четкими грамматическими особенностями. В частности, Л.Д.Чеснокова и В.С.Печникова выделяет среди знаменательных слов первичные части речи и вторичные, к которым, наряду с причастием, деепричастием, словами категории состояния, относятся и местоимения. Эти части речи называют вторичными, поскольку они объединяют в том или ином соотношении свойства первичных частей речи. В частности, о синкретизме местоимения свидетельствует классификация местоимений по соотношению с другими частями речи, в которой выделяются местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия [Чеснокова, Печникова 1997].

И.П. Сусов предлагает, опираясь на семантический и синтаксический критерии, разбить знаменательные слова на назывные, местоимённые (местоимённо-указательные, дейктические) и числительные (числовые, нумеративные). Слова первого класса обладают наиболее чётко выраженными частеречными особенностями: их характеристика опирается одновременно и на синтаксические, и на сопряжённые с ними семантические признаки. У слов второго класса, к которым относятся и местоимения, данные признаки выражаются непоследовательно. Местоимения и числительные [Сусов 2006].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на разные подходы к описанию местоименных слов, их «особость», выделенность среди других слов языка признается практически всеми лингвистами, занимающимися этой проблемой.

Список использованной литературы

Аванесов Р.И. Очерк грамматики современного русского литературного языка / Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. –М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. – 236 с.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2000. – 160 с.

Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд; пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959.

Бюлер К. Теория языка : пер. с нем. / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с. (Языковеды мира).

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб.пособие для вузов / В.В. Виноградов; отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

Гардт П. Структура русского местоимения / П. Гардт// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная лингвистика / отв. ред. Т.В. Булыгина, А.Е. Кибрик. – М.: Прогресс,1985. – С.215-226.

Грамматика русского языка. В 2-х тт. 3 частях. Т.1 / под ред. В.В. Виноградова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1960.

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970.

Кацнельсон С.Д. О возникновении речи / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Лениздат, 1949. – 77 с.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика Михаила Ломоносова / М.В. Ломоносов. – М. : Художественная литература, 1982.

Панов М.В. О частях речи в русском языке / М.В. Панов // Филологические науки № 4, 1960. – С. 8–14.

Маслов Ю.С.Введение в языкознание. Учебник для филологических специальнотсей вузов / Ю.С. Маслов. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.

Мароевич Р.Н. Части речи в древнерусском и современном русском языках / Р.Н. Мароевич // Международный конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность": Сборник тезисов. – М., 2001.

Русская грамматика. В 2-х тт. – М.: Наука, 1980.

Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е.Н. Сидоренко. – Киев – Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.:Изд-во Ленингр.ун-та, 1974.
Сусов И.П. Введение в языкознание / И.П. Сусов. – М.: Восток - Запад, 2006. – 382 с.
Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: общий курс / Ф.Ф. Фортунатов. – М.:URSS: КРАСАНД, 2010.
Чвани Кэтрин В. Синтаксически выводимые слова в лексикалистской теории (новый подход к русской морфологии) / Чвани Кэтрин Э. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985.Вып.15. – С.26-41.
Чеснокова Л.Д. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 3 ч. Ч. II: Морфология / Л.Д. Чеснокова, В.С. Печникова. –Ростов-на-Дону, 1997.
Шелякин М.А. Русские местоимения (значения, грамматические формы, употребление) / М.А. Шелякин. –Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. – 270 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. С. Злобина[*], Н. В. Уткина [•]

При рассмотрении значения немецкого влияния на английский язык нужно учитывать все виды взаимодействий между немецкой и английской культурами, в результате чего появилось такое количество немецких заимствований в английском языке. Эти взаимодействия можно разбить на три основные области, а именно: влияние через иммиграцию, влияние через образование (особенно в области наук) и политическое влияние, включая роль Германии в истории на мировой арене в XX веке.

Такие заимствования как *loaf, kindergarten, hoodlum, kaput, kaffeeklatsch, liverwurst, bratwurst* и множество других немецких слов появилось в английском языке в результате наплыва носителей немецкого языка в англоговорящие страны, особенно в Америку [Mathiot 1968: 169].

Что касается сферы образования, то в середине и конце XIX в. немецкие университеты были центром научной и интеллектуальной мысли. Немецкие слова, касающиеся науки и медицины стали внедрятся в английский и другие языки. В началеXX в. многим английским студентам немецкий язык был необходим для чтения научных текстов по специальности, которые были в основ-

[*]**Злобина Ирина Сергеевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).
[•]**Уткина Надежда Вениаминовна** – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

ном на немецком языке [Weinreich 1963: 256]. Многие современные английские научные и медицинские термины, а также имена собственные являются отражением этой роли немецкого языка: болезнь Альцгеймера получила такое название от Алоиса Альцгеймера (1864 – 1915), который открыл ее в 1906.

Также широко использовался немецкий язык и в научных исследованиях, проводимых в гуманитарных науках, в частности в области психологии, философии и языкознания, благодаря Фрейду, Юнгу, Ницше и Шопенгауэру, которые были носителями немецкого языка и опубликовывали свои исследования на этом языке. Хотя работы этих великих мыслителей позже были переведены на английский язык, некоторые слова были не переведены, так как при переводе они могли бы потерять свое первоначальное значение. Здесь можно выделить такие заимствования как *weltschmerz, ubermensch, Sturm und Drang, zeitgeist,angst, gestalt,* и *schadenfreude*. Хотя некоторые слова появились для использования только в специализированной научной или интеллектуальной области, позднее они перешли в область слов общего пользования.

В начале заимствования некоторые слова выделялись курсивом или помещались в кавычки, чтобы указать, что слово иностранного происхождения. Однако к середине XX века, например, слово *schadenfreude* использовалось так часто, что никаких особых указаний на него не требовалось. Возьмем статью из американского журнала «Vanity Fair» о коррумпированном и высокомерном бизнесмене, замешанном в скандале, где заимствованное слово используется без каких-либо объяснений: *«… and as he and his wife retreat behind the gates of their mansion in Toronto, there is much Schadenfreude the world over*». Другой пример из журнала «TIME Magazine».В интервью с бывшим госсекретарем США Мадлен Фулбрайт интервьюер утверждает: «*Bush's foreign policy started as 'anything but Clinton' in almost every area – the Middle East, North Korea, China. Now events have pushed it back much closer to your approach. Do you ever succumb to schadenfreude?*» Онаотвечает: «*No, I'm much too kind and generous a person*». Мало того, что немецкое заимствованное слово используется без каких-либо объяснений, г-жа Фулбрайт отвечает непосредственно и не уточняет значение этого слова. То, что она прекрасно поняла значение этого слова (ликование или безграничная радость от чужой боли или несчастья), подтверждается ее ответом, когда она использует слова «добрая и щедрая» как противопоставление «schadenfreude». Никаких объяснений не нужно ни интервьюеру, ни интервьюируемому, ни читателю.

Конечно, можно утверждать, что существуют английские эквиваленты некоторым заимствованным словам. «Schadenfreude» часто переводится английский глаголом «to gloat». Но английский глагол означает «смотреть или думать о чем-то с большим или даже излишним удовлетворением», что исключает

значение немецкого слова «радоваться несчастью другого». Поэтому заимствованное немецкое слово из-за отсутствия точного английского эквивалента используется в своем первоначальном виде.

Огромное влияние на лексический состав английского языка оказали сферы политики и войны. Так как Германия была в центре обеих мировых войн XX-го века, очевидно, что произошло политически мотивированное языковое влияние на английский язык [Mathiot 1968: 30]. Особенно во время и после Второй мировой войны (1939 – 1945) мы видим появление таких немецких слов, как *blitzkrieg* и *flak*. Часто такие заимствования сохраняют свою форму и значение, как например *blitzkrieg* (молниеносная война с внезапным нападением с воздуха). Иногда, однако, значение слова меняется: *flak* в английском языке означает «зенитный огонь», а исходное немецкое слово представляет собой аббревиатуру для пушки, из которой выходит огонь (*Fliegerabwehrkanone*, буквально «противовоздушное орудие»). Многие слова, связанные с Гитлером и нацистами, также появились в английском языке в этот период времени (*Gestapo, SS, Reich, Autobahn, Fuhrer*), а также другая военная лексика, не связанная непосредственно с нацистской партией (*Luftwaffe, Panzer, U-Boat*). Хотя некоторые из этих слов рассматриваются как политические или военные, другие, более общие немецкие слова, появились в английском языке в процессе взаимодействия военных и гражданских лиц (*verboten, achtung, jawohl*). Хотя использование слова *Luftwaffe* не является общим для обозначения ВВС в английском языке, однако многие, особенно поколение Второй мировой войны, понимают значение этого слова. А вот встретить в печатных изданиях такие слова, как *verboten* и *blitzkrieg,*не редкость. Например, в статье журнала«TIMES», опубликованной после террористических нападений 11 сентября 2001, говорится, что в самолетах такие вещи, как *«… nail clippers, tweezers and syringes … are now allowed after inspection. Yet plenty of verboten items – knives, screwdrivers, scissors – are still being confiscated*». Или возьмем статью из «Newsweek», в которой правительством обсуждаются меры по искоренению мафии в Италии: «*Finally, last week, Rome launched its blitzkrieg*».

Анализируя немецкие заимствования в английском языке, важно учитывать и другие аспекты интеграции: фонологическую, морфологическую и орфографическую / грамматическую [Вайнрайх 1979: 14]. В качестве примера такого анализа возьмем слово *schnitzel*.

• Фонологическая интеграция. Произношение слова *schnitzel* на немецком и английском аналогично, но не идентично. Буква z по-немецки произносится как аффриката [ts], в то время как на английском это [z]. Аффриката [ts] не используется в системе английского произношения и поэтому интегрирование немецкого звука не произошло наряду со словом.

• Орфографическая интеграция. Пример орфографической интеграции – отсутствие заглавных букв в написании существительных в английском в отличие от немецкого языка. Таким образом, немецкое слово *Schnitzel* появляется в английском как *schnitzel*. Смысл, однако, сохраняется. Еще один пример – немецкое слово *kaputt* пишется с двумя t, а в английском – с одной.

С грамматической точки зрения, все немецкие существительные принадлежат к мужскому (der), женскому (die) или среднему (das) роду. Такой категории рода нет в английском языке, т.е. определенный артикль не заимствуется вместе с существительным. Для рассмотрения морфологической интеграции возьмем множественное число существительного *schnitzel*. Форма множественного числа немецких существительных отмечается рядом суффиксов*: -n, -en, -e or -er*. Например, *die Lampe – Lampen, das Kind*– (дети). Слово *schnitzel* не имеет суффикса во множественном числе в немецком языке, т.е. имеет ту же форму, что и в единственном числе. Но в английском языке слово *schnitzel* образует форму множественного числа по общему правилу: *schnitzel – schnitzels*.

Так как оба языка принадлежат одной и той же семье германских языков, они имеют много общих слов, имеющих сходную форму и значение. Поэтому многие немецкие слова просто были приняты в английском языке без перевода, что отражает историческое и лингвистическое влияние немецкого языка на английский. К наиболее употребляемым немецким заимствованиям, функционирующим в английском языке в их первоначальной форме и имеющим одинаковое значение как в немецком, так и в английском языках, относятся такие лексические единицы, как *Angst, Doppelgänger, Freizeitstress, Kindergarten, Realpolitik, Schadenfreude* и др.

В следующую группу немецких заимствований можно включить те лексические единицы, которые сохранили свою первоначальную форму, и их лексико-семантическое значение в целом не вызывает сложностей у носителей английского языка. Многие из этих слов имеют особые культурные коннотации, которые важно сохранить, поэтому такие слова не переводятся на английский язык, а употребляются в их первоначальном виде. Другие заимствования имеют исторический контекст, то есть характеризуют определенный период или определенное географическое положение: *Dummkopf, Ersatz, Hausfrau, Mensch, Lebensraum, Oktoberfest* и др.

Существует множество таких немецких заимствований в английском языке, которые после включения немецких слов в лексико-семантическую систему английского языка подчинились общим закономерностям развития данной системы. В языке закрепились в первую очередь такие, которые обозначают жизненно важные предметы и явления. Такие заимствования получили широкое распространение, стали общенародными и сохраняются в языке в течение

ряда периодов, полностью или частично подчинившись законам его фонетического и грамматического строя (*Bratwurst, Lager, Frankfurter / Wiener, Strudel, Leitmotiv, Waltz, Poltergeist, Wunderkind* и др.)

Некоторые слова в настоящее время употребляются в английском языке в других значениях, отсутствующих у немецких аналогов, хотя были заимствованы для обозначения определенных событий и употреблялись в своем первоначальном значении.

Немецкое слово	**Значение в английском языке**
Fusion	amalgamation
Eventuell	possibly, potentially
Komfortabel	moderate
Konsequent	Consistent
Kontrollieren	supervise, check, examine, monitor
Chargen	Ranks
Seriös	Legitimate, reliable
Solide	Respectable

Значения слов могут варьироваться не только в семантическом плане, но и в сфере их стилистической окрашенности, принадлежности к той или иной терминологии. В отдельную группу можно выделить такие заимствования, которые понятны носителям английского языка, однако употребляются лишь для того, чтобы подчеркнуть их немецкое происхождение: *Achtung, Führer, Lederhosen, Raus, Jawohl, Schnell* и др.

После поражения Германии во Второй мировой войне появление немецких слов в английском языке резко сократилось. Во время послевоенной оккупации и восстановления Германии увеличилось количество английских заимствований в немецком языке. Такая тенденция сохраняется и в настоящее время. Некоторые исследователи считают, что использование английских слов в немецком языке настолько огромно в течение последних десятилетий, что «немецкий язык находится под угрозой исчезновения» [Хауген 1972: 61-80], что является постоянной темой обсуждения в стране сегодня.

Список использованной литературы

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрах. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. 6 – М.: Прогресс, 1972. – С. 61 – 80.

Mathiot M. An approach to the cognitive study of language / M. Mathiot. – Bloomington : Indiane University, 1968. – XV – 224 p.

Weinreich U. On the semantic structure of language / U. Weinreich // Universals of language/ ed. J.Greenberg, ed. Cambridge, Mass.: MITPress, 1963.–P. 114 – 171.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И СПОСОБ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В.А. Косова*

Одной их главных задач современной дериватологии является описание категориального строя словообразования, т.е. представление словообразовательной системы данного языка как совокупности функционирующих в этом языке словообразовательных категорий. Исследователи определяют словообразовательную категорию как комплексную языковую единицу, которая «формируется совокупностью словообразовательных типов, соединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [Земская 1978: 30]. Е.А. Земская подчёркивает, что «изучение системы словообразования в её жизни и развитии невозможно без обращения к этой категории. Производные слова рождаются и живут преимущественно в пределах словообразовательных типов, а сами словообразовательные типы, не как схемы построения слов, а как рамки, включающие и готовые слова, и модели построения новых слов, живут, функционируют и взаимодействуют в пределах словообразовательных категорий различной степени абстракции» [Земская 1992: 27].

Перспективность такого подхода к описанию словообразовательной семантики обусловлена преимуществами функционального подхода к исследованию языкового строя и его единиц, предполагающего обобщение результатов семасиологического анализа (от формы, структуры – к значению) на ономасиологической основе (от значения строевых единиц, установленного на предыдущем этапе, – к выявлению средств его выражения) (см. о применении функционального подхода в грамматике работы А.В. Бондарко, например: [Бондарко 1983]). Описание того или иного участка языковой системы с позиций категориальности, особенно под обозначившимся в лингвистике последних лет когнитивным углом зрения, вызывает, бесспорно, прежде всего собственно теоретический интерес лингвистов. Вместе с тем данный ракурс анализа и описания словообразовательных единиц обладает серьёзным практическим потенциалом, будучи направленным на исследование совокупных средств и способов выражения категориальных словообразовательных значений, их соотношения и специфики каждого из них. Эти задачи ориентированы на постижение лексически ориентированных, дробных, а потому труднопостигаемых правил словообразовательного синтеза (см. об этом работы И.Г. Милославского) и направлены, в

* **Косова Вера Алексеевна** – кандидат филологичских наук, лоцент кафедры современного русского языка Казанского федерального университета.

конечном счёте, на формирование механизмов речепорождения изучающих русский язык как иностранный.

Учение о словообразовательной категории, обозначенной и осмысленной в качестве самостоятельного объекта языкознания В.В. Виноградовым [Виноградов 1952] в середине XX века, развивалось в лингвистике не слишком быстрыми темпами, поскольку его создание предполагает накопление и осмысление большого количества эмпирического материала – изначально на семасиологической почве. Лишь к концу столетия появились первые фундаментальные исследования словообразовательных категорий русского языка (см., например, докторскую диссертацию В.М. Грязновой [Грязнова 1993]); разработаны в общем виде теоретические представления об этой комплексной единице словообразования, выявляющие, впрочем, множество противоречий во взглядах учёных на её природу и лингвистическую сущность.

Внимание исследователей привлекают, как правило, категории имени существительного – самой номинативной и тем самым «удобной» для анализа части речи. Глагол в поле зрения дериватологов в обозначенном ракурсе попадает редко – известно лишь одно диссертационное исследование, посвящённое проблеме словообразовательной категориальности русского глагола [Кузнецова 2004]. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего особенностями семантики глагола как части речи: в русском языке она чрезвычайно «грамматична», ввиду обязательности представления в значении каждого глагола, в том числе средствами словообразования, тех или иных аспектуальных характеристик, что предопределило разработку в русистике учения о функционально-семантических объединениях глаголов, названных способами глагольного действия. С помощью этого понятийно-терминологического инструментария и была первоначально возделана семантическая почва русского глагола: словообразовательные значения начинательности и финитивности действия, например, описаны в грамматике в терминах инхоативного и финитивного (окончательного) способов действия [Русская 1982: 596; 598]. Анализ глагольной семантики с позиций словообразовательной категориальности, таким образом, невозможен без учёта теории способов глагольного действия, что обусловливает необходимость установить соотношение этих понятий.

Исследование способов глагольного действия основано на длительной научной традиции. Понятие Aktionsart введено в научный обиход в начале XX столетия С. Агреллем для характеристики семантических функций приставочных глаголов, которые «уточняют, как совершается действие, обозначают способ его существования» (цитируется по: [Кронгауз 1998: 123]). «Нестрогость» признака, на основе которого осуществлено его выделение, предопределила неоднородность подводимого под этот термин языкового материала и неединич-

ность его интерпретаций. Известные трактовки этого понятия можно свести к трём основным.

Строго грамматическая концепция способов глагольного действия разработана А.В. Исаченко, который считает их отличительным признаком отсутствие у глаголов видовых коррелятов. Вид и способ действия рассматриваются учёным как различные манифестации одного и того же явления, находящиеся в отношениях дополнительного распределения (см.: [Isačenko 1962: 385-418]). Нельзя не отметить, что такому пониманию способа действия противоречит явление вторичной имперфективации в русском языке, запрет на которую во многих случаях довольно условен и регулярно нарушается в речи.

Аспектологи деривационного (словообразовательно ориентированного) направления выявляют в семантической структуре русского глагола количественно-временные характеристики протекания и результативности действия (начинательность, ограничительность, многократность и др.), исходя из представления об обязательности формального выражения этой модификации. Значимость данного критерия в грамматических исследованиях и таксономических описаниях, ориентированных на подобное понимание способов действия, обычно подчёркивается, ср.: «В «Русской грамматике» принято понимание способов глагольного действия как группировок семантико-словообразовательных, т.е. обязательно словообразовательно характеризованных» [Русская… 1982: 596]. В подобном узком понимании способ глагольного действия некоторыми дериватологами приравнивается к словообразовательной категории: «…способ глагольного действия есть словообразовательная категория, менее объемная и обязательная, чем грамматическая, но достаточно регулярная» [Руденко 2004: 1-2]. При таком подходе понятие способа глагольного действия утрачивает грамматическую релевантность, что противоречит научной традиции; для словообразования оно в этом случае тем более избыточно, поскольку подменяет собой – в определённых семантических рамках – понятие «словообразовательная категория глагола».

Наиболее убедительной представляется интерпретация способа глагольного действия в русле теории функциональной грамматики. Она стала результатом аспектологических изысканий А.В. Бондарко, настаивающего на необходимости не просто отделять друг от друга виды и способы действия, но и изучить взаимосвязи того и другого, которые вскрываются на уровне функционально-семантического поля. Говоря в этом смысле об аспектуальности, учёный имеет в виду «билатеральное единство, план содержания которого объединяет взаимодействующие языковые средства (морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические), связанные с выражением характера протекания действия во времени» [Бондарко 2002: 365-366]. Вид глагола, в со-

ответствии с этой концепцией, формирует грамматический центр поля аспектуальности; способы глагольного действия в числе аспектуально значимых классов глагольной лексики (производной и непроизводной) выявляются именно с позиций функциональной значимости и рассматриваются как периферия поля наряду с лексическими элементами контекста [Бондарко 2002: 363]. Такой обязательный признак системы, как целостность, в функционально-семантическом поле «характеризует содержание поля, базирующееся на определённой семантической категории. Что касается средств формального выражения, то их совокупность лишена целостности, поскольку они относятся к разным языковым уровням и по своей структуре разнородны» [Бондарко 2002: 310]. Как видим, свойство производности глаголов как критерий их вхождения в группы способов действия функционально-семантической доминантой описываемой аспектуальной системы не задано.

Итак, понятия «способ глагольного действия» и «словообразовательная категория глагола» не являются тождественными и служат описанию организации разных участков языковой системы: функциональной грамматики и словообразования соответственно. Языковые единицы, названные этими терминами, объединяет наличие довольно обширных участков пересечения или даже наложения, обусловленное общей деривационной природой словообразовательных и аспектуально-грамматических явлений в русском языке. Вместе с тем выявленное различие рассматриваемых комплексных языковых единиц свидетельствует о различных целеустановках лингвистов, занимающихся их изучением, и предопределяет необходимость использования разных конкретно-языковых методов анализа в рамках общего – функционального – подхода к описанию и интерпретации языкового материала.

Грамматистов-аспектологов, как было показано выше, способы глагольного действия интересуют прежде всего в аспекте их видовой релевантности. Исследование словообразовательных категорий глагола сориентировано на широкий спектр собственно деривационных задач. Методика их анализа исходит из признания полевой структуры этих комплексных единиц и заключается, во-первых, в выявлении всех деривационных структур (словообразовательных моделей и формируемых на их основе словообразовательных типов), выражающих общее (интегральное, типовое, категориальное) значение; во-вторых, в установлении частных (дифференциальных) семантических, а также стилистических признаков, которые отличают друг от друга словообразовательные типы как констинуэнты данной категории. Третьим шагом является определение места выявленных компонентов словообразовательной категории в её полевой структуре (ядро – ближняя и дальняя периферия). Последний этап анализа – сопоставление рассматриваемой словообразовательной категории со смеж-

ными и/или близкими по семантике деривационными и лексическими полями в целях установления её системной значимости и определения характера системных общеязыковых взаимосвязей.

Список использованной литературы

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко; Рос. академия наук; Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) / В.В. Виноградов // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 99-152.

Грязнова В.М. Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX в.: автореф. дисс. … док. филол. наук (10.02.01 – русский язык) / В.М. Грязнова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1993. – 32 с.

Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования / Е.А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования: Тезисы докладов и краткие сообщения III Республ. науч. конференции 21 – 23 сентября 1978 года.– Ташкент: Изво Ташкент. гос. пед. ин-та им. Низами, 1978. – С. 29-35.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 222 с.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М.А.Кронгауз. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.

Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур: На материале моделей семантико-словообразовательной категории «становлениеприобретение / признака»: дисс. ... канд. филол. наук (10.02.01 – русский язык) / Т.В. Кузнецова. – Саратов, 2004. – 234 с.

Руденко Е.Н. Категориальная семантика славянского глагола / Е.Н. Руденко // Opera Slavica. Slavistické rozhledy. – 2004. – Roč. XIV. Č. 4. – S. 1 – 8.

Русская грамматика. В 2 т. Т.1 / под ред. Н.Ю. Шведовой; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1982. – 783 с.

IsačenkoA. V. Dierussische Spracheder Gegenwart. PartI, Formenlehre / A.V. Isačenko. – Halle (Saale): Niemeyer, 1962.– 706 s.

РОЛЬ ДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЧАСТИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.В. Куныгина*

В монографиях, диссертационных исследованиях, научных статьях последнего времени всё чаще рассматриваются проблемы, связанные с установ-

*__Куныгина Ольга Владимировна__ – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

лением границ класса частиц, разграничением частиц и слов, соотносимых с ними, классификацией, особенностями функционирования частиц в текстах разных стилей.

В современных работах, описывающих частицы, тезис о том, что частицы имеют значение, не требует доказательств. Однако возникает вопрос о том, какова его сущность, как оно может быть определено, каким образом его следует сформулировать?

Особый, сложный характер семантики частиц учитывают все современные исследователи единиц этого класса. Ещё академик В.В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» обратил внимание на эту особенность: «…семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [Виноградов 1972 : 520].

Частицы не обладают номинативной функцией в строгом смысле этого слова, они не обозначают ни предмета, ни признака, ни процесса, а «вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [Виноградов 1972 : 520].

В трудах последних лет говорится о близости семантического и прагматического подходов. Прагматика и составляет сущность значения частиц: «значение частиц определяется контекстом», «частицы несут на себе максимум коммуникативного (в отличие от номинативного пласта высказывания). Они передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношение говорящих и отношение к той системе «общего фонда знаний», которая объединяет адресанта и адресата. Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу общения» [Николаева 2005 : 14].

Более того, частицы не столько именуют фрагмент действительности, сколько квалифицируют его в системе отношений говорящего к фрагменту действительности. Фразеологизмы в процессе коммуникации выполняют информационную, экспрессивную и прагматическую функции, «которая заключается в предназначенности ФЕ оказывать определённое воздействие на получателя информации» [Добрыднева 2000 : 29].

Фразеочастица не обозначает ни предметов, ни признаков, ни процессов, а является смыслоразличителем и выразителем отношений, выраженных знаменательными частями речи. Следовательно, включение говорящим в своё высказывание частиц помогает выразить отношение, определённые оценки, достичь определённого результата в воздействии на адресата.

Фразеологическая единица ***еще бы*** может реализовывать выделительное значение и способствовать выражению уверенного утверждения.

– Ну, так и сиди, тебя не трогают. – ***Ещебы*** *ты тронул! Я те так трону… (Горбунов. Из московского захолустья).*

Да, я подслушивал! ***Еще бы*** *не подслушивать; вот бы олух-то был (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон).*

Манифестируя значение выделения, фразеочастица связана с процессуальными единицами, а значение сомнения, неуверенности, предположения рассматриваемых фразеологизмов-частиц реализуется при определении ими местоимений, числительных, наречий.

[Ласуков:] Это что такое? Это не грибы?.. (Пробует) Конечно, грибы, ***еще бы*** *не грибы (Некрасов. Осенняя скука).*

– Как на что? А когда нападут на дом разбойники… ***Еще бы*** *не необходимая (Н. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).*

Фразеологизм-частица ***вот и***, по данным нашей картотеки, встречается тогда, когда говорящему необходимо выразить указательное значение (указание на появление кого-чего-либо; указание на начало, протекание и завершение действия; указание на подведение итога).

Значение указания на появление кого-чего-нибудь фразеочастица ***вот и*** реализует в контексте с собственными и нарицательными существительными – *Евграф Ларионыч, дворянское собрание, поворот, проулок* и др., с личными местоимениями – *мы, он, они, я.*

– Ага! Стива! Облонский! ***Вот и*** *он! – почти всегда с радостной улыбкой говорили, встречаясь с ним (Л. Толстой. Анна Каренина).*

– А! ***Вот и*** *Евграф Ларионыч! Легок на помине! – закричал дядя, нелицемерно обрадовавшись (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).*

Поехали на бал. ***Вот и*** *дворянское собрание, и подъезд со швейцаром (А. Чехов. Анна на шее).*

Вот и *поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трем домишкам (А. Гайдар. Чук и Гек).*

Как показывает анализ нашего материала, в этих контекстах частица не просто выражает указательное значение, а ещё и вносит в предложение информацию об эмоциональном состоянии говорящего: восхищение, восторг, радость. Следовательно, содержание речевого общения в определённой ситуации помогает выявить эмотивный компонент значения единицы и «расширить» фразеологический смысл.

При указании на начало, протекание и завершения действия фразеологизм ***вот и*** определяют глаголы в изъявительном наклонении в форме настоя-

щего и прошедшего времени, совершенного и несовершенного вида – *попасть, решить, слышать, ехать, говорить* и др.

В период «междуцарствия» я бросался из стороны в сторону, – ***вот и*** *попал в балет, чтоб посмотреть, как там мои товарищи, завзятые балетоманы, «ломают дураков» (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве).* ***Вот и*** *решили передать оркестр Шульженко и Коралли (В. Хотулев. К. Шульженко).*

К морю лишь подходит он ***Вот и*** *слышит будто стон… (А. Пушкин. Сказка о царе Салтане…).*

А ночь, и светлая ночь: месяц светит… ***Вот и*** *едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла (И. Тургенев. Бежин луг).*

Значение указания на подведение итога описываемого фразеологизма-частицы проявляется в сочетании с местоимениями ***все, весь***.

– А нет – к мировому, ***вот и*** *весь сказ (А. Куприн. Белый пудель).*

– Со слов мамы, – продолжала она, – я знаю, что эти стихи написаны для бабушки, Натальи Федоровны. ***Вот и*** *все, что я знаю (И. Андроников. Я хочу рассказать вам…).*

Митя и его отец оказались в чистенькой комнатке. Стол и три стула – ***вот и*** *вся обстановка (С. Антонов. Овраги).*

– ***Вот и*** *Адам всегда называл меня глухарём и не понимал, как это можно одну мелодию спутать с другой… (Д. Рубина. Адам и Мирьям).*

Однако, как показывает анализ нашего материала, фразеочастица ***вот и*** помогает выразить говорящему и оценочное значение иронической оценки внутренней несостоятельности того, о чём сообщается.

– ...Все-таки перегибает, значит, Воропаев, не знает вашего дела? А? ***Вот и*** *угоди на вас! (Павленко. Чья-то жизнь).*

[Наталья Степановна:] Каков негодяй? ***Вот и*** *верь после этого добрым соседям! (А. Чехов. Предложение).*

Вот и *«помогли»… (Заголовок статьи. Челябинский рабочий 1998. 8 октября).*

Информация об эмоциональном состоянии говорящего в момент речи, безусловно, заложена в контексте, однако сама семантическая природа частиц объясняет тот факт, что оценочное, эмотивное содержание выходит на первый план и формирует значение единицы.

[Кабанов:] Жива?

[Другой:] ***Где уж*** *жива! Высоко бросилась-то (А. Островский. Гроза).*

В представленной выше речевой ситуации фразеочастица ***где уж*** необходима говорящему не просто, чтобы выразить отрицательный смысл (не жива), а продемонстрировать выражение крайнего сожаления по поводу случившегося. Следовательно, «содержание фразеологической оценки определяется

субъектом речи в зависимости от того, в какой мере оцениваемое явление отвечает ценностным представлениям и деятельностным целям субъекта оценки в конкретной ситуации общения» [Добрыднева 2000: 135].

Если говорящему необходимо придать сомнительную оценку сообщаемому, то он «прибегает к помощи» частицы ***вряд ли***.

*От этой сорокалетней особы можно ждать острого слова, но **вряд ли** услышишь ласковое (Н.Раевский. Если заговорят портреты).*

*Стихи он напрасно читает и в хозяйстве **вряд ли** смыслит (И.С. Тургенев. Отцы и дети).*

*Второй раз слышу имя Арсеньева из уст человека, который **вряд ли** читал его книги, − заметил я (В. Финк. Литературные воспоминания).*

*Дау с сомнением пожал плечами: − Попытка не пытка, только **вряд ли** у тебя что-нибудь получится (М. Бессараб. Формула счастья Ландау).*

*Однако найти что-то приличное **вряд ли** удастся – журналы закрываются, штаты сокращаются (Б. Акунин. Сокол и ласточка).*

Если же говорящему необходимо выделить, подчеркнуть, усилить смысловое содержание какого-либо факта, признака, действия, то он прибегает к включению в своё высказывание частицы ***все жё.***

*Она страдала, в конце концов – пропала, но **все же** прожила прекрасную и трагическую жизнь (Н. Пушнова. Валентина Серова. Круг отчуждения).*

*Но **все же** я стараюсь не сердиться и утешаю себя таким рассуждением (К. Чуковский. Живой как жизнь).*

*И **все же** не дослали двух иллюстраций (И. Андроников. Великая эстафета: Воспоминания. Беседы).*

*Мне **все же** кажется – я выздоровею, я могу выздороветь (Е. Замятин. Мы).*

Таким образом, семантическая структура фразеологических частиц отличается чрезвычайной сложностью: в значении одной единицы могут совмещаться несколько сем. Фразеологические частицы реализуют свои значения в широкой лексико-семантической сочетаемости. Дистрибутивное окружение и контекст способствуют уточнению значений описываемых фразеологических единиц.

Список использованной литературы

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография / Е.А. Добрыднева. – Волгоград : Перемена, 2000. – 224 с.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т.М. Николаева. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.

ОБЛИГАТОРНЫЕ СВОЙСТВА КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.С. Савельева*

Прежде чем рассматривать в настоящей статье облигаторные свойства предметности, мы должны сделать несколько вводных замечаний. В системе грамматических категорий существительного выделяют род, число и падеж. Однако в ходе исследований мы пришли к заключению, что качественная сущность значения существительных современного русского языка в такой системе не находит своего выражения, так, например, как находит свое выражение количественная характеристика в категории числа. Категория рода, называемая в современном языкознании главной грамматической категорией имен существительных, не охватывает весь класс слов и является, по нашему мнению, не грамматическим признаком, свойством всего класса, а частной характеристикой, относящейся к нескольким группам одушевленных существительных современного русского языка. Мы предложили в своих работах [Чепасова 2005; Савельева 2007, 2010; Савельева 2011: 93] рассматривать в качестве главной, классифицирующей категории существительных категорию предметности (качественной определенности); мы считаем предметность категорией с единым грамматическим значением и с формальной структурой, соответствующей этому значению. Категориальное грамматическое значение предметности выражено именно этой категорией, так как у двух других категорий существительного своя роль: число является специальным средством выражения лингвистического значения количества, падеж – средством выражения синтаксических отношений существительного. Более того, являясь выразителем качества предмета, категория предметности обладает высокой степенью абстрактности, т.к. связана не с группами слов (как две другие категории существительного), а с классом слов.

Придавая значение предметности каждому существительному, категория качественной определенности является всеобщим отличительным признаком класса слов и самой абстрактной в ряду грамматических категорий существительного. Категория рода, в рамках нашего понимания системы грамматических категорий существительного, является частью предметности. Категория предметности существительных определяется нами как семантико-грамматическая категория, которая в специальных формах выражает качественную характеристику значения класса существительных.

* **Савельева Ольга Сергеевна** – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

К сказанному добавим, что мы понимаем предметность как очень сложную, широкую подсистему языка, оформленную классом существительных. В нашем понимании может противостоять этой языковой подсистеме только процессуальность.

Облигаторными свойствами категории предметности мы называем *системность* (структурность), *устойчивость* и *динамичность*.

Системность (структурность)

Впервые в языкознании мы делаем попытки описать свойства категории предметности и описать структуру категории предметности. Не считая свою характеристику окончательной, мы в настоящее время, во-первых, отмечаем, что категория предметности как единство содержания и формы имеет сложную семантическую структуру и трехчастную формальную структуру. Во-вторых, мы описываем предметность как систему единиц, объединенных значением предмета; как систему сложную, включающую такие части: – непроизводные единицы (источник предметных единиц), – дериваты, – композиты, – субстантиваты.

Категория предметности, как мы указали, имеет сложную семантическую структуру: 1 – категориальное значение, 2 – субкатегориальное значение, 3 – значение малых субкатегорий, 4 – групповое значение, 5 – значение синонимических рядов, антонимических пар, омонимов и т. п., 6 – значение отдельного слова.

Структура предметного значения представляет собой систему. Связь категориального значения и его частей проявляется в отношениях общего и частного. Структурность, проявляющаяся, как мы отметили, в наличии более мелких, частных значений, характеризуется уменьшением степени сложности от общего к частному. Самым сложным является общее категориальное значение. Каждый из частных элементов состоит, в свою очередь, из более мелких элементов и т.п. вплоть до отдельного слова. И каждый следующий признак распространяется, соответственно, на меньшее количество слов.

Формальная структура категории предметности представлена тремя формами: первый тип форм включает склоняемые существительные, эту основную часть составляют собственно предметные существительные, это древнейший, исконный тип форм, охватывающий большинство существительных современного русского языка; второй тип содержит субстантивированные формы, связанные с развитием, усложнением значения предметности; третий тип форм – несклоняемые существительные. Три формы категории предметности охватывают все существительные современного русского языка. Такая формальная структура отражает развитие категории предметности, ее динамичность (расширение, усложнение, обогащение), а также развитие сознания человека.

А.А. Потебня подчеркивал связь языка и мышления, которая обусловливает динамичность языка, его непрерывное развитие: «Понимая язык, как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются…», «… в языке не только, говоря a priori («все течет»), не может быть, но и, a posteriori, нет ни одной неподвижной грамматической категории» [Потебня 1958: 76].

Устойчивость и динамичность

Для классного категориального значения характерны два процесса: устойчивость и динамичность. Основой является, безусловно, устойчивость. Динамичность на уровне категориального значения проявляется в его преобразовании, смене, следствием чего и является расширение общего категориального значения. Расширение может происходить в результате деривации и является обязательным в результате субстантивации. На базе процессов, происходящих в категориальном значении, происходит процесс усложнения на уровне субкатегорий и т.п. Усложнение может происходить вследствие динамичности категориального значения (расширения значения), но может опираться на устойчивое исконное категориальное значение слова. Степень устойчивости категориально значения несопоставима со скоростью динамических процессов. Категориальное значение в высшей степени устойчиво. Именно на базе, на основе этой устойчивости происходит усложнение, т.е. динамический процесс, структурных частей общего значения.

Самым прочным, устойчивым значением является, повторим, общее значение, категориальное. Категориальное значение цельно, структурно и, несомненно, облигаторно.

Все частные значения, и даже общее в какой-то степени, находятся в состоянии развития, т.е. характеризуются динамичностью. Такое свойство предметности, как динамичность, проявляются, отметим вновь, в двух основных процессах: расширение категориального значения и усложнение категориального значения. К этим процессам считаем логичным добавить и третий – обогащение категориального значения, подчеркнув, что это количественная характеристика динамических процессов, происходящих в категории. Расширение предметности происходит в результате динамических процессов, смены исконного категориального значения: категориальное значение обогащается за счет других категориальных значений. Усложнение представляет собой изменение структуры предметного значения по строению, форме, характеру составляющих частей.

Такое описание свойств категории предметности не противоречит основным идеям теории грамматики. Существительное в русском языке является выразителем предмета. Значение существительных представляет собой единство лексического, грамматического и словообразовательного значений. При этом грамматическое значение, свойственное целому классу слов, и грамматическое значение, свойственное одной какой-либо грамматической категории, называется категориальным значением. Категориальное значение предметности существительных представляет собой абстракцию, обобщение лексических значений слов этой части речи (но не сумму этих значений), в то же время значение каждого существительного представляет собой единство индивидуального лексического и категориального грамматического значений.

Наше исследование также согласуется с идеей: фундаментальные свойства и условия существования языка – это, во-первых, его устойчивость, постоянство и, во-вторых, изменение, развитие, динамичность.

Раскрывая понятия устойчивости и динамичности грамматической категории и отмечая высочайшую степень устойчивости классного категориального значения и формы категории предметности, мы подчеркиваем, что это позволяет категории предметности находиться на самом устойчивом языковом уровне, грамматическом, и оставаться для существительных той строевой основой, фундаментом, на котором они создаются. Устойчивость очевидна – категория живет в языке. Динамичность же категории предметности, как было отмечено выше, обусловлена ее структурностью. Динамичность содержания категории (в усложнении, обогащении субкатегориального значения, значения лексико-грамматических разрядов, групповых значений и т.п.) возможна только на основе в высшей степени устойчивого категориального предметного значения. Устойчивость формы существительных первого, древнейшего, исконного, типа форм является основой, опорой для динамических процессов в области формы категории вообще и существительных второго и третьего типов в частности.

В процессах субстантивации и деривации мы видим проявления динамичности формы и содержания категории предметности: во-первых, благодаря этим процессам усложняется и обогащается структура категориального значения предметности; во-вторых, эти процессы свидетельствуют о движении и в формальной структуре предметности.

Динамичность содержания категории, постоянное обогащение, усложнение категории в области значения, выражает огромные возможности языка в стремлении к многообразию выражения разнообразного и сложного предметного мира. Если наряду со сказанным выше принять во внимание динамичность формальной структуры, стремление формы к унификации, то можно сказать о глубинном источнике жизнеспособности грамматической категории а, следова-

тельно, и ее устойчивости (закон единства и борьбы противоположностей как источник существования категории). Устойчивость категории обеспечивается и этим «противоборством» направлений формы и содержания внутри ее структуры. Изменения внутри категории обеспечивают ее устойчивость. Как мы не раз отмечали, устойчиво общее, динамично, частное, составляющее это общее. Таким образом, устойчивость, являясь условием всех изменений, движений, обеспечивается при этом противоборством полярных начал: направленность (стремление) формы к унификации, направленность (стремление) содержания к многообразию. Все формы стремятся к первому типу форм предметности, все «усложнения» значения, происходящие внутри категориального значения предметности, стремятся к огромному количественному разнообразию.

Итак, динамичность возможна за счет того, что и содержание и форма предметности имеют структуру, изменения происходят в структурных частях категории. В содержании предметность расширяется и обогащается за счет категории процессуальности и признаности. Первый тип предметности – древнейший, остается опорой, основой; изменения в формальной структуре происходят за счет процессов субстантивации и деривации, а также нового процесса – композиции. Степень устойчивости элементов формальной структуры различна. Самая высокая степень – у форм первого типа предметности.

Таким образом, категория предметности существительных – семантико-грамматическая категория, выражающая качественную характеристику значения класса существительных – структурна, сложна, и диалектична, устойчива и динамична.

Список использованной литературы

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 3 т. / А.А. Потебня; общ. ред., предисл., вступит. ст. В.И. Борковского. – М.: Просвещение, 1958. – Т. 1–2.

Савельева О.С. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: монография / О.С.Савельева. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд-во «Ключ» фонда «Лики культур»; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. – 170с.

Савельева О.С. Новые аспекты понимания категории рода существительных / О.С. Савельева // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 35–36.

Савельева О.С. От категории рода к категории предметности / О.С. Савельева // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 93–100.

Чепасова А.М. Существительные в современном русском языке: учеб.-практ. пособ. для студентов филол. спец. /А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. – 285 с.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПРЕДЛОГОВ (на базе русского и французского языков)

С.И.Суровцева*

Исследования релятивных единиц в разноструктурных языках набирают большой оборот в современном языкознании. Предлоги были предметом изучения многих лингвистов Т.И. Антоновой, Н.И. Астафьевой, О.С. Ахмановой, А.М. Бабкина, М.В. Биньковской, Р.В. Болдырева, В.С. Бондаренко, Н.И. Букатевича, М.С. Буниной, М.В. Всеволодовой, Л.Н. Засориной, Г.А. Золотовой, Е.Г. Кулинича, Ю.И. Леденёва, Т.А. Пантелеевой, Р.П. Рогожниковой, Е.Т. Черкасовой, Г.А. Шигановой и других. О высоком интересе к данному классу слов свидетельствует и работа межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», в рамках которого активно изучается пласт служебных частей речи – предлоги.

В нашей работе рассматриваются лексические и фразеологические темпоральные предлоги. Значение темпоральности в исследуемых нами единицах тесно связано с выражением пространственных отношений. В.В. Виноградов пишет, что «временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» [Виноградов 1986: 562]. Профессор Л.П. Якубинский подчёркивает, что в русском языке нет ни одного чисто временного предлога, который по своему происхождению «не был бы пространственным» [Якубинский 1953: 255]. Более того, мы наблюдаем эту связь, как в русском, так и во французском языках.Подобнотому, как значение совершения чего-нибудь или нахождение чего-нибудь в середине предмета выражается конструкцией с предлогом ***в*** (пример а), так и значение совершения чего-либо внутри какого-нибудь отрезка времени требует конструкции с тем же предлогом (пример б)*:* (а) *Книга лежит* ***в*** *ящике письменного стола*. (б) *Александр Сергеевич Пушкин родился* ***в*** *1799 году*. Во французском языке предлог ***dans***выражает нахождение чего-нибудь внутри какого-либо предмета (пример а), а также временной промежуток, через который совершается действие (пример b): (a) *Lelivreest****dans****letiroirdubureau*. (b) *Laconferenceauralieu****dans****deuxjours*.

Если для выражения достижения в пространстве до известного предела употребляется предлог ***до***в русском языке и ***jusque***во французском, то и временной предел выражается конструкцией с этим предлогом в русском языке, во французском языке соответствующие отношения выражаются фразеологическим

*__Суровцева Светлана Ивановна__ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков, доцент кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета.

предлогом ***jusqu'à***: ***До*** *деревни оставалось три километра*. ***До*** *их вмешательства я исправно платил всё до копейки* [Итоги 74]. *Il reste* ***jusque*** *le villagetrois kilomèters. Ila été ici* ***jusqu'à*** *deuxheures*. В данном случае мы наблюдаем, что временные отношения передаются другой единицей, но образованной с помощью предлога с пространственным значением. Соответствие функций предлогов пространственного и временного значения прослеживается в предлогах ***к, за, по, при, около, между***, ***перед, от, à, en, devant, sous,sur, vers***и др.

Лексические производные предлоги обладают более ярко выраженной семантикой, что объясняется, конечно же, наличием сем, приобретённых от знаменательного слова-источника. Так, лексический производный предлог ***спустя*** (кого, что) употребляется при указании на 'прошествие какого-либо времени, по истечении какого-либо времени'. Сема 'переместить что-либо сверху вниз' содержится в лексическом значении предлога, и она была актуализирована из значения деепричастия ***спустя***. Данный предлог употребляется только с временным значением, что реализуется наиболее ярко в сочетании со следующими словами: существительными, имеющими указание на какой-либо временной период, минута, секунда, день, год, месяц, десятилетие, неделя, час, век. Степень обобщённости семы времени возрастает, когда существительное в конструкции с предлогом употребляется с каким-либо числительным: два, двадцать, три, десять и пр. Например, *Тричаса* ***спустя*** *после бегства короля к Переволочне подоспела конница Меншикова* (Павленко). В нашей картотеке часто встречается неопределённо-личное местоимение несколько, которое привносит неопределённость промежутка времени, несёт указание на небольшой его период, протяжённость. *Несколько месяцев* ***спустя*** *москвичи читали листы, прибитые у стен Кремля, в Китай-городе, у Чудова монастыря и в других людных местах* (Павленко). *Несколько минут* ***спустя*** *по радио объявили регистрацию билетов и сдачу багажа на рейс 247 Баку-Москва* (Незнанский).

Лексическое значение деепричастия, к которому восходит предлог ***спустя*** (что), не утрачивается бесследно: его дифференциальная сема 'переместить что-либо' реализуется в составе временного предлога. Соответственно во французском языке производный предлог ***après*** 'marquelapostériorité danslestemps' [Larousse 2009: 58].Сема следования за чем-либо в пространстве 'marquelapostériorité dansl'espace' [там же]актуализирована и во времени. Также чётко прослеживается связь с наречием ***après***adv. 'marquelapostériorité danslestemps. *Nousreparleronsaprès*' [Larousse 2009: 58].Лексические предлоги с временным значением содержат темпоральный элемент слова наречия, деепричастия, на базе которых они образовались. Так, производные лексические предлоги ***вперёд***(кого, чего), ***назад*** (что), ***накануне*** (чего), ***начиная*** (кем, чем), ***около*** (кого, чего), ***погодя*** (что), ***после***(кого, чего), ***прежде*** (чего), ***посередине*** (кого,

чего), ***посреди*** (кого, чего), ***среди*** (кого, чего), ***сквозь*** (что), ***кончая*** (кем, чем), ***близ*** (кого, чего), ***auparavant, aussitôt, après, avant, alentour, environ, depuis, devant, durant, passé***содержат сему указание на "временной промежуток". И только лексические предлоги ***вне*** (чего) и ***devant*** не имеет указания на временной период, а несёт в себе сему пространства. Однако надо заметить, что в сочетании с существительными, содержащими сему времени, либо какой-либо процесс во времени данная конструкция носит временной характер. Например, *действовать* ***вне*** *времени,* ***devant****l'avenir*.

Индивидуальное лексическое значение каждого предлога отличаются друг от друга за счёт дифференциальных сем, актуализированных в новом значении из лексических значений слов-источников. Так, к примеру, наречие *накануне* означает «в предыдущий день». Предлог *накануне* (кого, чего) употребляется при указании на что-либо «непосредственно перед чем-нибудь». Наречие *накануне* указывает на предыдущий день, а предлог *накануне* (кого, чего) указывает на событие или действие, которое имело место перед чем-либо. Например, ***Накануне*** *выступления Сергей Трубецкой был избран диктатором* (Буганов). *В стихотворении «Желание», написанном* ***накануне*** *революции, он ясно и недвусмысленно объяснил*…(Гуляев).

Отличительными признаками лексических и фразеологических предлогов является большая или меньшая степень абстрактности, обобщённости значений. Лексические непроизводные предлоги характеризуются большей абстрактностью, но именно их лексическое значение является во французском языке чуть ли не единственным смыслоразличителем синтаксических отношений. Например, *il va* ***à*** *deux heures; il va* ***vers*** *deux heures; il ira* ***dans*** *deux heures* (он идёт **в** два часа; он идет **к** двум часам; он придёт **через** два часа). Данной точки зрения придерживаются и Н.М. Васильева и Л.П. Пицкова, которые указывают, что «Cependant la valeur lexicale des prépositions se distingue de celle des mots significatifs (substantives, adjectives, verbes): elle est plus abstraite et plus généralisée» [Васильева 1991: 112]. Нельзя упускать из вида то, что французские предлоги очень неоднородны в степени абстрактности их лексического значения. Например, такие предлоги как ***autempsde, aumomentde, après*** более конкретны, чем предлоги ***avec, pour***и особенно ***à, de, en***.

Значения лексических производных предлогов легко прослеживается и вне контекста, в отличие от непроизводных предлогов, значения которых разнообразны и отвлечённые. Мы можем предположить, что это происходит за счёт унаследованной семы от слова-источника.

Класс предлогов развивается и активно пополняется фразеологическими единицами, которые соотносительны по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами. Активный рост фразеологических

предлогов обусловлен как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими причинами. К экстралингвистическим мы относим общественную потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений между словами; к лингвистическим – «перегруженность» значениями лексических непроизводных предлогов и неспособность их дифференцировать весьма усложнившиеся в языке синтаксические отношения между именем и другими словами в предложении. Способность к дифференцированному, точному выражению частных падежных значений присуща для фразеологических предлогов, потому что они, без сомнения, обладают более широкими возможностями выражения различных оттенков, благодаря своей структурной организации. Фразеологические предлоги с темпоральным значением чаще всего являются двух-, трёх-, четырёхкомпонентными и формируют своё значение на основе сем всех составляющих его компонентов. Мотивированность фразеологического значения этих единиц позволяет им более конкретно выражать синтаксические отношения между словами, нежели это происходит у лексических непроизводных предлогов, ведь фразеологические предлоги обладают меньшей степенью абстрактности, кроме того, их значение уже в меньшей степени зависит от семантико-синтаксического окружения. Так, например, предлог ***во время*** (кого, чего) и без контекста указывает на ‘тот период, промежуток в который что-либо происходит’, указывает на ‘одновременность’.

Во время *встречи предстоит подписание договора между СССР и США*…(Незнанский). *Они помогали крестьянам* ***во время*** *сельскохозяйственных работ*…(Манусевич).

Во французском языкеданному предлогу соответствует ***pendant***, который обозначен в словаре следующим образом: «introduitladurée, lapériodeaucoursdelaquellesedérouleuneaction, unfait» [Larousse 2009: 757] (вводит длительность, период, в течение которого происходит действие, дело).

Предлог универсален хотя бы потому, что выполняет связующую функцию между словами в предложении. Насколько велико количество предлогов в языке, настолько он и гибок в употреблении. Исследуемые нами единицы определяют синтаксические связи, при этом вовсе не являются членами предложения, но в организации связной речи именно предлоги и выполняют определяющую функцию.

Список использованной литературы

Васильева Н.М. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис: ускоренный курс: на французском языке / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1991. – 299 с.

Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – 3-е изд., исп. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка / Л.П. Якубинский. – М.: Учпедгиз, 1953. – 165 с.
Dictinnaire encyclopédique. 1 vol. noms communs. Locutions latines, grèques et étrangères. – P. : Larousse, 2009. – 1812 p.

АБСТРАКТИВАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Н.Б. Усачева*

Фразеологические единицы могут иметь различные типы категориального значения, наряду со словами они являются средствами отражения реальной действительности во всем многообразии ее предметных, призначных, количественных, качественных, процессуальных и т.д. проявлений. Динамический характер отражения, непрерывная творческая деятельность человека в процессе использования языковых средств приводит к разного рода трансформациям, одной из которых является абстрактивация значения процессуальных единиц, утрата ими категориальной семантики и приобретение качественно нового содержания.

Многозначность вплоть до омонимии (в том числе межкатегориальной) – универсальное свойство функционирования процессуальной единицы в разнообразных речевых проявлениях. Процесс семантического развития процессуальных фразеологизмов является закономерным, непрерывным и охватывает целые субкатегории и группы единиц. Абстрактивации подвергаются многие единицы субкатегорий деятельности и отношения: *гореть желанием, иметь право, получить возможность, лелеять надежду, счесть (своим) долгом, пришло время, брать (на себя) труд, сделать усилие, упустить случай, руки чешутся, родилась мысль, прийти на ум* и мн. др.

Рассмотрим механизм трансформирования семантики процессуальных фразеологизмов на примере единицы «прийти в голову».

Семантический объем фразеологизма ***прийти в голову*** выявляется в процессе функционирования единицы. На наш взгляд, возможности различных синтаксических условий употребления фразеологизма, разная субъектная отнесенность (а вернее, наличие/отсутствие субъектной отнесенности) свидетельствуют о наличии у него по крайней мере четырех значений.

Формируется фразеологизм как субъектно-предметный, выполняющий номинативную функцию. Подлежащее при нем может быть выражено как кон-

*Усачёва Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета.

кретным, так и абстрактным существительным: идея, мысль, матушка, страхи, сомнения, вздор, возможность, вопросы, глупости и т.д. **(пришли/приходили, приходят/придут, будут приходить) в голову**:

*Какой вздор иногда приходит в голову! – подумал князь Андрей. Л.Н. Толстой. Война и мир. Какое мне дела, что вам **в голову пришли** там какие-то глупые вопросы, – вскричал он.* Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. *Его сношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не **пришла** даже ему **в голову**.* А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка.

Номинативное процессуальное значение фразеологизма должно быть сформулировано так: «Личн. Употребляется только в форме 3л. ед. числа и мн. числа. Возникать, появляться в сознании кого-либо».

Второе в семантической структуре этого многозначного фразеологизма значение появляется в связи с изменением его субъектной отнесенности: фразеологизм становится безличным. Его форма становится еще более фиксированной, так как он может употребляться теперь только в 3 л. ед. числа наст. вр., буд. вр. или в форме ед. числа ср. рода прош. вр.: (ему) **приходило/приходит/будет приходить, пришло/придет в голову**, что... Становятся более жесткими синтаксические условия реализации этого значения. Необходимо, чтобы этот процессуальный фразеологизм был сказуемым в главном предложении, которому подчиняется изъяснительное придаточное:

*О том, что распутство женатого человека было не хорошо, ему **не приходило в голову**, и он очень удивился бы, если бы кто осудил его за это.* Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат. *Иногда ей **приходило в голову**, что она желает чего-то, чего никто не желает, о чем никто не мыслит в целой России.* И.С. Тургенев. Накануне.

Второе номинативное значение должно иметь такое толкование: «только безл. Додуматься, представляться».

В редких случаях этот фразеологизм выступает как самостоятельное сказуемое простого предложения. Безличность процессуального фразеологизма в этом употреблении сохраняется, например: *Я проснулся, и вдруг мне пришло в голову... Если человек сам себя не любит, тогда он никого не может любить, – на что он тогда пригоден*. А.К. Толстой. Хождение по мукам. *«Уйти отсюда, бежать, зарыться куда-нибудь», – раздалось со всех сторон, – вот чудак! Придет же в голову!* М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.

Безличность единиц – один из способов усиления объективности высказывания, ослабления связи с субъектом, воспринимающим реальную действительность, действие происходит как бы «помимо» его, без участия его воли. Безличные предложения изначально характеризуются яркой модальной окра-

шенностью, способностью передавать оценочные, волевые и эмоциональные компоненты содержания.

На базе второго значения в этом фразеологизме развивается третье, уже не номинативное, а релятивное значение копулятивности. Обязательным условием его реализации является употребление этого фразеологизма с инфинитивной формой процессуальной единицы, желательность которой выражает фразеологическая связка. В синтаксическом аспекте это сочетание фразеологизма с утраченным номинативным значением, т.е. уже служебного по своей сути, соотносительного со связкой, и инфинитива основного глагола (или номинативного фразеологизма) создает форму составного глагольного сказуемого:

Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг ***пришло в голову*** *скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться...* Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. *Потом ему* ***пришло в голову*** *сменить правительство, послав его в джунгли первого попавшегося каннибальского государства, а в министры сунуть десяток продавцов с рынка, самых толстых и усатых.* Л. Петрушевская. Маленькая волшебница.

Толкование этого значения должно сопровождаться грамматическими комментариями, выявляющими безличный и связочный характер этого значения: «Только безл., в сочетании с инфинитивом. Хотеться, захотеться сделать что-либо».

Четвертое значение развивается из третьего и наблюдается в фиксированных грамматических условиях: сохраняется обязательная сочетаемость с инфинитивной формой процессуальной единицы, облигаторным компонентом единицы становится бывшая частица НЕ, глагольный компонент употребляется преимущественно в форме несовершенного вида, в результате чего единица становится выразителем модального значения невозможности:

Впрочем нам и ***в голову не приходило*** *подозревать в нем что-нибудь похожее на робость.* А.С. Пушкин. Выстрел. *Подумать о таком шаге* ***не приходило в голову***. Н. Мордюкова. Записки актрисы. *И люди читают это, учат, называя это наукой, и никому* ***в голову не приходит*** *сделать естественно представляющийся вопрос о том, что если убивать дурных полезно, то кто решит: кто вредный.* Л.Н. Толстой. Воспоминания о суде над солдатом.

В толкование значения необходимо включить грамматические условия, в которых создается семантическая структура единицы: «Только безл., преим. несов. в., в сочетании с инфинитивом. Не мог, не было возможности сделать что-либо».

Степень яркости процессуальности в выявленных четырех значениях различна: она ослабевает (угасает) по направлению от первого значения к четвертому. Ослабление процессуальности происходит во втором значении в связи с

появлением в нем семантики безличности, утрата категориальной семантики в третьем и четвертом значениях объясняется актуализацией модального содержания, которое свойственно связочным глаголам и фразеологизмам, выступающим в роли служебных слов и служебных фразеологизмов и оформляющим категорию лица, времени и наклонения других, номинативных глаголов-слов и фразеологизмов.

Грамматикализация фразеологизма **прийти в голову** является закономерной, она обусловлена среди прочих причин компонентным составом единицы. Оба знаменательных компонента фразеологической единицы содержат в своей семантике потенциальную возможность выражать более отвлеченные, абстрактные понятия, так как в дофразеологическом употреблении обозначают конкретные, наглядные фрагменты реальной действительности, преломленные через призму человеческого опыта. Деятельность сознания человека в этом случае точно описал Н.Ф. Алефиренко: «Расчленяя при помощи языка предметно-опытные знания на элементы и устанавливая между ними определенные связи и отношения (сходства, тождества, различия, принадлежности), мы тем самым обогащаем исходные когнитивные знания знаниями языковыми (лексико-семантическими, грамматическими и лингвопрагматическими), формой выражения которых являются языковые значения» [Алефиренко 1999: 31].

Глагол движения прийти и существительное соматизм голова содержат смысловой потенциал, позволяющий сформировать новую, грамматикализованную семантику, посредством которой в языке реализуются модальные значения возможности и желательности.

Многозначный глагол **прийти/приходить** наряду с глаголом идти/уходить Т.А. Майсак относит к наиболее часто грамматикализуемым глаголам. По его данным, такой процесс наблюдается в более чем 170 языках, и его следствием является приобретение данным глаголом в составе различных конструкций способности выражать грамматические значения: «Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ПРИХОДИТЬ являются значения будущего времени/проспектива (порядка 30%) и значения имперфективной аспектуальной области (около 20%); помимо этого, отмечается приобретение императивных значений, значений перфекта/ перфектива/ прошедшего времени, наступления нового состояния и модальных значений возможности и необходимости, а также приобретение целевого значения, превращение в показатель пассива, следования во времени, именной модификатор» [Майсак 2002: 20].

Именной компонент фразеологизма **голова** также вносит свой вклад в создание целостной семантики фразеологической единицы. Важнейшая часть человеческого тела – голова – не только является средоточием ума, души, мен-

талитета человека, но и мыслится русскими людьми как главное в человеке, слова главный и голова являются этимологически однокоренными. Метафорический перенос с части на целое произошел еще в дофразеологическом функционировании слова голова: в современных словарях зафиксировано переносное значение этого слова «о человеке как носителе каких-либо свойств, качеств») [Словарь 1985: 325]. Семантический потенциал обозначения умственных способностей, источника принятия рациональных волевых решений субъектом-лицом позволил компоненту **голова** участвовать в формировании единицы, выражающей модальные значения возможности и желательности совершения каких-либо действий. Таким образом, произошло развитие семантики фразеологизма прийти в голову от номинации мыслительного процесса через характеристику безличного состояния к передаче модальных значений желательности и возможности совершения каких-либо процессов.

Абстрактивация семантики процессуальных единиц позволяет передавать сложные обобщенные смыслы, сосуществание в пределах одной формы процессуальных и связочных значений единиц свидетельствует об активной динамике по направлению к грамматикализации семантической системы и отражает один из аспектов развития аналитических тенденций в выражении различного концептуального содержания.

Список использованной литературы

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко.– Волгоград: Перемена, 1999. –274 с.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: автореф. дисс. … канд. филол. наук (10.02.01 – русский язык) / Т.А Майсак.– Москва, 2002. –26 с.

Словарь русского язык. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – М.: Русский язык, 1985. Т. 1. – 696 с.

ЯЗЫКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

О ГЛАГОЛАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА В ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЯХ*

И.Н. Анисимова•

Цветовая окраска предметов играет чрезвычайно важную роль при их зрительном восприятии человеком, а потому часто фигурирует в описаниях пейзажа произведений художественной литературы. При этом выражаться семантика цвета может не только в универсальной форме имени прилагательного, но и в других грамматических формах, в том числе глагольных: *в вышней заоблачной синеве, прямо над сияющим куполом собора, недвижно висел седой курчавый каракуль перистой тучи, длинный хвост ее волнами снижался и розово* ***серебрился*** *где-то над станицей Кривянской* (М.А. Шолохов «Тихий Дон»); *снег* ***розовел*** *на солнце и* ***синел*** *в тени* (А.И. Куприн Олеся); *попав в тень чуть* ***зеленеющи****х лип, писатели первым долгом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды»* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Хорошо известно, что прилагательное, обозначающее цвет, как и любое другое разряда качественных, даёт «качественную характеристику предмета без указания на его изменение, т.е. обозначает качество как постоянный признак. Глагол же указывает на изменение качества в процессе действия» [Балалыкина 2006: 5]. Соответственно использование глагольных лексем привносит движение, динамику в статичные по сути своей описания природы, при этом сохраняется целостность литературного произведения.

По нашим наблюдениям, большое значение для пейзажного описания художественного текста имеют глаголы со значением цвета/света типа *белеть, зеленеть, светлеть, темнеть*. Эти лексемы реализуют по контексту либо 1) компонент значения ‘проявление цвета’, например: ***Белеет*** *парус одинокий в тумане моря голубом* (М.Ю. Лермонтов); *Все зелено.* ***Зеленеет*** *небо, деревья, песок, – хотя они и не зелены* (Б.К. Зайцев «Тихие зори»); либо 2) компонент значения ‘изменение цвета’, например: *Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо* ***синеет*** (И.С. Тургенев «Ермолай и мельничиха»); *Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть* ***светлело*** (И.С. Тургенев «Би-

*Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0291 «Лингвистический анализ пейзажных описаний» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

•**Анисимова Ирина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

рюк»). В первом случае такие глаголы выступают как глаголы состояния, а во втором – действия, поскольку обозначают становление признака. В толковых словарях также обычно приводятся по два значения у цветовых глагольных лексем. Формулируются они примерно одинаково, первое: ‘виднеться, выделяться своим каким (*белым, зелёным* и т.п.) цветом’; второе: ‘становиться каким (*белым, зелёным* и т.п.)’ [Ожегов 1996].

Определить, в каком из двух значений используется глагол цвета, возможно только по контекстуальному окружению. В некоторых случаях для выражения значения ‘изменение цвета’ автором художественного текста избирается префиксальное глагольное образование, зачастую это причастие: *зелёной чертой ложится след ваших ног по росистой,* ***побелевшей*** *траве* (И.С. Тургенев «Лес и степь»); *ещё нигде не румянилась заря, но уже* ***забелелось*** *на востоке; всюду лучистыми* ***алмазами зарделись*** *крупные капли росы; не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по* ***зазеленевшимся*** *холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим,* ***обагренным*** *кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, – полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света...* (И.С. Тургенев «Бежин луг»); *молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками* ***почерневшие****, низкие пни* (И.С. Тургенев «Касьян с Красивой Мечи»); *тайга перекипела гнусом, успокоилась, зашуршала отгорающим листом,* ***закраснела*** *брусникой…* (В.П. Астафьев «Царь-рыба»). Следует отметить, что причастия со значением цвета по своей форме и функции приближаются к именам прилагательным, однако отличаются тем, что обладают глагольным значением действия, которое динамически правильно организует текстовый фрагмент.

Анализируемые глаголы образованы от имён прилагательных, называющих основные цвета спектра и всевозможные оттенки (*белеть, розоветь*), а также от существительных, метафорически переосмысленных на базе цветового семантического компонента значения (*золотить, серебриться*).

Цветовые глаголы способны вступать в антонимичные отношения в пределах контекста пейзажной зарисовки, например: *Куда ни взглянешь, везде зелено; только кое-где* ***чернеют*** *бахчи да далеко влево на кладбище* ***белеет*** *полоса отцветающих яблонь* (А.П. Чехов «Учитель словесности»).

Авторы художественных произведений, как правило, не ограничиваются использованием только цветовых глаголов-сказуемых в составе предложений, а синтаксически связывают их с наречиями или существительными в роли обстоятельств образа действия, также характеризующими цвето-световые и иные зрительно воспринимаемые признаки предмета: *видные из его окон вершины*

темных гор ***влажно багровели*** *на ясном небе* (И.С. Тургенев «Дым»); *на меловых мысах, залысинами стекавших с обдонского бугра,* ***малахитом зеленела*** *ранняя трава; … в августе, когда вызревают плоды и доспевают хлеба, небо* ***неулыбчиво серело****; за Доном, тронутый желтизной, горюнился лес,* ***блекло отсвечивал*** *тополь, дуб ронял редкие узорчато-резные листья, лишь ольха* ***крикливо зеленела****, радовала живучестью своей стремительный сорочий глаз* (М.А. Шолохов «Тихий Дон»); *как раз светало, за вербами* ***ярко синел*** *край неба и серело овсяное поле* (В. Быков «Сотников»). Такие конкретизирующие развёрнутые описания с семантически переосмысленными лексемами в составе создают яркие, эстетически ценные пейзажные зарисовки, которые собственно отличают произведения литературы как вида искусства. Именно в них как нельзя лучше выражается мастерство автора. Нестандартные словосочетания с глаголами в подобных случаях оказывают обогащающее влияние на русскую языковую систему.

Многочисленные примеры пейзажных описаний показывают, что обозначающие цвет глаголы в их составе способствуют созданию целостной динамичной картины, имеющей значение для организации всего художественного текста.

Список использованной литературы

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. В 2 ч. Ч 2: Глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова / Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 180 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

МИФО-ФОЛЬКЛОРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ЧЕРТА А. ПЛАТОНОВА

И.А. Голованов[*]

В художественно-поэтической системе А. Платонова важное место занимает мифо-фольклорная трактовка образов. Благодаря осмыслению героев в контексте мифологии и фольклорного сознания (подробнее см. [Голованов 2009]) платоновские тексты обретают емкий, универсальный характер.

Обратимся к одному из рассказов 1920-х годов, в котором ярко проявились эстетические принципы автора, – «Иван Жох» (1927). В центре повество-

[*]**Голованов Игорь Анатольевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета.

вания – народный бунт и феномен самозванства в русской истории. Задачи, стоящие перед автором, были значительны – обратиться к пугачевскому восстанию и на основе этого материала создать роман. Однако в процессе работы первоначальный замысел трансформировался, и в итоге у Платонова вышел не роман, а его фрагмент в форме рассказа. При этом главный персонаж – не «исторический» Емельян Пугачев, а некий Иван Жох.

Герой рассказа выступает как полисемантичный образ, соединяющий в себе смысловые уровни мифологии, фольклора и литературы. Его имя, как и в других произведениях Платонова, наделено смыслом. В словаре В.И. Даля рядом с нарицательным словом, от которого образовано прозвище, дается следующее толкование: «Жехъ, жохъ м., *тул.* край, кромка, ребро, грань || *твр.* бранно: мужикъ, сѣрякъ, вахлакъ, смурый, черный и грубый мужланъ || *арх.*шутч. старожилъ, родовичъ, коренной, природный житель || *кал.* Жуликъ, плутъ, воришка, карманникъ || Тертый, бывалый, закаленный, опытный дока и наглый плут» [Даль 1989 : 1: 536]. Как видим, в русском языковом сознании ***жох*** связан не только с выражением некоего «края, предела» (в нашем случае – в характере персонажа), но и с представлениями об «опытности, бывалости» человека вплоть до таких особенностей его поведения, как наглость и плутовство. Все значения оказываются в разной степени актуализированными в рассказе: «он выходил похожим на крестьянина», глаза его «черные с притаенной хитрецой, в которых светился отменный характер» (с. 65)[*]. В целом описание внешнего облика Ивана Жоха дается в русле двух традиций – книжной и фольклорной. Его можно сравнить с летописным образом Никиты Кожемяки: «*был он среднего роста*» [Памятники литературы 1978: 139] или мужицким царем в «Истории Пугачева» А.С. Пушкина: «*Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав, черная борода его начинала седеть*» [Пушкин 1983: 25] (не менее выразительный и одновременно традиционный портрет будущего самозванца дан и в «Капитанской дочке»).

При первом появлении платоновского героя мы узнаем его истинное имя (Иван Прохоров) и цель – выяснить, не покарает ли царица «просочившихся людей» (с. 65). После получения «разрешительной выписи» герой начинает свои странствия по Руси: «*Думал он пробраться на Зауралье, – там богатые земли пустыми лежали, – чтобы основать целый раскольничий край*». Так постепенно в повествование входит традиционный легендарный мотив «далекой земли» – Беловодья (см. [Чистов 2003]). Названный фольклорный мотив, отсылая читателя к поэтическому образу страны благополучия, всегда противопоставленному реальному положению дел, позволяет А. Платонову избежать подробной харак-

[*] Здесь и далее страницы указываются по изданию: Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. ст. А. Битова. М.: Время, 2009.

теристики времени и места происходящих событий: «*Народ же всюду говорил одно, что время неспокойное и скорбно чересчур*» (с. 66). Писатель передает ощущение запустения и безысходности, которое и рождает потребность в «избавителе». Фольклорный мотив «возвращения избавителя» дополнительно подкрепляется в тексте рассуждениями мужиков о том, что правит «не истинный государь», а баба – «полчеловека всего». Такова экспозиция рассказа.

Дальнейшее развитие сюжета связано с развертыванием темы царя-самозванца/разбойника. Эта тема в творчестве А. Платонова постепенно обретала определенные очертания. Так, в нескольких стихах из сборника «Голубая глубина», датируемых 1921 годом, мы видим своеобразные поиски героя эпохи. В стихотворении «Небо вверху голубое…» лирический герой соотносит свое внутреннее мироощущение и переживания с двуединым «царем и разбойником» (с. 473), а в стихотворении «Сказка» строки: *Мальчик вырос в атамана, / Сжег деревню, мать-отца / И ушел на лодках рано / У земли искать конца* (с. 475) предлагают еще один вариант обретения героем своего предназначения («восстановление утраченной справедливости»). В этом также усматривается авторская отсылка к социально-утопическим представлениям русского народа, наиболее полно и глубоко отраженным в фольклорных легендах о «цареизбавителе» и «народном заступнике» (см. [Чистов 2003]).

В отличие от А.С. Пушкина, который предпринял максимально «историзованное» художественное исследование взаимоотношений народа и власти, народа и дворянства, Платонов избирает путь мифологизации, делая попытку образно-интуитивного осмысления «народного заступника», через обращение к традиционным мифологическим схемам. Особенности мифологического моделирования образа царя/народного заступника на материале фольклора, в частности, уральских преданий и легенд, описаны достаточно подробно (см. [Голованов 2002; Криничная 1987]). Главный персонаж рассказа поддается на уговоры купцов изменить маршрут и отправиться на Яик, объявив себя государем Петром III: *«…прими ты на себя это звание и поди к раскольникам на Яик. Обещай казакам вольность и свободу, и награжденье по 12 рублей на человека <…> Благочестия ж нету в Москве – горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье*» (с. 67).

Следующий этап конструирования образа царя/народного заступника связан с реализацией мотива узнавания. Иван Жох какое-то время «жил молча», но в определенный момент решил реализовать задуманное. Эпизод узнавания решен в фольклорных традициях, с буквальным цитированием пушкинских и легендарных текстов: казачий староста Денис Пьяных «*заметил у Жоха на теле какие-то знаки и щербины от старых ран*» (с. 69). Сомнения и недоверие старосты очень быстро сменились верой в истинность государя: «*после бани*

Пьяных просил прощения у Жоха за обращение с ним, как с простым человеком» (с. 69). По законам устного народного творчества, мотив узнавания в рассказе троится: «*Однажды Жох ходил по иргизскому базару и пробовал на возах рыбу за мякоть*» (с. 69). Через безымянные реплики на базарной площади Платонов передает многоголосицу и «разность» мнений людских (царь – не царь, Петр Федорович – поселенец): *«Говорят, это царь будто! Рыбу щупает: постную пищу уважает!» – «Какой такой царь? У нас теперча царица! А Петр Федорович, что на Яике жил – того в Москве нововерцы угомонили! Это не царь – эт так: хозяин-поселенец» – «Ну вот поселенец, тебе говорят царь! По обличью и ухватке видать! Другой бы не осмелился рыбу даром щупать! А то вишь и цены не спрашивает, а прямо-таки берет!»* (с. 70). Третий эпизод узнавания связан с мотивом испытания женщиной, после того как Жох перебрался в уральский поселок Аушин: «*Ежели он царь – его баба не возьмет: он целому народу супротивиться может!*» (с. 71). И вновь возникающие сомнения отметаются самим же народом: «*Так он же царь – человек неимоверный!*»

Как и в народной прозе, мифологическое моделирование образа царя-«избавителя» у Платонова осуществляется через его функции. Набор этих функций в фольклоре устойчив: одаривание («*А я дарю моему народу всю землю и реки, соляные озеры, лесные гущи и старинную веру и прочую вольность*» (с. 73)); военное предводительство («*Впереди на донском жеребце ехал Жох – шапка красная, борода серебристая, очи мудрые, слово протяжное: степной русский царь*» (с. 74)); мудрый суд (в эпизоде ухода в Сибирь).

Вместе с тем воспроизведение традиционных мифо-фольклорных схем и моделей у Платонова не приводит к созданию идеального образа царя/народного заступника. Целый ряд деталей, сюжетных характеристик формирует в сознании читателя ощущение «ложности», «мнимости» героя, его целей и судьбы. Решение Ивана Жоха объявить себя государем не было естественным развитием его собственных духовных устремлений, а связано с потребностью использовать жизненную ситуацию: «*Дай, – думал, – я себя жирной жизнью угощу – раз она обнаружилась!*» (с. 72). Введение в текст топонима Аушин вольно или невольно обращает читателей к теме «края, предела», странничества и первых русских землепроходцев, к освоению северо-восточных окраин России. Аушин в русской истории – название камчадальского селения, на месте которого в 1740 году возник Петропавловский острог (ныне Петропавловск-Камчатский). С ним были связаны первые попытки достичь восточного побережья Сибири и Тихого океана. В платоновской версии Аушин – это уже не тот «неведомый край земли», продвижение к которому может прибавить доблести и уважения, а важный элемент хронотопа, подчеркивающий несовпадение ожиданий раскольников и казаков: перед ними «герой», открывающий уже давно

открытые дали. Этим образом Платонов подводит читателей к мысли, что истинное обретение смысла жизни возможно лишь через обретение сознания.

Еще одна «червоточина», связанная с образом Ивана Жоха, открылась во время пребывания героя в раскольничьем Иргизе: «сведущий знахарь, попытав Жоха за живот, почуял, что в пузе у него завелась змея, которая ночью ползает и нахальничает по всему нутру» (с. 70). В данном эпизоде реализован один из традиционных мифо-фольклорных мотивов – мотив змеи/червя, появление которого в творчестве Платонова не случайно. В одной из своих ранних статей писатель утверждает: «человек вышел из червя» [Платонов 1990: 88], и этот тезис явно восходит к библейскому источнику: «Тем менее человек, [который] есть червь…» (Иов. 25, 6). Очевидно, что в Библии человек сравнивается по своему ничтожеству с червем. Истинная «ничтожность» личности обнаруживается у Ивана Жоха. Другой возможный ход размышлений писателя связан с мотивом наказания героя за ослушание, за неправедность дел, с выражением презрения и отвращения к нему, поскольку червь служит образом вечной смерти и вечного мучения (Ис. 66: 24).

Пятая глава повествования продолжает тему противопоставления жизни «мнимой», бессмысленной и смутной с «*неимоверной жизнью, цветущей уже второй год*» (с. 78). Эта новая, настоящая жизнь зародилась в Москве после 1917 года. Через север в районе устья Оби «пять красно-зеленых партизан» решают пробраться в Москву, «к Ленину в соседи». Платонов вновь обращается к мысли о неосознанности своей судьбы героями, заплутавшими в тайге, где «*природа не шевелится*», а путников окружают «*бессмысленные роскошные ландшафты*» (с. 77). Обессиленный герой (как это часто бывает у Платонова) находится между жизнью и смертью и мечтает только об одном: «*Как, действительно, хорошо перемешаться с сырой старой землей и застлаться вечным забвением!*» (с. 78). Герои оказываются в ситуации, подобной сказочному инициальному переходу, т.е. умиранию в одном качестве и возрождению в другом. Происходящее с ними можно обозначить как обретение себя (=идентификация): «*Утром нас так пробрал холод, что мы сразу стали людьми и вспомнили всю свою биографию*» (с. 78).

В сказочной традиции описан эпизод встречи со стариком «*в длинной холстинной рубашке и без порток*»; в поэтике легенды изображен «*каменный вечный невозможный город*» (с. 78). Переправа на лодке, на дно которой поставлены деревянные ведра с сытной пищей, отсылает к похоронному обряду, так же как и «безвозвратное путешествие» к Ледовитому океану. Подобные апелляции к фольклорным универсалиям позволяют автору генерализовать мысль о нереальности, призрачности «надменного и задумчивого» города, напоминающего своей архитектурой ионическую культуру далекого, давно умершего прошлого.

В этом легендарном утопическом мире нет женщин (для Платонова женщина-мать – обязательный элемент мира). В рассказе попутчика-проводника Кузьмы Сорокина, оформленном как вставной эпизод, происходит окончательное развенчание утопической идеи раскольников о «далекой земле». Вечный Град-на-Дальней реке стал миром «большого достатка и благополучия», «царством покойного богатства и сытой жизни», т.е. по сути миром мертвых, а не живых. «*Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольничьих людей? <…> Все прочее – вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое – было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни*» (с. 81).

Рассмотренный рассказ во многом созвучен другим произведениям А. Платонова, сложным для художественной интерпретации. Именно мифофольклорные образы и мотивы становятся тем ключом, с помощью которого приоткрывается многомерная концептуальная организация произведения, выявляется сложное переплетение в нем эстетических принципов.

Список использованной литературы

Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): монография / И.А. Голованов. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 251 с.

Голованов И.А. Мифологическое моделирование образов «народного заступника» и царя в несказочной прозе Урала / И.А. Голованов // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы I Международной науч. конф. В 2 т. Т. 1. – М.: Альфа, 2002.– С. 39 – 48.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т 1 / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989.

Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. – Л.: Наука, 1987. – 227 с.

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI–начало XII в. / сост. и общ. ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. – М., 1978.

Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения /А. Платонов; вступ. ст. А. Битова. – М.: Время, 2009.

Платонов А. Чутье правды / А. Платонов; сост. В.А. Верин. – М., 1990.

Пушкин А.С. История Пугачева / А.С. Пушкин; вступ. ст. и примеч. В.И. Коровина. – М., 1983.

Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 540 с.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

Е.Е. Иванова[*], А.А. Вершинина[•]

В языке поэзии С.А. Есенина довольно часто встречаются слова, обозначающие орган зрения человека. Глаза имели большое значение в архаичной народной культуре, представителем которого является лирический герой С.А. Есенина. Глаза осознавались как наиболее важная часть человеческого тела. Глаз для наших предков был символом Божественного всевидения. Он являлся одним из наиболее ранних символов Бога Отца. В ряде культур глаза рассматривались как место пребывания души. Через зрачки душа попадает в тело и покидает его. Этим путем в организм могут попасть и злые духи. Колдун, недобрый человек своим взглядом направляет демонов на все то, на что он посмотрит, поэтому порча именуется сглазом. Таким образом, в глазах, согласно мистическим представлениям, заключается особая гипнотическая энергия. Мистика глаза объясняется тем, что большую часть информации об окружающем мире – около 80 процентов – человек получает через зрение. Со словами данной тематической группы в народе составлено множество пословиц, поговорок и фразеологизмов: *«Делать большие глаза»; «Бросаться в глаза»; «Глаза б не глядели»; «Отвести глаза»; «С глаз долой»; «За глаза говорить»; «С глазу на глаз»; «Глаза на лоб лезут»; «Ни в одном глазу»; «Отвести глаза»; «На глаз»; «С закрытыми глазами»; «В глаза не видел»; «Хоть видит око, да зуб неймет»; «Око за око, зуб за зуб»* и др.

Значение глаз не утратило своей актуальности и в наши дни. Глаза всегда остаются незаменимым органом восприятия.

Тематическая группа слов, называющих орган зрения и его части, употребляющихся в поэзии С.А.Есенина, содержит 7 лексем. Чаще всего используется лексема «глаз» – 75 употреблений, из них в единственном числе – 4, во множественном – 71. Намного реже встречаются синонимы: «око» – 14 употреблений, из них в единственном числе– 4, во множественном – 10; «веко» – 8 употреблений, только во множественном числе; «глазок» – 3 употребления, только во множественном числе; «бельмо» –2 употребления, только во множественном числе; «вежды» – 1 употребление, только во множественном числе; «зрачок» – 1 употребление, только во множественном числе.

[*]**Иванова Елена Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

[•]**Вершинина Анастасия Андреевна** – выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

Наиболее характерным для художественного мира С.А.Есенина является употребление лексем данной тематической группы для выражения духовного, эмоционального состояния человека. При этом слова в контекстах произведений С.А.Есенина приобретают индивидуальные смыслы.

В поэзии С.А.Есенина отражаются представления архаичной культуры о глазах как месте пребывания души, как о духовном зрении. О духовном зрении говорится, например, в стихотворении «Опять раскинулся узорно…» (1916): *Но и поняв, я не приемлю Ни тихих ласк, ни глубины* ***Глаза****, увидевшие землю, В иную землю влюблены*. Глаза в этом контексте являются эквивалентом души человека. Они – инструмент «умного», духовного зрения.

Кроме этого, глаза у С.А.Есенина являются признаком молодости. В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу…» (1921) герой размышляет о молодости и о жизни вообще. В риторическом обращении лирического героя к своей молодости: *Дух бродяжий! ты все реже, реже Расшевеливаешь пламень уст. О моя утраченная свежесть, Буйство* ***глаз*** *и половодье чувств*–в качестве характерного признака молодости предстаёт «буйство глаз», то есть не внешняя черта, а, скорее, психологическая: наполненность, живость взгляда.

Глубоко символичен в поэзии Есенина цвет глаз, чаще всего – синий. Синий – любимый цвет лирического героя в окружающем его мире. Он воспринимает его как синоним красивого, чистого, как цвет мечты, неба, толщи воды, как символ «русскости». Поэтому насыщенность синего в цвете глаз для С.А. Есенина прямо пропорциональна жизнерадостности, молодости, связи с природой, духовной культурой предков. Например, в стихотворении «Годы молодые с забубенной славой…» (1924) лирический герой воспринимает потускнение цвета своих глаз как предвестие близкой жизненной катастрофы. Он задаёт себе вопросы, на которые не может ответить сам: *Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли, Были* ***синие глаза****, да теперь поблекли. Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно. В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.* Герой не понимает, что происходит с ним, он не может осмыслить свою жизнь и, тем более, оценить. Ответы на мучившие героя вопросы дают совершенно посторонние люди: *На лице часов в усы закрутились стрелки. Наклонились надо мной сонные сиделки. Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый, Отравил ты сам себя горькою отравой. Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли,–****Синие*** *твои* ***глаза*** *в кабаках промокли».*

Часто в поэзии С.А.Есенина лексема «глаза» употребляется при характеристике внешней красоты, чаще – женской. Как правило, в таких контекстах она сочетается с цветовым эпитетом «синий», «голубой» и др., как, например, в стихотворении «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…» (1912): *Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха. / Выходи встречать к околице, кра-*

сотка, жениха. / Васильками сердце светится, горит в нем бирюза. / Я играю на тальяночке про ***синие глаза****. / То не зори в струях озера свой выткали узор, / Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор*. Здесь наблюдается традиционное для есенинской лирики сочетание в одном контексте слов «свет – сердце – глаза», но при этом «сердце» – это атрибут лирического героя, «глаза» – его любимой, а «свет» и «цвет» связывают их. Так С.А.Есенин передаёт чувство влюблённости, восхищения красотой.

При создании портрета любимой как наиболее важная деталь выступают глаза: *Голубая кофта. Синие* ***глаза****. Никакой я правды милой не сказал. Милая спросила: "Крутит ли метель? Затопить бы печку, постелить постель". Я ответил милой: "Нынче с высоты Кто-то осыпает белые цветы. Затопи ты печку, постели постель, У меня на сердце без тебя метель"* (1925).

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре…» (1924) слово «глаза» входит в живописную метафору, подчеркивающее и красоту глаз героини, их синий цвет, и силу, и в то же время – противоречивость её взгляда и характера: *Никогда я не был на Босфоре, Ты меня не спрашивай о нем. Я в твоих* ***глазах*** *увидел море, Полыхающее голубым огнем…И хотя я не был на Босфоре – Я тебе придумаю о нем. Все равно –****глаза*** *твои, как море, Голубым колышутся огнем.*

Другая характерная черта глаз любимой в стихах С.А.Есенина, которая осознаётся героем как признак красоты,– их глубина, отражение в них внутреннего содержания, духовности женщины: *Мне бы только смотреть на тебя, Видеть* ***глаз*** *злато-карий* ***омут****, И чтоб, прошлое не любя, Ты уйти не смогла к другому* («Заметался пожар голубой…», 1923).

Любимый Есениным синий цвет используется и при негативном описании глаз: *Излюбили тебя, измызгали – Невтерпеж. Что ж ты смотришь так* ***синими брызгами****? Иль в морду хошь?* («Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», 1922). Духовная пустота героини, которую ощущает лирический герой, подчеркивается заменой слова «глаза» на «брызги». Брызги – это нечто поверхностное, не глубокое, не связанное с душой. Синий цвет здесь воспринимается не как признак истинной красоты глаз, а как приманка.

Вообще духовная нечистота традиционно предполагает и отталкивающую внешность. Главной деталью портрета и в этом случае для С.А. Есенина являются глаза, как, например, в поэме «Черный человек» (1925): *Черный человек Глядит на меня в упор. И* ***глазапокрываются Голубой блевотой****. Словно хочет сказать мне, Что я жулик и вор, Так бесстыдно и нагло Обокравший кого-то*. Цвет глаз в этом портретном описании подчеркнуто неяркий, нежизненный. «Голубая блевота» – это белесая голубизна, отталкивающий, отвратительный, по мнению героя, цвет. Черный человек с белесыми глазами – это инфернальный образ, символ ужаса, смерти, перевернутой реальности, душевной бо-

лезни, победы плоти над духом. И в то же время, как замечают исследователи, черный человек – это портрет лирического героя, каким он воспринимает самого себя в настоящем, противопоставленный тому, который был в детстве и юности: *Жил мальчик В простой крестьянской семье Желтоволосый, С* ***голубыми глазами***…

В стихотворении «Прощание с Мариенгофом» (1922) глаза мертвого сравниваются с застывшим молоком по цвету и неподвижности, безжизненности. Однако жалость к ушедшему товарищу пересиливает в лирическом герое отвращение и брезгливость: *Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли, В который миг, в который раз – Опять, как молоко, застыли* ***Круги недвижущихся глаз***.

Создание страшных, пугающих картин в поэзии С.А.Есенина связано не только с изменением цвета глаз, но и с изменением их количества, с появлением глаз в неожиданных местах на теле человека, как, например, в стихотворении «Кобыльи корабли» (1919): *О, кого же, кого же петь В этом бешеном зареве трупов? Посмотрите: у женщин* ***третий Вылупляется глаз из пупа***. Экспрессивный эффект усиливается тем, что «третий глаз» в этом примере изображен как живое и к, тому же, кровожадное существо: «вылупляется», «вылез, глядит луной».

Индивидуальный смысл слово «глаза» приобретает в олицетворениях. Например, в стихотворении «О боже, боже, эта глубь…» (1919) глаза и даже зрачки приобретают озера: *О боже, боже, эта глубь – Твой голубой живот. Златое солнышко, как пуп, Глядит в Каспийский рот. Крючками звезд свивая в нить Лучи, ты ловишь нас И вершами бросаешь дни* ***В зрачки озерных глаз***.

В этом стихотворении образ Бога антропоморфен. Небо воспринимается лирическим героем как тело Бога. Сам Бог уподобляется рыбаку, что является аллюзией на евангельские тексты. Национальный, русский колорит создается использованием таких слов, как «златое», «солнышко», «глядит», «ве́рша». И образ земли в стихотворении подобен человеческому: Каспийское море названо «Каспийским ртом», озёра – «глазами». Как часто бывает у С.А.Есенина, в этом стихотворений происходит мистическое смешение духовного и материального, конкретного и абстрактного: «дни» Бог «бросает», как что-то конкретное, относящееся к быту,– «вершами» в «зрачки озёрных глаз». При этом олицетворение «зрачки глаз» одухотворяет природный объект, озёра, так как в облике человека глаза более, чем другие части тела, отражают внутренний, душевный мир.

Вторая по распространенности в поэзии С.А.Есенина – архаичная, церковнославянская по происхождению лексема «око». За старославянской лексикой закрепилась функция выражения абстрактного, поэтического, возвышенного содержания. Слово «очи» говорит о человеке созерцающем. В ценностных

представлениях носителей языка поэтическое высокое «очи» можно рассматривать как эстетический эквивалент лица (настроения, характера). Кроме того, благодаря наличию «высокого» стилистического варианта для названия глаз в русском языке сохраняется противопоставление материального (физического) и идеального (духовного) зрения. Учитывая богатый спектр ассоциаций, которые слово «очи» может вызывать в контексте, С.А.Есенин создает портрет матери в стихотворении 1925 года «Снежная замять дробится и колется…»: *Все мы бездомники, много ли нужно нам. То, что далось мне, про то и пою. Вот я опять за родительским ужином, Снова я вижу старушку мою. Смотрит, а* ***очи*** *слезятся, слезятся, Тихо, безмолвно, как будто без мук*. Образ матери связан с образами святых, иконными ликами. Он статичен, о напряженной душевной работе рассказывают «очи»; это как ветхая икона с живыми, всегда устремленными на зрителя глазами. Даже слезы здесь показаны не как порыв, а как постоянное состояние скорбящего человека. Такой смысловой эффект достигается повтором «слезятся, слезятся». Слово «очи» в большей степени относится к характеристике духовной жизни, и повтор «слезятся» применительно к «очам» вызывает ассоциации с мирроточащими иконами.

Кроме того, создается картина физиологического, почти болезненного состояния человека. Глаголы, относящиеся к лирическому герою и его матери,- это глаголы зрительного восприятия: «смотреть», «видеть». Лирический герой подобен паломнику, пришедшему поклониться святыне. Речевая деятельность героини обозначена как «смотрит безмолвно». Это слово относится к архаичной, высокой лексике. «Очи» вместе с «устами» понимаются как единая духовная сущность. С помощью ассоциаций С.А.Есенин создает портрет простой деревенской женщины, который является обобщением, символом материнства вообще, с присущими ему покорностью судьбе, безропотностью, жертвенностью.

В поэзии С.А.Есенина это не единственный случай употребления архаичного «очи» с целью создания обобщенного образа и при характеристике постоянных качеств героя. Так, например, в стихотворении «Эх вы, сани! А кони, кони!..» (1925) выбор слова «очи» продиктован и связью этого произведения с народной песней, и тем, что речь идет о прошлом, в котором для лирического героя С.А.Есенина – жизнь в согласии с природой и многовековыми культурными традициями. С помощью этого слова рисуется обобщенный портрет девушек, бывших подруг героя: *Пой, ямщик, вперекор этой ночи, – Хочешь, сам я тебе подпою Про лукавые девичьи* ***очи****, Про веселую юность мою*. Слово «очи» здесь тоже имеет обобщающий смысл и актуализируется еще один смысловой оттенок слова «очи»–таинственность, загадочность, недосказанность, который присущ ему потенциально, вне контекста, так как лексема «очи» ассоциативно связано с религией, миром души человека, полностью непознаваемом. Это под-

утверждает и следующий отрывок из стихотворения 1924 года «Улеглась моя былая рана…»: *Угощай, хозяин, да не очень. Много роз цветет в твоем саду. Незадаром мне мигнули* ***очи****, Приоткинув черную чадру…* Здесь главное качество очей – таинственность – не названо, но выражено в контексте: некоторая двусмысленность в словосочетании «мигнули очи», неполнота действия в глаголе «приоткинув», черный цвет в качестве символа тайны создают образ восточной женщины с магнетическим взглядом.

Другой яркий пример употребления слова «очи» в лирике С.А. Есенина – в стихотворении «Прячет месяц за овинами…» (1914–1916): *Прячет месяц за овинами Желтый лик от солнца ярого Высоко над луговинами По востоку пышет зарево. Пеной рос заря туманится, Словно глубь* ***очей*** *невестиных. Прибрела весна, как странница, С посошком в лаптях берестяных. На березки в роще теневой Серьги звонкие повесил И с рассветом в сад сиреневый Мотыльком порхнула весело*. Выражение «глубь очей невестиных» отражает характерный признак глаз влюбленной и любимой девушки, – красноречивость взгляда, наполненность его духовным содержанием. Здесь сложно провести грань между внешней и внутренней, физической и душевной красотой, они слиты воедино, но при этом духовная красота первична и является залогом привлекательности для другого человека.

В стихотворении «Русь» (1914) С.А.Есенин дает яркое, самобытное, и в то же время – глубоко народное, традиционное по своей сути описание девичьих очей: *Я люблю над покосной стоянкою Слушать вечером гуд комаров. А как гаркнут ребята тальянкою, Выйдут девки плясать у костров. Загорятся, как черна смородина,* ***Угли-очи*** *в подковах бровей*.

Тропы, использованные при создании образа русских девушек, связаны с фольклором. Женский образ в таком, философском по содержанию, стихотворении приобретает большую обобщенность, так как речь идет не просто о малой родине, воспоминаниях героя, а обо всей Руси вообще во вневременном плане.

Создавая образы носителей каких-либо характерных, устойчивых признаков, С.А. Есенин наряду со словом «очи», употребляет слово «взор». Оно тоже архаичное, относится к высокой лексике, и, как и «очи», обладает «духовной памятью». Необходимым атрибутом религиозного сознания является способность к «мысленному умному зрению, видению», предполагающему противопоставление объектов и ситуаций по линии «материальное – идеальное, физическое – духовное, внешнее – внутреннее». Высокое, книжное слово «взор» выражает мысленное, внутреннее. Как и слово «очи» оно в большей степени, чем нейтральное «взгляд» способно выражать обобщенные постоянные качества: *Все они убийцы или воры, Как судил им рок, Полюбил я грустные их* ***взоры*** *С*

впадинами щёк. Здесь «грустные взоры» выступают в качестве характерного признака всех заключённых. У слова в данном стихотворении появляются смысловые оттенки таинственности, связи с религиозной сферой, предопределённости человеческой судьбы. Так в стихотворении возникает обобщённый образ кающихся грешников, и в его создании важную роль играет слово «взор», связанное с духовной жизнью человека.

Другая смысловая разновидность употребления слова «очи» возникает при характеристике мировоззрения человека, общего отношения к жизни. Например, в стихотворении «Вечером синим, вечером лунным…» (1925):

Вечером синим, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным Неудержимо, неповторимо Все пролетело... далече... мимо... Сердце остыло, и ***выцвели очи...*** *Синее счастье! Лунные ночи!* цветовой признак является символом молодости, красоты и, в ещё большей степени, жизнерадостности лирического героя. Это подчёркивается употреблением выражения «выцвели очи» в одном ряду с романтическим «сердце остыло», выбором слова «очи», ассоциативно связанного с духовной жизнью. В позднем стихотворении 1925 года «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель…» изменение мировоззрения лирического героя тоже отражается на цвете очей: *Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,* ***Синь очей*** *утративший во мгле, И тебя любил я только кстати, Заодно с другими на земле.*

С той же целью поэт применяет метафоры, созданные на основе температурного признака*: По вечерам, Надвинув ниже кепи, Чтобы не выдать* ***Холода очей****, – Хожу смотреть я Скошенные степи И слушать, Как звенит ручей* («Мой путь», 1925). «Холод очей» – это постоянный признак глаз, символизирующий разочарование, потерю для лирического героя смысла жизни.

В стихотворении «Ты меня не любишь, не жалеешь…» (1925) женский образ далёк от идеализации, однако при описании портрета героини употреблено слово «очи»: *Пусть твои полузакрыты* ***очи****, И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом*. Это употребление слова «очи» в сниженном контексте – исключение. Все стихотворение проникнуто горькой иронией лирического героя по отношению к себе и женщине, которая рядом. Для них многое в жизни осталось позади, в том числе и любовь, способность любить. В образе героини подчеркнута театральность, ненатуральность в проявлении чувств. Высокое слово «очи» в этом контексте приобретает ироничный смысл. Глаза служат героине не для выражения истинных чувств, а для маскировки своей бездуховности. Это подчеркивает и упоминание другой портретной детали, «чувственного оскала». «Чувственный оскал» как символ телесности противопоставлен слову «очи», употребляюще-

муся преимущественно в контекстах, описывающих проявления внутреннего мира человека.

Итак, анализ контекстов употребления слов со значением органа зрения в языке С.А.Есенина выявляет, что в каждом конкретном случае их смысловая наполненность изменяется. Однако можно выделить наиболее характерные оттенки смысла, которые выражают данные слова вместе с контекстуальным окружением: 1. «Глаза», «очи» и синонимичные им слова характеризуют нравственные представления, мировоззрение героя. 2. Глаза как обозначение взгляда выполняют функцию выразителей эмоций, отношения. 3. Глаза как внешняя, эстетическая характеристика человека свидетельствуют о духовности внешней красоты. 4. Глаза могут характеризовать посредством олицетворения различные природные явления и объекты.

Все эти смыслы тесно связаны между собой, и нередко слово в контексте одного стихотворения может совмещаться несколько смысловых оттенков.

Список использованной литературы

Воронова О. "Уже слышится благовест бунтов..." (С.Есенин) / О. Воронова // Литература: прилож. к "ПС". – 1997. –№17. – С. 2 – 3.

Зуев Н. Народные истоки поэзии С.Есенина: (к столетию со дня рождения) / Н. Зуев // Литература в школе. – 1995. –№ 5. – С. 15 – 23.

Козловский А.А. «Эту жизнь за все благодарю…»: вступ. статья / А.А. Козловский //С.А.Есенин «Стихотворения и поэмы». – М.: Правда, 1984.

Коржан В.В. Есенин и народная поэзия / В.В. Коржан. – Л.: Наука, 1969. – 199 с.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и лингвосмысловой анализ / Н.А. Купина. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1983. – 160 с.

Марченко А. Поэтический мир Есенина / А. Марченко. – М.: Советский писатель, 1972. – 308 с.

Моисеева Л.Ф. Лингво-стилистический анализ художественного текста / Л.Ф. Моисеева. – Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1984. – 88 с.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Образные средства поэтического языка и их трансформация / под ред. В.П. Григорьева. –М. : Наука, 1995. – 263 с.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В.П. Григорьева. –М.: Наука, 1990. – 232 с.

Эткинд Е. В мире есенинской образности //Литература: прилож.к "ПС". – 1994.– № 25.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Е.Е. Иванова*

И. С. Шмелев родился в Москве, в Кадашевской слободе в 1873 году, в семье подрядчика. Москва – глубинный исток его творчества. Ранние детские впечатления навсегда заронили в его душу и мартовскую капель, и вербную неделю, и «стояние» в церкви, и путешествие по старой Москве. Она жила для Шмелева живой и первородной жизнью, которая напоминает о себе в названиях улиц, площадей, проездов, набережных, тупиков, пролегающих по бывшим полям, полянкам, вспольям, пескам, болотам, лужникам, вражкам-оврагам, а также борам, садам и прудам. Ближе всего Шмелеву было Замоскворечье, где проживали купечество, мещанство и фабричный и заводской люд. Самые его поэтичные книги – о Москве, о Замоскворечье.

Семья Шмелевых отличалась патриархальностью, религиозностью. Неотъемлемой чертой этой патриархальности было и патриотическое чувство, любовь к родной земле и ее истории, героическому прошлому. Патриархальны, религиозны были и слуги. Позднее Шмелев посвятит одному из них, старому «филенщику» Горкину, лирические воспоминания детских лет в своих произведениях «Лето Господне» и «Богомолье».

В повести «Лето Господне» (1933 –1948), написанной во Франции, Шмелев вспоминает старую Россию. В эти годы, тяжело переживая разлуку с родной страной и смерть единственного сына, белого офицера, который был расстрелян в Крыму в 1920 году, писатель ищет опоры в вечных нравственных ценностях, находя их в своём детстве. Так возникает книга о семилетнем мальчике Ване, сыне известного московского подрядчика, о детских радостях и скорбях и о далёкой теперь, но бесконечно любимой Москве, о её жителях, их нравах и обычаях, – книга о той пёстрой, насыщенной, стремительной и в то же время удивительно умиротворённой, патриархальной жизни, которой когда-то жил этот город и которая безвозвратно канула в Лету.

Художественной задачей И.С.Шмелева было воссоздание колорита Москвы, Замоскворечья, возвращение к России, которой уже нет, которую потеряли, для того, чтобы она не исчезла из памяти эмигрантов. С помощью устаревшей лексики И.С.Шмелев воссоздает реалии административного строя России 1980-х годов, отражает государственную политическую систему управления с императором во главе. Предметно-бытовая лексика используется для воссозда-

* **Иванова Елена Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

ния быта купеческой среды. Скрупулезно точно даны описания одежды разных слоев населения, подробно описываются праздничные обеды, средства передвижения, предметы ежедневного обихода – все это позволяет читателю перенестись в прошлое. Читатель ощущает аромат кушаний, свежесть стекол, покрытых инеем, свет рождественской звезды, видит все подробности коляски и лубяных саночек.

И.С. Шмелев работал над «Летом Господним» в период с 1933 по 1944 год, а время действия романа отнесено к 1880г. За время, прошедшее в этот период, многие явления действительности исчезли или получили другое осмысление. Во многом этому способствовала революция 1917г. Изменился государственный строй, произошли изменения в лексике, многие явления быта исчезли или изменились, изменилось отношение к вере, были разрушены многие монастыри и храмы. В тексте насчитывается 44 названия соборов, храмов, церквей (Троицы в Лужниках – церковь Живоначалъной Троицы в Больших Лужниках, Флора и Лавра – церковь Всех Скорбящих Радость, Христа Спасителя –храм Христа Спасителя, Николая Чудотворца), упоминаются 11 монастырей, 32 географических названия московских реалий (Бабий городок, Болото – Болотная площадь, Воробьевка – Воробьевы горы, 6 Московская мужская гимназия, ресторан «Эрмитаж», Зоологический сад, Канава –Водоотводный канал, Крымок – Крымский вал, Крымские бани, Марьина роща, Царь – пушка). Например:– *А там... Донской монастырь, розовый... А вон Казанская наша... а то – Данилов... Симонов... Сухарева башня... Подходит Горкин, и начинают оба показывать друг дружке. А Крынкин гудит над ними. Я сую между ними голову, смотрю на Москву и слушаю* [Шмелев 2003 : 447].

С целью исторической стилизации автор использует устаревшую лексику. В повести «Лето Господне» используется 97 историзмов: *казакин*– «полукафтан на крючках со стоячим воротником и со сборками сзади»; *извозчик*– «кучер наёмного экипажа, повозки»; *армяк*–«кафтан из толстого сукна»; *приказчик*– «управляющий делами»; *десятник*– «старший над группой рабочих»; *поддевка* –«полукафтан или безрукавный кафтанчик, одеваемый под верхний кафтан»; *шкалик*–«мера водки, равная 1/200 ведра (50 г)»; *император*– «титул некоторых монархов»; *посад*–«пригород, предместье»; *фунт*–«старая русская мера веса, равная 409,5 г»; *верста*–«старая русская мера длины, равная 1,06 км». Например*: А за ним Василь Василии наш, в новом казакине, и холстиной чистой обвязан, рушником мытым, – будто икону принимать-нести* [Шмелев 2003 : 370];*Публику чуть не убили на катанье?! А где был болван приказчик! Мешок с выручкой потерял... на триста целковых! Спасибо, старик извозчик, Бога еще помнит, привез...* [Шмелев 2003 : 139*];– С нашей-то Волги версты до-лги! Я сам из-под Кинешмы* [Шмелев 2003 : 214]. В повести И.С.Шмелева историзмы

воссоздают обстановку Москвы 1880-х годов, язык эпохи и используются как нейтральные слова, обозначающие соответствующие реалии.

К собственно историзмам относятся 82 лексемы: *черное масло*–«из семян черной горчицы»; *квартальный*–«полицейский чиновник, в ведении которого находился определенный квартал города»; *дилижанс*– «многоместная карета для перевозки пассажиров, почты и багажа»; *писарь*–«должностное лицо, занимающееся перепиской и составлением канцелярских бумаг»; *обер-полицмейстер*–«в царской России начальник полиции крупного города»; *князь*–«наследственный титул потомков предводителей войска и правителей области в феодальной Руси или лиц, получавших этот титул при царизме в награду». Например: *С санных полков спускают пузатые бочки с подсолнечным и черным маслом, хлюпают-бултыхают жестянки-маслососы, – пошла работа!* [Шмелев 2003 : 146]; – *Я через квартального, правда... ошибся... ради хозяйского антиресу* [Шмелев 2003 : 140]. *Ну скатили дилижан, кричат – жеще! Восьмеро сели*. [Шмелев 2003 : 140]; *Как показали все планы обер-палъциместеру... утвердите чудеса, все из леду!.. Говорит: «Обязательно утверждю... не видано никогда... самому князю Долгорукову доложу про ваши чу... чудеса!..Всю Москву удивите, а-хнут!..»* [Шмелев 2003 : 359].

15 историзмов являются семантическими: *мера*– «старая русская единица ёмкости сыпучих тел, а также сосуд для измерения их (мера овса)»; *водолей*–«работник, наливающий и отливающий воду»; *старшина*–«в России до 1917 г: выборное лицо, руководящее делами какой-нибудь сословной организации»; *четверть*– 1. «старая русская мера, первоначально равная четвёртой части какой-нибудь единицы измерения (четвертина вина, или косушка – 1/4 часть ведра)», 2. «обиходная мера длины, равная расстоянию между кончиками большого и среднего пальцев широко раздвинутой кисти (1/4 часть аршина)»; *коляска* – «рессорный четырёхколёсный экипаж с откидным верхом»; *грош*– «старинная медная монета в две копейки, позднее полкопейки». Например: «*Что больно несговорчив, боготеешь?*» Горкин прикидывает в горсти, кидает в рот. "Ссыпай три меры". [Шмелев 2003 :160]; *Эй, Мураша... давай-ко ты нам с ним горячих вязочку... с пылу, с жару, на грош пару!* [Шмелев 2003 : 151]. *Гаврила недоволен: на гулянье в колясках ездят, а то в ланде, а с пролеткой квартальные в самый конец отгонят, где только сбродные.* [Шмелев 2003 : 393].

Среди используемых в тексте историзмов можно выделить следующие тематические группы:

1. К административная лексике относятся названия должностей: генерал-*губернатор*–«в России в 1703 – 1917 гг. высшее должностное лицо губернской администрации, обладающее гражданской и военной властью»; *урядник*–«в царской России нижний чин уездной полиции»; *будочник*–«в дореволюционной

России постовой полицейский, дежурящий в будке». Например: *Уходи и уходи, без розговору, до бутошника... – поокивает он строго. – К скудентам своим ступай, бунтуй, они те курятиной кормить будут* [Шмелев 2003 : 191];*Таки капризные. Бумагу подавали самому генерал-губернатору князю Долгорукову... воспретить гонять по Москве коров* [Шмелев 2003 : 408].

2. К предметно-бытовой лексике относятся

а) названия одежды: *сермяга*–«кафтан из крестьянского, грубого сукна»; *поярка*– «шляпа, сотканная или сваленная из шерсти овцы по первой стрижке»; *азям*– «верхний кафтан халатного покроя, без оборок из домотканины»; *тальма* – «женская накидка без рукавов»; *башлык*– «суконный тёплый головной убор, остроугольный колпак с длинными концами, надеваемый поверх шапки»; *кафтан*–«мужская долгополая верхняя одежда»; *салоп* – «верхняя женская одежда, большею частью теплая, род круглого плаща»; *чуйка* – «долгополая мужская одежда, первоначально свободного покроя, позднее – сходная с кафтаном». Например: *Бурые мужики уж в полушубках, скинув ушастые азямы, швыряют в санки: видно, как падает, только не слышно стука* [Шмелев 2003 : 269]; *Все праздничные, в новеньких синих чуйках, в начищенных сапогах, головы умаслены до блеска* [Шмелев 2003 : 316]; *Под Егорьев день к нам во двор зашел парень, в лаптях, в белой вышитой рубахе, в синих портах, в кафтане внакидку и в поярковой шляпе с петушьим перышком* [Шмелев 2003 : 405];

б) названия тканей: *глазет*– «парчовая ткань, обычно неузорчатая»; *плис*– «хлопчатобумажный бархат, на льняной основе»; *кубовый*–«покрашенный синей растительной краской из растения куб, индиго»; *пикейное*–«из хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения с узором в виде рубчиков»; *прюнелевый*–«из легкой плотной ткани, используемой для изготовления верха обуви, обивки мебели»; *виссоны* – «тонкая и мягкая льняная ткань»; *камчатная*–«из узорчатой ткани, камчатной, льняной, идущей на столовое белье, полотенца»; *чесучовый*–«из плотной шелковой ткани желтовато-песочного цвета»; *коленкор*–«сильно накрахмаленная или пропитанная специальным составом хлопчатобумажная ткань»; *муар*–«плотная шёлковая ткань с волнообразными цветовыми переливами». Например: *Сегодня она в лиловом платье и в белой шали, муаровой, очень парадная* [Шмелев 2003 : 345];*Я не люблю ее: всегда посередке гроб и румяненький старичок Базыкин обивает его серебряным глазетом или лиловым плисом с белой крахмальной выпушкой из синевато-белого коленкора, шуршащего, как стружки* [Шмелев 2003 : 146];

в) названия блюд: *сбитень* – «горячий напиток из мёда с пряностями»; *калья*– «род борща, похлебка на огуречном рассоле с огурцами, свеклой, мясом – или рыбой и икрой»; *жавороночки* – «постные булочки, в которых полоски теста завязываются в узел в форме птичек и вминаются две изюминки для глаз,

их пекли ко дню 40 мучеников»; *крокетка* – «поджаренный, подрумяненный колобок»; *тельное*–«блюдо из обжаренного рыбного филе»; *ботвинья* – «холодное кушанье из кваса с отварной свекольной ботвой, луком и рыбой». Например: *– А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»...* [Шмелев 2003 : 139]; *И всякие колбасы, и сыры разные, и паюсная и зернистая икра, сардины, кильки, копченые рыбы всякие – и семга красная и хрящи разварные головизны* [Шмелев 2003 : 316];*...крокеточки рыбные с икрой зернистой, уху налимью, три кулебяки «на четыре угла»– и со свежими белыми грибами, и с вязигой в икре судачьей, – и из лососи «тельное»* [Шмелев, 2003, 323];

г) названия средств передвижения: *пролетка*– «легкий рессорный четырехколесный экипаж: с откидным верхом»; *полок*–«длинная повозка с продольным брусом, соединяющим заднюю ось с передней, с широким плоским кузовом для возки мяса»; *дровни*–«сани без короба или кузова, для возки дров леса или тяжестей»; *шарабан*–«легкий, обычно двухколесный экипаж»; *ландо* – «четырехместная раскидная коляска, образующая при подъеме верха карету»; *кабриолет*–«легкий двухколесный экипаж: без козел»; *дроги*–«удлинённая повозка без кузова с длинной дрогой (или дрогами)». Например:*А вот уж и первая пролетка. Бережливо пошатываясь на ледяной канавке, сияя лаком, съезжает она на мостовую* [Шмелев 2003 : 174]; *В каретном сарае Гаврила готовит парадную пролетку – для «вербного катанья», к завтрему, на Красной площади, где шумит уже вербный торг, который зовется – «Верба»* [Шмелев 2003 : 392];*– Набаловался у богачей, «у князя в кибриолетах ездил»* [Шмелев 2003 : 393];*Смотрю я к рынку, не едет ли шестерня, голубая карета, – Царица Небесная. А на улице – пусто-пусто, ну – ни души*. [Шмелев 2003 : 371].

К социальной лексике относятся:

а) названия профессий: *цирюльник*–«парикмахер, владеющий также элементарными приёмами врачевания»; *портомойщик* –«работник на портомойне (портомойня –«место на реке, приспособленное для полоскания белья»)»; *филенщик*–«столяр по тонкой работе»; *половой*– «трактирный слуга»; *выносной форейтор*– «слуга, сидящий верхом на передней лошади в упряжке цугом»; *щепник*–«тот, кто делает или торгует щепным товаром, деревянной резной, токарной работы (посуда, складни, игрушки)»; *кучер*–«слуга, работник, который правит лошадьми в экипаже». Например: *Сажай его«под шары», Бочкин! Будут ему шары... – кричат половые вслед* [Шмелев 2003 : 146]; *Не годится он в богатые кучера, ус не растет.* [Шмелев 2003 : 394]; *– Посинел-посинел, пока цирульника привели, пиявки ставить, а уж он готов. Теперь уж там...* [Шмелев 2003 : 147]; *Старый наш плотник-филенщик Горкин*. [Шмелев 2003 : 136];

б) названия социальных сословий: *барин*–«человек из привилегированных классов в дореволюционной России»; *помещик*– «землевладелец, относящийся к привилегированному сословию». Например: – *Доложите самому, что приехал с визитом... барин Эн-та-льцев! – вскрикивает он важно с хрипом. – И желает им прочитать собственноручный стих Рождества! Собственноручно, стих... ввот! – хлопает он письмом* [Шмелев 2003, 228].

В метрологической лексике выделяются тематические подгруппы:

а) названия денег: *гривенник* – «монета или сумма в 10 копеек»; *пятиалтынный*–«монета или сумма в 15 копеек»; *двугривенный* – «монета или сумма в 20 копеек»; *четвертной, четвертной билет* – «ценностью в двадцать пять рублей»; *целковый* – «то же, что рубль»; *красная* – «10 рублей»; *четвертак* – «двадцать пять копеек»; *семитка* – «монета в две копейки». Например: *Дали гривенник звонарю, язык чтобы раскачал. Он раскачал, но только, говорит, лучше не вдарять, а то сотрясение будет такое, ежели без сноровки – ухи лопнут!* [Шмелев 2003 : 401]; *Василь Василичу четвертной билет выдал для говенья... мне тоже четвертной, ни за что... десятникам по пятишне, а робятам по полтиннику, за снег* [Шмелев 2003 : 143]; *Красную ему за глаза... пожару не наделаем! – весело говорит Василь Василич. – Запущать – так уж запущать-с!* [Шмелев 2003 : 175];

в) названия мер: *аршин* – «старая русская мера длины, равная 0,71 м»; *пятерик* – «весом в 5 фунтов, то есть 2 кг»; *вершок* – «старая русская мера длины, равная 4,4 см»; *фунт* – «старая русская мера веса, равная 409,5 г»; *пуд* – «старая русская мера веса, равная 16,38 кг»; *четверка* – «вес в четверть фунта (409, 5 г), то есть 102,4г». Например: – *Поздравь Горку нашу, – говорит отец, – дали ему медаль в три пуда* [Шмелев 2003 : 168]; *Горкин говорит – давно торгу такого не видал, боле тыщи подвод нагнали, – слыхано ли когда! «черняк»– восемь копеек фунт!* [Шмелев 2003 : 352]; *Полупудовые ковриги дымящегося хлеба лежат горой* [Шмелев 2003 : 142]; *Воды на Москва-реке на два аршина прибыло, вот-вот ледоход пойдет* [Шмелев 2003 : 163].

В повести «Лето Господне» используется 25 архаизмов: *лампион* – «бумажный или стеклянный фонарь для иллюминации, освещения»; *кладочка* – «сундучок, ящичек, ларец, шкатулка»; *мурин*–«арап, негр, чернокожий»; *отрок* – «мальчик-подросток». Например: *Я подрос, теперь уж не младенец, а отроча* [Шмелев 2003 : 396]; *Заговины – как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по-духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать – душа радуется посту! – а мамону, по слабости, потешить* [Шмелев 2003 : 342].

Среди архаизмов выделяется 13 собственно лексических архаизмов: *лафитник*– «стопка или большая рюмка удлиненной формы», *ростовский ку-*

барь –«юла, волчок», *антонов огонь*–«гангрена», *погост*–«кладбище», *выпушка*–«обшивка, оторочка, кант», *вкушать*–«есть», *пещи*–«беспокоиться, заботиться», *казистый*–«видный», *захлестаны*–«занесены», *благолепие*–«величественная красота». Например: *Утро, окна захлестаны, в комнате снежный свет... – вот и пришла зима. Я бегу босой по ледяному полу, влезаю на окошко... – снегу-то, снегу сколько!...* [Шмелев 2003 : 334]; *– Наблюдных-то?., показистей тебе надо... – задумывается Крапивкин. – Хозяину потрафить надо?.. Боровок крепонек еще, поповка не красовита...* [Шмелев 2003 : 214]; *Так и поступай, с папашеньки пример бери... не обижай никогда людей. А особливо когда о душе надо... пещи* [Шмелев 2003 : 143]; *К Троице бы вот сходить надо... Там уж круглый те год моление, благолепие... а чистота какая!.. И каки соборы, и цветы всякие, и ворота все в образах... а уж колокола-а звонят... поют и поют прямо!..* [Шмелев 2003 : 199].

Три использованных в повести архаизма являются лексико-фонетическими: *осьмнадцать*– восемнадцать, *семой*– седьмой, *осемъ* – восемь. Например: *Идет льдинка, а главного не видать, можайского, но только понос большой. В прибыли шибко, за ночь вершков осьмнадцать. А так весело, ничего. Теперь не беспокойтесь, уж доглядим* [Шмелев 2003 : 167]; *Во, пост-то!.. - весело кричит Мураша, – пошла бараночка, семой возок гоню!* [Шмелев 2003 : 161].

В повести «Лето Господне четыре архаизма являются лексико-словообразовательными: *сказ*– рассказ, *блюсти*– соблюдать, *болящий*–больной, *позабывать*– забывать. Например: *Вижу я нашего плотника Захара, птичника Солодовкина, мясника Лощенова, Митриева – трактирщика, который блюдет, и многих, кого я знаю* [Шмелев 2003 : 148*];– Пока болящий в себе еще* [Шмелев 2003 : 434].

Писатель, работая в жанре, связанном с описанием прошлого страны и народа, не мог обойтись без архаизмов, но период между временем написания и временем действия повести составляет только 50 лет, поэтому явление архаизации отражено не очень четко, это объясняет небольшое количество архаических единиц в тексте. Употребление архаизмов преимущественно связано с цитированием и пересказом житий святых, а также с созданием языковых портретов героев.

В целом количество устаревшей лексики в повести очень велико. И.С. Шмелев использует историзмы и архаизмы с двумя основными целями: для воссоздания исторического колорита описываемой эпохи и для правдоподобной речевой характеристики действующих лиц. В «Лете Господнем» автор показывает нетленную сущность России, воссоздает облик уничтоженных Святынь, а не только бытовую, подробную, этнографическую оболочку.

Список использованной литературы

Шмелев И.С. Лето Господне / И.С. Шмелёв // Антология русской литературы: от Нестора до Булгакова [Электронный ресурс]. – 3 эл. опт диска (CD-ROM). Диск 3. – М.: Директмедиа, 2002. - С. 80005-80717.

Выдрина Н.А. «Огромность маленькой вселенной» И.С.Шмелева / Н.А. Выдрина // Литература в школе. – 2003. – №2. – С. 34–36.

Граблина Н. Целостный анализ романа И.С.Шмелева «Лето Господне» / Н. Граблина // Литература: приложение «Первое сентября». – 2006. – №3. – С. 20–23.

Дунаев М.М. Творчество И.С. Шмелева (1873– 1950) / М.М. Дунаев // Православие и русская литература. Ч.5. – М., 1999.

Ефимова Е.С. Священное, древнее, вечное...: Мифологический мир «Лета Господня» / Е.С. Ефимова // Литература в школе. – 1992. – №3/4. – С. 36-41.

Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции / И.А. Ильина; сост., предисл. и примеч. В.И.Белов. – М.: Искусство – 1993.– С.348. (История эстетики в памятниках и документах).

Колокольцев Е.Н. Праздники и радости И.С.Шмелева и Б.М.Кустодиева / Е.Н. Колокольцев // Уроки литературы. – 2003. – №8. – С. 9–14.

Морозов Н.Г. Традиции святоотеческой духовности в повести И.С. Шмелева «Лето Господне»/ Н.Г. Морозов // Литература в школе. – 2000. – №3. – С. 26–32.

Руднева Е.Г. «Магия словесного разнообразия» (о стилистике И.С.Шмелева) / Е.Г. Руднева // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 60– 66.

Сорокина О.Н. Московиана: Жизнь и творчество И.Шмелева / О.Н. Сорокина. – М.: Московский рабочий: Скифы, 1994 – 390 с.

Торопчина Л. «Любовь к родному пепелищу» в повествовании И.С.Шмелева «Лето Господне» / Л. Торопчина// Литература: приложение «Первое сентября». – 2004. – № 44.–С. 2–5.

Черева Е.А. Сюжетная организация романной прозы И.С.Шмелева: Пути преобразования хаоса / Е.А. Черева // Культура провинции: материалы международной научно-практической конференции (Курган, 22-24 апреля 2005г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та,2005.–С. 112–114.

Обуховская Л. Иван Шмелев и духовная культура православия[Электронный ресурс]/ Л. Обуховская. – Режим доступа: http://www.aha.ru. Дата обращения: 21.10.2011.

Сухинина Н.Е. Будни и праздники Господнего Лета [Электронный ресурс] / Н.Е. Сухинина. Режим доступа: http://www.rusk.ru. Дата обращения: 21.10.2011.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИРИЧЕСКОГО ЭССЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «ЛИЛИТ»

О.А.Кувшинникова*

В современном языкознании, характеризующемся качественным «сдвигом» методологической основы (об этом см. в [Ворожбитова 2005 : 13; Степанов 2005: 18-55]), наблюдается переход к новому уровню анализа языковых единиц, предполагающему отказ от «атомарного» их рассмотрения и переключение на аспект функционирования в условиях дискурсивной (текстовой) деятельности. В связи с этим появляется основание говорить об актуализации текстоцентрической направленности лингвистической мысли.

Важным объектом исследования в филологии становится семантическое пространство текста; языковой знак в структуре текста рассматривается как часть единой кодовой системы, носитель культурологических смыслов.

Произведения постмодернизма – особое явление в русской и западной литературе, известное своеобразной эстетической заданностью, которая обусловлена попыткой соединения принципов авангардизма с идеей преломления опыта мировой художественной культуры. Соответственно, в русле постмодернистской концепции содержание текста признаётся ситуативной величиной, связанной с параметрами интерпретации. По словам Р.Барта, текст – «это пространство, где свободно вспыхивают языковые огни, мерцающие зарницы, то тут, то там взметающиеся всполохи, рассеянные по тексту, словно семена» (цитируется по: [Можейко 2001: 538]).

Средствами выражения антропологического пространства текста выступают следующие единицы: антропонимическая система, организация «субъектной парадигмы» (одним из возможных путей описания которой становится анализ «субъектных компонентов речи» [Рябцева 2004: 451]), фрагменты интертекстуальности и отдельные другие элементы, обеспечивающие отражение «вертикального контекста» («затекстовой» действительности), несущего авторскую отмеченность.

«Лилит» Татьяны Толстой – произведение, проникнутое лирическим пафосом, с подчёркнуто субъективной авторской позицией, по форме приближающееся к художественному монологу. Отличительной манерой авторского письма является символизация; установка на символистический принцип отра-

* **Кувшинникова Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Восточно-Казахского государственного университета им. С. Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

жения действительности заявлена уже в названии: антропоним «Лилит» соотносит произведение с контекстом древнейшей мифологии.

Антропологическое пространство художественного текста характеризуется нелинейной организацией и потенциальной бесконечностью. В рассматриваемом произведении антропологические смыслы условно группируются вокруг двух «антропоцентров»: автор и его субъектная сфера, система персонажей; можно выделить также ассоциативные антропологические смыслы, привносимые элементами интертекста.

Рассмотрим отдельные особенности языковой репрезентации антропологического пространства.

Главным средством маркировки антропологической сферы персонажа выступает система антропонимов. Антропонимика текста образует замкнутый символический ряд: Лилит – доктор Жук – Сонька-комиссарша.

Номинатив «Лилит» выступает одним из детерминантов образной структуры текста (необходимо заметить, что это имя упоминается единожды, причем оно вынесено в название – сильную позицию текста – и тем самым ярко акцентировано): образ-символ первой Женщины призван актуализировать философию «женского начала», которая составляет семантическую основу произведения. «Первообраз» Лилит (сравните, у В.Набокова – «Лолита») – своеобразный ассоциативный стержень, на который «нанизываются» остальные многочисленные образы: *«женщина начала века», «Сонька-комиссарша», «монмартрский вампирчик, сирена петроградских трактиров», «обычная гражданка», «сумасшедшая старуха»* и др. (здесь и далее авторский текст цитируется по изданию: [Толстая 2004: 284-291]).

Доктор Жук – своего рода «сквозной» персонаж, обращающий на себя внимание прежде всего выразительностью имени (которое можно рассматривать как омонимичное нарицательному существительному), – в произведении доктор Жук выступает воплощением идеи практицизма, «приземлённого» («телесного», «физиологического») начала. Важное значение приобретает соединение антропонима с номинативом «доктор», несущим функцию уточнения, причём данная модель позволяет автору варьировать номинативы, выполняющие функцию уточнения: *«доктор Жук», «гражданин Жук»*, а также опускать их в целях речевой экспрессии: *«Пых! – синий дымок, и нет Жука (…)*».

Номинатив «*Сонька-комиссарша*» построен по формуле «имя собственное + приложение»; разговорно-бытовой оттенок сообщается лексеме благодаря суффиксации (оба существительных являются производными, образованными соответственно с помощью стилистически маркированных суффиксов **-к(а)** и **-ш(а)**; подобные наименования лиц распространены в малых жанрах фольклора и «бытовых» высказываниях устной речи: *«Анка-пулемётчица», «Светка-*

буфетчица» и под.) Можно полагать, что *Сонька-комиссарша* – образ, носящий собирательный характер: на это указывают средства контекста, прежде всего – неопределенное местоимение «какая-нибудь» в семантической структуре антропонима.

Центр персонажной структуры текста составляет образ женщины, построенный в соответствии с особым принципом персонификации: автор приёмом «художественного наброска» намечает единый портрет, складывающийся из множественных деталей, причем этот «портрет» убедительно показывает, что образ (тип) женщины объективно детерминируется исторической эпохой, социальными факторами. Женский портрет в художественной структуре произведения последовательно принимает следующие ипостаси: *«женщина начала века», «Сонька-комиссарша, эскадронная шкура», «женщина-мальчик» – «монмартрский вампирчик, сирена петроградских трактиров, призрак с пустыми глазами», «обычная гражданка», «сумасшедшая старуха»*. Богатая палитра оценочных языковых единиц (в форме приложений, метафорических дескрипций) – отличительная черта стилевой манеры автора «Лилит».

Фрагменты художественной картины мира, реконструирующие образ «женщины начала века», строятся на метафоре воды, которая приобретает глобальное философское содержание (вода – стихия, из которой происходит сама жизнь). Развёрнутая метафора морской воды используется при описании внешнего облика «женщины начала века», её психического склада *(«…рассеянно слушают, как колышется внутри них их собственное, внутреннее море»*). В способе изображения «женщины начала века» находим ряд художественных деталей, которые могут быть рассмотрены как реминисценции, воскрешающие в памяти читателя фрагменты сказки Г.Х.Андерсена «Русалочка» (цветовая символика, отдельные черты художественного портрета героинь, элементы географического пространства; сюжетный мотив о смерти как превращении в морскую пену).

В лирико-философском представлении «эволюции» женского облика символистическую роль приобретают отдельные предметы гардероба, в частности, внимание автора останавливается на образе шляпы. Именно шляпа «венчает» женщину и является завершением классического – в понимании автора - женского облика. Последовательно перед читателем проходит «галерея шляп». Шляпе «женщины начала века» отводится роль своеобразного «симулякра», шляпа – олицетворение жизненной энергии, ею, по сути, исчерпывается способность контакта «женщины начала века» с реальным миром: «*на что им мир, он уже пойман, уловлен, водружен на голову! Женщина начала века несет весь мир на голове…*» Описание головных уборов «женщины начала века» посредством «открытой» цепочки метафор (в качестве базовых компонентов в процес-

се метафоризации выступают фаунонимы, имена артефактов, натурфактов, отдельных представителей библейской картины мира) – воскрешает ныне почти забытое представление о магической функции шляпы: «*каждая* (– шляпа. – О.К.) *как клумба, как сад, как взбегающий на гору город. Легкие, пышные цветники; трехъярусные колеса; взбитый белок; (...)черные муссы, сиреневые водопады, палаццо, колоннады, гаремы, терема, башни и облака(...)*». Образ головного убора в «Лилит» получает не только традиционное – эстетическое, но и аксиологическое, а также социальное осмысление; шляпа – своего рода атрибут эпохи, символ «исторического статуса» женщины. Сравним компоненты номинативного ряда, которые использует автор для обозначения головных уборов: *«шляпа» – «фуражка» – «шляпка-грибок», «шляпа-каска», «пустой перевёрнутый походный котелок» – «берет» – «шляпка-менингитка», «маленькое блюдечко, лилипутское напоминание о былом величии» – «таблетка с дымкой вуали» – «нашлёпка-ермолка» – «полуовальный берет с бантом» – «широкополая соломенная пагода»* и др. В этом ряду особое место занимает характеристика головного убора «сумасшедшей старухи», в котором отдалённо узнаваемы черты шляпы начала века. Использование неопределённого местоимения-существительного «нечто» (с предельно широким дейктическим значением) позволяет автору выстроить ассоциативный образный ряд и через него описать соответствующий предмет гардероба: «*На голове у нее было нечто вроде сиденья от плетеного стула, нечто, похожее на модель первого самолета(...)*».

Символика мира вещей в «Лилит» отличается чрезвычайной ёмкостью, глубиной и может быть рассмотрена как относительно автономная семиотическая сфера. Если в границах антропологического пространства необходимой знаковой частью женского начала становится шляпка, то в качестве эквивалентного по значимости средства маркировки мужского начала (которое представлено в образе доктора Жука) следует, вероятно, считать такую деталь вещного мира, как очки: «*Пых! – синий дымок, и нет Жука, а золотые его очочки, наверно, с гоготом будут надевать на реквизированную кобылу*».

Антропосфера автора в произведении моделируется в соответствии с двумя линиями субъектности: автор-повествователь и автор – участник описываемых событий.

Автор-повествователь – основное организующее звено текстовой парадигмы; присутствие автора обнаруживают элементы модусных рамок высказываний (для начальной части текста эстетическими доминантами становятся модус восприятия, модус оценки и модус знания).

Модус восприятия передаёт зрительные впечатления, многочисленные вкрапления которых находим в тексте (они вербализуются в высказываниях репродуктивного типа посредством предикатов: «мир цветет», описательных ха-

рактеристик: «*рассеянно смотрят синими и зелеными глазами в зеленый и синий, бегучий и пляшущий на ветру внешний простор*»). Модус оценки наиболее ярко представлен в интерпретационных высказываниях характеристического типа («*Они сидят, они лежат, бескостные, струящиеся, охотно слабые, – чудное розовое, непропеченное тесто с цукатами родинок…*»). Модус знания передаётся высказываниями, тяготеющими к генеритивному речевому регистру *(«…на что им мир, он уже пойман, уловлен, водружен на голову! Женщина начала века несет весь мир на голове, – весь мир мечты на проволочном каркасе, обмотанном муслином…*») Во многих высказываниях находим примеры совмещенных типов модусных рамок.

В заключительных фрагментах автор-повествователь репрезентирует собственное «я» в канве художественной речи и таким образом становится эксплицитной фигурой коммуникации: «*Когда я вскарабкивалась в троллейбус, уже нарочно, для издевательства чуть набиравший ход, – ведь интересно посмотреть, не упаду ли я, а остановить он всегда успеет, – когда, хватаясь за горячий поручень, привычно униженная, с тяжелыми авоськами, я втягивалась и вваливалась внутрь, радуясь, что не до конца прищемлена в дверях, когда озиралась, запыхавшись, – сколько человек были свидетелями моего унижения? – меня встречал ее невидящий, благосклонный взгляд*». Эпизод, описывающий встречу автора с «сумасшедшей старухой», обеспечивает эффект пространственно-временного приближения собирательного образа женщины к читателю. Данный фрагмент текста маркирован комплексом средств речевой саморепрезентации субъекта: конструкции от 1-го лица, экспрессивные средства разговорной речи, стилистически окрашенные номинативы, синтаксическое построение текста по образцу разговорной речи и др.

Точка зрения (позиция) автора может быть охарактеризована через анализ используемых им средств языковой экспрессии, способов замещения «сильных» позиций текста, композиционных особенностей произведения.

Отличительной чертой эстетики постмодернизма является приём цитирования. Посредством цитат происходит насыщение произведения компонентами мирового культурологического опыта, «вселение» в семантическое пространство данного текста фрагментов «чужих» семантических пространств. В финале «Лилит» голос автора получает сопровождение другими «голосами» – в результате речевая ткань произведения преобразуется в «семиотический ансамбль».

Литература

Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

Можейко М.А. Означивание / М.А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – С.537– 538.

Рябцева Н.К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) / Н.К. Рябцева // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв.ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.451– 458.
Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
Толстая Т.Н. Лилит Т.Н. Толстая // Река Оккервиль. Сборник рассказов. – М.: Издательский Дом «Подкова», 2004. – С. 284– 291.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВРЕМЕННЫЕ ОТРЕЗКИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В.НАБОКОВА

М.М. Мораш*

Основными компонентами языкового значения слова являются денотативное и сигнификативное. Они отражают связь языка с действительностью и мышлением. Вместе с тем слово не существует само по себе, иначе в нем бы не было смысла как такового, оно вступает в отношения с другими словами, что, безусловно, определенным образом сказывается на характере его значения. Связь слова с другими словами реализуется в системном значении, или значимости, а коннотативное значение связано с употреблением слова, т.е. с отношением между человеком и предметом, которое выражается с помощью соответствующих языковых средств [Левицкий 2008: 75]. В современной лингвистической науке создаются предпосылки узаконивания особого раздела словопреобразования, который помог бы осмыслить специфику отношений между словами в художественном тексте, раскрыть механизм перевода слова к художественному образу, от образа к слову. Так, в языковой картине мира В. Набокова слова временной семантики обладают достаточно широкой сферой сочетаемости с другими словами. Нами выделены следующие группы этих сочетаний на основе предикативных связей (согласно классификации Ю.А. Мамоновой (2006)):

1. Процессуальный элемент семантики слов, обозначающих временные отрезки, стимулирует их контактирование:

1) с глаголами лексико-семантической группы бытийности в ее фазисном воплощении (*быть, идти, начинаться, наступать, пройти, миновать, уходить*): *Бывают такие мгновения, когда все становится чудовищным, бездонно-глубоким, когда кажется так страшно жить и еще страшнее умереть* («Машенька»); *А потом пошли чудеснейшие, грустные морские дни* («Машень-

* **Мораш Марина Михайловна** – кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Татарского государственного гуманитарного университета (г. Казань).

ка»); *Только в апреле, на пасхальных каникулах, наступил для Лужина тот неизбежный день, когда весь мир потух* («Защита Лужина») и др;

2) с глаголами лексико-семантической группы движения/остановки движения (*пролетать, протекать, пронестись, продолжать жить, продолжать течь, дремать, умереть*). Сочетаемость имен-названий отрезков времени с подобными глаголами, во-первых, способна передать в романах В. Набокова разный характер динамики протекания временных явлений, во-вторых, основана на образно-ассоциативных связях и метафорическом переносе, в-третьих, вербализует одно из главных свойств времени в тектах изучаемого писателя – персонификацию времени: *‹…› когда Родион ушел и время потянулось дальше обычной своей трусцой, он понял, что его снова обманули, ‹…›* («Приглашение на казнь»); *Время, ровно жужжа, продолжало течь* («Приглашение на казнь»); *Сладко дремало время; ‹…› время продолжало жить* («Приглашение на казнь»); *Мгновение накренилось и пронеслось* («Приглашение на казнь»); *‹…›, время умерло, ‹…›* («Защита Лужина») и др.

2. Выявлены сочетания, в которых имена-названия временных отрезков выступают в объектной позиции, а глаголы речи-мысли отнесены к субъекту (*вспомнить, представить, забыть*): *‹…› он с обморочным восторгом вспомнил эти часы чтения на веранде, ‹…›* («Защита Лужина»); *‹…› было так смутно и так спутано, что потом, вспоминая то время, Лужин не мог точно сказать, когда, например, была вечеринка в школе, ‹…›* («Защита Лужина»); *А сколько раз уже он клялся себе, что завтра же с нею порвет, придумывал без труда нужные выражения, но никак не мог себе представить вот ту последнюю минуту, когда пожмет ей руку и спокойно выйдет из комнаты* («Машенька»); *Было что-то унизительное во всем этом: Лужин, вспоминая то время, с удивлением отмечал, что между ним и Валентиновым не прошло ни одного доброго человеческого слова* («Защита Лужина») и др.

3. Время имеет способность/неспособность что-то менять в жизненной судьбе человека: *Ганин чувствовал, что ни эта неделя, ни следующая не изменяет ничего* («Машенька»);

4. Распространены сочетания субстантивов, обозначающих временные отрезки, с глаголами, которые имеют значение некоторого промежутка из временного континуума (*остаться, находить, выигрывать, улучить*). «Время, его промежутки как бы существуют где-то независимо от нас, но, приложив некоторые усилия, мы можем их заполучить» [Мамонова 2006: 98]. Например: *«Но и Турати ничего не мог дальше сделать и, выигрывая время, – ибо время в шахматной вселенной беспощадно, – ‹…›»* («Защита Лужина»); *Отец поддержал его за локоть, и Лужин-младший, улучив мгновение, вернулся в переднюю, ‹…›»* («Защита Лужина»). Можно отнести в одну группу сочетания с глаголами те-

рять, просрочить, пропустить, опустеть, пустовать: *Затем шла ‹…› долгая шахматная пора, о которой и доктор и невеста говорили, что это были потерянные годы, ‹…›, – потерянные, потерянные годы* («Защита Лужина»); *День Ганина еще более опустел в житейском смысле после его разрыва с Людмилой, ‹…›* («Машенька»); *‹…› решающую партию проиграл оттого, что просрочил время, ‹…›* («Защита Лужина») и др. В данном контексте предстают образные представления о времени как об объекте принадлежности, который можно найти или потерять: *Все же, несмотря на совместные прогулки, ее дочь и Лужин находили время уединяться, ‹…›* («Защита Лужина»); *‹…› Валентинов, чтобы не терять времени, заговорил с Лужиным, ‹…›* («Машенька»). Целесообразное расходование времени отражается в контексте «использовать время». Любопытным является то, что подобных примеров в романах В.Набокова не встретилось. В большинстве своем сочетания фиксируют нецелесообразное расходование времени. Поскольку время предстает как промежуток длительности, в ряде случаев напрямую связанный с происходящими в нем событиями, время, потраченное впустую, получает негативную характеристику: *‹…›, долгая шахматная пора, ‹…›, ‹…› это были потерянные годы, темная пора духовной слепоты, опасное заблуждение, – потерянные, потерянные годы* («Защита Лужина»).

5. В сочетаниях могут использоваться глаголы конкретного физического действия и воздействия: *На этих снимках Машенька была совсем такой, какой он ее помнил, и теперь страшно было подумать, что его прошлое лежит в чужом столе* («Машенька»); *Тогда он решил удвоить бдительность, следить за каждой секундой жизни, ибо всюду мог быть подвох* («Защита Лужина»); *И снова день открылся гулом голосов* («Приглашение на казнь»); *Ему показалось, что ночь застыла навсегда, теперь уже не было ни единого звука, который бы отмечал ее прохождение, ‹…›* («Приглашение на казнь»).

6. Время – самостоятельная субстанция, не зависящая от воли человека и других влияний, поэтому его можно только ждать, ожидать, предвкушать, намечать, обещать, назначать, создавать, т.е. планировать его, управлять им: *Он дождался той минуты, когда по железному мосту медленно прокатил шедший с севера экспресс* («Машенька»); *‹…› поэт думал о том, какой это чудесный шахматист, и предвкушал время, когда с отдохнувшим, понравившимся Лужиным можно будет поговорить о шахматах, ‹…›* («Защита Лужина»); *Тут она наметила план этой недели – паспорта, дантист, покупки, прощальный прием и – в пятницу – поездка на кладбище* («Защита Лужина») и др. Вместе с тем сюда можно отнести глаголы, реализующие возможность человека двигаться во времени (*пятиться, направляться, попадать*): *Пятясь дальше в глубину прошлого, он помнил ночные вербные возвращение со свечечкой, метавшейся в руках, ‹…›* («Защита Лужина»); *‹…› направилась она в лужинское прошлое, ‹…›*

(«Защита Лужина») и др. Субъект желает владеть временем, однако осуществить желаемое физически невозможно*: ‹…› так как мантия предохраняла от озноба и хотелось как можно больше отдалить ту неизбежную минуту, когда тронут ему лоб, ‹…›* («Защита Лужина»); *И мысль, что повторение будет, вероятно, продолжаться, была так страшна, что ему хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру, застыть, и при этом он замечал, что продолжает существовать, что-то подготовляется, ползет, развивается, и он не властен прекратить движение* («Защита Лужина»); *‹…› и ему захотелось не спать вовсе, продлить как можно больше эту ночь, эту тихую темноту, остановить время на полночи* («Защита Лужина»);

7. В художественных произведениях В. Набокова время – субстанция, которая может познаваться органами чувств: *Он лежал навзничь, слушал свое прошлое* («Машенька»); *С неприятным чувством, что подглядывает сквозь замочную скважину судьбы, она на миг нагнулась и увидела будущее – десять, двадцать, тридцать лет, – все было то же самое, никакой перемены, все тот же хмурый, ‹…›, и молчание, и безнадежность* («Защита Лужина»). Объективное время не дано человеку в непосредственном наблюдении, т.е. оно «невидимо, неслышно, неосязаемо», «не имеет ни запаха, ни вкуса», «у человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени» [Арутюнова 1997]. Пример в художественном тексте В.Набокова демонстрирует утверждение Н.Д. Арутюновой: *Воспоминание так занимало его, что он не чувствовал времени* («Машенька») (герой теряет чувство времени, но, вероятно, оно у него есть).

Один из излюбленных стилистических приемов набоковской прозы – нарушение смысловой сочетаемости слов, которое придает такому абстрактному слову, как время, являющемуся предметом нашего исследования, новые и неожиданные оттенки значений, образность, экспрессивность.

Исследовав подобные сочетания временных лексем с глаголами, мы пришли к выводу, что отрезки времени не являются в виде безликого отрезка числовой оси той или иной длительности. Как правило, они связаны с событиями, заполняющими временные отрезки, поэтому приобретают ту или иную эмоциональную оценку (качественность, оценочность, образность). В художественной картине мира В. Набокова время складывается из двух основных лейтмотивов: утверждения непрерывности временного потока и необходимости/желании человека остановить движение времени. В связи с этим выявлены следующие признаки концептуального и перцептуального времени: линейность, гибкая динамичность (структуру категории темпоральности образуют разные комбинации динамичности – статичности), независимость от субъекта, субстанциональность, персонифицированность. Все качества времени имеют

общую особенность: изображают процесс временного движения в отрыве от субъекта (время – самостоятельная субстанция, не зависящая от воли человека). В то же время предстают образные представления о времени как об объекте принадлежности, который можно найти или потерять.

Время – это особая ценность, поэтому субъект должен использовать его каждое мгновение с пользой. В романах В. Набокова отражено нецелесообразное расходование времени, поэтому время, потраченное впустую, получает негативную характеристику. Олицетворяясь в художественном мире писателя, оно способно загубить того человека (Лужина), который нерационально пользуется подобной ценностью.

Особое использование стилистических приемов, тропов создает эффект словопреобразования (субстантивов, обозначающих временные отрезки) в художественном тексте В. Набокова.

Список использованной литературы

Левицкий Ю.А. Общее языкознание: учебное пособие / Ю.А. Левицкий. – 3-е изд., испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 266 с.

Мамонова Ю.А. Имя «время» и имя «cas» в аспекте контекста: (на материале русского и чешского языков): дис… канд. филол. Наук (10.02.19 – теория языка) / Ю.А. Мамонова. – Пермь, 2006. – 197 с.

СЕМАНТИКА И ВАЛЕНТНОСТЬ МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТРИЛОГИИ Е. ФЕДОРОВА «КАМЕННЫЙ ПОЯС»

В. Л. Николаева*

В современной лингвистике валентность определяется как «способность языковых единиц вступать в определенные связи с другими единицами (и их сочетаниями), предопределяя их количество, семантику и форму выражения» [Кибардина 1988:85].

Каждая фразеологическая единица имеет свою валентность, которая предопределяется семантическими и грамматическими свойствами самой фразеологической единицы, с одной стороны, и семантическими и грамматическими свойствами слов, с которыми она может сочетаться, – с другой. Семантику и валентность фразеологических единиц мы рассмотрим на примере фразеологизма «прибирать к рукам».

*__Николаева Валентина Леонидовна__ – учитель русского языка и литературы, заместитель директора МОУ СОШ № 10 г. Кыштыма Челябинской области.

Фразеологизм «прибирать/прибрать к рукам» имеет два значения:

1. подчинять/подчинить себе, заставлять/заставить повиноваться (в поступках, действиях и т. п.). *Между тем, по сообщению шпионов, этот «маленький смугляк» и «милый ребенок» быстро занял высокое положение флигель-адъютанта императрицы, не менее быстро вошел во вкус придворной жизни и стал* ***прибирать к рукам*** *стареющую государыню*.

2. присваивать/присвоить что-либо, самовольно завладевать/завладеть чем-либо. *Жадно* ***прибирали к рукам*** *рудные земли Демидовы*.

Многозначные процессуальные фразеологизмы своеобразно связаны с семантическими категориями. Данные единицы относятся внутри одной семантической категории отношения к разным субкатегориям: в 1-м значении – к субкатегории социальных отношений (группа процессуальных фразеологизмов со значением подчинения); во 2-м значении – к субкатегории владения (группа процессуальных фразеологизмов со значением присвоения).

По строению исследуемые фразеологические единицы – трехкомпонентная форма, выраженная простым подчинительным словосочетанием с синтаксической связью управления. Семантика фразеологизмов создается глагольным и именным компонентами, предлог является служебным компонентом, с помощью которого присоединяется падежная форма именного компонента. Центральную роль в создании исследуемых фразеологизмов играет глагольный компонент, выраженный производным глаголом «прибирать»; префикс **при-** имеет значение «направление действия к себе, совершение действия в своих интересах». Именной компонент представлен соматизмом, компонент – существительным **рука**. Компонент *рука* вносит во фразеологизм сему «одна из верхних конечностей человека, способная брать, давать, нести что-либо», что актуализирует семантику отношения, для которой характерна направленность на грамматический объект.

Фразеологические единицы семантической категории отношения являются объектными. Объектность – семантико-грамматическая категория, связанная со способностью процессуальной единицы обозначать действие, состояние, протяженное во времени свойство, направленное на объект (предмет или лицо) или проявляющееся по отношению к объекту [Казачук 2004:244].

Исследуемые фразеологизмы различаются по характеру объекта. Субъект в обеих фразеологических единицах – одушевленное существительное (лицо), тип объекта как члена процессуального отношения различается, прежде всего, в семантике языкового признака одушевленности и неодушевленности.

В контексте «*То самовольщики, беглые с Руси. Погоди, вот мы (Демидовы) их* ***приберем к рукам***» объект выражен личным местоимением, замещающим одушевленное существительное (самовольщики). В предложении же «*Де-*

довский потомок весь удался в деда: тянуло его строить, жадно ***прибирать к рукам*** *богатейший край, изобильный рудами, пушниной, лесами и плодородными землями*» объект представлен неодушевленным существительным (край). Поэтому первый фразеологизм имеет значение «подчинять/подчинить себе, заставлять/заставить повиноваться (в поступках, действиях и т. п.)», второй же употребляется в значении «присваивать/присвоить что-либо, самовольно завладевать/завладеть чем-либо».

Основательное и детальное изучение многозначных единиц позволит глубже проникнуть в категориальную сущность фразеологизмов, специфику формы и содержания, особенности употребления их и трилогии Е. Федорова «Каменный пояс».

Список использованной литературы

Казачук И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения): монография / И.Г. Казачук.– Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. – 310 с.

Кибардина С.М. Валентностные свойства немецкого глагола: дисс. докт. филол. Наук (10.02.04 – германские языки) /С.М. Кибардина. – Вологда, 1988.– 580 с.

Комплексный словарь русского языка/А.Н.Тихонов и др.; под ред. А.Н.Тихонова. – 2-е изд. – М.: Медиа, 2005. – 1228 с.

Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 т. / Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН; под общ. ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998 – 2007 -.

Толковый словарь глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ – ПРЕСС, 1999. – 704 с.

Федоров Е.А. Каменный пояс. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1988.

СОМАТИЗМ ГЛАЗА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

С. В. Першукова*

Познание окружающего мира человек начинает с самого себя, поэтому кодирование культурного пространства посредством языковых сущностей носит антропоморфный характер, в нём активно участвуют различные соматизмы – названия частей тела человека. Этнопсихологии и лингвокультурологи утверждают, что соматический код является базовым, основным, который стоит на первом месте среди кодов культуры, так как он наиболее древний из сущест-

*__Першукова Светлана Валентиновна__ – аспирнт кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. Е.М. Маркова.

вующих, потому что человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя [Красных 2002: 233– 234].

Соматический код культуры, как и все остальные коды (пространственный, временной, биоморфный, предметный, духовный) фиксируется в языковом сознании. В составе образных языковых единиц чаще всего встречаются компоненты: *голова, сердце, душа, глаза, уши, шея, рука, нога, зуб*. Данные ресурсы современного русского языка проявляются на всех уровнях языковой системы и обнаруживаются в сложившихся общепринятых приёмах употребления языковых единиц. Наиболее благодатную почву для их развития и функционирования представляет эстетическая сфера общения. Художественная литература не только вбирает в себя все богатства лексики и фразеологии русского языка, но и обогащает её новыми элементами, так как характеризуется индивидуально-авторским, контекстным употреблением языковых единиц.

Особенности художественного мышления М.А. Булгакова объясняются прежде всего большим разнообразием образных языковых средств, составляющих основу идиостиля писателя. Особый интерес у исследователей вызывает функционирование языковых средств, которые характеризуются высокой частотностью в анализируемых текстах. В повести-гротеске «Роковые яйца» М.А. Булгакова наиболее частотными являются лексемы *глаз/глаза*.

Слово *глаз* относится к соматической лексике. Необходимо отметить огромную прагматическую значимость реалии, обозначаемой лексемами *глаз/глаза*. Так в повести «Роковые яйца» соматизм *глаза* обретает концептуальное значение, ведь глаза становятся как исходной точкой научного заблуждения, положенного автором в основу произведения, так и его трагического завершения: «*Необозримые пространства земли ещё долго гнили от бесчисленных трупов крокодилов и змей,* ***вызванных к жизни таинственным, родившимся на улице Герцена в гениальных глазах лучом****, но они уже не были опасны, непрочные созданья гнилостных, жарких тропических болот погибли в два дня, оставив на пространстве трёх губерний страшное зловоние, разложение и гной*» [Булгаков 1991: 144].

Первичное значение лексемы *глаз* в современном русском языке: ‘Парный орган зрения человека и животного, расположенный в специальных впадинах (лица, морды) и прикрытый веками и ресницами’ [БАС : 4: 138].

Рассмотрим в данной статье лишь те языковые единицы с компонентом глаз, которые участвуют в создании необычных образов реальных и фантастических живых существ, присутствующих в повести помимо людей.

Уже в самом начале произведения при описании глаз умирающей от бессмысленных опытов лягушки от её имени писатель даёт грубую, но точную характеристику его главных героев-экспериментаторов: «*Лягушка тяжко ше-*

вельнула головой, и ***в её потухающих глазах были явственны слова: «Сволочи вы, вот что…»***» [Булгаков 1991: 98]. Этот приём контаминации фразеологизмов: *в глазах чьих-либо, кого-либо* и *читать по глазам* Булгаков использует и в другом, созвучном по своей теме произведении «Собачье сердце», где также наделяет животных способностью «по-человечески» оценивать ситуацию: «***Бешеная зависть читалась в глазах*** *у всех встречных псов, а у Мёртвого переулка какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его «барской сволочью» и «шестёркой»*» [Булгаков 1991: 179]. Образная метафора с компонентом глаза помогает собаке «говорить» глазами и в следующем контексте: *«Повар – каторжник, повар!» –****жалобными глазами молвил пёс*** *и слегка подвыл»* [Булгаков 1991: 164]. В произведениях Булгакова природа «разговаривает» с людьми глазами живых существ.

Е.А. Яблоков, исследуя булгаковский текст, анализирует мифопоэтические, исторические и интертекстуальные коннотации сюжета повести «Роковые яйца», при этом актуализирует своеобразный змеино-птичий комплекс и связанную с ним семантику [Яблоков 2001: 50– 73].

Вера в таинственную магическую силу глаза формирует в языковом сознании противоборство добра и зла, светлого и тёмного. Птицы в мифопоэтических традициях выступают как классификаторы верхней сферы, а змеи, наоборот, как классификаторы низа. Птица и змея – зеркальные образы, традиционно связанные со зрением/слепотой [Успенский 1982: 90– 92; 162– 163]. Кроме того, представления наших предков о глазе всегда связывалось с божественным началом. В языческой религии глаз «используется для обозначения всепроникающего знания солнечных богов» [Тресиддер 1999: 57]. Так как возможность видеть даёт солнечный свет, понятия зрения и света родственны [Афанасьев 1995: 78– 79].

Истории с куриным мором и размножением «гадов» в повести «Роковые яйца» развиваются параллельно. «*Эр…рр…ург…го-го-го», – выделывала хохлатка и* ***закатывала грустные глаза на солнце так, как будто видела его в последний раз***» [Булгаков 1991: 108]. В описании предсмертных мук курицы автор использует в сравнении «***как будто видела его в последний раз***» образ солнца, что является очень символичным накануне последующих страшных событий. Смерть курицы также обозначена лексемой глаза: «*Она вдруг кувыркнулась на бок, беспомощно потыкала клювом в пыль и* ***завела глаза***» [Булгаков 1991: 108]. Затем появляется образ умирающего петуха, птицы, которая всегда первой сообщает миру о восходе солнца, о рождении нового дня. «*Он* ***зверски выкатил на них глаз****, потоптался на месте, крылья распростёр, как орёл, но никуда не улетел, а начал бег по двору, по кругу, как лошадь на корде. На третьем круге он остановился, и его стошнило, потом он стал харкать и хри-*

петь, наплевал вокруг себя кровавых пятен, перевернулся, и ***лапы его уставились к солнцу, как мачты***» [Булгаков 1991: 108]. Метафора с компонентом *глаз* в данном контексте выглядит как своеобразное предупреждение людям об ответственности за свои деяния, а образ солнца – единственно верное направление к источнику жизни и света.

Солнцу как символу вечной жизни противостоит мрачный, с опущенными шторами кабинет профессора. Холодом и одиночеством веет даже от рабочего стола, «*на дальнем краю которого в сыром тёмном отверстии* ***мерцали безжизненно, как изумруды, чьи-то глаза. Холодом веяло от них***» [Булгаков 1991: 121]. Сравнение глаз с драгоценными камнями традиционно, особенно, когда речь идёт о необыкновенной красоте. Но в данном примере автор подчёркивает, что мерцание глаз пупырчатой жабы сравнивается с изумрудами, именно как с безжизненными холодными камнями.

В «Роковых яйцах» постоянно прослеживается связь света и зрения: в появлении чудо-луча повинно искусственное (электрическое) освещение. «Самое же интересное в том, что «луч жизни» Персикова искусственный. Плод кабинетного ума, он не может родиться от живого солнца и возникает лишь в холодном электрическом сиянии. От такого луча могла произойти лишь выразительно описанная Булгаковым нечисть» [Сахаров 2008: 34]. «***Лишённые век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы,*** *и* ***в глазах*** *этих* ***мерцала совершенно невиданная злоба***» [Булгаков 1991: 132]. В данном примере мы наблюдаем соединение нескольких образов в одну развернутую метафору, представляющую собой тот случай, когда связь между образами поддерживается как прямым, так и переносным смыслом. Метафора *глаза сидели*, соединяясь с метафорой *в крыше головы*, создаёт в сознании читателя образ неизвестного зловещего чудовища, причём глагол *сидели* заставляет воспринимать глаза как некое самостоятельное, совершенно отделённое от описываемого, живое существо. Приём олицетворения по отношению к соматизму *глаза* наблюдается и в следующем примере: «*Голова сделала такое движение, словно клюнула воздух, весь столб вобрался в лопухи, и* ***только одни глаза остались и, не мигая, смотрели на Александра Семёновича***» [Булгаков 1991: 132]. Зоркость и дальность птичьего взгляда обеспечивается возможностью полёта и парения. Но соблазн взгляда, способность к прозрению и проницанию – змеиная тема [Афанасьев 1995: 276– 277, 296]. Змея – ветхозаветный символ соблазна, поэтому пристальный взгляд чудовища заставляет героя повести восхищаться глазами, несущими смерть всему живому: «***Настолько хороши были эти глаза между листьями***» [Булгаков 1991: 132]. Последующие олицетворения с компонентом *глаза* последовательно развивают тему ужасной трагедии: «***Глаза*** *в зелени* ***тотчас же загорелись непримиримою ненавистью*** *к этой опере*»

[Булгаков 1991: 132], «*Голова из зелени рванулась вперёд,* ***глаза её покинули Александра Семёновича, отпустив его душу на покаяние***» [Булгаков 1991 : 133]. Подобно тому, как Рокк Александр Семёнович поддался коварному змеиному взгляду, профессор Персиков тоже подчинился зрительному соблазну, который его и погубил.

Итак, в результате семантического взаимодействия языковых средств с компонентом *глаза*, участвующих в создании образов представителей живой природы, осуществляется обогащение ведущей мысли новыми оттенками, происходит кумуляция концептуального содержания текста, концентрация его идейного смысла, что определяет специфику развёртывания повествования. Соматизм *глаза* – смысловая доминанта художественного текста повести «Роковые яйца», которая формирует авторскую стратегию, а также характеризует индивидуальные черты языковой личности писателя.

Список использованной литературы

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. / А.Н. Афанасьев. –М.: Современный писатель, 1995.– 824 с.

Большой академический словарь русского языка. В 6 т. – М., СПб.: Наука, 2005 (БАС).

Булгаков М.А. Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя / М.А. Булгаков.– М.: Педагогика, 1991. –736 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. –М.: Гнозис, 2002. –284 с.

Сахаров В.И. М.А. Булгаков в жизни и творчестве / В.И. Сахаров.– М.: Русское слово, 2008. –112 с.

Трессиддер Дж. Словарь символов / Дж. Трессиддер; пер. с англ. С. Палько. –М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. –448 с.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б.А. Успенский. –М.: Издательство Московского университета, 1982. –248 с.

Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков.– М.: Языки славянской культуры, 2001. –424 с.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТАНТ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ В. АНДОНОВСКОГО «ВЕДЬМА»

М.А. Петрович*

В настоящей статье представлен фрагмент разработанной нами методики комплексного анализа знаков, функционирующих в тексте художественного произведения. Основная задача, стоящая перед нами, – продемонстрировать потенции символа *двери* в романе «Ведьма» современного македонского писателя В. Андоновского. Эти потенции раскрываются нами с помощью сопоставления общекультурного / общеславянского значения этого символа, воспроизводимость которого и позволяет рассматривать данный символ как «константу культуры» (Ю.С. Степанов), и его текстового значения, образованного и представленного в художественном пространстве романа В. Андоновского. Выявление потенций символа, или его «генеративной силы» (В. Э. Клюканов), а также способы образования новых смыслов, «*рождённых* в дискурсе, а не существующих прежде него» [Бразговская 2006: 73], – значимая составляющая интерпретации текста.

Отметим, что творческая судьба романа и некоторые особенности его поэтики были представлены нами, в частности, в [Петрович 2009]. В ходе исследования из «Ведьмы» методом сплошной выборки было выделено 247 контекстов, в которых встречается текстовый знак *дверь*.

Предлагаемая нами **методика анализа** знаков, функционирующих в тексте художественного произведения, опирается на основные положения семиотики текста и логического анализа языка. Для интерпретации знаков художественного текста оказывается значимым установить характер

а) референта знака (конкретная – абстрактная сущность);

б) отношений между знаками в рамках одного текста в синтагматической проекции;

в) интертекстуальных отношений между знаками в пространстве семиосферы.

Полагаем, что за общекультурным символом стоит **концепт**, то есть обобщенная философская идея, «безобъёмный (в отличие от понятий), чистый смысл», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 79; 43]. Концепт обладает относительной изменчивостью, связанной с трансформацией представлений о мире [Болдырев, Бабина 2001: 83]. Именно поэтому и «отношения между символом и его значением могут меняться: они

* **Петрович Майя Александровна** – кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

могут разрастаться, усложняться, искажаться» [Эко 1998: 51]. Исходя из этого, становится понятным, почему интерпретация знака-символа оказывается не всегда простой. Само «отношение символа к его значению всегда имеет… лишь частично конвенциональный… характер… Символ со своим значением находится в отношениях принципиальной неоднозначности» [Лотман 1997: 417]. Это связано с тем, что общекультурный символ выступает актуализатором не столько одного концепта, сколько **системы** взаимосвязанных концептуальных образований, и поэтому интерпретация подобной системы предполагает «выявление глубинных слоев, на которые накладываются другие слои и оттенки» [Цивьян 2001: 138].

На символическую нагруженность концепта *дверь* в этнографическом, культурно-религиозном, мифологическом пространствах славян указывалось, например, в [Байбурин 2005; Виногардова 2002; Подюков 2003; Разинов 2007; Цивьян 1978]. Как правило, авторами подчёркивается связанность понятия *двери* с представлениями о границе, отделяющей внешнее («чужое») и внутреннее («свое») пространство дома и выступающей преградой опасному и чужому [Подюков 2003: 79]. Резюмируя основные положения ряда исследований, отметим, что в народном представлении славян «всем действиям у входа / выхода приписывается высокая степень семиотичности» [Байбурин 2005: 162].

В рамках данной статьи нами будет рассмотрено только одно трансформированное значение знака *дверь*, хотя ему присущи и другие значения (например, *дверь* в романе «Ведьма» выступает символом женщины, границы и т. д.). Мы продемонстрируем, как трансформация знака, его наполнение новым содержанием, раскрывает генеративные потенции символа. Наше внимание будет сосредоточено на актуализации «культурной константы» *дверь* как **символа спасения и защиты**.

В. Андоновский, изображая *двери* как вход в Царствие небесное, следует христианской традиции в истолковании этого символа. В то же время в романе это общекультурное значение символа трансформируется и наполняется новым содержанием – в «Ведьме» двери выступают символом Любви и Смерти, трактуемых, в свою очередь, как спасение: «*спасение – это **врата небесные***» [Андоновски 2006: 222] (здесь и далее перевод с македонского языка наш. – М.П.). В то же время автор трансформирует общекультурное значение этого символа и наполняет его новым содержанием – в романе «Ведьма» *двери* выступают символом Любви и Смерти. Так, Иоанна обращается к нему к падре Бенджамину: «*Я тебе уже об этом говорила… Смерть – это **двери**. И любовь – это **двери**. Когда откроешь их, ты преступишь порог, и враз всё для тебя перестанет существовать. Но за порогом ты увидишь свет… Каждый человек, бредущий*

по лицу земли, однажды в пропасть попадает и пропадает раз и навсегда. Но для этого придумано спасение, ***врата небесные***» [Андоновски 2006: 222].

В сюжетной линии повествователя прослеживается своеобразное «приращение смысла» к знаку *двери*, символизирующего *смерть*. Здесь мир приравнивается к тюрьме, из которой выбраться можно через две двери – через двери смерти и через двери, меняющие наше мировосприятие как в прямом смысле (например, через алкоголь, наркотики), так и в переносном (через музыку, литературу). Так, в «Ведьме» говорится о том, что «*если повнимательнее присмотреться, то окажется, что целый космос есть не что иное, как тюрьма, выбраться из которой можно только* ***через двери смерти****… На протяжении всей нашей жизни, пребывая в нашей Вселенной, в этой всеобщей тюрьме, мы, как и все заключённые, боимся её начальника, ведь он может услышать наши слова и наказать нас за них. Именно для того, чтобы скрыться от тюремного надзирателя, мы и выдумываем тайные языки и ребусы, именно поэтому мы и пишем музыку, рисуем картины,... сочиняем детективы, пьём спиртное и, опьянённые всем этим, видим сны, выдумываем монстров, дьяволов, ведьм… Нас спасает в этой тюрьме лишь то, что мы придумываем всё новые и новые игры, расшифровываем увлечения ради анаграммы и криптограммы, разгадываем чудны́е кроссворды, собираем мозаики*» [Андоновски 2006: 320– 321].

Этот новый смысл символа *дверь*, рождённый в художественном дискурсе, обусловлен пересмотром общекультурного значения данного символа как символа спасения и его последующей интерпретацией как одного из символов Любви и Смерти. Посредством данного синкретичного символа реализуется и ещё одно значение: смыслы *спасения-смерти-любви*, приписываемые в романе «Ведьма» знаку *двери*, характеризуют сам акт творчества, в частности, процесс создания произведения. По В. Андоновскому, создавая миры «внутри мира» – художественные тексты, например, – человек каждый раз стоит на пороге сотворённого универсума – текста. Мир текста, сконструированный писателем, представляет собой своеобразный дом. Связующим звеном между таким «домом» и миром физическим выступают *двери*. На последних страницах романа «Ведьма» автор говорит о том, что «*настало время открыть* ***эти Двери*** *и переступить через* ***этот Порог****. И нет нужды открывать новую,* ***вымышленную дверь, дверь в Стене****. Нужно лишь открыть ту, которая существует*» [Андоновски 2006: 437].

Мысль В. Андоновского о том, что мир текста представляет собой «дом» с «дверьми» и «порогом», переступив через который, можно, с одной стороны, очутиться в мире физической реальности, а с другой, – проникнуть в ещё один из ряда потенциально бесконечных текстовых миров, созвучна идеям И. Каль-

вино. Так, в романе «Если однажды зимней ночью путник» (1979) профессор Уцци-Туцци говорит: «*все книги продолжаются по ту сторону… **Книги – это ступеньки порога**… Дальше начинается язык без слов…, язык последнего **порога***» [Кальвино 1994: 71].

Таким образом, вскрывается одна из закономерностей перехода *вещи в символ*: знак может актуализироваться посредством **системы интертекстовых отсылок**, то есть указывая на знаки других текстов культуры. Приведём в качестве примеров несколько таких отсылок, в которых *дверь* выступает в качестве символа «иного», потустороннего мира.

Так, образ ***замислена Врата на Sudot*** (‘вымышленная дверь в стене’), представленный в романе В. Андоновского «Ведьма», напрямую перекликается с магистральным образом – образом зелёной двери, размещённой в белой стене, – рассказа Г. Дж. Уэлсса «Дверь в стене» (1911). В центре этого рассказа помещены воспоминания успешного политического деятеля Лионеля Уоллеса. Зелёная дверь, размещённая в белой стене, впервые раскрылась перед героем, когда ему было пять лет. За ней Лионель Уоллес увидел «*совсем иной мир, где всё кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками, где всё было прекрасно и озарялось теплым, мягким, ласковым светом*» [Уэллс 1964 : 359]. Композиция рассказа состоит из описания цепочки последующих «встреч» героя с дверью, ведущей в потусторонний мир. Герой с болью вспоминает, что каждый раз по разным причинам он проходил мимо этой зелёной двери, раскрывающейся перед ним в различных местах. Рассказ заканчивается сообщением о несчастном случае, повлекшем смерть Лионеля Уоллеса. Его тело нашли «*в глубокой яме… Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проём, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь осталась незапертой, и вот в неё-то и прошёл Уоллес*» [Уэллс 1964: 372-373]. Повествователь размышляет, чем же была эта зелёная дверь для главного героя, и приходит к выводу, что она являлась для него своеобразным «***порогом** извечной тайны, неким таинственным, непостижимым выходом в иной, бесконечно прекрасный мир*» [Уэллс 1964: 373].

В романе «Степной волк» (1927) Г. Гессе *дверь* также является символом «потустороннего» мира, но этот «мир» носит качественно иной, нежели в рассказе Г. Дж. Уэллса, характер. Гарри Галлер, герой романа, предаётся воспоминаниям о своём детстве и припоминает, как на одном из концертов, на котором он был, «*играли прекрасную старинную музыку, и между двумя тактами пиано деревянных духовых ему вдруг… открылась **дверь в потусторонний мир**, и тогда он испытал блаженную боль и больше уже ни от чего на свете не защи-*

щался, больше уже ничего не боялся на свете» [Гессе 2003: 36-37] (выделено нами. – М. П.).

Укажем и на ещё одну интертекстуальную отсылку, которая, как нам представляется, имеет место при анализе системы концептов, входящих в состав символа *дверь*, функционирующего в романе В. Андоновского «Ведьма». Обратимся к двум эссе английского писателя О. Хаксли – «Двери восприятия» («*The doors of Perceptions*») (1954) и «Ад и рай» («*Heaven and Hell*») (1956). Среди многочисленных проблем, рассматриваемых в этих эссе, в них поднимаются и вопросы о расширении сознания путём «очищения» восприятия. Человеку с незапамятных времён были знакомы «*химические открывания **дверей в Иной мир***» [Хаксли 2009: 85]. По О. Хаксли, «очищенное восприятие» приносит спасение людям, ибо открывает перед ними бесконечный мир. Человек, обладающий «очищенным восприятием», — это «*человек, который возвращается **сквозь Дверь В Стене**», пройдя через неё, он «будет более мудрым и менее самоуверенным, более счастливым, но менее самоудовлетворённым, он будет скромнее в признании своего невежества, но будет и лучше вооружён для понимания отношений слов к вещам*» [Хаксли 2009: 96] (выделено нами. – М. П.).

В этом пункте идеи Г. Дж. Уэллса, Г. Гессе, О. Хаксли, В. Андоновского оказываются созвучными идеям древнегреческого философа Парменида Элейского, которые выражены им в поэме «О природе». В «Проэмии» к поэме описывается, что перед человеком, пытающемся познать мир, раскрываются Врата двух Путей – Пути мнения и Пути истины. Вступив на первый Путь, человек опирается на мир чувственно воспринимаемых предметов. Шагнув же на второй Путь, человек должен «созерцать умом» мир [Фрагменты ранних греческих философов 1989: 286– 287], но в таком мире царят лишь вечный покой и совершенное единство. Это мир божественной размерности, в которую человек может войти, лишь свернув с «людской тропы», то есть перестав мыслить человеческим образом. Именно Путь мнений, вечно изменяющихся и разнообразных, будучи проэмием (преддверием) познания, и обусловливает присущее Homo semioticus желание переступать конвенционально установленные «пороги» и расширять «горизонты» значений знаков, символов, текстов и т.д. Этот путь – Путь мнения, который ведет к вратам познания, – и выбирают герои произведений Г. Дж. Уэллса, Г. Гессе, И. Кальвино, О. Хаксли, В. Андоновского.

Таким образом, комплексный анализ символа *дверь* показывает, что генеративные потенции символа раскрываются, если автор

а) намеренно ослабляет связи знака и референта;

б) устанавливает отношения тождества между онтологически неравнозначными сущностями – предметными и абстрактными;

в) модифицирует характер синтагматики за счёт резкого изменения контекстов употребления реалии;

г) расширяет пространство дискурса посредством введённых отсылок к другим текстам культуры.

Подобное изменение содержания символа раскрывает богатство семантического потенциала знаков, расширяет спектр символических значений (от общекультурных к «индивидуальным», авторским), а следовательно, расширяет мир и наши знания о нём.

Список использованной литературы

Андоновски В. Вештица / В. Андоновски. –Скопје: Култура, 2006.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. –М.: Яз. славянской культуры, 2005. – 224 с.

Болдырев Н.Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке / Н.Н. Болдырев, Л.В. Бабина // Филологические науки. –2001. –№4. –С. 79– 86.

Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) : монография / Е. Е. Бразговская. –Пермь: ПГПУ, 2006. – 192 с.

Виноградова Л.Н. Дверь / Л.Н. Виноградова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / С.М. Толстая, Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.В. Виноградова, В.Я. Петрухин. – 2-е изд.. –М.: Международные отношения, 2002. –С. 126– 128.

Гессе Г. Степной волк / Г. Гессе. –СПб.: Азбука-классика, 2003. –288 с.

Кальвино И. Если однажды зимней ночью путник / И. Кальвино // Иностранная литература. –1994. –№4. –С. 40– 157.

Лотман Ю.М. Между эмблемой и символом / Ю. М. Лотман // Лотмановский сборник. Т. 2. –М.: Изд-во РГГУ, 1997. –С. 416– 423.

Петрович М.А. «Семиотический компромисс» между текстом и миром (роман «Вештица» Венко Андоновского) / М.А. Петрович // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 35. –№30 (168). –2009. –С. 129– 136.

Подюков И.А. «У ворот было широких…». Опыт прочтения одной фольклорной формулы / И.А. Подюков // Фольклорный текст-2002. –Пермь: ПГПУ, 2003. –С. 77– 80.

Разинов Ю.А. Дверь / Ю. Разинов // Mixtura verborum. 2007. Сила простых вещей. –Самара : Самар. гуманит. акад., 2007. –С.13– 26.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп.–М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Уэллс Г.У. Дверь в стене / Г.У. Уэллс // Г.У. Уэллс. Собрание сочинений.В 15 т. Т. 6. –М.: Правда, 1964. –С. 354– 373.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев. –М.: Наука, 1989.

Хаксли О. Двери восприятия. Рай и Ад / О. Хаксли. –М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.

Цивьян Т.В. ДОМ в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Труды по знаковым системам. X. Семиотика культуры. –Тарту, 1978. – С. 65 – 86.

Цивьян Т.В. Семиотические путешествия / Т.В. Цивьян. –СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник; ред. М.Г. Ермакова.– М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

О СПЕЦИФИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЭССЕ (ЖАНР И СТИЛЬ)

О.В.Пугачева*

Эссе (от франц. Essai – опыт, набросок), жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь» [БЭС 1991: 706].

Рассматривая эссе как жанр журналистского произведения, обладающий высокими художественными возможностями, интересно подробнее остановиться на некоторых его особенностях. Изучение специфики языка эссе делает возможным существенное обогащение стилевого и художественного содержания произведений другого формата путем экстраполяции некоторых художественных приемов.

Словарь литературоведческих терминов определяет эссе как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [Клюхина 2010: 311]. В современной брянской прессе можно отметить такие черты экспрессивности эссе, как повышенная индивидуальность слога и повествования, во многом юмористический, сатирический либо легендарный его характер.

Эссе относится к художественно-публицистической группе жанров, что накладывает отпечаток на язык произведений эссеистов. Конкретный, документальный факт в этих жанрах как бы отходит на задний план, уступая место впечатлению автора от факта, его оценке, авторской мысли. Именно в художественно-публицистических жанрах особенно важен стиль текста, его слог. «Ритм, инверсия, интонация, точные детали – это те художественные компоненты, которые создают настроение, вводят читателя в атмосферу произведения, «строят» обстановку, которая нужна для мысли, идеи той или иной сцены» [Бондарев 1987: 11].

*__Пугачёва Ольга Витальевна__ – аспирант Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. С.Я. Гехтляр.

Для эссе характерно и такое лингвистически-публицистическое понятие, как экспрессия. «Экспрессия – усиление средствами языка впечатления от жизненного факта. Экспрессивное отражение действительности возвышается над стилистически бесцветным ее фиксированием» [Горбунов 1969: 31]. Всем понятно, что выражение «бросить слово» намного ярче, чем «сказать слово», так же как и словосочетание «ползет слух» производит на читателя гораздо более сильное впечатление, чем «слух распространяется». Знаток русского языка В.В. Виноградов утверждает, что «экспрессия всегда субъективна, характерна и лична» [Виноградов 1947: 19]. Фактор субъективности, пожалуй, нигде не проявляется так же ярко, как в жанре эссе. Посмотреть, как экспрессивность проявляется в текстах эссе, мы можем на примере практически всех произведений этого жанра. Обратимся к эссе Льва Роднова «Два генерала» [Роднов 2006: 31]. Совсем небольшой отрывок буквально переполнен экспрессиями: «*Легенда распалась: настоящий гений остался там, где он и был, на рабочем месте, а Свадебный Генерал пошел нарасхват. Ослепительные награды, которые вручали ему цари-однодневки, едва не ослепили; оглушительные речи, произнесенные глухими крикунами, едва не испортили здравость слуха*». Всем понятно, что легенда не могла распасться, она всего лишь перестала существовать, Свадебный Генерал не мог «пойти нарасхват» – он просто стал популярным, а награды не могли ослеплять – они только имели на своего обладателя чрезмерное воздействие. Тем не менее, именно благодаря этим экспрессиям текст воспринимается читателем наиболее остро, врезается в его память и заставляет задуматься.

Часто проявляется в эссе и такое публицистическое понятие как интимизация. Эссеисты используют их, чтобы сделать читателей своими «сообщниками», приблизиться к ним, заговорить на одном языке. Интимизация достигается вполне конкретными языковыми средствами. «Предложения, заключающие риторический вопрос, вопросительные предложения и вопросно-ответное построение текста составляют отличительную особенность синтаксиса прямой речи. Будучи же употребленными не в прямой речи, они передают живые разговорные интонации, способствующие сближению автора с читателями» [Швец 1971 : 62].

Вышеупомянутые языковые средства можно увидеть в большинстве эссеистических текстов. Вопросно-ответное построение текста наблюдаем в эссе Григория Померанца [Померанц 1999: 21]. «*Как прорваться сквозь эту сушь? Какие слова заставят посох цвести? Бог – это любовь, но как сказать о любви?*– задается вопросом эссеист. И тут же дает ответ:–*Попробуй хоть раз, не солгав, сказать о любви*». Вопросно-ответные предложения встречаются и в эссе Евгения Мамонтова «Время»: «*С чего вы вообще взяли, что это самое время*

существует? Только потому, что у вас дорогие часы? Ну и что. А у меня вот дорогая заколка для галстука – и это ровным счетом ничего не доказывает, кроме нашего с вами хорошего вкуса к дорогим вещам» или «*Почему же время было таким большим в детстве? Во-первых, потому что понятие времени не было еще окончательно внедрено в наше сознание*» [Мамонтов 2007: 34]. В эссеистике есть место и риторическим вопросам: «*Снять внешний ценз, лишить его угнетающего давления, отобрать образ врага? Что останется?*» [Роднов 2007: 56]. Чем больше средств интимизации используется в одном произведении, тем большей приближенности к читателю имеет шанс добиться журналист.

Для интимизации используются и другие средства. Например, личные местоимения такие, как «мы» и «вы», создают атмосферу общности, сближения эссеиста и его аудитории. Увидеть их можно в эссе Григория Померанца «Истина диалога» [Померанц 1999: 12]. «*Наше дело – идти по выбранной дороге*», «*Наше время – одно из тех, о которых говорил Кришна*» и т.д. Еще более тонко введены они в текст Евгения Мамонтова «Время» [Мамонтов 2007: 37]. Здесь нет личных местоимений, тем не менее, понятно, что журналист объединяет себя и своих читателей: «*не будем сталкивать лбами философские доктрины», «обратимся к собственному опыту*». Именно такая «скрытая» интимизация имеет самое сильное воздействие на читателя.

Так как газета призывает читателя думать вместе с ней, для интимизации широко используются глаголы повелительного наклонения (посмотрите, вдумайтесь, приглядитесь) и целые побудительные предложения. Возьмем, к примеру, эссе Валерия Афанасьева «Власть» [Афанасьев 2004: 31]. Здесь достаточно побудительных предложений: «*Возьмем полководца наших времен – Иосифа Сталина!*» или «*Возьмем еще одного человека, о котором говорить не стоит, – Лаврентия Берию*». С помощью использования таких предложений автор побуждает читателя включиться в соразмышление, оценить ситуацию вместе с ним.

Авторская позиция без труда прослеживается в любом качественном эссе. Выражается она с помощью различных лингвистических средств, первое в ряду которых – оценочность. Она достигается самыми разными средствами языка. «Эмоционально-сниженные средства – это средства комического, окрашивающие речь, которая может выражать любую оценку и любую эмоцию, допускающую как средство выражения смех или улыбку. Поэтому диапозон эмоций, выражаемый средствами комического весьма велик – это и одобрительная улыбка, и веселая насмешка, и смех презрительный, и гневный обличительный смех, и горькая усмешка [Майданова 1987: 84].

Свое языковое отображение жанр эссе находит в публицистическом стиле. В тексте эссе В. Жаркова «Мышка хвостиком махнула» [Жарков 2010: 4] особенностью его художественного своеобразия служит повествовательность, в

некоторой мере сближающая его с житейской историей. При том, что ситуация является плодом авторской фантазии, легкость и непринужденность разрешения «выдуманного» конфликта, представленного автором в диалогах членов семьи по поводу разбитой вазы, фактически превращает эссе в гимн семейному согласию.

Образы членов семьи обладают внутренней динамикой, в которой ярко присутствуют черты экспрессивности, создаваемые за счет эмоционально-выразительных средств языка: мать семейства *«всплескивает руками», «расстраивается», «не может успокоиться», «устраивает допрос», «улыбается»* и *«не улыбается»*, постоянно перемещается в пространстве комнаты; ее мужу не составляет никакого труда *«рассмеяться»*; пятилетняя девочка – главная героиня эссе – не сидит на месте, «задавая темп» жизни всей семьи, включая мышку и кота Базилио, а также движению структуры эссе.

Как показывает анализ, в эссе используется разнообразная лексика – от высокой до разговорной, тем не менее, в пределах литературных норм; многообразны средства художественной выразительности: метафоры, аллегорические и притчевые образы, символы, сравнения, часто – пословицы и поговорки, афоризмы. Для передачи личностного восприятия, освоения мира автор эссе подбирает аналогии, привлекает многочисленные примеры, проводит параллели, использует многоуровневые ассоциации. В эссе могут чередоваться полемичные высказывания, вопросы, рассуждения, зарисовки, воспоминания.

В плане языковых особенностей анализируемый образец эссе отличается сложной сетью ассоциативных связей и использованием парадокса как выразительного языкового и стилистического средства, основанного на игре с читателем. Парадокс широко применяется на протяжении всего текста эссе и проявляется, в частности, уже в факте выноса в заглавие детской поговорки, в то время как подлинная кульминация статьи заключена в итоговой фразе одного из героев сюжета (отца): «*Было бы здоровье, а остальное приложится*» – из которой, однако, следует прямо противоположный вывод относительно правил пользования вазой, продиктованный необходимостью семейной экономии. Подлинный смысл текста – призыв с легкостью и юмором строить отношения с близкими людьми, не делать «слона» из «мышки» семейных разногласий.

Наиболее редким жанром является философское эссе, объектом осмысления в котором становятся философские категории и теории, общие размышления о мире и о человеке. Так, эссе Д. Быкова «Заводное» [Быков 2011: 7] является образцом традиционного языкового стиля данного жанра. Пафос автора выражается в соответствии с требованиями поэтического канона – «высоким штилем», слова которого перемешаны с вполне разговорными лексемами и интонациями. Повод для критики, в соответствии с жанровым «каноном» эссе,

приобретает в тексте статьи символическое значение для выражения авторской идеи: автора *«…заводит // Конечно, не с первой попытки, – но всё ж*» не столько непосредственный факт, который лег в основу сюжета эссе – трудности в ходе тестовых испытаний нового отечественного автомобиля российским премьер-министром и поднятая вокруг них волна обсуждения в СМИ, сколько сама символичность данного факта, превратившаяся в обыденность «*привычная ложь*» в картине российской реальности.

Общие языковые и композиционные особенности жанра в каждом отдельном случае сочетаются с индивидуально-авторским идиостилем автора. Так, у известного публициста Д. Шеварова жанр эссе тесно переплетается с очерком, что накладывает определенный отпечаток. Это можно проследить по его книге «Освещенные солнцем». На уровне композиции аналитическое начало находит выражение в самой структуре текста, построение которого, с другой стороны, образно – «солнечный луч» (универсальная позиция автора) пронизывает не только ход истории, т. е. «ось времени», но и интерактивное пространство, в котором присутствуют значимые фигуры коммуникации; по замыслу автора, это делает возможным своеобразные – необычные, «освещенные солнцем» встречи: «*Главное* (в данном произведении. – О.П.) *–это не всплеск, а выдержанные, испытанные временем и судьбой, настоящие человеческие чувства*» [Славский 2006: 26]. Таким образом, при формальном отсутствии фигуры автора-аналитика, которая сливается с позицией журналиста, позиция Д. Шеварова, как и его «взгляд» в повествовании, присутствует везде: и в «освещаемых» временных пластах, инкорпорированных в его «историю переживаний»; и в фигуре виртуального читателя («Простите нас, Лидия Алексеевна…»). Как итог, создается двойственность фигуры автора: с одной стороны, автор как «обозреватель», находящийся в «центре» образной системы произведения; с другой стороны, автор-художник, присутствующий в каждом моменте восприятия «транслируемого» повествования. В силу этого, с композиционной точки зрения, имплицируемая возможность «нанизывания» «новых страниц» в структуру произведения («*И нет, наверное, никакого «благодарного человечества», а есть только ты и твоя благодарность*») [Шеваров 2004: 62]) является особым художественным средством. На уровне текста «Освещенных солнцем» аналитичность непосредственно сочетается с образностью: «*Только музыка может быть одновременно и деликатной, и точной...*».

Признаками обращенности «индивидуальности автора» к «индивидуальности читателя» как маркера принадлежности к жанру эссе в тексте произведения служат:

– Обращение к фактам индивидуального опыта, которые маркируются автором как общеизвестные. Например: «*Добрые лица... Было бы странно объяснять:*

почему «добрые», а не «умные», «выдающиеся» или «замечательные». Доброта – Божий дар, она светит первой. Мы еще ничего не знаем о человеке, но вот видим его глаза, его лицо и понимаем о нем главное – добрый он или нет».

– Широкое задействование в тексте эссе лингвистических средств, относящихся к семантическому полю субъективного восприятия, например: обобщенно-личные, безличные предложения (*Иногда кажется, что светлые силы тают…; Так получилось, что…*); глаголы-маркеры чувств (*Мы устали жаловаться…*) и др., не говоря уже о высочайшей образности текстов эссе, в которых развернутость метафор имеет предельный характер: «*Такое нам выпало время. Оно похоже на опасную переправу…*».

Таким образом, можно сделать вывод, что жанр эссе обладает характерными художественно-языковыми особенностями и системой организации текстов. Публикации данного жанра имеют как общие лингвистическо-стилевые черты, так и индивдуально-авторские в каждом отдельном случае.

Список использованной литературы

Афанасьев В. Власть / В. Афанасьев //Знамя. –2004 –№ 9.

БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл ред. А.М.Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1991.– 1456 с.

Бондарев Ю.В. Хранители ценностей: публицистические работы разных лет / Ю.В. Бондарев. –М.: Правда, 1987. – 383 с.

Быков Д. Заводное / Д. Быков // Новая газета. – 2011. – № 51.

Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для высших учебных заведений / В.В. Виноградов; МГУ им. М.В. Ломоносова.– М..; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с. – схем.

Горбунов А.П. Образные средства языка газеты: По материалам «Правды» и «Известий»: учеб.-метод. пособие / А.П. Горбунов. М.: Изд-во МГУ, 1969. – 64 с.

Жарков В. «Мышка хвостиком махнула…» / В. Жарков // Десница. – Брянск. – 2010. – №13.

Клюхина И. В. Словарь литературных терминов / И.В. Клюхина.– М.: Вако, 2010. – 80 с.

Мамонтов Е. Время / Е. Мамонтов // День и ночь. – 2007. – № 3.

Майданова Л.М. Очерки по практической стилистике / Л.М. Майданова.– Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. – 184 с.

Померанц Г. Истина диалога / Г. Померанц // Континент . – 1999. – №99.

Померанц Г. Мучительный и зыбкий образ / Г. Померанц // Континент. 1999. –№99.

Роднов Л. Чего нельзя / Л. Роднов // День и ночь. 2007. –№ 4.

Роднов Л. Два генерала / Л. Роднов // День и ночь. – 2006. – №7.

Славский В. Встреча / В. Славский // Библиотека в школе. – 2006. – №7.

Швец А.В. Разговорные конструкции в языке газет / А.В. Швец. – Киев: Изд-во Киеского ун-та, 1971. – 95 с.

Шеваров Д. Освещенные солнцем. Добрые лица XX века: книга портретов / Д. Шеваров. – М.: Московские учебники и Картолитография, 2004. – 416 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ОБИДЫ В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «ОБИДА»

Н.М. Ротанова*

Концепт обиды относится к числу эмотивных концептов, они отражают и формируют представления человека о таких важных понятиях, как справедливость, мораль.

Именем концепта служит слово «обида», значение которого в словарях объясняется так:

– Всякая неправда тому, кто должен переносить её. Всё, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношенье. Кривосуд, брань, побои, насмешка, дурной отзыв о ком; лишение кого достояния, имущества, барышей и пр. [Даль 1979: 583].

– 1. Несправедливость, несправедливый поступок, поведение по отношению к кому-либо, незаслуженное оскорбление || Чувство горечи, досады, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе. 2. В знач. сказ. (обычно с мест.: «какой», «такой» и т.п.). *Разг.* О том, что вызывает чувство огорчения, досады, заставляет пожалеть о чем-либо [МАС 1986: 533];

– 1. Несправедливо причиненное огорчение, оскорбление. 2. Убыток (*обл.)* [Ушаков 1938: 640].

С целью выявления представлений об обиде современных читателей нами был проведен ассоциативный эксперимент, результаты которого необходимы для оценки восприятия читателями смыслов, репрезентирующих через определенные языковые средства концепт обиды в рассказах В.М. Шукшина.

В качестве информантов привлекались наивные носители языка разного возраста – от 25 до 70 лет. Мы обратились к людям различных возрастных групп для того, чтобы иметь возможность оценить развитие представлений об обиде по мере накопления человеком жизненного опыта и приобретения знаний. Опрашиваемых для удобства разделили на 3 группы: молодые люди (25–35 лет), у которых всё впереди, они строят планы на будущее, верят в успех, стремятся к улучшению качества жизни; люди зрелого возраста (35– 55 лет), стабильны в том смысле, что у них уже сложилась жизнь, но они надеются на лучшее, ощущают перспективы; люди пожилого возраста (55– 70 лет), как традиционно считается в России, в этом возрасте большинство (как правило, пенсионеры) утрачивают перспективы, существует даже термин – «дожитие». Мы

* **Ротанова Надежда Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

исходили из того, что представления об обиде у разных поколений должны иметь и общие черты, и особенности, обусловленные жизненным опытом.

В результате ассоциативного эксперимента было получено 107 реакций на слово-стимул «обида». Проанализировав полученные результаты, мы составили представление о содержании концепта обиды для современных носителей языка. Опишем его номинативное поле.

Инвариантное ядро концепта составляют следующие средства языковой объективации: прямые номинанты – слова «унижение» (унизили на глазах у друзей), «несправедливость» как синонимы обиды; глаголы «обсчитали», «недооценили» (меня недооценили) как обозначение нанесения обиды, а также существительное «злость» как номинирующее переживание обиды – проявление чувства обиды. Данные слова являются значимыми для всех носителей языка, вне зависимости от возраста и представляют ядерную зону концепта обиды.

Ближнюю периферию составляют языковые средства, передающие следующие смыслы: «отомстить», «чувство мести» – номинирующие желание наказать обидчика за причиненное огорчение, оскорбление; «простить», «промолчать», «Бог простит» – номинирующие желание простить обиду; а желание забыть причиненное огорчение, оскорбление, унижение, номинируют такие языковые средства, как «черт с ним», «Бог с ним».

Дальняя периферия представлена смыслами, непосредственно не связанными с ядерными семами концепта обиды: это, во-первых, лексемы, объективирующие смысловые компоненты других этических и эмотивных концептов: «(душевная) боль», «слезы», «грех»; во-вторых, слова, называющие образные ассоциации носителей языка, например, «бессонница будет мучить».

Интересным является наблюдение за разницей смыслов, вкладываемых в представление об обиде людей разных поколений. В эмоциональной реакции на обиду есть общее: информанты всех возрастных групп реагируют на обиду слезами (т.е. переживают ее как огорчение), однако только молодые люди назвали злость в качестве эмоционального отклика на обиду. Зато простить обиду готовы опрашиваемые всех возрастных групп, но среди молодых людей это 19%, среди людей зрелого возраста – 23%, а среди пожилых – 33%.

Люди, накопившие больше жизненного опыта, связывают с понятием обиды прежде всего представления о несправедливости, при этом чаще говорят о возможности простить обидчика. Пожилые люди в ситуации обиды не думают в первую очередь о мести, видимо, потому, что воспринимают обиду как грех (20% именно так отреагировали на слово-стимул «обида»), поэтому в их ответах нередко звучало «Бог простит», когда их спрашивали, как поступить, если вас обидели.

Герои В.М. Шукшина – «люди из народа». У них обостренная реакция на унижение человека человеком. А в жизни обычного русского человека достаточно ситуаций, задевающих его чувства. Как отмечают все исследователи творчества Шукшина, Василий Макарович – писатель, которому присуще обостренное чувство совести. В буднях, в обычном он ищет проявления нравственных законов, в частности такого качества народа, как совестливость. Этика определяет совесть как одну их форм нравственного самосознания; совесть – чувство и осознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды [МАС 1988: 175]. По мнению писателя и его героев, обидеть другого человека – значит поступить не по совести. Одним из проявлений бессовестности является хамство.

Рассказ В.М. Шукшина «Обида» интересен в плане анализа тем, что в нем автором вербализованы практически все смыслы концепта обиды. Содержательная сторона концепта обиды может быть структурирована через анализ семантики вербализаторов концепта и тех смыслов, которые эти языковые средства репрезентируют в контексте произведений писателя.

1. Ядерную зону концепта обиды образуют смыслы:

1.1. *Несправедливо* причиненное огорчение, ущерб; несправедливое наказание, упрек.

1.1.1. Обидчик – конкретный субъект действия (человек, предмет).

1.1.2. Обидчик – обстоятельство, случай, «судьба».

1.2. Унижение.

1.2.1. *Унижение, оскорбление* человеческого достоинства (неуважение).

1.2.2. Унижение самолюбия, т.е. чувства собственного достоинства, сочетающегося с ревнивым• отношением к мнению о себе.

1.2.3. *Умаление* заслуг, роли, значения.

1.3. *Непонимание* как причина обиды.

1.4. *Переживание* обиды (проявление чувства обиды).

1.4.1. *Жалость* к себе (или к обиженному человеку, т.е. *сострадание*), соединенная с *претензией* к другому (обидчику).

1.4.2. Раздражение – чувство недовольства, *досады, злости*, т.е. недоброжелательности, враждебности к тому, кто несправедливо отнесся к ближнему или унизил.

1.4.3. Душевная боль, страдание, отчаяние, вызванные чувствами стыда, позора, несправедливости, нелюбви (ненависти), разочарования и т.д.

2. Ближняя периферия включает смыслы, связанные непосредственно с ядерной семой:

2.1. Желание *наказать* обидчика за причиненное огорчение, оскорбление, унижение, ущерб – *желание* отомстить.

2.2. Желание *восстановить справедливость*, указав на несоответствие действий обидчика морально-этическим, правовым и т.п. нормам, на несоответствие истине, действительному положению дел.

2.3. Желание *простить* обиду, смириться с ней.

2.4. Желание *забыть* причиненное огорчение, оскорбление, унижение.

2.5. Физическое проявление душевной боли.

3. Дальняя периферия концепта обиды представлена смыслами, опосредованно связанными с ядерными семами концепта обиды и сопряженными с идеей справедливости/несправедливости.

3.1. Лексемы, объективирующие компоненты других этических концептов (добро, зло, грех, совесть, вина, честь, смирение, долг, милосердие, ложь, хамство и др.).

3.2. Лексемы, объективирующие компоненты других эмотивных концептов (зависть, ревность, тревога, презрение, тоска, печаль, стыд, гордость, гордыня, несчастье, раскаяние и др.).

3.3. Лексемы, объективирующие смыслы, связанные с *реализацией* желания наказать обидчика (месть в разных ее проявлениях, месть как *поступок*).

3.4. Языковые средства, репрезентирующие образные ассоциации носителей языка.

Рассмотрим вербализаторы концепта на материале рассказа «Обида». Ситуация, позволившая автору рассуждать об обиде, такова: «несгибаемая» тетя-продавец «приписала» герою рассказа Сашке Ермолаеву пьяный скандал в магазине. Нахамила, нагрубила – обидела. А очередь поддержала (все торопятся, разбираться в том, кто прав, кто не прав, некогда), это особенно задело Сашку.

... До каких пор мы сами будем помогать ***хамству****? И с какой стати выскочил он таким* ***подхалимом****? Что за манера? Что за* ***проклятое*** *желание* ***угодить хамоватому*** *продавцу****,*** ***чиновнику****, просто* ***хаму – угодить*** *во что бы то ни стало! Ведь мы сами* ***расплодили хамов****, сами! Никто их не завез, не забросил на парашютах… Так примерно думал Сашка.*

Почему же рассказ о хамстве Шукшин назвал «Обида»? (Некоторые исследователи творчества писателя говорят, что рассказ этот об унижении и бессилии, бессилии человека перед хамством.) Ответ очевиден, на наш взгляд. Хамство – грубость, наглость, беззастенчивость [МАС 1988: 591]. Грубый – выражающий неуважение, пренебрежение к кому-либо, задевающий кого-либо своей резкостью, неучтивостью [МАС 1985: 351]; наглость – дерзкое бесстыдство [МАС 1986: 336]; а стыд – чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения;

разг. Позор, бесчестье [МАС 1985: 296]. Все эти смыслы имеют прямое отношение к осознанию обиды.

В рассказе причиной обиды является унижение человеческого достоинства героя – Сашки Ермолаева. Хамство, грубость продавца, ложное обвинение Сашки в том, что «вчера он в магазине устроил пьяный дебош», послужили поводом для обиды. Причина же в несправедливом отношении: Сашка считает этот укор оскорбительным, потому что «*последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже, когда и выпивал*».

– Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тётю…

– Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? ***Глядит, как Исусик****…*

Почему-то Сашка особенно ***оскорбился*** *за этого «****Исусика****». Чёрт возьми совсем, где-то ты, Александр Иванович,* ***уважаемыйчеловек****, а тут… Но он даже не успел и подумать-то так –* ***обида толкнулась в грудь, как кулаком дали****.*

– Слушайте, – сказал Сашка, чувствуя, как у него ***сводит челюсть от обиды****. – Вы, наверно,* ***сами с похмелья****?.. Что вчера было?*

Оскорбительная речь – это речь, содержащая отрицательную оценку объекта, на который она направлена, и воспринимаемая этим объектом как несправедливая, незаслуженная, т.е. не соответствующая действительности; целью этой речи является понижение статуса собеседника и/или уровня его самооценки. Как показали психолингвистические исследования, носители языка высшую степень отрицательной оценочности видят в понятиях «презрительное» и «бранное» (информантов просили охарактеризовать пометы в словаре) [Фрумкина 1974]. И герои Шукшина самым обидным считают пренебрежительное, презрительное отношение окружающих и грубое слово в свой адрес. Уничижительное «Иисусик» от «Иисус» означает, что человека уличают во лжи и лицемерии, т.е. грехе, притом что он себя почитает святым. Но Сашка воспринимает такое отношение как несправедливое, т.е. не соответствующее реальному положению дел (он на протяжении всего рассказа пытается доказать, что «*его вчера не было в магазине*»), обвинение в грубой форме унижает его человеческое достоинство и вызывает ответную реакцию: «*Вы, наверно, сами с похмелья?..*». «С похмелья» – не констатация факта, не информация о человеке, а его оценка, выражение отношения к нему как к личности. Связано это с национальным стереотипом о негативных качествах русского человека и с высокой положительной оценкой того, кто нашел в себе силы избавиться от всем известного порока. Потому подобные выражения вызывают отрицательную реакцию как у пьющих, так и у непьющих людей. «Сами с похмелья» спровоцировало дальнейшее усиление агрессии продавщицы:

Теперь обиделась тётя. Она засмеялась ***презрительно****:*

– Забыл?

– Что я забыл? Я вчера на работе был!

– Да? И ***сколько плотют за такую работу****? На работе он был! Да ещё стоит* ***рот разевает****: «С похмелья!»* ***Сам не проспался ещё****.*

Сашку ***затрясло****. Может, оттого он так* ***остро почувствовал*** *в то утро* ***обиду****, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже, когда и выпивал… И оттого ещё, что держал в руке маленькую родную руку дочери…* ***Это при дочери его так****! Но он не знал, что делать. Тут бы* ***пожать плечами, повернуться и уйти к чёрту****. Тётя-то уж больно того – несгибаемая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле,* ***извиняться перед кем попало. С какой стати****?*

Обвинение во лжи («И сколько за *такую* работу плотют?») – по мнению адресата, ни на чем не основанное, – несправедливый упрек, который усиливается дальнейшей грубостью продавца. В Словаре русского языка выражение «разевать рот» указано как просторечное со значением «сказать что-либо» [МАС 1987: 609]; та же самая помета приводится во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова: «начинать говорить что-либо, высказывать, выражать свое мнение» [Фразеологический словарь 1994: 376]. Однако в сознании носителей языка фразеологизм «разевать рот» (в том контексте, что указан выше) осознается как экспрессивный, имеющий ярко выраженную ироническую окраску, и означает примерно следующее: заговорил человек недостойный или такой, которому нечего сказать другим людям в силу недостатка ума, опыта и т. п., другими словами, не имеющий морального права на высказывание с точки зрения других членов социума. Кстати, в примерах, иллюстрирующих словарные статьи, есть интенсификаторы оценочного значения фразеологизма: *«– Кто там* ***смел*** *рот разинуть, – сказал громко исправник.* Пушкин. Дубровский» [МАС, там же]; *«– Глядит* ***таким смиренником****, – начала она снова, – голова вся седая, а что рот раскроет, то* ***солжет или насплетничает****. А еще статский советник!* Тургенев. Дворянское гнездо [Фразеологический словарь, там же]. Только в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова дана помета «фамильярное», указывающая на снижение статуса человека, к которому обращено это выражение [Ушаков 1939: 1158].

Дискредитация (от фр. Discrediter – подрывать доверие) – это умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, социального статуса адресата. Сашку Ермолаева волнует не столько мнение о нем очереди, сколько оценка ситуации маленькой дочкой: «Это при дочери его так!». Сашка чувствует, что в глазах окружающих он лживый, не желающий работать, безот-

ветственный, слабый, недостойный человек («не станет же она извиняться *перед кем попало*. С какой стати?»), однако Сашка не хочет простить обиды, остро ощущая несправедливость такой оценки.

– *Где у вас директор? — самое сильное, что пришло Сашке на ум.*

– *На месте, — спокойно сказала тётя.*

– *Где на месте-то? Где его место?*

– ***Где положено, там и место**. Для чего тебе директор-то? «Где директор»! **Только и делов директору – с вами разговаривать**! – тётя повысила голос, приглашая к скандалу других продавщиц и покупателей, которые постарше. – Директора ему подайте! **Директор на работу пришёл, а не с вами объясняться**. Нет, видите ли, дайте ему директора!*

– *Что там, Роза? – спросили тётю другие продавщицы.*

– *Да вот директора – стоит требует!.. **Вынь да положь** директора! **Фон-барон. Пьянчуги**.*

Намеренный иронический повтор слов оппонента, уклонение от ответа говорит о неуважении к собеседнику, а грубая форма указывает на понижение социального статуса адресата, уровня его самооценки, на пренебрежительное, презрительное отношение к нему. Два оценочных именования, которыми заканчивается этот диалог Сашки с продавщицей, при использовании в буквальном смысле выглядят как оксюморон: фон-барон – важная фигура (особа, персона), птица высокого полета [Тришин www/trishin.ru]; пьянчуга – *Прост., неодобрит., презрит*. Пьяница [Ушаков 1939: 1087]. Коммуникативный контекст и речевая практика носителей русского языка позволяет понять иронию. Причем этот лексический маркер конфликтного общения указывает еще на стереотип восприятия пьяницы, который пытается заявить о своих гражданских правах. С точки зрения системы общественных социальных ценностей даже важное лицо не может требовать уважения к себе, если позволяет себе пьяный дебош. Вербальное социальное наказание – естественная реакция людей на такое недостойное поведение. «Фон-барон» в устах продавца звучит синонимично фразеологизму «иметь барские замашки», т.е. «важничать, корчить из себя; относиться к кому-либо пренебрежительно, высокомерно» [МАС 1985: 62], этот смысл поддерживается в контексте глаголом «требует». Конечно, такая характеристика Сашки Ермолаева не является объективной, но у продавщицы нет и цели быть объективной: ее задача дискредитировать оппонента, выглядеть правой в глазах третьей стороны (очереди покупателей), одержать победу. Что ей, впрочем, и удается в конце концов.

Обыденное житейское столкновение вызывают в герое рассказа живую, непримиримую реакцию, он переживает конфликт как позор:

Лицо *его* ***горело****, точно ему ни за что ни про что* ***публично надавали пощечин*** (Обида, с. 170).

Сашка очень сильно, тяжело ощущает обиду: *аж слеза навернулась; свело челюсть; вскипело в груди; на тебе лица нету; обида толкнула в грудь, как кулаком дали*. Сквозным понятием при описании душевной боли, чувства обиды в рассказе Шукшина является глагол «трясти» в переносном значении: трясти – бить в ознобе, вызывать дрожь [МАС 1988: 422] – и его производные: «Сашку опять ***затрясло***. Он, как этот… и ***трясся*** всё утро, и трясся. Нервное желе, ёлки зелёные»; «Завотделом засмеялась. У Сашки опять свело челюсть. У него ***затряслись*** губы»; «Оставлять всё в таком положении он не хотел. Не мог просто. Его опять ***трясло***. Прямо ***трясун*** какой-то!». Рассказ и заканчивается обобщением-обращением к читателю, которое всех нас характеризует, как трясунов: « «Эх-х… ***Трясуны*** мы, ***трясуны***!..» –и покорно пошёл домой». Шукшин словно бросает упрек читателям: нельзя прощать обиду, вызванную хамством.

Попытки героя понять и простить обиду не увенчались успехом, он, скорее, утвердился в том, что несправедливость по отношению к себе человек не должен прощать, что забыть обиду невозможно и что еще больнее душе, когда оскорбление остается по какой-то причине не отмщенным, обидчик не наказанным (нам приходится покориться обстоятельствам).

Таким образом, анализ вербализаторов концепта обиды, которые были использованы В.М. Шукшиным в рассказе «Обида», позволил нам составить представление о переживании писателем этого чувства. Все смыслы, которые связаны в сознании носителей языка с представлением об обиде, в той или иной степени вербализованы писателем. Однако в индивидуальном варианте концепта обиды внимание акцентируется на переживании обиды и на желании героев наказать обидчика за причиненное огорчение, оскорбление, унижение, ущерб – отомстить. Но желание наказать, угроза – еще не поступок, т.е. желание мстить не является самой местью. Другими словами, некоторые смыслы ближней периферии в сознании героев шукшинских рассказов (а значит, и самого писателя) входят в ядро концепта.

Заметим, что полученная структурная модель концепта не является исчерпывающей, так как анализ производился на материале одного рассказа, то есть анализировалось ограниченное количество языковых средств. Однако выделенная структура концепта характерна для сознания автора, отражает актуальные для него когнитивные признаки концепта обиды.

Список использованной литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т./ В.И.Даль. – М.: Русский язык, 1978– 1980.

Словарь русского языка: в 4-х т.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981–1985 [Малый академический словарь (МАС)].

Тришин В.Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка[Электронный ресурс] / В.Н. Тришин. – Режим доступа: www.trishin.ru/left/dictionari

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Гос. издательство иностр. и нац. словарей, 1935– 1940.

Фрумкина Р. М. Прогноз в речевой деятельности / Р.М. Фрумкина, А.П. Василевич. – М.: Наука, 1974. – 228 с.

ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПЕЙЗАЖАХ И.А. БУНИНА (НА ПРИМЕРЕ АХРОМАТИЧЕСКИХ ТОНОВ)

Н.М. Ротанова*

«С помощью языка мы отражаем мир. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание – это лишь одна из форм языкового отражения мира», – пишет О.Г. Почепцов в статье «Языковая ментальность: способ представления мира» [Почепцов 1990: 110]. Цвет как совокупность оттенков представляет собой семантическую структуру, соотнесенную с эмоционально-личностными особенностями человека. В художественном произведении эмоциональное восприятие цвета осложняется содержанием этого произведения. Писатель, окрашивая образ, считается с традиционным значением цвета, но при этом может придавать ему другое и даже противоположное значение, в том числе оценочное, чтобы передать свое отношение к предмету речи, выразить собственное восприятие.

У носителей языка каждое время года ассоциируется с определенным цветом: весна – с синим (ясное высокое небо, отражающие его разливы рек); лето – с зеленым (яркая зелень лесов, лугов, которая к концу лета превращается в темно-зеленую); осень – это оранжево-красная гамма (от желтого до багрового); зима ассоциируется с белым снегом. Иван Бунин иначе воспринимает окружающий мир. В весеннем, летнем, осеннем пейзажах у него преобладает синий цвет, и только в зимнем пейзаже он отдает предпочтение белому, но синий все-таки более частотен по сравнению со всеми другими цветами, которые Бунин использует при описании зимней

* **Ротанова Надежда Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

природы. И что еще интереснее, в пейзажах Бунина вторым по частотности является чёрный цвет, особенно много таких цветообозначений в описаниях летней и осенней природы. У Бунина вообще очень много ахроматических тонов в пейзажах, хотя при чтении произведений создается впечатление, что он рисует яркие, даже пёстрые картины природы, вероятно, такое впечатление складывается из-за сочетания цветов, например, ***чёрный*** И. Бунин соединяет в контексте с ***лимонным*** или ***красным***:

Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет *грязь в листве* ***лимонной****.*
(Седое небо надо мной)

Однако интересно не окрашивание в чёрный цвет тех или иных предметов, а контекст, в который помещается чёрный предмет, оценочные слова и слова со значением чувства, настроения, которыми окружает писатель цветообозначения. Бунин изображает чёрное на фоне контрастного цвета, чтобы усилить противопоставленность каких-либо явлений, наше эмоциональное восприятие контрастов в природе. Например, писатель, используя оценочный потенциал «окрашенных» слов, противопоставляет раннюю осень – яркую, разноцветную, весёлую, тёплую, поздней, когда листва с деревьев уже облетела, на земле чёрная грязь, а упавшие на нее лимонные листья напоминают нам о прошедшей радости. Важно, что цвет в этом противопоставлении воспринимается как выражение оценки автора, его отношения к изображаемому, причем чёрный цвет показан как процесс (т.е. предполагается развитие, динамика), а лимонный статично.

Еще чаще Бунин соединяет чёрный цвет с красным, создавая таким образом ощущение тревоги, напряженного ожидания.

Земля, поднимаясь к горизонту, где еще тлел ***красноватый*** *слабый свет, была* ***черна****, как пропасть (Деревня).*

Чёрный цвет стремится поглотить слабеющий красный, чёрный «поднимается» к нему, но при этом сравнивается Буниным с «пропастью». Противопоставление «верх – низ» поддерживается в контексте определяемыми словами «земля – горизонт» (т.е. небо). Глагол «тлел» очень точно передает процесс чередования чёрного и красного цветов, борьбы добра со злом, т.е. репрезентирует оценочность колоратива. Контраст создается и на уровне цвета и на уровне оценки. Красный в данном контексте соединен с понятием «свет», чёрный – с понятием «мгла». Пропасть – бездна, беспредельная глубина [МАС 1985: 71], куда не доходит свет, символизирующий жизнь. Лексема «пропасть» выступает здесь интенсификатором отрицательного оценочного значения слова «черна», т.к. ассоциируется у носителей языка со смертельной опасностью, с безвыходностью.

Вот еще безрадостный пейзаж, связывающий в одно впечатление черный и красный цвета:

Надвигалась ***ночь****, небо и земля угрюмо* ***темнели****, за шоссе, за низкой* ***чернильной*** *грядой леса, еще гуще и мрачней* ***чернела*** *туча, широко и зловеще вспыхивало* ***красноепламя*** *(Степа).*

Небо и земля мрачны и неприветливы, здесь они объединены цветом и отсутствием света – «темнели». Не белые облака на синем небе, а мрачная черная туча над чернильной грядой леса создают настроение пейзажа. Тревога ощущается сильнее за счет динамичности пейзажа и выраженных наречиями характеристик: *угрюмо* темнели, *мрачно* чернела, *зловеще* вспыхивало пламя (зловещий – свидетельствующий о приближении чего-либо дурного, тяжелого, какой-либо беды [МАС 1985: 612]). Главный герой Красильщиков соблазняет молодую девушку Степу, отец которой уехал по делам и оставил ее одну. Пейзаж открывает перед читателем трагизм того, что случилось. Будущее девушки «сгорело» в «зловещем красном пламени» ночи. Коннотативное значение наречия экстраполируется в контексте на прилагательное цвета – «красный» меняет знак оценки, зафиксированный в некоторых его словарных значениях, на противоположный. Ср.: красный – 3. Красивый, прекрасный. 4. Радостный, счастливый. 5. Парадный, почетный. До времени «перестройки и гласности» и второе значение прилагательного имело положительную коннотацию: относящийся к революционной деятельности; связанный с советским строем, с Красной Армией [МАС 1986: 122]. Оценочный смысл этих значений в сознании носителей языка распространяется и на цвет, но, как видим, в речи цветообозначение может не только приобретать оценочное значение, но и менять знак оценки.

Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой ***черноте*** *лесов то и дело разверзались волшебные зелёныебездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома (Кавказ).*

Чёрный – символ смерти, пейзаж предрекает смерть: «злобная буря», «гробовая чернота лесов». Обманутый муж не может пережить горя и кончает жизнь самоубийством. Однако писатель философски изображает смерть: умирает безвинный человек – и его душа улетает в рай. Недаром «гробовой черноте» Иван Бунин противопоставляет «волшебные зелёные бездны», писатель как бы прощает (вопреки канонам христианской веры) самоубийцу, считая его достойным рая. Зелёный цвет в данном контексте имеет и буквальное и переносное значение: с одной стороны, это высвеченные блеском молнии деревья, с другой – это цвет надежды, надежды на лучшую (райскую) жизнь. Обращает на себя внимание использование слова «бездна»: если бездна (пропасть) окрашена

у Бунина в чёрный цвет – она символизирует смерть, если, как в данном примере, в зелёный – символизирует вечную жизнь, жизнь в раю.

В рассказе «Грамматика любви», чтобы показать сильную и преданную любовь барина к крепостной, Бунин рисует пейзаж с описанием плакучей березы:

В одно окно на золоте расчищающейся за тучами ***зари*** *видна была столетняя, вся* ***чёрная*** *плакучая береза (Грамматика любви).*

Береза оплакивает судьбу Лушки, которая умерла при родах, оплакивает судьбу Хвощинского, который не смог забыть девушку, храня о ней светлую память до самой смерти. Заря – ассоциативно-цветовое понятие, которое у носителей языка связывается с багровым (тёмно-красным) цветом. Бунин удивительным образом меняет смысл соединения красного и чёрного, используя глагольную форму «*расчищающейся* зари» и существительное «на золоте». Заря – будущее, она же светлая память о прошлом, память о чем-то очень дорогом, но утраченном навсегда, поэтому береза не только столетняя, плакучая, но и чёрная. И опять Бунин через оценочные коннотации, созданные контекстом, философски противопоставляет жизнь и смерть, инстинктивно подчеркивая силу жизни.

Чёрный для Бунина – это и цвет постижения тайны бытия. Чёрный цвет, наполняющий ночные пейзажи, словно говорит нам, что Бунину удалось приоткрыть завесу тайны смысла жизни, и, как обычно, писатель обращается к описанию неба:

А поздним вечером, когда сад уже ***чернел*** *за окнами своей таинственной ночной* ***чернотой****, <…> всё глядела на меня какая-то тихая звезда (Жизнь Арсеньева).*

Сады спали, таинственно ***чернели****, тепло освещались низким светом поздней луны (Жизнь Арсеньева).*

Тайна жизни, по Бунину, в том, что добро и зло всегда рядом, а хорошее и плохое обратимо. И пусть зло (тьма) выглядит сильнее – «чернел чернотой»), а добро (свет) ненавязчиво – «тихая звезда», зато оно постоянно – «всё глядела».

Оценка – это наше восприятие мира, в том числе восприятие мира в цвете. Мир цвета – феномен чисто психический, это порождение нашего мозга. Но в языке отражается как объективная, так и субъективная реальность, поэтому цветообозначения в речи способны выразить наше отношение к тому или иному явлению действительности, наше психическое состояние, наше настроение.

Использование цвета – индивидуальная черта авторского видения мира.

Для пейзажей Ивана Бунина очень характерно столкновение чёрного и белого:

*Дымятся **черные** бугры,*
И утром в воздухе нагретом
*Густые **белые** пары*
Напоены теплом и светом.

(Бушует полая вода)

*Мелькали освещаемые поездом **белые** снежные скаты и **черные** чащи соснового леса (Генрих).*

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
*Туманов мартовских, **чернеющих** бугров,*
*И света, и тепла от **белых** облаков,*
И первых жаворонков в поле.

(Свежеют с каждым днем и молодеют сосны)

*Ночь кажется бесконечной и сладкой – тепло постели, тепло старого дома, одинокого в **белой тьме** несущегося снежного моря (Таня).*

В последнем примере видим оксюморон: тьма воспринимается носителями языка как нечто чёрное, лишенное света, а белый цвет, наоборот, ассоциируется со светом (ср.: белый день). Но рядом друг с другом белое и чёрное кажутся более могущественными. В восприятии писателя это и есть суть бытия: как неразделимы день и ночь, свет и тьма, добро и зло, хорошее и плохое, так же чёрный и белый цвет символизируют цельность мира. Белый цвет является для носителей языка символом чистоты, невинности, молодости или, как и чёрный, обозначает отсутствие жизни, холод. Возможно, это ощущение позволяло писателю не только противопоставлять, но и соединять в контексте эти два цвета.

Если связать употребление того или иного цвета с временем года, то надо отметить, что чёрный преобладают во всех пейзажах писателя, но белый, и это понятно, выходит на первое место в зимних пейзажах. Для окрашивания в белый Бунин использует мало лексем, чаще всего это слова с корнем «бел-», причем иногда они выступают в роли интенсификатора оценочного смысла цветообозначений:

*На город густо валил дремотными хлопьями тот великопостный снег, что всегда обманывает своей нежной, особенно **белой белизной**, будто уж совсем близка весна (Жизнь Арсеньева).*

Кроме прилагательного с положительной коннотацией «нежный» (нежный – исполненный мягкости, ласки, любви [МАС 1986: 443]), для усиления оценочного значения слова «белизна» писатель употребляет прилагательное «белый», контекстуальное оценочное значение которого в свою очередь усиливается наречием меры и степени «особенно». Такое «нанизывание» положи-

тельной оценки позволяет Бунину подчеркнуть благостное состояние героя романа в преддверии Святого праздника Пасхи и его «весеннее возрождение».

Открыл глаза – нет, уже светло, и отовсюду глядит в залепленные снегом окна ***белая, белая белизна****, нанесенная до самых подоконников, а на потолке лежит ее* ***белый*** *отсвет (Таня).*

Во всех зимних пейзажах снег ослепительно сверкающий, блистательно-чистый. Тавтологичное по своей сути словосочетание «белая белизна» (и даже «белая, белая белизна») как раз и должно, по мнению Бунина, передать степень чистоты не просто русского зимнего пейзажа, но русской земли –Родины, которую так горячо любил Бунин.

Таким образом, эмоциональное субъективное восприятие цвета (ввиду ассоциативной связи с явлениями действительности) приводит к развитию у колоративной лексики стилистического (коннотативного) значения, в частности эмоционально-оценочного,поэтому в контексте слово, кроме значения цвета, способно передавать чувства и оценку говорящего. Пейзаж в художественном произведении особенно ярко через контекстуальное оценочное значение колоративов демонстрирует особенности мировидения писателя.

Список использованной литературы

Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 4 т./ И.А. Бунин. – М.: Правда, 1988.

Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира/ О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 110–118.

Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1981–1985 [Малый академический словарь (МАС)].

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ВЕЛЛЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЛЕГЕНДЫ АРБАТА»)

С.А. Черницына*

Как отмечают ученые, в каждом художественном тексте присутствуют элементы, ранее употреблявшиеся в других текстах. В зависимости от авторского замысла тексты, содержащие данные элементы, являются стилизацией, интерпретацией, пародированием чужих текстов. Чужой и авторский тексты вступают во взаимосвязи на различных уровнях. Явление скрещения, контами-

*__Черницына Светлана Алексеевна__ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

нации текстов двух и более авторов, зеркального отражения словесных выражений принято называть интертекстом.

Практически любой текст может быть назван интертекстом. Классическую формулировку этому понятию дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляют собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Барт 1978:78].

Ю.С. Степанов полагает, что интертекст – это то, что проступает за двумя текстами, «…он многоярусен, «многоэтажен» и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст– это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже вряд ли можно назвать «текстами», поскольку они состоят из «нечитаемого» – понятий, образов, представлений, идей…» [Степанов 2001:3].

Наряду с термином «интертекст» в 1967 году в ряде работ Ю. Кристевой появился термин «интертекстуальность», под которым она понимает «социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [Кристева 1970:5].

Р. Барт считал, что «как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт 1978:78].

И.П.Ильин предлагает такую формулировку: «мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Ильин 1996:217].

С точки зрения Н.А. Фатеевой, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов [Фатеева 1997:12].

Ю.П. Солодуб пишет: «интертекстуальность чаще всего трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний» [Солодуб 2000:51].

Таким образом, интертекстуальность произведения может быть определена как особый социальный контекст, в который вписано общее повествование

с помощью воспроизведения целиком или частично с различными видами преобразований прецедентных текстовых элементов.

Межтекстовые связи в любом виде текста способны выполнять ряд различных функций. Функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора.

Произведение Михаила Иосифовича Веллера «Легенды Арбата», написанное в 2009 году, является сборником рассказов-новелл, по жанровой принадлежности относящихся к сатирической литературе на явления политики и культуры советского и постсоветсого времени. «Легенды Арбата» наполнены сатирой, юмором и элементами пародии, а так как пародийный текст базируется на некоем исходном тексте, то межтекстовые связи в нём отчетливо выражены.

Анализ источников прецедентных текстов составил следующий ряд убывания:

- Высказывания известных лиц: политических деятелей, артистов, певцов, писателей – 130 единиц;
- Элементы других художественных текстов: названия, имена авторов и персонажей, фразы – 119 единиц;
- Пословицы, поговорки, крылатые выражения, высказывания известных лиц – 42 единицы;
- Личные имена – 6 единиц.

Общая роль прецедентных текстов заключается в том, что они выступают как целостный знак, отсылающий к исходному тексту и создающий общие социокультурные параллели, вписывая текст в общекультурное пространство. Такая функция по сути является текстообразующей. Она в полной мере присуща интертекстуальности произведения Веллера. Автор использует аллюзии в сильной заголовочной позиции: названия глав: *Алмазный мой резец* или *Шутник Советского Союза*, а также вставляет подобранный перечень политических цитат между главами, создавая таким образом общий социально-политический контекст произведения.

Частные стилистические функции межтекстовых элементов в художественном произведении Веллера многообразны, однако основной из них является функция создания комического эффекта. Комический эффект обычно достигается писателем при помощи приема контаминации элементов исходного и авторского текста. Эффект обманутого ожидания в сочетании со смысловым контрастом формирует аллюзивную комическую фразу в веллеровском стиле: *Чем*

бы дитя не тешилось, лишь бы не беременело. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и де Саде. Велика Россия, а выбирать всегда приходится из каких-то уродов. Спокойно, Маша, я Дубровский Давид Израилевич. Опора на народно-фольклорные элементы создает эффект узнаваемости, а в сочетании с неожиданным продолжением – парадокс. Она служит для создания иносказания, двусмысленности, иронии и сарказма. Большое значение в создании комического контекста здесь играют эффект обманутого ожидания и ложный вывод. Большинство шуток включают в себя обращения к реалиям современной жизни, к установившимся мнениям, понятиям, что является признаком массовости. Используя контаминацию, автор подкрепляет создаваемый ею комический эффект и другими способами: например, введением в контекст вводных конструкций и замечаний авторского характера: *Сегодня компьютер и телевизор дадут тебе все, потом догонят и добавят бесплатной рекламы*.

Нетрудно заметить, что, выполняя другие стилистические функции в произведении М. Веллера, интертекст в то же время не утрачивает своей юмористической окраски. Так, характерологическая функция, присущая таким контекстам, как: *Не полагаясь на свои внешние данные Винни Пуха и харизму Пятачка, Гайдар никогда не любил публичности. К эпохе «Перестройки» работящий и рачительный скульптор заматерел в Москве такой глыбой, человечищем, что Лев Толстой бы рядом не встал* – сочетается с авторской иронией. Весьма характерна для Веллера юмористическая передача эмоционального состояния героев: *Адвокат выступал героем сказки о храбром мышонке. Медленно пробуждающееся сознание нарисовало рядовому Немцову счастливую судьбу Маресьева…*

Острая сатира явно звучит во фразах, где интертекст является средством обрисовки конкретной политической или социальной обстановки, выполняя функцию ситуативной локализации текста: *А Никиту Сергеевича Хрущева с его громадьем планов тут поперли на пенсию. Мы всегда довариваем суп при следующем топоре. Мудрый народ давно понял начальство: «Поди туда, не знаю куда, подай то, не знаю что». Народ безмолвствовал: пытался понять и выжить одновременно*.

К ярким приёмам введения межтекстовых элементов в произведение, используемым Веллером, кроме последовательной контаминации следует отнести вариант внутреннего контаминирования фразы, когда в прецедентном тексте происходит замена одного из компонентов, а остальные сохраняют свой состав и порядок следования: *Ничто человеческое халявщику не чуждо. Кто не спрятался – тот не виноват*.

На основе чужого текста автор создает различные стилистические приёмы: например, употребление чужого текста в качестве предмета сравнения:

Аааааааааааа!!!..... – ревет и стонет генерал как Днепр под Змей Горынычем. В Сиднее он сполз по трапу, как небольшой удав, проглотивший тридцать восемь попугаев. А также в качестве одного из элементов антитезы: *Скребут по сусекам, иначе тебе наскребут по сусалам. И спроектировали буревестникам комфортабельный спецкурятник*. Создание окказионального слова: *И служил царю, отцовствуя солдатам, вплоть по достижении сорокалетнего возраста…* или развёрнутой метафоры: *И лишь редкий маршал долетал до середины рая по пути обтесавшись до полной придворной безвредности*.

Часто писатель просто соединяет в одном контексте цитаты из разных источников, создавая новые смысловые ассоциации: *Я шар земной чуть не весь обошел – и жизнь хороша, и жить хорошо. Я вернулся в мой город, знакомый до слез. Выходи на бой, чудище поганое.* – так автор передаёт свои впечатления от встречи с памятниками, созданными скульптором Церетели, по его словам – *циклопическими истуканами*. В ряде случаев такая цитация заканчивается последовательной контаминацией с параллельным авторским вариантом оценки ситуации: *Бойцы вспоминают минувшие дни: то взлет – то посадка, то премия – то разнос*.

Зачастую в прецедентном тексте происходит перекрещивание нескольких исходных вариантов, выражающих авторскую оценку, характеризующих ситуацию или героя и создающих сатирический подтекст одновременно: например, во фразе *У рыцарей НКВД были чуткие уши, длинные руки и тонкий нюх на такие вещи.* – ощущаются параллели с высказыванием Феликса Дзержинского «*Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками*»; метафорой, часто употребляющейся при его характеристике: «*рыцарь революции*» и фразой Остапа Бендера из произведения Ильфа и Петрова: «*Идите. Но учтите – у нас длинные руки!*»

Особый эффект создают нечастые в произведении, но яркие реминисценции. Они не только характеризуют героя или ситуацию, но и выполняют функцию экономии языковых ресурсов, одним словом или даже частью слова вызывая в нашем сознании полноценный образ. Например, введённое в текст словечко, характерное для речи первого президента России Бориса Ельцина: *Молодой, **понимаешь**, здоровый, энергичный, гордиевы узлы рубит с плеча*.

М. Веллер умело вплетает межтекстовые элементы в другие стилистические фигуры, создавая цельную метафорическую картину.

Вот примеры такого соседства изобразительных средств, делающие контекст ярким, эффектным, оценочным:

Интертекст и антитеза:

И спроектировали буревестникам комфортабельный спецкурятник.

Человек с алой коркой «звучал гордо, хотя выглядел мерзко».

Интертекст и аллегория:

Там лиса показывала стриптиз вороне, сыр падал из клюва, кукушки пели петухам, и срамные заслуги ревниво задирались на ярмарке тщеславия.

Три бояна вещих, три хитрожопых поросенка, три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу, обрушивают на голову одиночки свой гений.

Интертекст и сравнение:

В каждом отделении воспитывается такой Гомер, такой Нестор, что классики в раю скрежещут от зависти.

Помощник, охранник и секретарь вцепляются в своего премьера, согласно национальной русской инструкции «дедка за репку, внучка за жучку».

Интертекст и смешение стилей:

Ничто человеческое халявщику не чуждо.

И – с на-лё-та, с по-во-рота, сантехник с размаху хреначит его огромным железным разводилом по балде – н-на!

Интертекст и метафора:

Сюжет с троянским конем положил свою тень на беззащитный пейзаж…

Проведенный нами статистический и стилистический анализ позволяет сделать вывод о том, что интертекст является одним из самых частотных и выразительных приемов художественного творчества М. Веллера, позволяющим создать различные оттенки комического, охарактеризовать героев и ситуацию в целом и сделать это лаконично, ярко, точно.

Список использованной литературы

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс,1989.– 616с.

Ильин И.П. Интертекстуальность / И.П. Ильин //Современное зарубежное литературоведение : страны Зап.Европы и США: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / под ред. И.П. Ильина; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. общ. наук. – М.: Интрада – Инион, 1996.– 320 с.

Кристева Ю. Семиотика / Ю. Кристева. – М.: Изд-во МГУ, 1970.– 218с.

Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 2000. – №2.– С.51 – 57.

Степанов Ю.С. «Интертекст», «Интернет», «Интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) / Ю.С. Степанов // Известия АН. Сер. литературы и языка.– 2001. – Т.60.– №1. – С.3 – 11.

Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н.А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка.– 1997. –Т.56.– №5.– С.12-21.

ЭПИТЕТЫ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Л.УЛИЦКОЙ «ЛЮДИ НАШЕГО ЦАРЯ»

Щурова И.В.[*]

Творчество Л.Е. Улицкой стало одним из ярких явлений современной русской прозы. В последнее время начало формироваться и основательное осмысление вклада Л.Улицкой в современный литературный процесс. Среди работ, посвященных ее творчеству, есть не только критические публикации в периодике, но и обзоры в учебных пособиях по современной русской литературе: «Русская проза конца XX века» Г.Л. Нефагиной [Нефагина 2005], «Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы» Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого [Лейдерман 2003] и др. Авторы филологических исследований определяют место и роль творчества Л.Улицкой в современной русской литературе, обозначают ведущие темы малой прозы Л.Улицкой, показывают своеобразие художественных средств, используемых писательницей для создания характеров, представленных в рассказах. Однако несомненно и то, что творчество Л.Улицкой во многом изучено недостаточно полно и глубоко, в частности, в русской и зарубежной филологии практически нет специальных исследовательских работ, посвященных анализу языка произведений Л. Улицкой.

В нашей работе мы обратились к исследованию эпитетов как средства достижения большей художественной выразительности в цикле рассказов «Люди нашего царя». В работе эпитет рассматривается как один из основных элементов художественной системы произведения. Эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса. В функции эпитета может выступать слово любой знаменательной части речи, которое в данном поэтическом контексте выполняет основную функцию эпитета – функцию художественной характеристики реалии.

Материалом исследования послужил цикл рассказов «Люди нашего царя», включающий 10 произведений из книги «Люди нашего царя», опубликованной в 2005 году в издательстве «Эксмо [Улицкая 2010]».

[*]**Щурова Инна Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Среди изобразительно-выразительных и образных средств русского языка эпитет занимает далеко не последнее место: по употребительности данный троп является одним из лидеров, наряду с метафорой и метонимией.

Эпитеты придают наглядность изображению тех или иных предметов, явлений. Для стилистической оценки эпитетов важна не их условная «красивость», а органичность в тексте, их обусловленность содержанием произведения, эстетическими задачами автора. Предпочтение эпитетам или отказ от них еще не дают основания говорить о степени мастерства автора – все зависит от того, как они используются, насколько оправдано обращение к ним в контексте, убедительные или фальшивые образы создает писатель.

Стилистический подход к изучению эпитетов дает возможность выделить в их составе три группы: 1) усилительные эпитеты, которые указывают на признак, содержащийся в определяемом слове (*зеркальная гладь*); к усилительным эпитетам относятся и тавтологические (*горе горькое*); 2) уточнительные эпитеты, называющие отличительные признаки предмета (величину, форму, цвет и т.д.). Между усилительными и уточнительными эпитетами не всегда удается провести четкую границу; 3) контрастные эпитеты, образующие с определяемыми существительными сочетания противоположных по смыслу слов – оксюмороны (*радостная печаль*).

Анализ книги «Люди нашего царя» показал, что эпитеты в ней являются часто используемым средством речевой выразительности. Всего в произведении было выявлено 574 эпитета.

В книге Л.Улицкой эпитетами обязательно сопровождаются практически все существительные и субстантивированные части речи: «*Невзрачная, довольно узкая – две машины едва расходятся – мощеная дорога от одного маленького городка до другого после постройки тоннеля была заброшена*», «*Механик и пастух не нарушали вольного одиночества Женевьев, встречаясь на дорожке, кивали Женевьев и в друзья не навязывались*».

Из исследований по логике известно, что при замене одного из элементов логической структуры возможны три основных варианта изменений: отношение между элементами структуры становится бессмысленным, перестает выполняться или выполняется.

Количество эпитетов первой группы в проанализированном тексте – 27 %: «*Самым ценным знакомством был Леонид Сергеевич, немолодой уже, полноватый и длинноволосый, вида барского, но довольно потрепанного*» (знакомством был Леонид Сергеевич), «*Нина Аркадьевна, дама в возрасте, благородного происхождения и хорошего воспитания, не одобряла пуськиного поведения, но деваться было некуда: у нее был принцип любви к животным*» (Нина Аркадьевна, происхождения и воспитания).

Группа эпитетов, в которых при устранении определения высказывание остается осмысленным, но в его семантике происходят изменения, составляет 21 %: *«Дверь в комнату предусмотрительно приоткрыта так, что можно распахнуть ее ногой, – чтоб ни секунды не уступить в этом ежевечернем соревновании с законом сохранения энергии, в данном случае – не попустить сковородному теплу рассеяться в мировом холоде преждевременно*» (не попустить теплу рассеяться в холоде), «*Она снимает крышку – атомный гриб запаха и пара вздымается над сковородой*» (гриб запаха и пара).

В большинстве случаев Л.Улицкая использует третью разновидность логической структуры, где высказывание при устранении определения не меняет значения, а лишь сокращает часть информации, выраженную прилагательным, а основное отношение между элементами выполняется. Количество таких эпитетов составляет 52 %: «*Отец Ирины уже работал в «Красной звезде», разъезжал по фронтам и писал знаменитые на всю страну очерки*» («отец писал очерки»), «*С начала ушли старые животные: тяжелый и мощный кот Лузер с огромной кривоухой башкой не вернулся однажды с ночной гульбы, да так и пропал, через месяц сбежала Лада, – не сбежала, а сковыляла, – потому что давно уже еле двигалась*» (кот Лузер).

Проведенный анализ текста показал, что в тексте рассказа преобладают необязательные с логической точки зрения эпитеты. Однако логическая необязательность обусловливает их стилистическую мотивированность, художественную значимость и необходимость. О.Э.Мандельштам в «Разговоре о Данте» отметил: *«Сила дантовского сравнения… прямо пропорциональна возможности без него обойтись. Оно никогда не диктуется нищенской логической необходимостью»* [Мандельштам 1967]. Это замечание справедливо и вполне применимо к стилистике Улицкой.

По стилистической классификации основную группу эпитетов составляют уточнительные эпитеты, которые называют отличительные признаки предмета – 523 употребления (91 *%): «С юности делаешь титанические усилия, чтобы собрать, сложить свое «я» из случайных, чужих, подобранных жестов, мыслей, чувств и, кажется, вот-вот ты готов обрести полноту самого себя», «Нас было трое – Марсель, лет пять как перебравшийся в эти края пожилой адвокат, толстая Аньес с пышной аристократической фамилией и с явно дурным характером, и я».*

Значительно реже применены автором усилительные эпитеты, указывающие на признак, содержащийся в определяемом слове. Их количество составляет 41 употребление (7 %): «*Ноги Василию оторвало почти под корень, но руки зато у него были золотые. И силищи необыкновенной*», *«– Да ладно уж, – дает он снисходительную отмашку. И ест, дуя и обжигаясь*».

Контрастные эпитеты, образующие сочетания противоположных по смыслу слов, составляют всего 10 употреблений (2 %): «*И чем меньше оставалось легких, тем ярче кипела злоба, своей страшной силой обращенная больше всего на Клаву, утешавшуюся подлейшей народной мудростью: бьет – значит, любит*», «*Из глупой честности он иногда даже и навещал в этот день мать, но чаще проводил вечер в библиотеке*».

Типичными выразителями признака являются прилагательное, наречие и причастие, причем наречие выражает признак по отношению к глаголу.

Значительное большинство эпитетов Улицкой выражено именами прилагательными, их количество составляет 523 – это 91 % от общего числа эпитетов. Использование такого количества прилагательных в качестве эпитетов обусловлено тем, что именно эта часть речи обозначает признак предмета и как нельзя лучше подходит для красочного, образного описания: «*По лексическому богатству почти как русский! – он воздевал руки к небу, но не особенно высоко, на уровень плеч. – Но грамматические формы гораздо более разнообразные! Исключительно высокоорганизованный язык! Позволяет выразить очень тонкие временные отношения!*», «*Иногда, покончив с консультацией, Леонид Сергеевич читал ему свои переводы из восточной поэзии: монгольские всадники скакали через степи, индийские красавицы со слоновьими плавными движениями предавались сладострастным играм с принцами*».

Значительно реже применяются эпитеты, выраженные одиночными причастиями и причастными оборотами – 33 (5,7 %): «Рябь на воде приобретает новый узор, умирают старики и вылупляется молодь, а облака тем временем преобразовались в воду, были выпиты людьми и животными и вошли в почву вместе с их растворившимися телами».

Включение наречий в состав эпитетов представляется целесообразным ввиду того, что эмпирической базой исследования служит художественный текст, а «в художественных текстах одной из ведущих номинаций является номинация со значением качественной характеристики действия, для выражения которой изначально предназначено наречие» [Коренькова 2003 : 50]. Наречиями выражено 16 эпитетов (3%): «*Пока Гриня мацал в темноте кинотеатра ее руку, Таня терпела, но когда, провожая, загнал в угол парадного и, зажмурившись, положил сразу обе лапы на твердые конусы с пуговками на вершине, она взвыла, вскинула руки, плоско ударила его по лицу сумочкой и, громко плача, побежала на третий этаж, унося от Грини свою непосильную красоту*».

Наименьшую часть составляют эпитеты – существительные – 2 (0,3 %): «*Она сидела перед экраном компьютера, просматривала колонки цифр и букв и пыталась понять, как этот тщедушный кисляк Трунов уводит деньги*».

Художественная значимость определений подкрепляется и распределением лексических доминант. Типовые атрибутивные группы, где существительное обозначает предмет или событие, а определение – его признак, легко сводятся к центральному элементу – существительному. Однако в составе текста во многих случаях определение становится обязательным элементом высказывания (текста). В рассказе «Путь осла», например, для характеристики хозяйки дома Женевьев Л.Улицкая использует эпитеты, создающие образ независимой женщины, которая, наконец, обрела покой и душевное равновесие: с сильными синими глазами, счастливо одинокая; пребывает в состоянии завидного душевного покоя.

Семантическое доминирование определений – прилагательных обусловлено их многозначностью, предрасположенностью к метафоризации: разбегающиеся предметы, умная жизнь. Закономерности расширения предметной области приложения признаковых слов сводятся к двум основным принципам: движение от более конкретного к более абстрактному и принципу антропо- и зооморфизма. В рассказах встречаются метафоры и первого, и второго типа. Переход от более конкретного к более абстрактному позволяет точнее дифференцировать признаки и проявления иной категории реалий: волнующая тайна; глубокая привязанность. Примеры концентрации вокруг человека предикатов предметов и животных немногочисленны: *тряпичные руки и ноги; паучье тело; слоновьи движения; кукольное лицо*.

Более распространены метафоры, основанные на переносе свойств человека на предметный мир и абстрактные понятия*: сильные глаза; грубые тарелки; хромые звуки; трепетный гам; безумные ногти*. Такое использование метафоры дает возможность автору, сняв ограничения в сочетаемости, не только найти новые обозначения для идей, событий, процессов и абстрактных понятий, но и создать неповторимый в своей одухотворенности и человечности художественный мир, наполненный живыми вещами и живыми чувствами.

Максимальная полнота картины создается не только путем метафоризации, то есть за счет внутренних семантических резервов слова, но и экстенсивно – путем развертывания определения. Повторяющиеся структуры определений: 1) качественное прилагательное + относительное: бессмысленные девичьи слезы;2) качественное и качественное (с союзом или без союза): глаза ясные, яростные; 3) определение + определяемое слово + причастный оборот: Рождество… странное, смещенное, разбитое на отдельные куски; 4) наречие + определение + определяемое слово: хорошо отлаженный конвейерный механизм; 5) определение совмещено со сравнением: она прекрасна душой, кротка, как голубь, и мудра, как змей.

Таким образом, о стилистической значимости эпитетов в художественной системе сборника «Люди нашего царя» свидетельствует, во-первых, их количество в проанализированном тексте; во-вторых, преобладание уточнительных эпитетов; в-третьих, необязательность эпитетов с точки зрения логической структуры высказывания, и тем более очевидное семантическое доминирование; в-четвертых, ведущая роль в тексте метафорических прилагательных, обогащающих язык произведения новыми смыслами; в-пятых, реализация развертывания определений в конструкциях качественное + качественное; качественное + относительное; качественное (относительное) + причастный оборот; наречие + определение + определяемое слово.Анализ эпитетов в книге Л. Улицкой «Люди нашего царя» дает возможность утверждать, что эпитет является одной из стилеобразующих доминант всего сборника рассказов.

Список использованной литературы

Коренькова Е.В. Качественное наречие как элемент идиостиля (на материале художественной прозы И.Бунина и Б.Зайцева): дисс… канд. филол. наук(10.02.01 – русский язык) / Е.В. Коренькова; рук. работы Н.А. Илюхина. – СПб., 2003. – 198 с.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: уч. пос. для студ. высш. учеб. заведений. В 2 т. Т.2: 1968-1990. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 688 с.

Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. – М.: Искусство, 1967.

Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: учеб. пособие [для филологич. фак-тов вузов]. – М.: Наука, 2005. – 320 с.

Улицкая Л. Люди нашего царя. – М.: Эксмо-Пресс, 2010. – 512 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ НАРУШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В КНИГЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «ГОРОД СВЕТА»

И.В. Щурова[*], М.А. Федулова[•]

Выбор темы исследования обусловлен недостаточной изученностью как проблемы лексической сочетаемости, так и языковых особенностей произведений известного современного писателя Людмилы Петрушевской.

Целью работы является анализ приема нарушения лексической сочетаемости в книге Л. Петрушевской «Город света», изданной в 2005 г.

[*]**Щурова Инна Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего язкознания Курганского государственного универсситета.

[•]**Федулова Мария Александровна** – выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

Соединение слов в словосочетания имеет разного рода ограничения. Во-первых, слова могут не сочетаться из-за их смысловой несовместимости (семантическая несочетаемость); во-вторых, объединение слов в неправильное словосочетание может быть исключено в силу их грамматической природы (грамматическая несочетаемость); в-третьих, объединению слов могут препятствовать их стилистические особенности (стилистическая несочетаемость), в-четвертых, – лексические особенности (лексическая несочетаемость).

Д. Э. Розенталь лексической сочетаемостью называет «способность слов соединяться друг с другом,ведь в речи мы употребляем слова не по одному, не изолированно, а в словосочетаниях,при этом одни слова свободно соединяются с другими, если они подходят им по смыслу, а иные имеют ограниченную лексическую сочетаемость» [Розенталь 1987: 59]. Так, синонимичные определения –*длинный, длительный, долгий, долговременный, продолжительный*– по-разному сочетаются с существительными: можно сказать *длительный(продолжительный)период*, но не *длинный (долгий, долговременный) период*; *долгий путь, длинный путь* и *продолжительные сборы, долговременный кредит*, и не иначе.

Неосознанное отклонение от норм сочетаемости является речевой лексической ошибкой (*преступить нормы*). Сознательное, то есть мотивированное стилистическим заданием и организацией контекста, отклонение от норм сочетаемости слов является стилистическим приёмом, к которому прибегают с целью, в частности, создания комического эффекта, создания экспрессивности текста. «Стилистический приём – способ организации высказывания, текста, усиливающий его выразительность. Совокупность всех стилистических приемов составляет один из основных объектов науки стилистики» [Ярцева 1990 : 412].

К нарушениям лексической сочетаемости слова можно отнести:

1) использование сочетаемости, свойственной другим значениям многозначного слова (различные значения многозначного слова обладают неодинаковой сочетаемостью);
2) использование в одном выражении слов, содержащих отрицающие друг друга смысловые признаки;
3) контаминацию похожих словосочетаний;
4) искажение компонентного состава фразеологизмов;
5) перенесение моделей сочетаемости из одного языка в другой в процессе перевода текстов;
6) использование сочетаемости, не принятой в узусе.

Сочетаемость слов играет особенно важную роль в художественной речи. Расширение привычных связей слов, придающее им новые оттенки значения, лежит в основе многих классических образов, созданных писателями и поэта-

ми: *седой зимы угрозы* (А. С. Пушкин). К нарушению лексической сочетаемости часто прибегают юмористы: *яблоко с родинкой* (И. Ильф и Е. Петров). Этот стилистический прием лежит в основе заглавия некоторых фильмов («*Воспоминание о будущем»),* газетных статей («*С шуткой наперевес»*).

В нашем исследовании были проанализированы рассказы «Город света», «Новые приключения Елены Прекрасной», «История живописца», «Королева Лир», «Девушка нос», «Верба-хлест», «Остров летчиков», «Две сестры», «Секрет Мариэллы», «Принцесса Белоснежка», «Принц с золотыми волосами», включенные Л.Петрушевской в книгу «Город света».

Отметим, что случаи нарушения лексической сочетаемости были обнаружены нами во всех произведениях цикла.

Так, в повести «Город света» этот прием применен в следующем высказывании: «*Положение становилось опасным, поскольку ослабевшая фея Сирени следила за порядком на Земле, а именно на* **Землю *эмигрировал в незапамятные времена*** *(то есть несколько тысяч лет назад) колдун Топор, существо вредное и злорадное*» [Петрушевская 2005:12]. Слово *эмигрировать* имеет значение «переселиться – переселяться из своего отечества в другую страну»[Денисов 1983]. Оно применяется по отношению к перемещениям в пределах планеты, но в этом, описывающем волшебные события, контексте речь идет о переселении с одной планеты на другую.

В рассказе «Новые приключения Елены Прекрасной»: «*Но других женщин в том переулке, по которому шла Елена вверх от моря, ей попалось немного, одна пожилая бабушка, видимо* ***кошачья пастушка*** *(она сидела у дома на стуле в окружении своего стада), и одна немолодая дама под единственным в округе фонарем*»[Петрушевская 2005: 111]. Кошек не пасут, однако автор подчеркивает, что бабушка сидела в окружении своих любимых животных.

В рассказе «История живописца»: «*Весна в тот год не удалась, часто шли дожди. И в данное время суток (в полдень) облака зависли низко и тяжело, плотной массой, как будто поверх города положили полную грелку, и сомнений не было: вот-вот это* ***резиновое небо*** *лопнет*»[Петрушевская 2005: 149]. В данном словосочетании автор имел в виду несколько свойств резины: ее способность растягиваться, лопаться (и тогда на землю прольется дождь), возможно, и ее привычный цвет (серый), напоминающий цвет хмурого неба.

В рассказе «Королева Лир»: «*Десять минут Лир провела в магазине, вежливо слушая продавца, который, как ему казалось, уже уговорил ее купить* ***педальный телефон****, прибор для ужения рыб на мелком месте, бамбукокосилку, устройство ночного виденья в условиях театра…*»[Петрушевская 2005: 179]. Педальный телефон – плод воображения писателя, фантастический прибор. В этом произведении были обнаружены и такие примеры лексической не-

сочетаемости, как *Улица Булочек, домашний преобразователь навоза, нашествие полиции, полк собак, царственная бабка, золотые кудряшки, экологически чистая начинка, железный голос, орден синего носка, окоченевшая сосиска.*

В рассказе «Девушка Нос» мы обнаружили такие случаи нарушения лексической сочетаемости, как *стальные ноги,наука анекдотов, фаршировка яиц порохом, посторонние убитые*.

В рассказе «Остров летчиков»: «*Она всегда приходила почему-то встречать именно его и именно к последнему вагону, и в этот раз он решил эту* ***собаку усыновить*** *за ее верность – и нате, самолет опоздал!*» [Петрушевская 2005 : 230]. Усыновить собаку невозможно, ее можно приручить.

В рассказе «Две сестры»: «*Нитки* ***добывали из старых шерстяных вещей****, удивляясь, как много выкидывают некоторые люди на помойку*»[Петрушевская 2005: 238]. Добывать можно природные ресурсы, пищу. Но для двух сестер, которые жили бедно, это была своего рода добыча.

В рассказе «Секрет Марилены»: «*Марилена (бывшая Мария и Лена) чуть не умерла с голоду в первое время: она жила то на вокзале, то в городском саду, она уже не могла танцевать и зарабатывать на жизнь, а милостыню такой толстухе кто же подаст: где вы видели* ***жирного нищего***!»[Петрушевская 2005 : 275]. Нищий толстым быть не может. Именно с этой проблемой и столкнулась героиня рассказа.

В рассказе «Принцесса Белоснежка»: «*После чего старая няня носила младшую принцессу на руках по спальне целых десять минут, как в детстве, чтобы утихомирить ее, но при этом няня вспоминала и о своих обидах: что повар на кухне оставил ей не куриную ножку, а какой-то волосатый* ***куриный локоть*** *и что внуки одни бегают в деревне без присмотра, а тут живешь, выкладываешься, как потный индюк, безо всякой благодарности*» [Петрушевская 2005: 293]. Под *куриным локтем* здесьподразумевается не аппетитная куриная ножка, а крылышко, которое дали няне.

В рассказе «Принц с золотыми волосами»: «*Здесь жили* ***старенькие сорокалетние родители****, которые пролили много слез, когда заморский король, угрожая войной и разорением их цветущему государству, потребовал отдать в жены его сыну принцессу, поскольку о ней шел слух как о самой большой красавице мира, а чем обычно занимаются короли – они улучшают и улучшают свой род, стремясь, видимо, вывести особую породу самых красивых, самых умных и самых богатых собственных детей*» [Петрушевская 2005: 307]. Родителей в сорокалетнем возрасте нельзя назвать *старенькими*. Здесь автор книги имеет ввиду: *старенькие* для рождения детей.

Таким образом, в книге Людмилы Петрушевской «Город света» мы обнаружили 91 пример нарушений лексической сочетаемости. Наибольшее количе-

ство отклонений от привычной лексической сочетаемости было выявлено в повести «Город света». Мы пришли к выводу, что Петрушевская, нарушая лексическую сочетаемость, наиболее часто использует имя прилагательное или причастие (72 примера), реже наречие, глагол и имя существительное. При этом слово с признаковым значением приобретает новое переносное значение, что позволяет автору выявить новые черты характеризуемого явления, более многогранно характеризовать предмет, нередко сопоставляя его с другими предметами. Реже в создании словосочетаний с нарушением лексической сочетаемости автор использует наречие, глагол и имя существительное.

Намеренное нарушение закономерностей сочетания слов является стилистическим приёмом, который лежит в основе некоторых тропов (например, эпитета, метафоры, оксюморона и др.).

Эпитеты передают оценки автора, нередко ироничные, а также усиливают, подчеркивают характерное свойство предмета, выделяют существенные стороны изображаемого явления. Например: «*И* ***жирны****е, заевшиеся* ***страны*** *с умеренным климатом должны провалиться в пучины вод морских! Как вот Атлантида когда-то*». Выражение *жирные страны* [Петрушевская 2005: 13] обозначает развитые, цивилизованные, имеющие высокий уровень жизни, скорее всего европейские, государства. Данный эпитет имеет отрицательную оценочность, передает несколько пренебрежительное отношение к избалованным роскошью богатым странам.

В книге Петрушевской нарушение сочетаемости используется и в метафорах: «*Правда, по справедливости надо сказать, что к этому стремится весь человеческий род, все семьи надеются****на выведение особо ценной породы детей***» [Петрушевская 2005: 308]. Выводят новые сорта растений, животных, но не людей. Автор хочет подчеркнуть, что королевская семья занималась именно *выведением породы людей.* Тщательный подбор невесты сыну уподобляется отбору животных, растений в процессе выведения особо ценных пород и сортов, целью же родителей было рождение в будущем талантливых, красивых, умных – словом, «породистых» внуков, наследников. Метафора позволяет создать емкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях. Нужно отметить, что метафора насыщает авторское слово живым, искренним чувством и придает тексту субъективную окраску, убедительность и выразительную силу.

Нарушение лексической сочетаемости участвует в создании и такой стилистической фигуры, как оксюморон. Для оксюморона характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта. С психологической точки зрения оксюморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации. Например, «*А ведь известно, что надо прожить ее так, чтобы было* ***мучительно приятно***» [Петрушевская 2005: 15]. В повести

это выражение экспрессивно окрашено и имеет значение, обратное словарному, указывая на то, что человек испытывает при этом очень приятные, глубокие, сильные ощущения.

Не менее значимой для идиостиля Л.Петрушевской является ирония. При этом автор использует иронию и как троп, и как вид комического, выражение насмешки, причем такое использование носит в произведении сквозной характер. Например, «*И в таком случае, ежели это произойдет, то есть если все людишки* ***благополучно вымрут****, планета колдунов Черная Грязь всем скопом переселится на опустевшую планету Земля, где все-таки много светлее, есть воздух*». [Петрушевская 2005: 13]. Слово *благополучно* имеет общее значение «не вызывает тревог; успешно». [Денисов 1983]. В контексте произведения это словосочетание является намеком на то, что кому-то смерть некоторых людей будет очень выгодна. Приведенный контекст ставит под сомнение положительный смысл слова *благополучно,* придавая ему отрицательно-оценочное значение.

В высказывании «*Старушки сидели на скамейках, а старички находились на другом конце сквера и* ***предавались там азартным играм****, толпясь вокруг доминошников и редких шахматистов*» [Петрушевская 2005: 255] сочетание слов *предавались азартным играм* употребляется хотя и в словарном значении, но с некоторой насмешкой. В повести благодаря иронии создаётся ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется.

Нарушение лексической сочетаемости мы обнаружили и в составе такого тропа, как олицетворение: «***Молчащие скамейки****мужиков ненавидели, всех до единого, все возрасты и уже давно*» [Петрушевская 2005: 255].

Таким образом, приём нарушения лексической сочетаемости в книге «Город света» использован в создании таких тропов, как эпитет, метафора, оксюморон, олицетворение, ирония. Чаще всего нарушение лексической сочетаемости мы обнаруживаем при создании эпитетов. Ведь именно эпитеты способны усиливать, подчеркивать характерное, выдающееся качество предмета, выделять существенные стороны изображаемого.

Использование эмоционально-экспрессивно окрашенных языковых средств является существенной чертой стиля Л. Петрушевской, и нарушение лексической сочетаемости участвует в создании экспрессивной окрашенности текста. Выражения, в которых Петрушевская нарушала законы сочетаемости, совершенно органичны в контексте произведения. По нашему мнению, нарушение лексической сочетаемости – один из ведущих приемов, используемых в прозе Людмилы Петрушевской и формирующих ее идиостиль. Исследование творчества Людмилы Петрушевской дает интересный материал для стилистических наблюдений. Богатый язык Петрушевской формирует узнаваемый идиостиль одного из самых талантливых писателей современной России, что обу-

словливает неугасающий интерес к творческому наследию Людмилы Петрушевской со стороны филологического сообщества. В ее произведениях можно обнаружить сложную палитру стилистических приёмов и средств (к ним относится и нарушение привычной лексической сочетаемости), изучение которых остается одной из актуальных задач современной стилистики русского языка.

Список использованной литературы

Денисов П.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка / П.Н. Денисов, В.В. Морковкин, Л.А. Новиков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – 685 с.

Петрушевская Л.С. Город света. Волшебные истории / Л.С. Петрушевская. – СПб. : Амфора, 2005. – 319 с.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка : учебник для вузов / Д.Э.Розенталь. – 5-е изд.– М.: Высшая школа,1987. – 399 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл ред. В. Н. Ярцева; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

ИМЛИЦИРУЕМОЕ В ТЕКСТЕ

А.Б. Бушев*

Есть идеальная фраза для описания путешествий, я вычитал ее в русской книжке конца XVIII века, которая называлась «Приключения модистки с Кузнецкого моста и приказчика из Каретного ряда» и не была обременена ничем посторонним, не исключая и имени автора. Звучит эта фраза так: «Марш теперь в Сокольники, и вот мы уже в Сокольниках!» Это ли не перл?!

В. Аксенов

Пейоративность и мелиоративность, нейтральность лексики, эвфемизмы, ирония, жаргон, сленг, вульгаризмы – вот с этими стилистическими явлениями сталкивается, скажем, переводчик газетного текста. Теория высокого, нейтрального и низкого штиля обсуждалась в российской словесности впервые М. В. Ломоносовым. Важно улавливать смешение стилей. Так, например, в обыденном языке «занять диспозицию» звучит иронично. Так, те, кто обучался лишь военному переводу, по мнению И. С. Алексеевой, военным языком переводят и деловую корреспонденцию, что неуместно.

Семантика оценки, оценочные коннотации лексики, выражения оценки, экспрессивность, эмотивность, изображение эмоций и описание эмоций, оценочная лексика в разных функциональных стилях описаны в отечественном языко-

* **Бушев Александр Борисович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филилала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Твери.

ведении (Е. М. Вольф, В. Г. Гак и другие исследователи). В процессе обсуждения способностей русской языковой личности и лингводидактических готовностей по их обретению мы вышли к проблеме высших уровней языковой личности [Бушев 2010]. На этом уровне демонстрируется умение создавать и понимать нестандартные языковые произведения (творчество), способность распредмечивать сложные тексты, ощущать языковую игру, модальность текста.

Юмор может быть присущ и стилистическим коннотациям. Известны языковые средства экспрессивной окраски лексики и экспрессивной функции речи, слова с экспрессивно-эмоциональной коннотацией в лексикографии. Характерны стилистическая окраска слова, речи, регистр слова. Известен факт, что, когда Бунин осмелился заговорить о поэзии произведений Чехова, Антон Павлович усмехнулся: «Поэтом, милостивый государь, считаются только те, которые употребляют такие слова, *как серебристая даль, аккорд,* или *на бой, на бой, в борьбу со тьмой*». Иной пример: известная советская переводчица Е.Д. Калашникова вспоминает о работе в журнале «Интернациональная литература»: «Мы открывали для себя другие миры. Никаких тебе «Цементов» и «Гидроцентралей», поэтических рефренов на манер «грохают краны у котлована».

При этом в связи со смыслом комического привлекают внимание языковые средства оценки. Оценка вершится не только и не сколько в речевых актах прямой оценки («Это негодяй»). Или, например, в лекциях по литературе В.В. Набокова даны прямые и косвенные пристрастные оценки (ср. об Элиоте : «Это мошенник даже худший, чем смешной Томас Манн»). Оценка прослеживается и в литературном тексте – тексте эпиграммы доктора филологических наук Паперного: «Сочиняют Казанцев и Брянцев детективы для юных зас*анцев». Ничего не сказано в тексте эпиграммы напрямую о Казанцеве и Брянцеве, а лишь дана характеристика их читателям, которая рикошетом бьет по авторам. Известны оценочность сленга, метафоры.

Проблема языковой игры была поставлена в свое время впервые перед нами Г. И. Богиным, трактовавшим ее как особый узловой момент семантики коммуникации, наряду с юмором. Успешность и неуспешность понимания, коммуникации связывалась ученым именно с пониманием языковой игры и юмора. Очевидно, что оба эти феномена – языковая игра и юмор – дают повод говорящему и слушающему занимать разные позиции при понимании, подключать многослойность понимания и смыслообразования при порождении и рецепции текста, использовать различные техники понимания в связи с формальными маркерами стиля и семантикой текста.

Юмор имплицитно присущ отдельным языковым стратам. Юмор чувствуется во фразеологии и в паремиологии, да и вообще в коллоквиалистике. Вспомним все эти *«хорошенького помаленьку», «собака лает – ветер носит»,*

«дай бог Вашему теляти да волка съесть», «накось, выкуси», «за семь верст киселя хлебать», «лаптем щи хлебать», «хрен вам», «крыть было нечем», «хоть кол на голове теши», «дать стрекача, деру», «загвоздка», «показать кузькину мать», «пора и честь знать», «пропустить рюмочку», «как ни крути», «доброе слово и кошке приятно», «ну завел шарманку», «нечего канитель разводить», «попасть под чей-то башмак», «чтобы все плясали под его дудку», «подкатить к кому-либо», «на дармовщинку», «халява», «попасть на язычок», «не давать спуска», «руки коротки», «назвался груздем - полезай в кузов», «шабашить», «на карачки», «от горшка два вершка», «шалишь», «лопух», «обжулить», «ты у меня смотри». Юмор – явление, имиплицитно присущее сленгу: «колеса», 'sky pilot' = священник. Более того, все эти явления обладают семантической иррадиацией – «заряжают», стилистически окрашивают контекст.

Такое мнение (определенные языковые явления имплицитно содержат комическое) подтверждается практикой перевода. В процессе перевода мы видим три затруднения, презентирующиеся сознанию – этноспецифичность, языковая игра и ирония, юмор. Языковые единицы типа приведенных выше имеют явную стилистическую функцию, именно здесь возникает трудность подбора для них эквивалентности. Здесь оказывается значимой оппозиция регулятивной функции языка, представлений об институциональном дискурсе, жесткой регламентации и ритуализации форм общения и, напротив, игровой природе языка, косвенных речевых актов.

Комическое, связанное с языковыми оговорками и каламбурами, хорошо известно. Пародирование, аллюзия, языковая игра с прецедентными текстами, интертекстуальность, цитирование – случаи, относящиеся к этому кругу явлений. Гротеск, гипербола, ирония, сарказм, метафора – основные средства сатирической публицистики.

Ирония являет собой подразумевание прямо противоположного. Она возможна и на уровне микротекста: *Какая ты чи-истая. Хорошая погодка-с. Нормально средние способности, человек хороший*.

Ирония выступает как прием:

«*Я знаю Русь, и Русь меня знает. Потому и говорю это…*» – говорит один из героев Достоевского. Какой смысл выстраивается уже после этой фразы?!

Пародии как жанр имеют свои методы: гипербола, гротеск, литота, ирония. К ним близок сатирический комментарий. Но это ирония, насмешка, а не сатирическая типизация как в фельетоне, есть отличия и от пародии.

Не отстает и периодика. Например, популярный журнал «Мужское здоровье» так пишет о крутизне в статье «Хочешь быть крутым? Будь»: «*Круто было бы объяснить, что значит быть крутым. И кто из нас все-таки самый крутой? Я хочу быть крутым мэном. Не хочу быть интересным мужчиной,*

начитанным дядей, прикольным и даже стильным чуваком. Так я решил – и стал изучать искусство быть крутым. Что такое крутость? Это форма и образ жизни. Не хобби, не маска и не имидж. Реальные крутаны не думают о собственной крутизне. Крутые люди живут и совершают крутые поступки, не задумываясь о том, как это выглядит. Быть уверенным в себе – еще не значит быть крутым. Самоуверенным быть хорошо, но крутым – еще круче. Тот, кто реально крут, имеет право на ошибку. Только самоуверенные лохи не признают своих ошибок. Как это ни противно – но Джеймс Бонд действительно крут. Если не знаешь, как поступить, сначала представь на своем месте агента 007. А может, знаешь кого-нибудь покруче?».

Шутка же представляет собой предметное действие или сообщение, вводящее кого-либо в заблуждение с целью создания смешной ситуации.

Различие смысла и содержания – центральная идея для теории рефлексии – прекрасно прослеживается при наблюдении за собственным пониманием шуток, анекдотов, каламбуров, баек.

Показательные примеры, приведенные выше, позволяют сделать вывод о том, что категория языковой игры тесно связана с категорией «комическое», присутствует на разных языковых уровнях в текстах различных жанров, задействует сложные техники небуквального понимания, представляет узловой момент понимания и одну из существенных трудностей переводчика. Техники понимания языковой игры и комического нуждаются в изучении и типологизации.

Знание – далеко не единственный конструкт человеческого мышления, необходимый при интерпретации и понимании, хотя часто понимание строится на знании. Приведем пример соотношения знания и понимания – понимание юмористического:

В Большом зале Консерватории прошло чествование Ирины Архиповой по случаю 75 летия певицы. Архипову поздравляли посланцы и.о. президента, патриарха, мэра, глав республик и государств, театров, консерваторий, университетов, музеев, академий, общественных, творческих союзов. Архиповой целовали руки министры, дипломаты, актеры, режиссеры, музыканты, работники культуры, химики и врачи. Архиповой подарили сто букетов цветов, азербайджанский ковер, грузинскую жилетку, кинжал, саблю в ножнах, саблеобразную бутылку вина, клинского стеклянного дракончика, татарскую пуховую шаль и путевку в башкирский санаторий.

Фактографически – все написанное в газетной статье правда. Что же порождает смыслы «юмористическое», «пародирование сообщений о нерушимой дружбе народов и поддержке всеми слоями советского общества». На это работают и само перечисление, и избыточность ряда, и подчеркнутое выпячивание

национального и сословного, и синтаксис перечисления. На этой основе и формируется конструкт понимания.

Разработка теории актуализации, начатая в филологии русскими формалистами и пражцами, должна быть продолжена. Актуализация, изучаемая первоначально в художественном дискурсе, характерна и как средство выражения и оценки в иных, нехудожественных видах дискурса с художественной установкой.

Приведем пример: на вопрос «Почему попса не ходит на классическую музыку» отвечает известный пианист Н. Петров:

«*Они не ходят, потому что у них интеллект комариный и воображение устрицы! Не надо им воздух портить в святом месте. Я был бы в ужасе, если бы увидел этих оторв на своем концерте. Да и вряд ли им поможет посещение классических концертов – горбатого могила исправит*».

Акты прямой оценки хорошо изучены. Это предложения типа Х есть У, где первая переменная оцениваемый объект, лицо, феномен, а вторая – семантический нагруженный элемент оценивания (имеющий аксиологическую, эмоциональную, экспрессивную, стилистическую коннотацию): *Иванова – шваль, недочеловек. Сидоров – недоносок, придурок. Таких подонков поискать. Какая гадость ваша заливная рыба* и т.д.

Сложнее с косвенной оценкой, осуществляемой из контекста, методом импликации. Итак, оценка вербализуется семантикой с негативной оценочностью, семантической иррадиацией плюс косвенной оценочностью. Плюс работает обсужденное выше явление семантической иррадиации.

Для осуществления современной коммуникации необходимо привлекать социокультурные знания, поэтому нагрузка приходится на интерпретацию скрытых смыслов, то есть на имплицитное. Имплицитная информация, как правило не осознается адресатом, который не подвергает ее какой-либо оценке, не относится к ней критично или сомневается в ней, не ищет ей подтверждения (он ведь сам выводит эту информацию при интерпретации сообщения, а не получает ее в готовом виде, поэтому не ищет ей подтверждения). Такова точка зрения К. А Долинина. И. Р. Гальперин подразделял имплицитную информацию на смысловую и эмоциональную. Известны разноуровневые способы проявления имплицитной информации – на уровне слова, на уровне словосочетания, на уровне высказывания, на уровне предложения и теста, на уровне ситуации общения и жанра, на уровне дискурса. Важными могут быть значения отдельных смысловых единиц – морфемы, грамматической формы, интонации.

Имплицитность может быть не только разноуровневой, но и разнородной, куда относятся те феномены, которые называются контекстами с имплицитной информацией, такие как подтекст, эллипсис, текстовая имликация, аллюзия. То

есть то, что для выведения скрытых смыслов требует контекста, фоновых знаний, а также стратегий понимания и толкования текстов.

В традиционном понимании подтекст – это второй параллельный смысл устного или письменного высказывания, обусловленный языковой системой или целями и замыслом автора. В литературе – скрытый, отличный от прямого значения высказывания смысл, который сосуществует с явно выраженным, эксплицитным смыслом в одном и том же высказывании и который должен быть понят рецептором.

Вообще подтекст – лингвистический объект высокой степени сложности. Как лингвистическое и семиотическое явление подтекст наиболее часто обнаруживается в публицистических и рекламных текстах, однако механизм порождения подтекста в этих функциональных стилях во многом опирается на те приемы приращения смысла, которые есть в художественной литературе.

Место оценочных коннотаций в разных функциональных стилях различно. Они часто встречаются в ораторской речи и совсем не приняты в научной или официально-деловой речи. Здесь оценка должна быть эксплицитно указана с помощью объективных показателей.

Пробуждение рефлексии над особенностями знакомого – ключ к выявлению интертекстуальности в художественной публицистике. Гротеск, гипербола, ирония, сарказм, метафора – основные средства сатирической публицистики. Интересны и синтаксические особенности художественной публицистики. Все это вновь подводит исследователя к серьезному разговору что есть стандарт письма и отклонение от стандарта, риторически значимое – к пониманию актуализации как творческого компонента в замысле эффективной речи (Я. Мукаржевский).

Так, в дидактике обучения родному языку ведется разговор о необходимости того, чтобы логоэпистемная компетенция стала составляющей содержания обучения (Бурвикова, Костомаров 2006: 63-66). Представляется необходимым обратить внимание на перевод небуквального в текстах русской языковой личности, его приемы и – соответственно – систему лингводидактических заданий в курсе обучения переводчика родному языку, позволяющих достичь готовности понимания вертикального контекста. На более высоких уровнях языковой личности ставится вопрос о техниках интерпретации текста.

Список использованной литературы

Бурвикова Н.Д., Костомаров В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006.– 68 с.

Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: дисс. д-ра филол. наук. –М., 2010.–366 с.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ (ЭПИТЕТ И ПРОПОЗИЦИЯ)

С.А. Губанов*

Эмоциональная составляющая творчества М.Цветаевой является определяющей чертой всего ее творчества. Категоризация эмоций в атрибутивном аспекте представлена различными смысловыми блоками-концептосферами сферы-мишени – это человек, мир природы и мир артефактов. В поле нашего внимания попадает самый частотный по употребительности в составе эпифраз и одна из центральных констант творчества М.Цветаевой – **дом**.

Дом – это прежде всего строение; внутреннее, обжитое человеком пространство мира, это своё, безопасное место. Дом – организующий центр мира в русской культуре. В русском языковом сознании сосуществуют несколько значений и смыслов слова дом: приоритетным является представление о родном доме (кров, очаг, изба, хата).

Образная параллель дом – человек является для русской поэзии традиционной. Так, Н.А. Кожевникова акцентирует внимание на уподоблении по линии сходства внешнего или функционального в данной параллели, говоря о дроблении в широком круге образов сравнения, где отношения могут быть не прояснены, выражая «общее впечатление от строения или от его части». [Кожевникова 1991: 74]. Дом – ценностная «рубрика мира», воплощение уюта, тепла, любви [Маслова 2002].

Дом, базовый для творчества М.Цветаевой смысл, представлен 198 случаями употребления различных лексем, репрезентирующих данный концепт. В системе ценностей М. Цветаевой дом – кров, откуда человек вышел, последняя опора в жизни, убежище (Дом, который не страшен в час народных расправ). Этот дом может быть знатным, радостным, недобрым, завороженным, тревожным.

Приведем состав эпитетов с именем концепта «**дом**»: *грустный* (12), *сонный* (8), а также единично представленные *безглазый, завороженный, знатный, невеселый, невозвращенный, недобрый, немыслящийся, радостный, радушный, сгорбленный, скрывающийся, тревожный, угрюмый* и др.

Как мы смогли убедиться, логика языка позволяет расщеплять целостную духовную и физическую личность человека на ипостаси – части, моделируя космос психической жизни человека. Данная тенденция настолько последовательна, что ее можно проследить и на образных определениях при именах концепта «дом».

* **Губанов Сергей Анатольевич** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Международного института рынка (г. Самара).

Дом в поэзии М.Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и, автоматически, любая его часть осмысляется как орган человеческого тела. Вектор переноса устойчив (ср. *дружить домами*), един для переноса названия, признака и способов интерпретации (к примеру, глаза устойчиво ассоциируются с окнами, спина со стенами и т. д.):

Как из хаты той безглазой… [Цветаева 1994 : 3:308]; *Ваш шаг в мой недобрый дом…* [Цветаева 1994 : 1:249]; *И слова из сгорбленной хаты: // «Простите меня, мои реки!»* [Цветаева 1994 : 1: 101]; *Дом…// скрывающийся между лип* [Цветаева 1994 : 2:295]; *Чтите мой угрюмый грот (= дом)* [Цветаева : 3:27]; *Засады казенных // Немыслящихся домов* [Цветаева 1994: 1:560]; *Из дома сонного иду – прочь* [Цветаева 1994 : 1:282]; *И каждый нес свою тревогу // В наш без того тревожный дом* [Цветаева : 1: 103]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Цветаева 1994 :1: 227]; *Смерть – это так: // Недостроенный дом, // Невозвращенный* [Цветаева 1994 : 1: 277].

Негативная семантика в приведенных примерах и в текстах в целом преобладает в силу того, что дом предстает в поэзии М.Цветаевой чаще как предмет воспоминаний, которые тесно связаны с бытовой неустроенностью.

Материал дает возможность говорить о том, что поэт многогранно осмысляет дом, уподобляя его человеку, людям, населяющим его. Перед нами словно кинематографический кадр: необходимое именно в данный момент свойство дома выходит на первый план. Это может быть дом, существующий лишь в мыслях, в воображении (немыслящийся) или дом, воспринятый визуально (скрывающийся, безглазый) либо передается ощущение от пребывания в доме/ людей в доме (радушный, угрюмый). Все характеристики дома антропоморфны, что позволяет говорить о метонимической природе эпитетов, определяющих данный концепт.

Справедливо считается, что в поэзии М.Цветаевой два дома – дом земной и дом небесный [Гаспаров 1992]. Через данный концепт поэт определяет не только своё пространство, но и свой духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у него до масштабов Москвы и страны: *Москва! Какой огромный // Странноприимный дом!*

Дом в поэзии М.Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и любая его часть последовательно осмысляется как орган человеческого тела. Вектор переноса устойчив: с человека на артефакт, един для переноса названия, признака и способов интерпретации концепта:

– дом – метонимическое обозначение людей, находящихся в нем: *Из дома сонного иду – прочь* [Цветаева 1994 : 1:282]; *И каждый нес свою тревогу // В наш без того тревожный дом* [Цветаева 1994 :1: 103]; *Дом … по-медвежьи –*

радушен [Цветаева 1994 : 3:748]; *Редкий случай радостного дома…* [Цветаева 1994 : 7: 243]; *Наш знатный дом* [Цветаева 1994 : 1:205];

– дом, осмысляемый в качестве живого существа: *Дом…// скрывающийся между лип* [Цветаева 1994 : 2:295]; *Чтите мой угрюмый грот* (= дом) [Цветаева 1994 : 3:27]; *В завороженный, невозвратный // Наш старый дом…* [Цветаева 1994 : 3:14]; *Засады казенных // Немыслящихся домов* [Цветаева 1994 : 1:560]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Цветаева 1994 :1: 227].

Другие части дома олицетворяются также по метонимической логике, но это не исключает метафоры, так как метонимия существует на уровне вектора переноса, а метафора преобладает в осмыслении выражения. Например: *Бездушен отзавтракавший стол* [Цветаева 1994 :4:126]; *Бродят шаги в опечаленной зале* [Цветаева 1994 : 1:122]; *И дробным рокотом под подушкой // Рокочет ярая колотушка* [Цветаева 1994 : 1:285]; *… и лепет // Больших башмаков по хриплым половицам* [Цветаева 1994 : 1:508]; *То зелень старого стекла, // сто лет глядящегося в сад* [Цветаева 1994 :2:295]; *Стекло, с полок бережных …*[Цветаева 1994 : 3:561]; Голая, как феллах, // дверь делала стойку [Цветаева 1994 : 3:576]. Ср. *На полках хранятся книги, хранилище книг → бережные полки*.

Особо следует сказать об авторском концепте **лестница**; употребляется этот субстантив в одноименной поэме – «Лестница». Эпитеты к данному концепту подбираются поэтом по принципу пропозиции – путем конструирования потенциальных, ситуативных слов, близких к окказионализмам: щипкая, шлепкая, хлопкая, капкая, дрожкая (по аналогии с уже имеющимися определениями с тем же суффиксом -к: *чуткая, хлипкая, шаткая*):

Короткая ласка // На лестнице тряской [Цветаева 1994 : 3:576]; *Короткая схватка // На лестнице шаткой, // На лестнице падкой* [Цветаева 1994 : 3:576]; *Короткая шутка // На лестнице чуткой, // На лестнице гудкой* [Цветаева 1994 : 3:576*]; От грешного к грешной // На лестнице спешной* [Цветаева 1994 : 3:576]; *Короткая сшибка // На лестнице щипкой, // На лестнице сыпкой – // Как скрипка, как сопка, // Как нотная стопка* [Цветаева 1994 : 3:576]; *Короткая встрепка // На лестнице шлепкой, // На лестнице хлопкой* [Цветаева 1994 : 3:576]; *Владельца в охапку – // По лестнице капкой, // По лестнице хлипкой* [Цветаева 1994 : 3:576]; *Последняя взбежка // По лестнице дрожкой* [Цветаева 1994 : 3:576].

Рефрен с эпитетом короткий, содержащий также короткие слова с суффиксом -к, используется поэтом с целью передать дискретность пространства лестницы, ее прерывистость, опасность, шаткость.

Диалог искусства и природы, искусственного и естественного, – источник творческой интенции. Это отражается в слове, оживляющем неживые вещи. Перед нами перенос с живого дерева на предметы, сотворенные человеком.

Список использованной литературы

Гаспаро, М.Л. «Поэма Воздуха» М.Цветаевой: опыт интерпретации / М.Л. Гаспаров // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1982. – Вып. 576. – С. 122-140.

Кожевникова Н.А. Образная параллель «строение – человек» в русской литературе XIX – XX вв. / Н.А. Кожевникова // Художественный текст: единицы и уровни организации. – Омск: Изд-во Омского университета, 1991. – С. 69-85.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова.– М.: Наука, 2002. – 220 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / М.И. Цветаева; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис – Лак, 1994.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОГО ОБРЯДА В РУССКИХ ГОВОРАХ ЮЖНОГО УРАЛА

О.Р.Семёнова•

Для современного гуманитарного знания характерен повышенный интерес к проблемам народной культуры. В настоящее время уже невозможно зафиксировать многие диалектные слова и устойчивые выражения, которые еще несколько лет назад звучали в речи носителей говора. Диалектная лексика становится памятником духовной жизни народа. Лексика родильно-крестильного обряда занимает особое место, так как, с одной стороны, чрезвычайно архаична, глубоко традиционна, а, с другой стороны, существует в контексте нашей эпохи.

Исследование южноуральских говоров по теме «Родильно-крестильный обряд» показало, что 60– 80% лексем (% колеблется в зависимости от района Челябинской области и типа говора) совпадают с лексикой литературного языка. Это свидетельствует о том, что система данных говоров в высокой степени подверглась влиянию факторов социального развития (всеобщая грамотность, миграция населения, постоянные контакты с городом, информатизация и пр.).

Ориентация на современный лексический состав русских говоров Южного Урала актуализирует вопрос о степени сохранности в них лексики родильно-крестильного обряда. Для выявления механизма речевых изменений в говорах было проведено анкетирование среди представителей всех возрастных групп, следуя принятой социальной дифференциации диалекта: 1) традиционный слой говора – информанты 60 лет и старше, коренные жители (в третьем, четвертом поколении), основные носители говора, безграмотные и малограмотные пенсионеры; 2) средний слой говора – информанты в возрасте 40 – 60 лет (рабочие,

•**Семёнова Ольга Ростиславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

служащие и пенсионеры со средним, среднетехническим и профессионально-техническим образованием); 3) передовой слой говора – информанты в возрасте 10 – 40 лет (школьники, студенты, молодые люди со средним и высшим образованием). В анкете информантам предлагалось указать, во-первых, социологические сведения о себе (Ф.И.О., год рождения, место проживания, образование, вид занятости), во-вторых, значение каждого слова анкеты (из 70 предложенных слов) и то, употребляют ли они это слово в речи в данном значении. В соцопросе участвовало 230 жителей из 14 населенных пунктов Катав-Ивановского, Усть-Катавского, Саткинского, Ашинского, Верхнеуральского и Уйского районов Челябинской области.

На основании наблюдений над речью жителей Южного Урала и результатов анкетирования информантов диалектные слова по характеру их использования делились на активные («знаю и употребляю») и пассивные («знаю, слышал, но не употребляю»). Представим некоторые данные социологического опроса жителей Южного Урала в сводной таблице:

Слово и его значение	Традиционный слой			Средний слой			Передовой слой		
	Акт.	Пас.	н/у	Акт.	Пас.	н/у	Акт.	Пас.	н/у
Повитуха – повивальная бабка		50	50	30	70			90	10
Кока – крестная мать	70	30		50	50		43	45	12
Леля - крестная	12	36	52	50	50		10	80	10
Хрёсна – крестная мать	80	20		100			18	82	
Одно-крестники – дети, крещенные в одной воде	70	30		70	30			90	10
Разрешиться – родить	70	30			80	20		80	10
Омывки – обряд очищения повивальной бабки	43	57		18	60	22			100
Околоток – вещи для новорожденного	50	38	12	20	20	60		10	90
Купеля – сосуд для крещения	100	10		100	30	20	45	50	5
Кубок – сосуд для крещения	70	30		32	18	52		7	93
Крестильник – застолье при крещении	80	15	5	24	70	16	25	60	15

В лексике родильно-крестильного обряда можно выделить три основные тематические группы: лексика, обозначающая название обрядов и торжеств

(22%); лексика, обозначающая участников обряда (48%); лексика, обозначающая названия предметов и действий, связанных с обрядом (30%).

Современный родильно-крестильный обряд утратил в своей структуре дородовый и родовый периоды, поскольку роды в настоящее время проходят не дома, а в специальных медицинских учреждениях, что привело к изъятию диалектных слов, связанных с родильным обрядом, из живого употребления и их дальнейшему забвению. Среди устаревшей лексики выделяются такие слова: *перерод*– обряд символического повторного рождения ребёнка, *околоток* – вещи для новорожденного, *положок* – пеленка и другие.

Обязательным условием возвращения женщины к прежней жизни было прохождение очистительных обрядов, которые проводились обычно на девятый день после родов. На Южном Урале, по словам очевидцев, специального обряда «размывания рук» не существовало: чаще очищение совпадало с послеродовой баней. Об этом обряде свидетельствуют только сохранившиеся в пассивном запасе носителей традиционного слоя говора диалектизмы *размывки* и *омывки* (таблица наглядно демонстрирует ступенеобразное исчезновение лексемы *омывки* из языка носителей говора). Обряды, связанные с принятием младенца обществом, до настоящего времени сопровождаются широкой гласностью. На *крестины, крестильник*, *родины*/ *мянины* (день рождения) приглашаются родственники и знакомые, которые приходят с подарками для младенца (*приданое* в значении «вещи для новорожденного» употребляется в речи традиционного и среднего слоев говора). Отсутствие в литературном языке адекватных эквивалентов для обозначения реалий, например, «*годище*» – праздник первого года и «*на зубок*» – застолье, на котором отмечают прорезывание первого зуба, продлевают жизнь диалектного слова при наличии устойчивых традиций в говоре.

Крестины (фонетический вариант *–кстины*) как православный обряд введения новорожденного в христианскую общину получил в последнее время «второе рождение».

Слово *повитуха* – женщина, занимавшаяся оказанием помощи при родах, в Толковом словаре имеет помету «разг. устаревш.» [СРЯ 1987:160]. В сельской местности старухи «ходили *бабить»,* т.е. принимать роды [СРНГ: 20]. Повивальную бабку на Южном Урале чаще называли просто *бабушка/ баушка,* поэтому 50% носителей традиционного слояв своей речи не использовали слово *повитуха,* а у 50% информантов старшего возраста данное словонаходится в пассивном запасе. Таким образом, слово *повитуха* возвращается в речевой обиход через письменную книжную речь.

Тело роженицы в народной культуре уподобляется оболочке, внутри которой находится плод (ср. *пустышка, бесплодица*– женщина, не способная рожать), а сами роды в говорах описываются как развязывание – уничтожение

оболочки, на что указывает семантическая мотивировка ряда обозначений родов: *разрешиться, разродиться.*

В русской традиционной культуре рождение человека – это великое таинство и воплощение Божьего замысла: «Бог дал, Бог взял», «Божья прибыль», «Дети – благодать Божья». Мотив сакрализации образа новорожденного в говорах присутствует в слове *дареный* (ср.: Богоданное дитя, дар Бога).В русских говорах Южного Урала единственного в семье ребёнка называют *божатко*. В Словаре русских народных говоров приводятся формы *божат/ божатка/ божатко*, известные в основном в диалектах северного наречия, но с иным значением: крестный отец или крестная мать; названые родители; человек, воспитывающий приемных или незаконнорожденных детей [СРНГ: 61].

Повивальная бабка *–баушка* принятых ею детей величала как *внук*/ *внучка* (*90%* говоров Южного Урала)*, деточки* (*40%*), *прибыль* (*7%*), *приплод* (*3%*). Данные слова продолжают бытовать в исследуемых говорах, но с другим значением.

В русских говорах Южного Урала распространено несколько названий для новорожденного, характеризующих его с разных сторон: *новинка, сосун, грудник.* Номинации для детализации младенца зафиксированы в активном употреблении у 70% носителей традиционного слоя и 34% – среднего слоя. Многозначность диалектизма, его омонимия с формами литературного языка препятствуют закреплению диалектного слова в речи представителей передового слоя говора.

Языческие представления о связи детей с растениями отражают такие номинации, как *первоцвет, початок* – первый ребенок. Данные слова встречаются в речи традиционного слоя говора.

Внебрачные дети считались большим грехом. На Южном Урале в речи традиционного и среднего слоев говора сохранились номинации незаконнорожденных детей, демонстрирующие отрицательное отношение к добрачным связям: *быстрюк, байструк/бастрык/бастрюк, заугольник, крапивник, рябинник.* Первое название указывает на непозволительную быстроту и спешность действий, нарушающих как церковные нормы, так и народные традиции. Слова б*айструк/бастрык/бастрюк* отмечены преимущественно в южных говорах и воровских жаргонах. Они находят соответствие в украинском языке *байстрюк*, *байструк* и в польском *baster,bastrak*. Помнению М.Фасмера, *бастрык*/ *бастрюк* в русских говорах являются заимствованием из украинского языка, в который вошло из немецкого языка: *bastard* [Фасмер 1986:132].

Заугольник подчеркивает негативное отношение к рождению и зачатию ребенка вне законного места согласно принятых обществом норм. К*рапивник* и *рябинник* можно отнести к лексическим единицам, «выражающим понятия, которые играют организующую роль в ценностной картине мира» [Березович2007: 241]. Крапива и рябина, с одной стороны, выступают как обереги от нечистой

силы, а, с другой стороны, они связаны с любовной сферой. Символика крапивы в фольклоре и обрядности обусловлена ее главным признаком – жгучестью. У южных славян крапива – это квинтэссенция жаркой любви, у восточных и западных славян – метафора любви незаконной [Колосова 2003: 7]. Рябина в русском фольклоре ассоциируется с тонким беззащитным деревом, обладающим сильным характером. Образ рябины метафорически раскрывает тему страдания (горькие ягоды рябины), рябина знаменует и встречу с любимым.

В крестильном обряде большую роль играют восприемники. В русских говорах Южного Урала для обозначения крестных родителей зафиксированы такие названия, как *крёстный/хрёстный, крёстная/хрёстная, кока, лёля. Н*оминации *хрёстный, хрёстная* отражают народное религиозное мировоззрение. Они соотносятся по значению с существительным крест, котороесимволически связано с предметом христианского культа. Образность слова *кока* основана на концептуальной для мировой культуры семантической связи «яйцо – жизнь». Образ мирового (космического) яйца можно обнаружить в большинстве мифологических традиций [Жюльен 2000: 493]. В церковнославянском языке *леля* означало ‘тетка’, однако у восточных славян известен и мифологический персонаж –Леля (Ляля), который, как считают исследователи, возник под влиянием православия и христианизации [Фасмер 1986: 479]. *Н*оминации *хрёстный, хрёстная, кока* преобладают в горнозаводских районах Челябинской области. Современные междиалектные контакты и миграционные процессы на территории региона приводят к расширению ареала слова *леля* в значениикрестная мать (см. выше данные таблицы). Органичность переплетения элементов православия и дохристианских верований в обрядовом тексте свидетельствует об адаптационных возможностях народной культуры.

Можно выделить следующие группы слов с точки зрения их активного/пассивного функционирования в разных слоях говора: лексемы, имеющие высокий диапазон степени употребления по региону (95 – 55%) во всех слоях говора (*лёля* – крёстная); лексемы, иллюстрирующие ступенеобразный выход из системы говора, т.е. уменьшение диапазона степени употребления слова от традиционного слоя говора к передовому слою (*однокупельники*– дети, крещенные в один день –70% – 50 % – 25 %); лексемы, активно употребляющиеся носителями традиционного слоя говора (*безродица*– женщина, не способная рожать).

Таким образом, изучение социальной дифференциации диалектной лексики необходимо для понимания процессов, протекающих в современных лексических системах южноуральских говоров.

Список использованной литературы

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович; отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

Жюльен Н. Словарь символов, пер. с фр. / Надя Жюльен. – М.: Урал Л.Т.Д., 2000. – 512 с.

Колосова В.Б. Лексика и символика народной ботаники восточных славян (на общеславянском фоне). Этнолингвистический аспект**:** автореф. дис. … канд. филолог. наук/ В.Б. Колосова. – М., 2003. – 23 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1-41 / под. ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; Институт лингвистических исследований РАН. – М.; Л.-СПб.: Наука, 1965-2007.

Словарь русского языка. В 4-х т./ под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР; Ин-т рус. яз. – М.: Русский язык, 1985-1988.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986-1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Харченко Е.В. (*Челябинск*) Пользы от нас никакой? Размышление о судьбе филологии 3

История языка как основа современного лингвистического знания
Лингвистическое источниковедение

Глинкина Л.А. (*Челябинск*) Изучение языковой ситуации на Южном Урале и в Зауралье в синхронно-диахронном аспекте 7
Выхрыстюк М.С. (*Тобольск*) Устойчивые формулы речевого этикета документов первой половины XVIII века (по данным архива г. Тобольска) . 14
Гаева Е.В. (*Курган*) Посмертная правка произведений Н.С. Лескова 19
Глинкина Л.А. (*Челябинск*) На заметку начинающему филологу об информативности и дезинформации в книгах о языке 25
Уланов А.В. (*Омск*) Трансформация понятийных оппозиций в структуре русского военного дискурса: диахронический аспект 32
Черемных К.Г. (*Челябинск*) Частеречная принадлежность лексемы «сам» в контексте диахронического подхода..... 38
Шушарина И.А. (*Курган*) «Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski» как источник изучения истории польского языка 43
Хворова О.В. Современные подходы к описанию русского документа: текстовое нормирование 49
Юнаковская А.А. (*Омск*) Лингвистические источники как основа изучения регионолекта (на материале Среднего Прииртышья)..... 52

Когнитивный, лингвокультурологический и аксиологический аспекты филологии

Адаева О.Б. (*Челябинск*) Лингводидактический дискурс: К определению понятия 60
Габдуллина А.Х. (*Челябинск*) Лексические заимствования из японского языка: Лингвокультурологические факторы и причины 65
Голованова Е.И. (*Челябинск*) Когнитивная обусловленность фразеологической номинации в терминологии 69
Григорьева О.К. (*Волгоградская обл., Волжский*) Эволюция концептосферы в английской загадке 74
Маркова Е.М. (*Москва*) Представления о глупце в славянской языковой картине мира 78

Пименова М.В. (*Кемерово*) Ментальность нарда сквозь призму концептуальных исследований 85
Селеменева О.А. (*Липецкая обл., Елец*) Состояния природы, проявляемые цветом в русской языковой картине мира 93
Сироткина Т.А. (*Tyance*) Национальный человек в системе ценностей носителей языка 98
Шепетовская А.Л. (*Тула*) Культурно-исторические основы концепта «странничество» в русской и английской концептосферах 103
Юдина Т.А. (*Оренбург*) Лексическая экспликация концепта «Оренбург» в художественных произведениях XIX – XX вв. 109

Язык в коммуникативном пространстве

Басовская Е.Н. (*Москва*) Шум и ярость: Коммуникативное пространство современного публицистического текста 114
Гагарина Е.Ю. (*Астрахань*) Компьютерная коммуникация как часть коммуникативного пространства 119
Жигунова О.М., Шамсутдинова Е.Ю. (*Москва*) Использование паралингвистических средств в целях формирования коммуникативной компетенции у студентов, изучающих русский язык 122
Зёмка К. А., Шушарина И.А. (*Курган*) Звукоподражания и междометия как основа комикса, адресованного школьнику 126
Кувалина С.С. (*Курган*) Речевые средства выразительности в современных СМИ 131
Курносова А.С. (*Челябинск*) Функционирование специальных единиц в рекламных текстах космических средств 135
Мокина А.С., Ротанова Н.М. (*Курган*) Прагматические особенности прецедентных текстов в рекламе 138
Ротанова Н.М., Иванова В.А. (*Курган*) Языковые маркеры манипулятивного речевого воздействия (на материале предвыборной кампании в Курганской области) 144
Рычкова Т.А. (*Мурманск*) Словосочетания, называющие общественно-политические ритуальные действия 152
Фёдорова К.Л. (*Курган*) Метеонимная лексика в публицистическом тексте (на примере СМИ Курганской области) 156

Язык как система

Вязовик Т.П. (*Санкт-Петербург*) Местоимения как «особая» группа слов в ряду знаменательных частей речи 160

Злобина И.С., Уткина Н.В. (*Киров*) Лексико-семантическая характеристика немецкоязычных заимствований в английском языке 165
Косова В.А. (*Казань*) Словообразовательная категория глагола и способ глагольного действия: соотношение понятий 170
Куныгина О.В. (*Челябинск*) Роль дискурса в формировании семантики фразеочастиц русского языка..... 175
Савельева О.С. (*Челябинск*) Облигаторные свойства категории предметности в современном русском языке..... 179
Суровцева С.И. (*Челябинск*) Значение темпоральности предлогов (на базе русского и французского языков) 184
Усачева Н.Б. (*Курган*) Абстрактивация семантики процессуальных фразеологизмов..... 188

Языковая организация текста

Анисимова И.Н. (*Челябинск*) О глаголах со значением цвета в пейзажных описаниях..... 193
Голованов И.А. (*Челябинск*) Мифо-фольклорная образность как идиостилевая черта А.Платонова 196
Иванова Е.Е., Вершинина А.А. (*Курган*) Индивидуальные смыслы слов в языке поэзии С.А. Есенина 201
Иванова Е.Е. (*Курган*) Историческая стилизация в повести И.А. Шмелёва «Лето Господне» 209
Кувшинникова О.А. (*Республика Казахстан, Усть-Каменогорск*) Особенности языковой организации антропологического пространства лирического эссе Татьяны Толстой «Лилит» 217
Мораш М.М. (*Казань*) Семантические преобразования субстантов, обозначающих временные отрезки, в художественном дискурсе В. Набокова . 222
Николаева В.Л. (*Челябинская обл., Кыштым*) Семантика и валентность многозначных фразеологических единиц в трилогии Е. Фёдорова «Каменный пояс» 226
Першукова С.В. (*Москва*) Соматизм *глаза* как средство создания образов представителей живой природы в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»..... 228
Петрович М.А. (*Пермь*) Генеративный потенциал общекультурных символов в романе В. Андоновского «Ведьма»..... 233
Пугачева О.В. (*Брянск*) О специфике организации текста эссе (жанр и стиль) 239
Ротанова Н.М. (*Курган*) Вербализация концепта обиды в рассказе В.М. Шукшина «Обида»..... 245

Ротанова Н.М. (*Курган*) Оценочные коннотации цветообозначений в пейзажах И.А.Бунина (на примере ахроматических тонов) 253
Черницына С.А. (*Курган*) Интертекстуальность как стилеобразующее средство в творчестве М.И. Веллера (на материале сборника «Легенды Арбата»)..... 259
Щурова И.В. (*Курган*) Эпитеты и их стилистические функции в сборнике рассказов Л. Улицкой «Люди нашего царя» 264
Щурова И.В., Федулова М.А. (*Курган*) Стилистический приём нарушения лексической сочетаемости в книге Людмилы Петрушевской «Город света»..... 270
Бушев А.Б. (*Тверь*) Имплицируемое в тексте 276
Губанов С.А. (*Самара*) Категоризация эмоций М. Цветаевой (эпитет и пропозиция)..... 281
Семёнова О.Р. (*Челябинск*) Социальная дифференциация лексики родильно-крестильного обряда в русских говорах Южного Урала..... 285

Содержание 291

Научное издание

Филологические знания на современном этапе

Сборник статей участников I Всероссийской научной конференции
Курган, 1-2 февраля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано к печати	Формат 60*84 1/16	Бумага тип № 1
Печать трафаретная	Усл. п.л. 18,38	Уч. изд. л. 18,38
Заказ №	Тираж 100 экз.	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.